

ПИТ
ЭРАИ

КАМЕНЬ
АПОКАЛИПСИСА

ПИТ ЭРАИ

Судите – и да судимы будете!

КАМЕНЬ АПОКАЛИПСИСА

Обычный камень?

Нет. Бесценный артефакт, побывавший в руках Спасителя. Артефакт, вот уже две тысячи лет странствующий по свету, словно в поисках идеально честного судьи, который, согласно легенде, обретет благодаря ему силу самого Христа!

Мистическая сказка?

Но почему тогда на ладони судьи Эвана Спенсера, получившего камень в наследство от коллеги, выступает странный стигмат?

И какая сверхъестественная сила теперь помогает ему найти настоящего виновника в деле об убийстве девочки-подростка, за которое вот-вот осудят невиновного?

Возможно, истину знает лишь один человек — старик священник, посвятивший всю свою жизнь изучению реликвий христианства...

Пит Эрли

Камень Апокалипсиса

Посвящается Патти Мишель, верившей, что я сумею

Основные действующие лица

Лестер Тидвелл Амиль, рэпер и подозреваемый в убийстве
Франк Арнольд, компьютерный вундеркинд зрелого возраста
Максин Арнольд, мать убиенной отроковицы
Тейлор Колдуэлл, генпрокурор штата Виргиния
Патти Делани, адвокат
Преподобный Дино Анджело Грассо, доктор богословия
Чарлз Макдоналд, сыщик в отставке
Эван Леру Спенсер, окружной судья штата Виргиния
Мелисса Ван-ден-Вендер, великосветская львица

Часть первая ПРОКЛЯТЫЙ

«...и дам ему белый камень и на камне написанное новое имя, которого никто не знает, кроме того, кто получает».

Откровение Иоанна Богослова, 2, 17

ЛАС-ВЕГАС, ШТАТ НЕВАДА

Патрик Макферсон разглядывал свою «руку»: десятка пик и семерка треф, итого семнадцать. На кон в блэкджек он поставил тысячу долларов. Открытая карта дилера показывала десятку червей.

— Думаю, лицом вниз у вас лежит фигура, — сказал ему Макферсон. — Получается двадцать. Стало быть, выиграть я смогу, когда вытяну четверку.

Игрок справа фыркнул. Расклад далеко не в пользу Макферсона. Все шансы за то, что с третьей попытки он сядет в лужу. И все-таки Патрик поскреб пальцами по столу, давая понять, что хочет еще. Хлестким движением кисти дилер выбросил очередную карту из красного пластикового чехла и перевернул ее рубашкой вниз. Четверка. «Очко».

— Черт возьми! Откуда вы знали? — возмутилась сидевшая слева дородная матрона.

Макферсон доверительно наклонился к ее щеке и — следуя законам физики — уперся глазами во внушительную складку над декольте. (*Интересно, отчего домохозяйки из Де-Мойна наряжаются шлюхами, когда попадают в Лас-Вегас? — задался он праздным вопросом.*)

— Мне открыто будущее, — прошептал Патрик. — Вот вы сейчас возьмете еще одну, и будет перебор, потому что выпадет дама.

Женщина бросила озадаченный взгляд на свои карты и вновь повернула лицо к Патрику. Шестнадцать. Действительно, набор неважный. (*Он что, шутит? Никому не дано видеть будущее!*) Решив не обращать внимания на пророчество, она попросила карту. Дама. Проигрыш, как и было предсказано. Впрочем, женщина не стала поднимать скандал. Она подозревала, что Патрик жульничает или виртуозно ведет счет, а потому надеялась, что рано или поздно он потеряет бдительность и его секрет раскроется.

— Вы, наверное, много играете в блэкджек? — осторожно поинтересовалась она.

— Нет, — ответил Макферсон, — впервые.

Толстушка склонила голову, делая вид, что лезет в сумочку за сигаретами, и внимательно ощупала взглядом его левую ладонь, которую он до сих пор упорно держал под столешницей.

— Что это?! — вдруг взвизгнула она. — Ведь у вас кровь!

Дилер замер. Все уставились на Патрика.

— Нет, — тихо ответил он. — Это просто родимое пятно. Хотя действительно иногда его принимают за кровь. — Он спрятал подозрительную ладонь в карман, а правой рукой придвинул все свои фишки к женщине. — Берите, они ваши.

— Здесь же двадцать тысяч! — пискнула та. — О Боже мой! Боже мой!

Макферсон встал из-за стола и скорым шагом направился к выходу вдоль шеренги звякающих игровых автоматов. (*Как можно сокрыть убийство? Сохранена ли тайна? Впрочем, стоит ли волноваться об этом теперь? Один Бог ведает... Вердикт уже вынесен. Спасения нет. Не жди ни помилования, ни отсрочки в последнюю минуту. Библия недвусмысленно дает понять, чего Он хочет. «Езжай немедленно, — говорит Писание. — Езжай в Содом и Гоморру, езжай в гнездилища великого греха и разврата...»*)

— Простите... — вывел из задумчивости женский голос. — Посыльный из «Федерал экспресс» уже забрал ваш пакет. Доставка завтра, в первой половине дня. Могу ли я помочь еще чем-нибудь?

— Нет, — ответил он, протягивая пятерку. Для работника гостиницы дежурная не сделала ничего особенного, но в Лас-Вегасе принято раздавать чаевые всем подряд. *(Да и не важно. Деньги уже не играют роли...)*

Макферсон подошел к лифту. Во всяком случае, в любом другом отеле Лас-Вегаса это сооружение назвали бы лифтом. В «Луксоре» же его именовали «инклинатором», а все потому, что сей отель был построен по подобию египетской пирамиды. Вдоль ее ребер, словно фуникулеры, под углом 39 градусов ходили четыре таких инклинатора. Архитектура увеселений. Можно было остановиться в гостинице-казино «Нью-Йорк — Нью-Йорк» построенной в стиле небоскребов Манхэттена, или в «Париже», рядом с этим отелем стояла миниатюрная копия Эйфелевой башни. Но лучше всего его интересам отвечал как раз пустотелый тетраэдр «Луксора». Сегодняшний завтрак он съел в кафе «Пирамида», а из подложенного под тарелку рекламного листка узнал, что главный банкетный зал «Луксора» по своим размерам занимает первое место в мире. Он до того громаден, что в нем с успехом разместились бы девять «Боингов-747», поставленных друг на друга. Словом, то что надо.

Макферсон нажал кнопку двадцать восьмого этажа, но в последний момент в кабинку ворвались две супружеские пары с оравой детишек. Самодельные шорты из обрезанных джинсов; канареечные футболки, обтягивающие подернутую жирком молочно-белую плоть; оранжевые сумки-набрюшники, побрякивающие при каждом шаге; майка с надписью «Сам дурак!». Стиснутый со всех сторон, Макферсон слушал пуганый, грамматически изнасилованный лепет. Слова колокольным гулом отдавались в ушах. На гарвардском юрфаке он отполировал один любопытный навык: если сосредоточиться, то внутренним взором удавалось буквально увидеть чужие высказывания. Со всеми знаками препинания. Изрядная помощь на судебных слушаниях... в инклинаторе это сводило с ума.

Бессмысленные жизни. Мелкие мечты. Нули, бредущие в никуда. Транжиры сезона отпусков с бюджетом в три сотни мучительно скопленных долларов под азартные игры... Сам Макферсон был другим. Он всегда был другим. Третий сын Альфреда Камберленда Макферсона и Алисы Хейворт из Стамфорда, штат Коннектикут. Деньги со старыми корнями. Генетический фонд верхнего социального слоя — если угодно, корки — Америки. Впрочем, богачи знают: признать существование такой культурной иерархии — себе дороже. Нет, пусть лучше низкородный плебс верит, будто Америка до сих пор является страной безграничных возможностей, где ничтожный фермер из Джорджии или, скажем, сопьяк, вылупившийся в трейлерном поселке Арканзаса, может стать президентом. Да, конечно, может, но даже после переезда в Белый дом ему не быть одним из своих. Из президентов получается интересное угощение к званому ужину, однако в конце их всегда ждет дверь на выход. Учись сколько влезет, все равно не освоишь социальные нюансы и тонкости, что ведомы Макферсонам и иже с ними. Это у них в крови, в костном мозгу породы. Ни единая душа во всем семействе ни разу не завела с ним разговор просто так. Что бы он ни сказал, все подвергалось придирчивому анализу и по мере возможности использовалось против него. Его манера одеваться или вести себя за обеденным столом, его стиль речи или взгляды, любая его мысль или поступок — все это безжалостно критиковалось полчищами нянек и репетиторов, не говоря уже про братьев, родителей и деда с бабушкой. Что поделаешь, ведь он — Макферсон, и это кое-что значит. Его

требовалось вылететь по правильному шаблону, не то выйдет некондиция. После Гарварда он пришел в одну из самых старых и влиятельных юридических фирм Бостона. Куда же еще? Женился на юнице из равноценной семьи, тоже при деньгах и положении. На ком же еще? И вот сейчас ему сорок девять. Седящие виски придают солидный вид. Жизнь, кажется, удалась. Впрочем, нет, не кажется. Так оно и есть. Жизнь удалась. Абсолютно. Летний дом на Мартас-Вайньярде, апартаменты-студия в Париже, семизначный доход. Он удачно попал в колею, и все бы хорошо, кабы не та посылка, что неожиданно пришла девять месяцев назад. Он тогда еще подумал: «Подарок, наверное». Или, скажем, чья-то шутка. А оказалось, что это начало конца. Причина, по которой он здесь...

Макферсон вылетел из инclinатора, не дожидаясь, пока двери раскроются полностью. (Наконец-то тишина. В голове смолк стрекот пишущей машинки.) Если не считать забытого обслугой столика с горкой невымытых тарелок, лифтовый холл совершенно пуст. Торопливо миновав коридор, Макферсон остановился и, перегнувшись через балконное ограждение (устроенное в половину человеческого роста, чтобы гости ненароком не кувыркнулись вниз), посмотрел в банкетный зал. С этого карниза он мог видеть змейку из киноманов, терпеливо поджидавших своей очереди у входа в кинотеатр «ИМАХ» двадцатью восемью этажами ниже. Другие посетители толкались возле пары верблюдов, точнее, их роботизированных копий в натуральную величину. Компьютерными голосами верблюды пропагандировали удобства и пикантные достоинства «Луксора». Третья категория посетителей напоминала куколок, рассаженных за столиками игрушечного фаст-фудного ресторана.

Макферсон перелез через ограждение, встал каблуками на пятисантиметровый поясok у основания и, придерживаясь заведенными назад руками, наклонился вперед.

Сверток отправлен. Теперь кое-кого другого ждет «подарок». А ему осталось решить последнюю задачу. Время платить за грехи. Искупление.

Вдруг страшно захотелось вспомнить какое-нибудь счастливое событие из жизни. Нечто, о чем он мог бы думать, разжимая пальцы. Это оказалось трудным делом. Но в конце концов получилось.

Стояло лето, и было жарко. Ему едва исполнилось десять. Еще один паренек, Майкл, приехал навестить свою бабушку, и оба семейства решили их познакомить. Мальчики подружались и как-то днем, в нескольких милях от Стамфорда, наткнулись на заброшенный карьер. Раздевшись до трусов, они с неровного, скалистого обрыва ныряли в этот явно бездонный пруд, чья темная прохладная вода заполнила рваную рану, оставшуюся от динамита и экскаваторов. После бесчисленных прыжков мальчики растянулись на горячем камне и, обсыхая под июльским солнцем, повели невинную болтовню о том, чье же ядро дало больше брызг. Это Майкл ему показал, как ныряют «ласточкой». Они по очереди становились на краю и, широко-широко раскинув руки, уходили в полет гигантскими птицами. Макферсон узнал, как надо напрячь мышцы, чтобы правильно сомкнуть ноги, вытянуть пальцы по струнке, запрокинуть голову и, прогнувшись в поясе, смотреть вверх, прямо в слепящее солнце. Он научился выжидать до самой последней секунды — вот-вот он приложится животом о воду! — и в этот критический миг резко сгибался и входил в пруд головой вперед, да так ловко, что худенькое тело подростка едва оставляло за собой ленивую рябь...

Макферсон отпустил перила и полетел. Падая внутрь банкетного зала, он раскинул руки, плотно сомкнул ноги, вытянул пальцы, запрокинул голову, отвел назад плечи и прогнулся в поясе. Молча. Сто килограммов его живого веса ударились о пластиковую

столешницу в паре метров от стойки из полированной нержавеющей стали. Ударился с такой немислимой силой, что тело будто взорвалось изнутри — мозгами, костяной крошкой и кровавыми ошметками забрызгав перепуганных клиентов «Макдоналдса» вместе с их недоеденными бигмаками и жареным картофелем.

Теперь он свободен. Он уплатил по счетам.

ВАШИНГТОН, ОКРУГ КОЛУМБИЯ

Дожив до семидесяти двух лет, преподобный Дино Анджело Грассо определенно внушал достаточно уважения к своим годам и политическим связям в Католическом университете Америки — единственном колледже Соединенных Штатов, чью хартию выдал сам Ватикан, — чтобы не читать вступительных курсов по теологии. Впрочем, доктор Грассо, всемирно признанный эксперт по Ветхому Завету и библейским переводам, сам настоял на том, чтобы в каждом семестре преподавать как минимум по одному предмету начального уровня. Ему нравилось общаться с первокурсниками; он находил их религиозную наивность освежающей, а студенты, в свою очередь, из года в год называли его предмет самым любимым. Вот почему тот факт, что и на этой лекции не было ни единого отсутствующего, нисколько не удивил досточтимого клирика. В теме сегодняшнего занятия стояли чудеса (а если точнее, Мистические Стигматы), и Грассо безошибочно угадал: бывшие ученики дали понять новичкам, что такую лекцию пропускать не стоит.

Человеку постороннему, лишь на время посетившему студгородок, такая популярность могла бы показаться загадочной. С какой стороны ни возьми, доктор Грассо смотрелся просто дико. Во-первых, горб, а во-вторых, лысая тыквообразная голова столь огромного размера, что за него становилось страшно: того и гляди опрокинется. Еще он отличался расплюснутым боксерским носом, удивительным левым глазом (жившим своей жизнью и вращавшимся куда и когда ему хотелось), изрытым оспинами лицом и противоестественно большим числом желтоватых зубов, едва помещавшихся в крошечном рту. И хотя душ он принимал ежедневно, от него постоянно исходил некий пряный запах, а дыхание отдавало луком. Правая нога была на пять сантиметров длиннее левой, да еще и левая рука с рождения сухая. Такое впечатление, что Всевышний решил поэкспериментировать с его телом, дабы выяснить, до какой степени из человека можно сделать инвалида. Тем не менее внутри сей гротескной оболочки помещался блестящий ученый и добросердечный человек, с энтузиазмом встречавший каждую утреннюю зарю.

В прошлом этого священника не имелось ничего, что могло бы оправдать такую жизнерадостность. Его родители были неграмотными рабочими с нищенской окраины Кассино, итальянского городка между Римом и Неаполем. Сам он был десятым по счету ребенком, причем мать, едва успев родить калеку, тут же решила его удавить, потому как знала, что он станет вечным камнем на шее у семьи. Но стоило ей опустить подушку на младенческое лицо, как верх взяла материнская вина. Словом, вместо этого она просто оставила ребенка у входа ближайшего католического монастыря. Выбрала бы она какую-то иную секту францисканцев, ее новорожденного сына отправили бы в один из неапольских приютов, под крылышко монахинь. Однако местное братство считало, что в жизни не бывает случайных совпадений и что всякое деяние спланировано Всевышним, а потому в ненужном родителям ребенку они усмотрели божественное повеление вырастить и воспитать подкидыша, как если бы он был покалеченным, выпавшим из гнезда птенцом.

Юные годы Грассо прошли под строгим надзором монахов. Детство, заполненное кропотливым трудом и вечными молитвами при постоянном одергивании и полном запрете

каких-либо удовольствий. Ту любовь, что выпала на его долю, Грассо нашел в чтении Святого Писания и в своей пылкой вере, что Христу доступно то, что, судя по всему, не дано ни одному человеку: искренне любить маленького Дино. К шести годам он понял, что с рождения оказался нежеланным ребенком, и по ночам, забившись в убогую келью, задавался вопросом, уж не был ли поступок его родителей предопределен изначально, нет ли здесь какого-то Божественного промысла. Оставаясь наедине со своими мыслями, он убедил самого себя, что Всемогущий создал его для некой задачи, что у родителей просто не было выбора. словно пешек, их неисповедимо подвинула длань Господня. И точно так же его физические недостатки были не чем иным, как испытанием, своего рода подготовкой. А раз их такое количество, то — пришел мальчик к заключению — задача, к которой предназначал его Бог, должна быть поистине грандиозной.

Шли годы. Грассо добросовестно готовился и терпеливо ждал, когда же Вседержитель раскроет ему суть той секретной миссии, которую он один способен выполнить. К подростковому возрасту он уже обладал могучим интеллектом. Свободно говорил на пяти языках, читал по-латыни и на греческом. В девятнадцать лет монахи организовали для него переезд в Рим, где он получил должность исследователя при Тайном архиве Ватикана. Идеальное решение по всем статьям: теперь церковь могла пользоваться плодами его блестящего ума, не выставляя на всеобщее обозрение уродство. Запрятанный в чреве архива, Грассо с головой ушел в древние рукописи, да с такой страстью, что порой забывал о времени и не отрывался от манускриптов сутками напролет. Именно в ту пору он овладел арамейским, затем быстро освоил иврит (на тексте Премудростей Бен-Сиры, или Иисуса, сына Сирахова), а затем и прочие древние книги, которые в библейских студиях считаются элементарным введением к пониманию истоков христианства.

В возрасте двадцати одного года Грассо вызвал некоторый переполох среди ватиканских ученых, написав статью, ставящую под сомнение репутацию церкви Святого Антония возле итальянского города Ла-Специя. Сюда столетиями приходили благочестивые пилигримы, чтобы увидеть раку с мощами: крошечный фрагмент кости, якобы от ноги этого святого. Здесь явилась миру чуть ли не сотня чудес, и когда Грассо побывал на месте сам, то увидел ворота, украшенные костылями излеченных инвалидов. Кропотливая работа молодого исследователя показала, что кость принадлежит вовсе не святому Антонию. Выяснилось, что в девятом столетии некий мошенник, выдававший себя за монаха, откопал скелет местного крестьянина и раздробил его кости на мелкие кусочки. Священник Ла-Специи потратил практически все средства своего и без того нищего прихода на покупку святыни и поверил в ее подлинность, узрев чудо через три дня после выставления мощей. Дело было так: в церковь ворвались перепуганные родители, на руках неся своего потерявшего сознание сына. Оказывается, ребенок ковырялся на поле и вдруг упал, содрогаясь в конвульсиях. Родители решили, что он выкопал демона. Сжимая в руках мощи, священник воззвал к святому Антонию с просьбой изгнать нечистого, и спустя буквально пару секунд мальчик пришел в себя, ничего не помня о случившемся. Новость о чудесном изгнании бесовской силы волной прокатилась по Италии, и с каждым пересказом легенда обрастала новыми подробностями.

Исследования Грассо показали, что у ребенка был просто эпилептический припадок. Докладную записку по инстанции направили в комиссию папских прелатов, чья работа заключалась в разборе сообщений о сверхъестественных явлениях. Не прошло и трех лет, как Грассо получил письмо, где комиссия благодарила его за впечатляющее научное

достижение. В частности, в послании говорилось:

Нет богохульства в том, что искренняя вера столетиями служит источником ошибок. Привязанность к мощам, как и в случае этой кости, зачастую глубоко укореняется в сердцах крестьянства, и мы не можем просто отмахнуться от них, не вызвав скандала и народных волнений, пусть даже наши исследования доказывают фальшивость некоторых «святынь». Таким образом, имеются все основания, чтобы папский престол и впредь разрешал существование культа ряда сомнительных древних мощей.

Статью Грассо заперли в той секции Тайного архива, где хранились рукописи, считавшиеся неподходящими для публичного распространения.

Молодой ученый не стал жаловаться. Он верил в мудрость папского престола. Впрочем, этот инцидент заставил его задуматься: *сколько еще чудес на поверку являются фальшивыми, сколько еще древних святынь сфабриковано?* К тридцати годам он едва не пережил кризис веры, но тут вмешался Бог. Грассо узрел знак, который стер все его сомнения. Он стал свидетелем чуда.

Пожилой профессор традиционно начинал свою лекцию о Мистических Стигматах с изложения официальной позиции Ватикана в отношении необъяснимых явлений. Дар чуда, по словам церкви, имеет свои истоки в Первом послании святого Павла к коринфянам, где указывается, что Святой Дух награждает экстраординарными способностями избранных верующих. Речь идет об очень редком даре, доступном только крошечной горстке людей, причем почти во всех случаях он служит для того, чтобы такие богоизбранники помогали ближним. В греческом языке эти способности именуется *харизмата*, или, на техническом жаргоне теологии, *gratiae gratis datae* (благодать бескорыстная) в отличие от *gratiae gratum facientes* (благодать во имя личного спасения).

Желая удостовериться, что студенты действительно понимают разницу, Грассо спросил, нет ли у кого вопросов.

Один из слушателей поднял руку.

— Доктор Грассо, может ли грешник или неверующий человек обладать способностью к чуду? Я видел телевизионных проповедников, утверждавших, что в их силах лечить людей, хотя мне совершенно ясно, что все их желания сводятся к деньгам.

Грассо усмехнулся. Именно поэтому-то он и читает лекции. Передает знания от поколения к поколению.

— Вы задали прекрасный вопрос. Более того, ранние отцы церкви горячо его дебатировали. Папский престол учит нас, что благодать — *gratiae gratis datae* — может быть дарована Всевышним как верующим, так и неверующим, хотя последний случай чрезвычайно редок. Это означает, что даже грешники могут творить чудеса — да-да, они могут обладать сверхъестественными способностями, — но только если пользуются ими для помощи другим людям. Никто не волен сотворить подлинное чудо ради демонстрации личной святости. Иначе это было бы обманом и нарушением священного завета перед Богом.

— И что получается? — Явно запутавшись, студент вновь подал голос. — Так могут телепроповедники лечить людей или нет?

— Никто из нас не знает, почему Бог выбирает того или иного человека в качестве своего орудия. Но если мы взглянем на ситуацию вокруг телевизионных чудес, то, наверное,

сможем сказать, что же здесь имеет место — Божий промысел или надувательство. С какой целью телепроповедники творят чудеса? Ради вящей славы Господней или же для личного обогащения? Взяли ли они за образец Христа и ведут столь же простую жизнь или, напротив, раскатывают на лимузинах, роскошествуют во дворцах, носят дорогое платье? Если да, то у них общего больше с Барнумом, нежели с нашим Владыкой и Спасителем.

Здесь Грассо сделал паузу, ожидая от студентов смеха и оживления. Увы, похоже, имя Барнума аудитории не знакомо. (*Ой-ой-ой*, — подумал он. — *Стареем, стареем...*)

— Спросите себя, — продолжал профессор, — почему Бог дарует грешнику сверхъестественные способности? Особенно когда есть столь много истинных верующих, жаждущих такого подарка?

Десяток минут Грассо посвятил изложению церковной доктрины чудес и наконец перешел к той самой истории, которую, как ему было известно, студенты с нетерпением ждали.

— Когда я работал в Ватикане, меня — на пару с отцом Петрочелли Зерилли — направили на Сицилию, чтобы расследовать сообщение о Мистических Стигматах, возникших у десятилетней девочки из рыбацкой деревни.

Стигматами, объяснял далее Грассо, называют кровоточащие участки на руках, ступнях, боках или лбах некоторых чрезвычайно набожных христиан. Их появление отмечалось на протяжении многих столетий. Они, можно сказать, копируют те раны, которые получил Иисус Христос, когда его били кнутом, распинали и надевали терновый венец на голову. Одним из первых стигматиков, официально признанных церковью, стал святой Франциск Ассизский, хотя в XIII столетии еще несколько сотен людей заявляли об аналогичных ранах. Церковь обладает как минимум полусотней безупречно задокументированных свидетельств стигматизма, относящихся к девятнадцатому веку.

— Доказанных случаев насчитывается так много, что даже неверующие перестали сомневаться в их существовании и вместо этого попытались найти объяснение, пользуясь методами экспериментальной науки, — сообщил Грассо студентам.

К примеру, в 1901 году парижский врач Пьер Жане надел на ногу одного из стигматиков медный башмак с окошечком, чтобы не дать тому возможности самостоятельно растравлять рану. Ученый сообщил, что хотя до раны теперь никто не мог добраться, она продолжала увеличиваться в размерах.

— Так вот, когда мы прибыли в деревню, — продолжал Грассо, — то нашли девочку настолько ослабевшей, что она уже не могла встать. Осмотрев ее руки и ноги, мы обнаружили следы проколов, словно от гвоздей. По всем признакам, настоящие стигматы. Я-то, впрочем, отнесся к этому скептически и решил, что раны нанесли родители девочки, желая как-то выиграть на всеобщем внимании. Чтобы не дать ей саму себя изувечить, мы перевезли ее в дом местного священника и с этого момента, не отходя ни на шаг, по очереди дежурили у ее постели. Кроме того, мы обработали и перевязали раны, чтобы проверить, не приведет ли элементарная медицинская помощь к залечиванию повреждений.

Грассо сделал небольшую паузу. Глаза всей аудитории были прикованы к его лицу.

— Ни разу мы не оставили ее наедине. Даже пробовали суп, который приносила ей мать, — на случай если туда подмешали некий секретный эликсир. Естественные надобности она справляла за ширмой, причем ступни и ладони все время оставались на виду. Мы дошли до того, что изучали ее кал и мочу, пытаясь найти хоть какое-то научное объяснение. По истечении пяти дней стало совершенно ясно, что ни она сама, ни кто-либо

еще не наносили этих повреждений. Несмотря на наши повязки и визиты местных врачей, раны девочки отказывались затягиваться. Более того, они росли на глазах.

Грассо вновь сделал паузу, на этот раз чтобы перевести дух. В аудитории ни шороха, ни малейшего шевеления. Каждый студент с нетерпением ждал, что же будет дальше.

— На тридцать третьи сутки после появления стигматов девочка впала в транс. Разумеется, нам с отцом Зерилли тут же вспомнилось, что нашему единому Господу и Спасителю Иисусу Христу было тридцать три года, когда его распяли. Девочку затем начало трясти, да так, что мы позвали врача, но и он оказался не в состоянии хоть как-то ее успокоить. Несколько раз он давал ей седативы, причем в таких дозах, что кто угодно погрузился бы в глубокой сон, однако ребенок оставался возбужден и в полном сознании. Мы отчетливо видели, что девочка страдает от крайне мучительных болей и данный факт также согласуется с Мистическими Стигматами. Страдание суть неотделимая и существенная часть этого чуда, поскольку оно проявляется лишь у тех верующих, кто испытывает потрясающую по своей силе жалость и любовь к нашему Господу и Спасителю Иисусу Христу. Стигматик в буквальном смысле переживает Страсти Господни вместе с Ним, он соучаствует в Его муках, душевной боли, печали и — в конечном итоге — в Его смерти. Именно так и должно быть, иначе раны станут выхолощенным символом, реквизитом театральной постановки, чей драматизм только подхлестывает гордыню, если стигматик не переживает подлинных мук смерти...

Грассо, казалось, сам начинал впадать в транс. Он передавал давно минувшие события с такой живостью, словно все происходило прямо сейчас, на его глазах.

— Погрузившись в молитву, я сидел у постели девочки. И тут она вдруг начала описывать последние Христовы дни. Ей предстало видение. Вы, разумеется, должны помнить, что эта девочка, пусть даже благочестивая и искренняя, была совершенно неграмотна. Ей просто не могли быть известны мелкие подробности. Так вот, пока она описывала пытки, которым подвергли Христа, я увидел, как у нее на руках, на лбу и на шее появились новые кровоточащие раны. Когда она сказала, что Его хлещут кнутом, все ее тело стала содрогаться, и при каждом ударе она кричала в голос. Кричала так, что в комнату вбежал перепуганный отец Зерилли. И вот представьте себе картину: мы с ним сидим по обе стороны постели и наблюдаем, как девочка принимает на себя роль Христа. Речь ее перестала носить описательный характер, и вместо этого она начала шептать слова, которые — как нам было известно из занятий библистикой — произносил сам Иисус. Наконец ее хрупкое тельце содрогнулось в последний раз, и легкие извергнули воздух. Отец Зерилли немедленно принялся искать пульс, но девочка была уже мертва.

Естественно, полиция заподозрила неладное, хотя и не решилась нас задержать. Поселковый констебль, сам человек неверующий, потребовал провести судебно-медицинскую экспертизу. Вскрытие показало, что девочка умерла от точно таких же повреждений, какие может вызвать казнь на кресте. Кроме того, выяснилось, что кровь, сочившаяся из ее ран, на поверку оказалась вовсе не кровью, а обычной, пусть даже окрашенной, жидкостью, содержащейся в мягких тканях человека. Но вот в случае нашей девочки эта жидкость каким-то необъяснимым образом выступила на поверхности кожи... По сей день у меня нет научно обоснованных доказательств, что человек способен вызвать стигматы только лишь силой своего воображения, эмоциями или даже страстным желанием. Наблюдения за глубоко религиозными лицами, погруженными в гипноз, не подтвердили способность воспроизводить стигматы, и хотя действительно имеются болезни, которые

приводят к появлению кровавого пота, ни медицинская физиология, ни психиатрия не дают объяснения подобным ранам и их выделениям. У той девочки-подростка ранее не отмечалось ни галлюцинаций, ни эмоциональных всплесков, ни каких-либо психических отклонений. А физического способа, каким бы она могла убить саму себя, вообразив, что ее распяли... такого способа просто не существует. Нет, мои ученики, что-то случилось у нее не с головой, а с душой. Она в буквальном смысле умерла вместе с Христом. Я там был. Я это видел...

Задребезжал звонок. Время подошло к концу, но никто и не подумал шевельнуться.

— Хотя мой мозг не сумел найти рационального объяснения, — сказал Грассо, — в сердце я знал, что стал свидетелем чуда. Но почему? И зачем? Зачем эта девочка пережила страдания и смертную агонию Христа? В чем здесь промысел Божий?

Грассо бросил взгляд на часы, висевшие над выходом.

— Что ж, это мы обсудим позднее, на других занятиях, — сказал он. — А на сегодня лекция закончена.

В аудитории раздался коллективный стон разочарования.

— Впрочем, вот вам еще кое-какая пища для размышлений, — смягчился Грассо. — Какой бы чудовищной ни казалась смерть девочки, я бы с радостью поменялся с ней местами. Увидеть нашего Владыку и Спасителя Иисуса Христа... самому почувствовать Его раны... быть рядом с Ним в момент страшной казни... и умереть вместе... Да, были и агония, и страдания, но в измученном лице этого ребенка я мог прочесть и такую радость, какую не встречал ни до ни после. Она словно узрела лик Господень, и в этот миг я бы отдал все, чтобы оказаться на ее месте...

После рассказа стигматической истории Грассо всегда чувствовал себя разбитым. К тому времени когда он наконец-то преодолел территорию студгородка и дохромал до своего крошечного кабинета, ему уже не хотелось идти в столовую, вместо этого он решил просто вздремнуть. К тому же секретарша, которая не упускала возможности удрать на обеденный перерыв, уже успела испариться. Впрочем, на письменном столе она оставила пачку свежей корреспонденции. По большей части письма: одно приглашение выступить с проповедью, еще приглашение прочесть лекцию... В самом низу стопки находился крупноформатный конверт из плотной желтой бумаги. Адрес отправителя: Следственное управление графства Кларк, г. Лас-Вегас, штат Невада. Хм-м... Никого из Лас-Вегаса Грассо припомнить не смог. Он вскрыл пакет и нашел в нем сопроводительную записку, отпечатанную на машинке, и еще один заклеенный конверт куда меньше размером.

Уважаемый доктор Грассо!

Вы вряд ли меня помните, но двенадцать лет назад я был студентом-теологом в Католическом университете и как-то раз присутствовал на Вашей лекции про девочку с Сицилии. После первого курса университета я перевелся в медицинский колледж. Теперь работаю старшим патологоанатомом здесь, в Лас-Вегасе. Письмо это я пишу потому, что натолкнулся на загадочный случай. Предлагаю Вашему вниманию комплект фотографий. Конверт пришлось запечатать, так как я не знаю, вскрывает ли почту Ваш секретарь, а снимки довольно откровенные.

Суть дела вот в чем. Некий мужчина (имя мы установили: Патрик Макферсон) покончил с собой, спрыгнув с балкона внутрь банкетного зала в одном

из местных казино. Удар при падении был настолько силен, что тело словно взорвалось. Его супруга подтвердила, что Макферсон страдал своего рода психозом. К сожалению, в нашей работе самоубийства встречаются сплошь и рядом. Но когда я осмотрел труп, то на левой руке обнаружил необычную язву. Мне кажется, это стигмата.

Из Вашей лекции я помню, что у стигматиков не всегда выделяется настоящая кровь. По большей части это смесь внутренних жидкостей организма, которые в сочетании дают вещество, похожее на кровь. После неоднократных анализов я убедился, что здесь дела обстоят иначе. Из раны этого мужчины действительно сочилась кровь. У меня нет никакого медицинского объяснения этому факту. Поначалу я было подумал, что он просто обжегся — или даже заклеил самого себя каленым железом, — потому что внешне язва выглядела так, будто человек коснулся чего-то горячего. И тем не менее я не нашел никаких следов рубцовой ткани, свидетельствующих об ожоге или клейме.

Я помню, как Вы рассказывали, что стигматы — своего рода копия Христовых ран. Но у этого мужчины имелось только одно такое ранение. Ничего подобного не было обнаружено ни на правой ладони, ни на ступнях, ни на лбу или боках. Кроме того, как Вы сами можете убедиться, форма язвы на левой руке не соответствует следу, который может оставить гвоздь (см. фото 3-А).

Дознания по этому делу проводить не стали. В глазах моего начальства тут имел место простой случай суицида. Однако я никак не могу выбросить из головы эту необычную язву. Возможно ли, чтобы мужчина страдал от стигматы, не имеющей отношения к Христу? А если нет, то почему у него только одна рана? И почему он покончил с собой, обретя такой дар? Я всегда думал, что стигматики — это глубоко религиозные люди, следующие заветам Христа. Разве церковь не считает самоубийство смертным грехом?

Письмо было подписано доктором Полом Харрисом. Да, доктор Харрис прав. Грассо совершенно его не помнил. Слишком много студентов прошло перед глазами за все эти годы. Грассо вскрыл второй конверт, и на стол скользнула тоненькая пачка фотоснимков. На первом изображена оторванная мужская рука. Рядом с ней кто-то положил складную линейку, а вдоль края фотографии шла надпись: «Правая верхняя конечность до локтя». Впрочем, в этом снимке ничего особенного не было. Зато остальные... Внимание Грассо немедленно привлекло фото 2-А, «левая верхняя конечность до плеча». Здесь рука Макферсона повернута раскрытой ладонью к камере. Отчетливо видна пара ярко-красных полос. Третий снимок, за номером 3-А, был целиком посвящен ладони. Красные полосы внешне походили на кровяные потеки, однако их форма выглядела далеко не случайной. Напротив, своим расположением они напоминали крест. Четвертое фото, сделанное с увеличением, раскрывало дополнительные подробности. На кресте просматриваются контуры человеческого тела. Вооружившись лупой, Грассо принялся изучать снимок. Красные линии настолько детализированы, что на голове распятой фигурки можно разглядеть даже терновый венец. Профессор отложил увеличительное стекло. В жизни ему не приходилось видеть ничего подобного. Что бы это могло значить?

ШАРЛОТТСВИЛЬ, ШТАТ ВИРГИНИЯ

Не было еще и десяти утра, когда посылку из Лас-Вегаса доставили судье Спенсеру прямо в офис, на третий этаж судебного комплекса графства Альбемарль. Имя отправителя ничего не говорило Алисе Джексон, судейскому секретарю, а потому она поручила охраннику отнести пакет на просвечивание рентгеном. Мисс Джексон, которую все называли просто по имени, готовилась отметить пятнадцатую годовщину своей работы в должности старшего делопроизводителя при главном судье графства, и она не собиралась распечатывать посылки из Города Греха, не убедившись заранее, что в них не заложена взрывчатка. Алиса давно уже подозревала, что альбемарльскому суду суждено стать мишенью теракта. За городом Шарлоттсвилль укоренилась репутация столицы, или, если угодно, колыбели демократии. Именно отсюда, с плодородных земель центральной Виргинии, в мир вышли три президента: Томас Джефферсон, Джеймс Медисон и Джеймс Монро. Кто может лучше олицетворять американское правительство, чем эта троица патриотов, сыгравших ключевую роль в укреплении федеральной власти? Будучи активисткой местного Исторического общества, мисс Алиса знала, что и Джефферсон, и Медисон, и Монро когда-то ходили по тем же самым этажам, где теперь ступает и ее нога. А посему хоть кровь из носу, но она приложит все силы, дабы сберечь такое наследие.

Возведенный в 1793 году, Дворец правосудия стоял на отлогом холме Судебной площади, которая в свое время отмечала самый центр города. Несмотря на ряд переделок, здание суда сохранило свой первоначальный, колониальный, облик: краснокирпичный фасад в два этажа и четыре белые ионические колонны, портиком обрамлявшие вход. Тяжелые деревянные двери вели посетителей прямым ходом в огромный зал судебных слушаний с тремя портретами. Джефферсон висел сразу за спиной судьи. Медисон и Монро разглядывали друг друга с противоположных стен. И больше никаких других картин: запрещено.

С потолка, буквально в нескольких шагах от места председательствующего, спускалась цепь с внушительным обручем на конце. Много-много лет назад на крыше повесили колокол, и теперь, дергая за обруч, судья мог оповещать томившиеся на лужайке толпы, что присяжные наконец-то вынесли решение. Впоследствии к старому зданию графство добавило еще одну краснокирпичную пристройку, в подвале которой теперь располагались офисы шерифа и окружного генпрокурора. На первом этаже разместили суд общих сессий, где раздавали штрафы за нарушение ПДД и решали иные мелкие вопросы. На втором этаже, в секретариате графства, желающие могли найти архив свидетельств о браках и разводах, а также прочие записи актов гражданского состояния. А на третьем этаже находился кабинет судьи Спенсера, и именно здесь властвовала мисс Алиса, гранд-дама этой твердыни законопорядка.

У Алисы имелись свои собственные, личные причины трепетно относиться к делам судебной палаты. Ее прапрапрадедушка, Горацио Джексон, окончил жизнь чуть ли не на ступеньках парадного входа. Дело было в Гражданскую войну. Он служил в войсках южан под командованием полковника Джона Мосби, знаменитого Серого Призрака. Как-то раз

Горацио вместе с полковником прибыл в Шарлоттсвилль за провиантом, и тут в город неожиданно нагрянули северяне. Пришлось уносить ноги. Мосби удачно выбрался из переделки, зато Горацио получил смертельную рану. Джексон приходился дальним родственником еще одному южанину, генералу Томасу Джексону, известному под прозвищем Каменная Стена, который на тот момент задавал федеральным войскам кровавую баню в долине Шенандоа, сорвав лавры победителя при Фронт-Рояле и Винчестере. Е наследство от прапрапрадедушки мисс Алисе достался «Лич и Ригдон» 36-го калибра, табельное оружие офицера войск конфедератов. Теперь раритет хранился под стеклом у двери в судейский кабинет вместе с фуражкой Горацио и его кожаным подсумком, где еще оставалось несколько патронов. Помимо этого реликта времен Гражданской войны, возле здания суда имелась также пара каменных монументов, отдающих дань уважения Конфедерации. Сразу у входа на караульном посту стоял солдат-южанин с винтовкой; по обе стороны от бессменного часового разместили пушки, а на западной стороне площади высился монумент покрупнее: генерал Каменная Стена верхом и при параде.

В глазах мисс Алисы это место было подлинной святыней.

Хотя никто из потомков Горацио Джексона так и не стал богатым или знаменитым, мисс Алиса никогда не упускала возможности упомянуть про убитого предка или про личные, пусть и весьма отдаленные, родственные связи с Каменной Стеной. На протяжении ряда лет она умело оперировала этими фактами, чтобы заявить свои права на место в высшем обществе Шарлоттсвиля. К моменту описываемых событий она уже добилась президентского кресла Союза дочерей Конфедерации при графстве Альбемарль, и ее фотографии, сделанные на различных благотворительных мероприятиях, частенько мелькали на страницах местной прессы.

Что же касается судьи Спенсера, то он, можно сказать, унаследовал Алису в качестве нагрузки к новой должности, когда генеральная ассамблея штата Виргиния назначила его председательствующим в 16-й судебный округ. Положа руку на сердце, он с огромным удовольствием отделался бы от своей флаг-секретарши при первом же удобном случае. С другой стороны, Спенсер отлично знал, что пинок под зад сей пронырливой старой деве рикошетом ударит по его карьере, а потому оставил за ней место старшего делопроизводителя, но при этом старался хитро маневрировать, дабы ограничить круг ее полномочий. В свою очередь, мисс Алиса понимала, что сплетни и кривотолки в адрес босса тоже не наживут ей политического капитала, и на публике демонстрировала подчеркнуто корректное поведение, тихонечко выжидая момент, когда удастся-таки подкопаться под руководство. За прошедшие пять лет никто из них так и не смог насолить противной стороне в той степени, как мечталось.

Судья подозревал, что мисс Алиса втайне ревновала к его социальному статусу, что в глазах Спенсера было делом пустым и зряшным. Он даже находил в этом скрытую иронию, коль скоро сам выбился в люди, женившись на деньгах и положении. Его супругой была Офелия Элизабет Виктория Ван-ден-Вендер, представительница одного из самых богатых и старинных семейств штата. Своими корнями Ван-ден-Вендеры восходили к колониальным временам, когда король Георг II пожаловал несколько тысяч акров сэру Эдуарду Ван-ден-Вендеру. К началу Американской революции семейство успело разбогатеть, в основном на табаке и лесоматериалах. Несмотря на политические связи с английской аристократией, сын Эдуарда, Август Ван-ден-Вендер, присоединился к соседям и поспособствовал успеху революционного заговора, а впоследствии изрядно расширил владения и влияние семейства.

Да и вообще, каждый из дальнейших наследников, казалось, обладал волшебной палочкой, и богатства династии многократно приумножались. После Гражданской войны, когда прочие плантаторы-южане разорились, Ван-ден-Вендеры не только выжили, но прямо-таки не на шутку преуспели. Поскольку их состояние по-прежнему находилось целиком в частных руках, никто толком не знал, какими деньгами обладает семья. Надо думать, вполне достаточными, раз три десятка потомков жили с трастовых фондов, не зная печали. Супруга Спенсера, которую все звали Мелисса, была одной из самых юных наследниц.

При первом знакомстве с Мелиссой Спенсер и понятия не имел о ее происхождении. Детство она по большей части провела в Новой Англии, в закрытом интернате для девочек, поэтому как ему, так и ей Шарлоттсвилль был в диковинку, когда они в далеком уже 1972 году попали в этот город, а точнее, в самый знаменитый вуз Виргинии, который большинство жителей штата именуют просто «университет». Мелисса изучала историю искусств, а Спенсер к тому времени уже получил степень бакалавра при Иллинойском университете и теперь поступал на местный юрфак. Мелисса не хотела, чтобы люди знали, что она «та самая Ван-ден-Вендер», и подала документы под девичьей фамилией своей матери, Берроуз, которая к тому же совпадала с фамилией ее любимого автора-иконоборца. В ту пору, как позднее признавалась сама Мелисса, она переживала фазу «антигосударственных увлечений под флагом марихуаны, Джимми Хендрикса, Дженис Джоплин и хиппи». Она была на пять лет моложе Спенсера и не отягощала себя зубрежкой.

Вместе их свела чистая случайность. Соседка Мелиссы по общежитию, на общественных началах ведшая рубрику при студгазете «Кавалер дейли», попросила взять интервью на университетском антивоенном митинге. Мелисса сразу заметила Спенсера, резко выделявшегося из толпы, скандировавшей лозунги против войны во Вьетнаме. Большинство студентов носили футболки, джинсы и сандалии а-ля Христос, в то время как на нем были безупречно наглаженная белая рубашка, брюки со стрелочкой и добротные кожаные туфли-мокасины светло-коричневого цвета, легкие и ноге приятные. Молодой человек обомлел, когда она сунула ему под нос микрофон, откуда вился шнур к громоздкой кассетной магнитоле. Мелиссе приглянулась сама идея вынудить этого стильного типчика на интервью. Одна из причин, по которой он не дал ей от ворот поворот, заключалась в том, что на девушке — прямо на голое тело — была надета обтягивающая белая маечка (размером с носовой платок) с ярко-красным пацифистским символом, вышитым крестиком. Спенсер, выросший в фермерском захолустье Иллинойса, не привык еще видеть женщин без лифчика, и в ходе интервью она пару раз ловила его задумчивый взгляд, устремленный на ее соски, выпиравшие из-под майки. За время коротенькой беседы он успел сообщить, что сам лично против вьетнамской войны, хотя и не одобряет подобных демонстраций. Его отец, ветеран Второй мировой и кадровый офицер ВВС, погиб в одном из тренировочных полетов. Мать Спенсера до сих пор трудилась в почтовом ведомстве, а сам Спенсер искренне верил, что Соединенные Штаты — самая-самая замечательная страна в мире. Его первейшая и наиглавнейшая задача, далее объяснил Спенсер, состоит в получении диплома юриста, а если студенты хотят покончить с войной, то пускай работают через надлежащие политические и законодательные каналы, чтобы изменить систему изнутри.

— Я уверен, — затем присовокупил он, — что сам Томас Джефферсон держался бы моей точки зрения.

Именно это-то высказывание, опубликованное днем позже в студгазете, и вызвало изрядный шум. В любом ином вузе такая ссылка прошла бы незамеченной, однако

Университет Виргинии был основан в 1819 году именно Джефферсоном, и, несмотря на антиправительственную лихорадку, охватившую студгородки страны, в этом университете Джефферсон по-прежнему обладал статусом чуть ли не святого угодника. Причем, как однажды подметил Уильям Говард Тафт, многие жители Шарлоттсвиля упоминают про «мистера Джефферсона» так, словно он находится в соседней комнате.

«Что бы сделал Джефферсон с вьетнамской войной?» — вопрошал газетный заголовок.

За одну ночь Спенсер против своей воли оказался в роли рупора «ответственных правых» и вскоре был втянут в официальную дискуссию, спонсированную ассоциацией студенческого самоуправления Виргинского университета. Его оппонентом выступал один из членов радикального движения «Студенты за демократическое общество», специально прибывший из Филадельфии.

Спенсер всю ночь не смыкал глаз, шлифуя аргументы. Однако его противник от СДО, которого поставили выступать первым, открыл дебаты, скандируя нетленный лозунг «Да катись оно [снято цензурой], такое правительство!». Не прошло и минуты, как пара шарлоттсвилльских полицейских повалили сквернослова на пол. Пока эсдэошника тащили в кутузку, Спенсер изложил свою программную речь.

Тут надо отметить, что с самого начала он был заморожен Мелиссой. Девушка, впрочем, ответных нежных чувств к нему не питала. Скорее она считала его неким «интересным проектом» или даже «курьезной штучкой», а все потому, что он немислимо далеко отстоял от лощеных сынков из состоятельных семейств, к которым она привыкла. Спенсер не обижался. Вместо этого он еще настойчивее повел осаду и к концу первого семестра удивил самого себя, добившись переезда Мелиссы в крошечную квартирку, которую снимал за территорией студгородка.

В ту пору ничто еще не говорило о тайных сокровищах юной наследницы. Рождественские каникулы Спенсер провел, подрабатывая Санта-Клаусом при одном из городских универмагов, чтобы преподнести Мелиссе подарок — музыкальную шкатулку, игравшую хит 67-го года, композицию Леннона «Все, что тебе нужно, — это любовь». Мелисса же одарила его собственноручно нанизанным ожерельем из бусинок, в народе известном как «фенечка». Лишь после того как Спенсер, к вящему изумлению девушки, сломил-таки ее своим «Давай поженимся», она открыла ему подлинное имя. И совсем скоро, не дав Спенсеру опомниться, его повели на экзекуцию в зал заседаний старейшей адвокатской конторы Шарлоттсвиля, «Ван-ден-Вендер и Уайт». На встречу с папой Мелиссы.

В роскошно обставленном конференц-зале молодого человека усадили по одну сторону умопомрачительного стола красного дерева, напротив шести представителей семейства Ван-ден-Вендер, которым ассистировали два старших бухгалтера и три адвоката. Допрос с пристрастием велся более двух часов. Ван-ден-Вендеров интересовало все: академическая успеваемость Спенсера, его детство, родители, семейная генеалогия и хронология, религиозные взгляды, политические воззрения... Они требовали изложить профессиональные и личные устремления юноши и даже обсудили тех девчонок, с которыми он встречался в школьные годы, а по ходу дела наводили справки в толстенном досье, составленном частным сыщиком. После того как Спенсер ответил на вопросы, отец Мелиссы, Август Ван-ден-Вендер Шестой, открытым текстом высказал, на что может рассчитывать амбициозный претендент.

— Черта лысого ты получишь, а не наших денег! — объявил аристократичный папа.

Хотя Спенсера, по-видимому, сочли более-менее приемлемым супружеским материалом, он никогда не сможет стать частью ванденвендерской династии, а уж про доступ к золотым залежам и говорить нечего. Хитрейшие и опытнейшие адвокаты страны позаботятся о том, чтобы Спенсеру не удалось выиграть никакого дела против его будущих родственников или оттяпать себе хоть сколько-нибудь от состояния будущей жены. В случае развода он отправится восвояси, имея при себе лишь то, с чем и пришел в новую семью. Если у них с Мелиссой появятся дети, то их признают правомочными наследниками Ванден-Вендеров, однако лишь в той части, которую унаследует сама Мелисса. И еще. В качестве одного из условий брачного контракта ему придется дать подписку о неразглашении, запрещающую обнародование любых финансовых сделок семейства или выступления с публичными заявлениями, которые «в глазах широкой общественности могут придать порочащую, унижительную или похотливую» окраску имени Ван-ден-Вендер.

На ту пору Эвану Спенсеру было двадцать три года от роду, и он с высокой башни плевал на благородное семейство вкупе с их богатством. Молодой человек подписал все подsunутые ему бумажки (в трех экземплярах каждая) и с дерзко вздернутым подбородком покинул адвокатскую контору. *Кому нужны их деньги?* По юношеской наивности он считал, что им с Мелиссой удастся прожить нормальную жизнь, никаким боком не касаясь влиятельной семьи. Первая ласточка, намекнувшая, что это не так, прилетела в тот же день. Мелисса объявила, что не собирается брать фамилию мужа.

— Сейчас масса женщин оставляет за собой девичью фамилию, — пожалала она плечами. — Да и с чего мне захочется стать какой-то Спенсер?

Его ранние надежды на самостоятельность претерпели окончательное крушение после бракосочетания. Мелисса отказалась покинуть Шарлоттсвилль, а местные фирмы не хотели брать его на работу. Первый вопрос потенциального работодателя всегда был один и тот же: «Отчего вас не взял Ван-ден-Вендер?» Если уж его собственный тесть не дал ему работу, то им с какой стати это делать? Одно время Спенсер подумывал открыть частную адвокатскую практику, но вскоре признал полную тщетность такой идеи. Мелиссин флирт с неизвестностью и бедностью закончился, и она не собиралась жить на скромный бюджет свежееиспеченной семьи. На свадьбу отец подарил ей чистокровного скакуна; содержать такую зверюгу на зарплату начинающего адвоката было просто невысказано. Подарок этот был ловким, расчетливым ходом папаши. Он немедленно предложил, чтобы дочь держала свой собственный, аппетитный банковский счет, дабы и впредь иметь возможность ублажать себя приятными вещичками. Не имея никаких реальных перспектив на работу, Спенсер поджал хвост и отправился трудиться на «Ван-ден-Вендера и Уайта». Впоследствии он превратился в талантливую юриста, но это по-прежнему ничего не значило. Большинство членов адвокатской ассоциации Шарлоттсвиля видели в нем ванденвендерского зятя — и только.

В конечном итоге, хотя и не скоро, Спенсер доказал, на что способен. А потом вмешалась рука судьбы. В 1981 году один из местных федеральных судей попросил Спенсера подменить его на лето. Спенсер поначалу сильно нервничал, однако затем обнаружил, что обладает способностью толковать закон. В рамках двухуровневой судебной системы Виргинии мелкие транспортные нарушения и тяжбы до пятнадцати тысяч долларов решаются в суде общих сессий. Будучи единственным судьей первой инстанции в Шарлоттсвилле, Спенсер разбирался с широким спектром дел: хулиганство, хранение

марихуаны, нападения с нанесением побоев и так далее. Эта работа ему настолько понравилась, что с окончанием лета он дал понять, что был бы заинтересован в постоянной должности.

Местная коллегия адвокатов — порядка двух сотен человек — неформально обсудила его квалификацию и согласилась (правда, не без уговоров и улещиваний со стороны Спенсера) дать ему рекомендацию. Коллегия направила его анкету тем политикам, которые представляли графство Альбемарль при генеральной ассамблее Виргинии в городе Ричмонд. Дальнейшая обработка принесла свои плоды: политиканы передали имя претендента в судейский комитет, и тот официально номинировал Спенсера на голосование всей генеральной ассамблеей. А уж решение этой инстанции оказалось простой формальностью. Спенсер так и не понял, сыграли ли здесь хоть какую-то роль его родственные узы с Августом Ван-ден-Вендером, но сам он гордился тем, что ни разу не попросил тестя подергать за ниточки.

Спенсер незамедлительно (и, если на то пошло, с наслаждением) оборвал все связи с адвокатской конторой «Ван-ден-Вендер и Уайт», а также с теми клубами и социальными организациями, в которые вступают юристы-новички, желая найти там потенциальных клиентов. Он купался в лучах своей новообретенной независимости. На шестой год от инфаркта умер судья выездной сессии округа, и Спенсер пустил словечко, что был бы не прочь занять это место, стоявшее ступенькой выше его текущей должности. Очередной раунд ловких телодвижений, и законодательное собрание назначает Спенсера на судейское место в 16-м округе. Сейчас он отрабатывал уже второй восьмилетний срок, и недавно пятерка судей-коллег выбрала его председательствующим. По практическим меркам закон в Альбемарле и соседних графствах означал Спенсера, и наоборот. Он главенствовал на всех заседаниях с участием присяжных. Лишь одна судебная должность стояла выше его текущего положения: место в составе Верховного суда штата. Попасть в такое кресло — вот в чем состояла конечная задача Спенсера, хотя на данный момент он был вполне удовлетворен. Главное, что Ван-ден-Вендер не держит его на поводке. Его уже не называют зятем Августа Шестого. Он — Эван Спенсер, судья-председатель всего округа.

Если кто-то и сомневался в его беспристрастности и самостоятельности, то все подозрения рассеялись вскоре после назначения на новую должность. В ходе планового аудита один из налоговых инспекторов графства обнаружил, что в ведении гольф-клуба «Фокс ран» числится площадка на двадцать семь лунок, хотя поимущественный налог платится, как если бы этих лунок имелось только восемнадцать. Когда инспектор поднял сумму выплат, руководство клуба взбесилось и подало в суд на апелляцию. Дело слушал судья Спенсер. Август Ван-ден-Вендер Шестой, занимавший пост одного из директоров, хвастливо заявил, что его зять автоматически займет позицию клуба. Не тут-то было. Инцидент задел Августа, причем настолько болезненно, что он развернул закулисную интригу в надежде вычеркнуть Спенсера из реестра игроков. Мелисса, к вящей досаде папы, меланхолично заметила, что мужа никогда и не заносили в официальные списки. Ему разрешали там играть просто оттого, что он на ней женат.

Однако пора вернуться к текущим событиям. Сейчас судья Эван Спенсер не думал ни о своем тесте, ни о жене, ни о тех двадцати трех годах, что они провели в браке. Запахнувшись в черную судейскую мантию, он сидел под портретом Джефферсона в зале слушаний и пытался вообразить, как сорокадвухлетняя (но молодо выглядящая) Патти Делани будет смотреться голенькой. Нельзя сказать, что судья Спенсер частенько баловался ментальным

стриптиз-шоу с участием адвокатов защиты при разборе дел о кражах со взломом. В интимном смысле он всегда был верен Мелиссе, хотя и не мог гарантировать встречного заявления с ее стороны. Он обнаружил, что богатые — в смысле очень богатые — люди зачастую ведут себя так, словно стоят выше общественной морали, связывающей людей обыкновенных. Спенсер лично знал нескольких членов гольф-клуба, которых жены подловили на супружеской неверности. И все же такие случаи редко вели к разводам. Проблемные вопросы решали методом, который Спенсер про себя именовал «автозатычкой». Текущий рыночный тариф за то, чтобы студентка, подрабатывающая в ресторане гольф-клуба, держала язык за зубами, оплачивался натурой в форме серебристого кабриолета «ауди-ТТ». Стоимость улаживания семейного скандала с уязвленной супругой попадала в более высокую ценовую категорию: требовался «лексус» или «мерседес». А вот чем платили их жены за собственную ветреность... Здесь ответ не столь очевиден.

Верность Спенсера в отношении Мелиссы была обусловлена скорее самоуважением, а вовсе не абстрактной приверженностью к пуританской морали. К тому же окружающему судье полагается быть достойным, законопослушным, надежным и мудрым человеком, который не ведет себя на манер распущенного старшекласника...

— Ваша честь! — раздался хриплый голос зампрокурора штата, мистера Чарлза Бейли. Слишком много сигарет и кофе. — Государственный обвинитель готов!

Спенсер повернулся к Патти Делани:

— А защита?

Женщина все еще копалась в стареньком портфеле черной кожи. Что-то у нее не ладилось, и она выглядела взъерошенной.

— А, ну да... То есть да, ваша честь!

Делани совсем недавно открыла адвокатскую практику в Шарлоттсвиле, и в кулуарах суда про нее до сих пор ходили всяческие сплетни. Лишь три месяца назад она переехала из Гранди, где в течение двух лет преподавала в одном из второразрядных юридических колледжей Виргинии. До этого она на пару с мужем подвизалась адвокатом в Балтиморе, штат Мэриленд. Если верить слухам, их браку и совместной деятельности пришел конец, когда Делани неожиданно рано вернулась из командировки и обнаружила супруга в постели с другим мужчиной, строительным рабочим, который — как она сообразила задним числом — необычно долго занимался ремонтом их кухни. Адвокатская ассоциация Шарлоттсвиля вежливо встретила новоприбывшую, хотя среди ветеранов бытовало невысказанное мнение, что графство не нуждается в дополнительных адвокатах, тем более из числа янки. Не говоря уже про янки в юбке. С той поры она успела оформить несколько завещаний, завершила пару-тройку простеньких дел про оспариваемую недвижимость и участвовала в работе общих сессий. Сегодня ей впервые предстояло выступить перед судом присяжных на выездной сессии графства Альбемарль.

Спенсер обратил на Делани внимание вскоре после ее появления в городе. Такую женщину трудно не заметить: огненно-рыжие волосы, зеленые глаза, гладкая, усыпанная веснушками кожа цвета зрелой слоновой кости... В отличие от Мелиссы, которая всегда ходила загорелой, безупречно ухоженной и подтянутой, как фотомодель (что под силу только действительно богатым), Делани нельзя было назвать сногшибательной красавицей. Скорее просто крепкая, здоровая конституция, как у людей, много времени проводящих на свежем воздухе. Спенсер с легкостью мог представить ее играющей в мяч после семейного ужина на День благодарения или разбивающей туристскую палатку где-нибудь на Голубом

хребте. Словом, занятой вещами, которые Мелиссе и в голову бы не пришли. Спенсер подозревал, что адвокат Делани относится к той категории женщин, которые вечно озабочены желанием сбросить пару лишних килограммов, упрямо цепляющихся за бедра.

Впрочем, по-настоящему Делани выделялась вовсе не рыжей шевелюрой или фигурой. Тон задавала ее манера одеваться. Нечто несусветное. В данную минуту на ней был ярко-алый жакет из китайского шелка в стиле миллениум, то есть с драконами, вышитыми золотой нитью. Нижняя часть тела пряталась под черной юбкой из лакированной кожи. Сей гарнитур дополнялся не менее удивительной прической: скрученные узлом волосы, откуда торчали две китайские палочки для еды. Не адвокат защиты, а прямо официантка...

На рассматриваемое дело о взломе Делани назначили с подачи Спенсера. Она и не подозревала, что он специально звонил одному из коллег, который был перед ним в долгу, и предложил ее кандидатуру. Хотя на выездных сессиях гонорар назначенного судом адвоката исчисляется весьма скромной суммой, этот прецедент открывал перед ней двери к уголовному судопроизводству. Спенсер и сам не очень-то понимал, зачем решился ей помочь. Особенно сейчас. Весь вчерашний день угробили на согласование состава присяжных, и причиной столь мучительно затянутого процесса была именно Делани. Она вела себя так, будто на скамье подсудимых сидит сам О-Джей Симпсон. Поначалу ее придиричивое обсуждение кандидатур показалось Спенсеру забавным, но потом верх взяло раздражение.

Клиента Делани звали Руфус Джонсон. Двадцатилетнего парня обвиняли в ограблении магазинчика мужской одежды «Халлманс» при центральном городском универмаге. Стремясь сэкономить время и деньги, прокуратура решила не устраивать суда присяжных и предложила сделку. Если Джонсон сразу признается, обвинитель будет рекомендовать суду трехлетний срок, из которого отсидеть придется только год, остальное зачтут условно. Прямо скажем, подход щедрый, ведь в противном случае Джонсону грозило пять лет. Однако Делани с ходу отвергла предложение зампрокурора Бейли и заявила, что докажет невиновность клиента.

— Расскажите суду, что произошло, когда вы открыли магазин утром двадцать второго марта, — прокаркал Бейли, обращаясь к первому свидетелю обвинения.

— Я увидел, что кто-то проник в подсобку моего магазина, — ответил Крис Халлман. — Окно на улице оказалось выбитым. К счастью для меня, вор не смог открыть стальную дверь между нашим складом и торговым залом. А на складе хранились только картонки с одеждой от прошлого сезона... ну и там... знаете, всякая всячина, которая медленно расходуется. Типа пурпурных сорочек с кружевными манжетами. Французскими.

— Вы можете описать, что было похищено?

— Я передавал в полицию подробный список, хотя он сейчас и не нужен.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, что подсудимый сидит в одной из таких пурпурных сорочек с кружевами. А его коричневые брюки... Да, эти брюки тоже украли с моего склада!

Спенсер было подумал, что Делани выразит протест, однако, как и остальные присутствующие, она отвлеклась, с интересом разглядывая одежду своего клиента.

— Я не вижу, что у него на ногах, — продолжал свидетельствовать Халлман, — но если это кожаные туфли цвета «бычья кровь» с декоративной перфорацией, то он их тоже украл!

Спенсер пригляделся. Разумеется, Джексон сидел именно в таких туфлях.

— Ваша честь, — вскочила с места обескураженная Делани, — вы не позволите

небольшой перерыв на совещание с моим клиентом?

Спенсер дал ей пятнадцать минут, и когда слушание возобновилось, Делани попросила разрешения подойти к судейской кафедре.

— Я переговорила с моим подзащитным, — сказала она, понизив голос. — Обвинение все еще не возражает против сделки... и мы готовы заявить о признании вины и принять трехлетний срок с двумя годами условно...

— Вы же понимаете, мисс Делани, — возразил Спенсер, — что мистер Бейли имеет право только рекомендовать наказание. Решать буду я. И если честно, меня просто подмывает вклеить вашему клиенту пять лет за полнейшую дурость. Он что, в самом деле заявился сюда в ворованной одежде?

Делани сконфуженно откашлялась.

— Ваша честь, мне бы не хотелось говорить что-либо против моего клиента, но... да, насколько я понимаю, это так.

— У него с головой не в порядке?

— Э-э... ваша честь... гм... Боюсь, здесь есть и моя вина, — заморгала Делани. — Я ему посоветовала прийти в чем-то респектабельном... А сейчас он мне сказал, что за всю жизнь из приличной одежды у него были только украденные вещи.

Спенсер еле сдержал улыбку.

— Хорошо, я не возражаю против сделки. Попрошу вас после заседания пожаловать ко мне в кабинет.

За несколько минут Спенсер разделался с формальностями, поблагодарил присяжных, распустил суд и отправился к себе. Он едва успел стянуть судейскую мантию, когда появилась Делани.

— Господин судья, мне очень жаль, что так вышло, поверьте, — начала она с ходу. — Я не хотела зря тратить ваше время. Или портить первое впечатление о себе.

— Да уж, курам на смех, — заявил он. — Надо было с самого начала соглашаться.

— Нет, мне правда очень жаль. Сегодня как с утра не заладилось... Будильник не сработал, в доме горячую воду отключили, еле нашла место для парковки, а потом...

Спенсер досадливо дернул плечом. Он терпеть не мог оправданий и к тому же подозревал, что бедствия составляли неотъемлемую часть ее жизни.

— Мисс Делани, суд — серьезное место для серьезных адвокатов. Могу вас заверить, что я сам очень и очень серьезно отношусь к закону и за мной водится репутация очень и очень серьезного судьи. И хотя сегодняшняя эскапада меня позабавила, впредь подобного балагана я в своем судебном зале видеть не желаю. Я достаточно ясно выразился?

— Да...

— А вот что я желаю видеть в своем судебном зале, — продолжал он, перейдя на отеческий тон, — так это подобающе одетых адвокатов.

— Господин судья, — в ее голосе проскользнули негодующие нотки, — вы хотите сказать, что я неподобающе одета для исполнения своих обязанностей? Что в графстве Альбемарль принят некий доселе неизвестный мне регламент спецодежды для адвокатов?

Спенсер понял, что ступил на тонкий лед.

— Хм-м. Большинство адвокатов-женщин носят более консервативные одеяния, — вывернулся он. — Я просто подумал, что будет уместно об этом упомянуть. Можете идти.

Покидая рабочее место Спенсера, Делани хлопнула за собой дверь.

— Я серьезный судья, это серьезный суд, я хочу, чтобы каждый был серьезным,

серьезным, серьезным... — шептала она себе под нос. — Большинство ходит в серьезной одежде! Может, мне еще бальное платье прикупить? Что за индюк!

Минутой позже Спенсер высунул голову из кабинета.

— Мисс Алиса, сегодня я уйду пораньше, — объявил он.

Стол секретарши стоял напротив двери, и она тут же показала ему пакет, доставленный «Федэксом».

— А я как раз собиралась вам его занести. Бомбу шериф не нашел, но им этот сверток показался странным. Судья, вам булжничник прислали.

— Вы опять за свое?

Вместо ответа Алиса вручила посылку, и Спенсер заглянул внутрь. Действительно, белый округлый камень, размером с кулак взрослого мужчины, завернут в прозрачную пленку.

— Письмо? Записка?

— Нету.

— Кто прислал?

— Патрик Макферсон, — сказала мисс Алиса, справившись по сопроводительному формуляру. — Вы с ним знакомы?

— Положите пакет мне на стол, — ответил Спенсер, не вдаваясь в объяснения. Да и зачем? Вместо этого он вышел в коридор и направился к лестнице.

Патрик Макферсон. Надо же. Сколько лет прошло...

Когда-то Патрика Макферсона прочили Мелиссе в женихи. Из солидной бостонской семьи, при серьезных деньгах. С какой это стати он вдруг решил рассылать булжничники?

Уличный воздух пахнул в лицо осенней свежестью. Желтеют листья. Прохладно, но время надевать куртку еще не пришло. Спенсер бросил взгляд на новенький черный «Ягуар-ХК8» с откидным верхом, что стоял на личной парковке судьи-председателя. Машина обошлась ему в восемьдесят пять тысяч, и каждый цент оправдан. Да иначе и быть не может, когда делаешь подарок самому себе. Тем более с личного банковского счета. Помнится, Мелисса изрядно удивилась. Судьи в Шарлоттсвиле, наставительно заметила она, водят «линкольны», максимум «кадиллаки». Иные особо дерзкие индивиды могут осмелиться на «мерседес», но «ягуар»... Спортивная машина говорит о потворстве личным слабостям, о безответственности или полной потере жизненных ориентиров. Спенсер знал, что жена права. Именно поэтому он пошел на компромисс и заказал черный, а не ярко-красный, карнавальный вариант, который глянулся ему с самого начала. Действительно, черный цвет выглядит несколько более... судейским. Приятно устроившись в кресле с кожаной обивкой, Спенсер включил зажигание и уже подавал назад, как вдруг в зеркале заднего вида мелькнуло нечто синее, взвизгнули тормоза, и он всем телом ощутил, как в машину что-то врезалось. Обернувшись, он увидел самый старый и замызганный «сааб» из всех, что когда-либо встречались ему в жизни. Из «сааба» выскочила Патти Делани.

— Это... это вы?! — залепетала она. — Вы в порядке?

Он даже не знал, что ответить. Пока женщина копалась в сумочке, отыскивая страховой полис, он тупо разглядывал покоруженный задний бампер «ягуара». Подумать только, на спидометре едва пятьдесят миль... Да и ремонт обойдется в кругленькую сумму. Между тем на древнем «саабе» едва проглядывалась пара свежих царапин.

— Ах, Делани, Делани, и что вам неймется? Специально хотите подать себя в невыгодном свете?

— Во-первых, *мисс* Делани, с вашего разрешения, а во-вторых, моя страховая компания оплатит ремонт. Что это вообще за машина?

— «Ягуар». Спортивная. Модель XK8. Очень дорогая спортивная модель.

— Как мило, — ответила она, ничуть не впечатлившись. — Что ж, на то у нас и страховка, правда?

Делани вручила ему свою визитную карточку, написав на ней название страховой компании и номер полиса. Он сунул визитку в карман.

— А вы что же, не хотите сообщить мне свои страховые данные? — спросила она.

— Так ведь меня ударили вы, помните? И потом, на вашей машине одной вмятиной больше, одной меньше — роли не играет.

— Прошу меня извинить, судья Спенсер, но вы подавали назад с очень приличной скоростью, и к тому же я сомневаюсь, что вы могли разглядеть меня из-за вон того джипа по соседству. Как бы то ни было, согласно законам Виргинии, я имею право на такие сведения, так что будьте добры!..

У него с собой не оказалось бумаги, поэтому она дала ему еще одну визитку, и Спенсер на обороте записал свои данные. Дождавшись, когда «сааб» скрылся за поворотом, он выехал на Хай-стрит и уже там с размаху врезал ладонями по рулевому колесу.

— Ну и стерва!

Через несколько минут городская черта осталась позади, и взвинченность понемногу сошла на нет. Он съехал на обочину, вернул откинутую крышу на место и заново осмотрел повреждения. Вообще-то не так уж и страшно. Вырулив на хайвей, Спенсер надавил на газ, и машина рванула вперед. (*Вот оно, ощущение, которого никогда не понять женщинам.*) Мелисса права. У него в самом деле кризис среднего возраста.

Он еще глубже утопил педаль. От окраины Шарлоттсвиля до Голубого хребта совсем не далеко. Очень скоро появятся владения четы Спенсеров. А пока что он пройдет все повороты так быстро, насколько осмелится...

Мелисса получила права на здешнее имение в качестве подарка на первую годовщину свадьбы. Что и говорить, особняк внушительный. Семь тысяч квадратных футов. Шесть спален. Построенный еще в 1856 году, он стоял на тысяче акров благодатных угодий. Море луговых цветов, три горных ручья и мили строевого леса. Твердолиственная древесина высшей категории.

Главная усадьба была выполнена в традиционном колониальном стиле: красный кирпич, круглая подъездная площадка и высокий портик на четырех белых колоннах, защищавший гостей от прихотей погоды. Вдоль парадного входа шла линейка ступенек из щербатого известняка. Впрочем, сейчас они вели в никуда, просто росли себе из земли, и все. Рудимент давно минувшей эпохи, когда люди пользовались тягловым скотом. Экипажи подкатывали к этим ступенькам, чтобы элегантные гости могли пройти в дом, не замызгав себя грязью.

Став хозяйкой, Мелисса внесла немало изменений. К дому добавили бассейн, джакузи на открытом воздухе, крытую купальню, теннисный корт, гостевой коттедж и домик для прислуги. Среди прочих удобств четырехместный гараж, мастерская и основательная конюшня, способная разместить с десяток голов. Все пристройки и переделки Мелисса оплатила из личных средств.

Практически до последних десятилетий поместье Ван-ден-Вендеров служило в качестве рабочей фермы, так что сам особняк, хоть и вместительный, не отличался богатством

украшений. В нем не было витиеватости, столь характерной для загородных резиденций Вандербильдов и Бельмонтов. Традиции, конечно, вещь преходящая, но в Виргинии благосостояние человека до сих пор измеряется не размером его семейного замка, а числом земельных акров и качеством лошадей. Именно это определяет его социальное положение. Мелисса обожала чистокровных рысаков и держала их целую шестерку, включая трехлетнего жеребца, отпрыска победителя Кентуккских скачек 1998 года. Своего любимца она назвала Маленьким Громом и с ним почти не расставалась. Вот и сейчас, въезжая под чугунную арку ворот, Спенсер увидел Мелиссу верхом. Он посигналил, и жена подарила ему насмешливо-задиристый взгляд. В ответ Спенсер поддал газу и, когда из-под задних колес вылетела пулеметная очередь голубовато-серого щебня, тут же ударил по тормозам. Мелисса приняла вызов, подвела жеребца поближе и сразу же, без предупреждения, послала коня в карьер. Из чисто спортивного интереса и отлично зная, что «ягуар» за семнадцать секунд способен набрать сто миль в час, Спенсер неторопливо досчитал до двадцати и лишь затем вдавил акселератор. Полированный болид немедленно оставил позади взмыленные бока Маленького Грома. Конь, впрочем, не собирался сдаваться и, подстегиваемый Мелиссой, рвался вперед. Спенсер же сбросил скорость, сознательно позволяя сопернице обойти себя, однако у въезда на круглую площадку перед домом он утопил педаль газа и, описав красивую дугу, остановился.

— Мужчина всегда впереди! — ликующе провозгласил он.

Оставив его слова без комментариев, Мелисса повернула жеребца в сторону конюшни.

— Что, победитель останется без приза? — крикнул Спенсер ей вслед.

— Отправляйся в душ, — прозвучал приказ.

Такой ответ мог обещать как соблазнительный вечер, так и ледяной прием. Спенсер понятия не имел, к чему готовиться. Зайдя в ванную, он вымылся и, обтираясь полотенцем, оглядел себя в зеркале. Втянул живот и принял позу циркового силача. Метр восемьдесят при восьмидесяти двух килограммах. Атлетом его не назовешь, однако для сорокашестилетнего мужчины Спенсер выглядел недурно.

Он лег нагишом на постель и принялся ждать. Минут через двадцать появилась Мелисса, красная и вспотевшая после ухода за жеребцом. Увидев голого мужа, она прикрыла за собой дверь и состроила испуганную мину.

— Боже мой, — скромно потупив взор, пролепетала она. — Кто-то проник в мою спальню...

Вот уже несколько лет, как Мелисса придумала оживлять их интимные отношения играми. Ей нравилось воображать себя кем-то еще: то старшеклассницей из группы поддержки, которую вот-вот лишит девственности капитан футбольной команды, то горничной, застигнутой похотливым барином, то еще кем-то...

— Умоляю, берите все, что хотите, — добавила она, — только не насилуйте!

У Спенсера на уме был совсем иной сценарий.

— Я не грабитель, — надменно ответил он. — Я федеральный судья. Могущественный, тиранический, жестокосердный судья, а вы, мадемуазель... Вы — адвокат защиты, дерзкая и нахальная девчонка, которую я обязан наказать за неуважение к суду.

Мелисса подхватила игру:

— О-о, ваша честь, что случилось? Разве я плохо подготовилась к заседанию?

Она стянула черный свитер, обнажив не прикрытую лифчиком грудь и плоский живот, столь же твердый и подтянутый, как и двадцать лет назад, когда они впервые стали близки.

Он всегда подозревал, что одной из причин, почему ей не хотелось заводить детей, была боязнь испортить фигуру. Мелисса сбросила сапоги, скаковые брюки и нижнее белье. От нее пахло лошадиным потом, но Спенсеру было все равно. Он даже на предварительные ласки не стал тратить времени. Он — судья, а она — жертва. Проникая в женщину, он подумал про Патти Делани и еще больше возбудился. Мелисса ответила энергичной работой бедер.

— А-а, ваша честь... — застонала она.

Лицо Делани неотрывно стояло перед глазами, и Спенсер поддал темпа. В голове вдруг мелькнула мысль: «Интересно, а про кого сейчас думает Мелисса?..»

Когда все закончилось, она пошла под душ, оставив Спенсера решать головоломку: *Если, занимаясь любовью с женой, ты воображаешь другую женщину, то что это — измена или нет? И если да, то сколько мужчин могут сказать про себя: «Я невиновен»?*

Словно превратившись в бухгалтера, Спенсер принялся отщелкивать костяшки на умозрительных счетах собственной жизни. Итак, он женат на поразительно привлекательной женщине, которая к тому же владеет баснословным состоянием. Одно только их поместье оценивалось в 8,8 миллиона долларов. Сам он водил «Ягуар-ХК8», хотя и с помятым бампером. Здоровье? Прекрасное у обоих. Они с женой состоят в лучшем клубе, ужинают в первоклассных ресторанах, имеют правильных друзей. Всего в достатке. Ему даже работа нравилась. Нет, определенно жизнь удалась, в этом он уверен. *Так почему же из головы не выходит Патти Делани?*

— Эй, ваша честь! — крикнула Мелисса из ванной. — Пора собираться! Вы еще не забыли, что мы идем к Арнольдам на ужин?

— О-о, только не это! — простонал он, перевернулся ничком и зарылся лицом в подушку. — А не ходить никак нельзя?

Мелисса вышла из ванной, завернутая в белоснежный итальянский халатик и с тюрбаном из махрового полотенца. Когда она присела за туалетный столик, халат распахнулся, и в зеркале Спенсер увидел красный сосок. На секунду он даже восхитился, до какой степени его жена красива.

Волшебный миг не продлился и секунды.

— Мозги свои дерьмовые прочисти, — презрительно бросила она. — Кстати, даже и не думай, что я отправлюсь на прием в тарантасе для инфантильных мужиков.

Большинство гостей пятничной вечеринки у Арнольдов никогда бы не рискнули потерять лицо, прибыв на восьмилетием «форде-бронко». С другой стороны, фамилия Ванден-Вендер давала Мелиссе одно важное преимущество: она вправе водить любую машину, какую заблагорассудится. Она настолько богата, что никому не надо ничего доказывать. И если уж на то пошло, заляпанный грязью полноприводный универсал делал ее куда более непосредственной в чужих глазах.

Все дорогу Спенсер брюзжал про напыщенных снобов, обычно толкавшихся на подобных вечерах. «С ними даже о футболе нельзя поговорить», — досадовал он. С приходом осени мужчины по всей Виргинии отмечали конец недели за пивом, переворачивая гамбургеры на жаровнях и обсуждая, к примеру, вашингтонских «Краснокожих». Но ни единой душе из числа толстосумов Шарлоттсвиля не пришло бы в голову подхватить речевку любимой команды, подливая себе портвейн. Единственный вид спорта, упоминавшийся в их среде, был охота на лис. Спенсер никогда не считал такие забавы по-настоящему спортивными.

На первую в его жизни лисью охоту Мелисса пригласила Спенсера вскоре после свадьбы. Весь вечер она учила его правилам охотничьего этикета.

— Как только прибудешь на место, ты должен сказать «доброе утро» шталмейстеру графства. Таков обычай, — втолковывала она. — И кстати, впереди имеют право скакать только те, кто уже заработал «раскраску».

— Раскраску? — переспросил он. — Разве охотничий клуб графства Альбемарль — это банда апачей?

— В своем роде это действительно банда, только очень элитарная, — ответила она. — А под «раскраской» понимают цветные ленточки, которыми награждают наиболее умелых наездников. Это самая высокая честь, которой можно удостоиться из рук шталмейстера; порой требуется пять, а то и больше лет, чтобы ее заработать. Я, разумеется, получила свою ленточку уже через два года. И раз у меня есть «раскраска», то я буду скакать впереди, а тебя поставят в тыл, поближе к конюхам.

— А с тобой рядом нельзя?

— Нет, дорогой мой, заработай сначала свой знак отличия. Далее — коротенькие, но важные замечания. Не вздумай наехать на всадника впереди. И остерегайся тех, у кого к хвосту привязана красная лента: они брыкаются. Зеленый же цвет означает, что наездник неопытен. У тебя будет именно такая.

— Чем дальше в лес... — проворчал Спенсер. С некоторых пор он взял привычку подпускать сарказма при разговорах с Мелиссой. — Хвост наездника... Может, мне еще колпак с бубенцами натянуть?

Жена пропустила колкость мимо ушей.

— Еще одно правило: никогда не разговаривай с гончими. Или с кем-то из всадников, когда псы окажутся рядом с лошадьми. Это их отвлекает.

— Кого именно? Всадников, лошадей или собак?

— Всех отвлекает! — раздраженно нахмурилась она. — А если лошадь тебя скинет, или ты сам свалишься и коснешься обеими ногами земли, то, согласно обычаю, шталмейстера надо одарить бутылкой первосортного виски. Но не раньше чем возвратятся остальные

охотники. Потому что если шталмейстер того пожелает, тебе придется перед всеми петь серенады.

— А масонские знаки? Когда мы станем разучивать секретное рукопожатие?

— Тебе бы только позубоскалить! — обиделась Мелисса.

Чтобы правильно одеться к охоте, встать пришлось затемно. Супруга купила Спенсеру верховой костюм, куда входили черная шляпа-котелок, черный фрак, канареечный жилет, не менее яркие желтые бриджи и черные сапоги. Лишь позднее он сообразил, что этот подарок не был знаком любви и заботы. Видимо, Мелисса просто беспокоилась, как бы он не отправился в камуфляжных брюках и тапочках. Что касается ее собственного наряда, то Мелисса смотрелась изумительно. Черная жокейская шапочка, черный плащ-накидка с двумя помпонами на спине и застежками спереди, на которых сиял герб охотничьего клуба графства. Белоснежный жакет украшали начищенные латунные пуговицы. Одевание дополняли белые шелковые перчатки, верховые брюки-галифе и черные кожаные сапоги с тупыми декоративными шпорами и оторочкой из патентованной замши. В левую руку жена взяла арапник с изящным ременным плетением. Мелисса сообщила, что хотя плетка и входит в обязательный комплект женской униформы, пускать ее в ход без специальной команды распорядителя нельзя.

— Бандаж и дисциплина, — фыркнул на это Спенсер.

Непосредственно перед началом охоты Мелисса выдала последний набор указаний:

— Если увидишь лисицу, поверни к ней морду лошади, сними шляпу и махни ею в ту же сторону. Таким образом ты не будешь отвлекать гончих. Конечно, если лисица очень далеко, тебе разрешается крикнуть «Холло-а!», а потом «Тэлли-хо!», но только в этом порядке. И пожалуйста, не ори ничего другого.

— В смысле: «Вон несчастная тварь, давайте науськивать псов, пусть ее рвут в клочья, пока мы скачем в клуб на чашечку чая!»?

В ответ Мелисса просто развернула свою лошадь и подъехала к отцу, который, собственно, и был шталмейстером.

В общем и целом Спенсер провел на охоте утомительные и скучные часы. Он редко катался верхом, к тому же на этот раз очутился на довольно капризной лошаденке, да еще между двумя великосветскими дамами Шарлоттсвиля, которые без умолку жаловались на мужей, погоду, мужей, прислугу и опять-таки на мужей. Едва лисья травля началась, как он потерял Мелиссу из виду. Лишь позднее он понял, что их разлука тем утром была прелюдией к дальнейшим событиям...

Дворецкий семейства Арнольдов состроил разочарованную мину, когда Спенсер бросил ему ключи от обшарпанного «бронко» Мелиссы.

— Поставьте машину там, где ее не поцарапают! — крикнул ему Спенсер, но юмор гостя не дошел до слуги.

— Сегодняшний вечер может оказаться куда менее скучным, чем ты думаешь, — сообщила Мелисса. — Насколько я знаю, Арнольдов держат за эксцентриков. Они, знаешь ли, из Калифорнии.

Франк и Максин Арнольды, прибывшие в Шарлоттсвилль каких-то восемь месяцев назад, до сих пор считались новичками. Впрочем, в графстве Альбемарль за новичка сходил всякий, кто не мог похвастаться несколькими поколениями предков, погребенных на местном кладбище. За Франком водилась слава гения из Кремниевой долины, занимавшего — согласно журналу «Форчун» — восемнадцатое место среди «самых богатых

американцев моложе сорока». Его личный капитал достигал 450 миллионов долларов. Выпускник Эм-Ай-Ти, он приобрел такое состояние, разработав некий оптический ключ для компьютеров и умудрившись продать свою компанию непосредственно перед обвалом рынка дот-комов и интернет-технологий.

В честь прибытия четы Арнольдов Торгово-промышленная палата Шарлоттсвилля устроила торжественный ленч. Когда участники мероприятия разделались с угощением (куриные ножки, картофельное пюре, стручковая фасоль и персиковый крушон на десерт), почетного гостя попросили разъяснить суть его изобретения.

— Эволюция общественно доступной сети Интернет, — поведал Франк, — идет по миграционному пути, который ведет отсчет с адаптации существующих сетей под новые виды услуг. «Интеллектуальный оптический ключ-коммутатор Арнольд FNZ3600» предназначен для обеспечения гладкого перехода от сегодняшней, традиционной инфосреды к сетям завтрашнего дня. Внедрение FNZ3600 означает альтернативу цифровому оборудованию кросс-коммутации типовых сетей, в существенной степени снижая эксплуатационные издержки и вместе с тем позволяя транслировать новые услуги в управляемом волновом формате по оптическим контурам гибридных инфраструктур.

Спенсер был абсолютно уверен, что ни единая душа среди присутствующих не поняла, о чем вещает гений или для чего служит его оптический Арнольд FNZ3600. Впрочем, конец речи увенчался восторженными аплодисментами, и все, похоже, были искренне рады, что Шарлоттсвилль наконец-то приобрел себе миниатюрного Билла Гейтса. Поскольку Арнольды тратили массу времени на переезды между Виргинией и Калифорнией (где у них имелось еще несколько владений), лишь немногие жители Шарлоттсвилля успели вступить с ними в дружеские отношения. В западной части графства на участке в добрую сотню акров Арнольды выстроили дом (пять спален, двенадцать тысяч квадратных футов жилой площади), и сегодняшняя вечеринка служила двум целям, а именно: Франк и Максин познакомились с соседями и хвастались своим новым дворцом. Супружеская чета отказалась от жутко дорогих и скучных старинных усадеб, традиционно выставляемых на продажу, и решила возвести современный двухэтажный особняк, выглядевший так, словно его в готовом виде перенесли с калифорнийских холмов или с Палм-Бич. Ярко-белый фасад дома с белой же черепичной крышей и подъездной дорогой из светлого кирпича резко контрастировал с зарослями кизила и жимолости, характерными для гористой Виргинии. Поперек фасада на втором этаже шел стройный ряд окон, выполненных в форме корабельных иллюминаторов, а по обеим сторонам белой двустворчатой парадной двери устроили громадные круглые витражи.

— Боже мой, — прошептала Мелисса, когда они подошли к дому. — Океанский лайнер, да и только!

Свое жилище Франк набил новейшей техникой. За пару недель до вечеринки Спенсер с Мелиссой получили письмо на тисненой бумаге. В своем послании Арнольды просили их заполнить и поскорее выслать обратно загадочный «Вопросник к комфорту частного гостя». Сама анкета представляла собой многовариантный лист по типу экзаменационных, где опрашиваемому среди прочего следовало указать предпочтительный стиль музыки и освещения. В письме объяснялось, что склонности гостей внесут в домашнюю компьютерную систему, с тем чтобы визит каждого человека мог быть «персонализирован». «Не удивляйтесь, если услышите свою любимую мелодию, попав в ту или иную комнату!» — советовало письмо. Ни Спенсер, ни Мелисса не стали заполнять анкету, обоим вопросы

показались слишком претенциозными. Впрочем, полностью отвертеться не удалось. Только они ступили внутрь грандиозного парадного холла, как к ним подошла какая-то женщина, спросила имена и затем вручила значки с синими мигающими огоньками. Эти вещицы служили в качестве идентификаторов, или меток, по которым за бродящими по комнатам гостями мог следить компьютер. Спенсер послушно приколот значок к лацкану, однако Мелисса сунула его в карман жакетки.

— Предатель, — сказала она.

Их проводили в гостиную в левом крыле, где Арнольды встречали сегодняшних гостей. Пол здесь был набран из плиток белого итальянского мрамора, стены тоже отливали ослепительной белизной. Из мебели имелось только пять черных кожаных кресел с хромировкой. Единственной цветовой гаммой гостиная была обязана витражным окнам.

— Добрый вечер, господин судья, — сказал Франк подошедшей чете Спенсеров.

Он крепко ухватил Спенсера за руку, потряс ее и затем поприветствовал Мелиссу легким поцелуем в мочку уха. Когда же сам Спенсер наклонился, чтобы клюнуть носом в щеку Максина, та быстро вскинула ладонь, коснувшись ею груди мужчины и даже успела легонько пожать ему плечо. Спенсер всегда обращал внимание, когда его трогал кто-то помимо Мелиссы. Особенно женщины. Тем более женщины малознакомые. А потому, сочтя поведение Максина необычным, он решил изучить ее повнимательнее, но так, чтобы это не бросалось в глаза. Она была лет на десять моложе своего супруга, другими словами, в возрасте где-то двадцати девяти. Длинные обесцвеченные волосы, падающие чуть ли не до поясицы. Очень высокий, даже необычно высокий рост. Наверное, метр восемьдесят три. Или четыре. До сих пор Спенсер считал, что все богатые женщины в Калифорнии проходят курс косметической хирургии, в чем можно винить голливудское пристрастие к молодости, красоте и большой груди. Однако Максина Арнольд была явно довольна собственной тоненькой фигуркой. Ее маленькая грудь едва проглядывала под простеньким темно-фиолетовым жакетом из хлопкового трикотажа поверх длинного платья с набивным рисунком. И все же Спенсер нашел такую худосочность вполне сексапильной. Этому немало способствовали высокие скулы и пухлые губки. (Да, — подумал Спенсер, — с таким ротиком она бы неплохо заработала в порнофильмах.) Франк Арнольд сантиметров пятнадцать уступал в росте супруге, а телосложением напоминал быка. На нем были рыжие поплиновые брюки, рубашка-шотландка на кнопках и туфли в стиле яхтсмен. Прямо скажем, более чем непринужденный наряд для хозяина светского раута в Шарлоттсвиле. Уже успев изрядно облысеть, остатки волос тем не менее он стянул на затылке в куцый «конский хвост».

— Вы не надели персональный идентификатор, — попенял Арнольд Мелиссе.

— Да, я непослушная девочка, — пискнула та.

Арнольд махнул кому-то из прислуги, и тут же ему передали новый бейджик, который он и приколот к усыпанному блестками Мелиссиному костюму от «Джорджио Армани». Даже не испросив разрешения.

— Вы много потеряете, если не будете его носить, — пояснил он. — У нас даже призы заготовлены, когда будем знакомиться с домом!

— Какая прелесть, — заметила Мелисса, не поведя бровью.

Спенсер бросил взгляд на картину, висевшую позади Арнольдов.

— Джорджия О'Киф, если не ошибаюсь?

— Да, — подтвердила Максина, явно польщенная его замечанием. — Вы хорошо знаете

искусство, господин судья?

— Моя матушка любила рисовать, да и у Мелиссы университетский диплом по истории искусства.

— Вот эта картина называется «Черная мальва, синий шпорник», написана в тысяча девятьсот тридцатом году, — объяснила Максин. — А рядом с ней «Белладонна», тридцать девятый.

В типичном для О'Киф стиле на полотнах были видны только раскрытые цветочные лепестки. На «Черной мальве» вихрились пурпурные и голубые мазки, а «Белладонна» была в основном представлена белым цветом с ярко-зеленым центральным пятном.

— Для этого зала я выбрала О'Киф потому, что ей одно время довелось жить в Вильямсбурге, — тем временем продолжала Максин. — В ее работах я вижу неукротимую сексуальность, хотя сама она это отрицала. Ее распахнутые бутоны всегда напоминают мне женщину с призывно раскрытой вульвой.

Мелисса, до сих пор хранившая молчание, прокомментировала:

— Симпатичные репродукции. Кто их сделал?

Максин метнула в нее свирепый взгляд:

— Это не копии. К тому же мне глубоко неприятны люди, нанимающие ремесленников для имитации чужих работ.

— А мне казалось, что большинство картин О'Киф хранится в музеях, — поспешил Спенсер на помощь жене.

— Большинство, но не все! — Максин взяла супруга под руку и добавила: — Франк выкупил их специально для меня, из частной коллекции.

Сияющий Франк Арнольд провел Спенсеров на заднюю лужайку, где уже добрая сотня гостей собралась под громадным тентом-шапито в пурпурно-золотых тонах. Края тента украшали полутораметровые золотые кисти.

— Попробуйте вина, — предложил Арнольд. — Сегодня у нас вино домашнее, из маленького калифорнийского виноградника, что мы недавно приобрели.

С серебряного подноса подскочившего лакея он взял бокал бордо и протянул его Мелиссе.

— Новое хобби моей Максин, — добавил он.

Мелисса сделала глоточек.

— На мой взгляд, слишком уж терпкое, — заметила она.

— Вот как? — отозвалась Максин, пригубив из своего бокала. — А наши эксперты говорят, вино великолепно.

— Вы не увлекаетесь атлетизмом? — обратился Арнольд к Спенсеру. — Штанга? Пробежки по утрам?

Мелисса фыркнула.

— Да нет, — ответил Спенсер. — Знаете, совсем нет времени ходить в спортзал.

— О, это следует исправить, — сказал Арнольд. — А я вот в пять утра сразу за гантели.

— Одержимый, — добавила Максин.

— Ну и пусть одержимый. Я в восьмом классе был совсем хиленький, — доверительно сообщил Арнольд. — Любой задира мог дать мне оплеуху. А потом я сказал «хватит»! И полностью переделал себя атлетизмом. Дважды в день я ходил в спортзал и к выпускному вечеру стал самым могучим старшеклассником во всей школе. За мной водилась слава компьютерного вундеркинда, но не будем забывать, что этот маменькин сынок лежа

выжимал сто шестьдесят кило.

Джейкоб Уиллер, окружной прокурор Шарлоттсвилля, вместе с Флоренс, своей женой, присоединился к компании.

— Прекрасная вечеринка! Великолепная вечеринка! — хлынуло из Джейкоба. — Приветствую вас, господин судья! — потянулся он к Спенсеру и, обменявшись рукопожатием, вежливо кивнул Мелиссе: — Добрый вечер, миссис Ван-ден-Вендер.

Спенсер давно привык, что люди довольно раскованно ведут себя с ним, но всегда переключаются на формально-корректный тон, обращаясь к его супруге. Иного отношения фамилия Ван-ден-Вендер не допускает.

— Говорят, ваша честь, на сегодняшнем заседании свежее пополнение село в лужу? — предложил новую тему Уиллер.

— Правда? — наострил ухо Франк Арнольд. Похоже, новость его искренне заинтересовала. — Люблю, знаете ли, истории про адвокатов, особенно когда их выставляют дураками.

— Эту дурочку зовут Патти Делани, — подхватил Уиллер. — Представляете, она велела своему клиенту прийти в суд в чем-то приличном. А этот идиот заявился в одежде, которую сам же и украл! Его судят, а он сидит в ворованном! Называется, человек внял совету адвоката!

Франк Арнольд обернулся к Спенсеру.

— Думаете, есть основания для апелляции, раз он всего лишь выполнял ее указания?

Спенсер попытался подыскать остроумный ответ, но его опередил Уиллер:

— Это еще что! Самое забавное, что Патти Делани сама одевается как... я не знаю, прямо как в телевизионном варьете или «Звездных войнах»!

Здесь их беседу прервал один из слуг, что-то прошептав на ухо хозяину. Франк знаком поманил к себе Максин, и, вежливо извинившись, они удалились, оставив Спенсера и Мелиссу напротив четы Уиллеров.

Хотя мужчины и работали в одном и том же здании, вращались они в совершенно разных социальных кругах. Уиллер, к примеру, организовал кампанию за избрание самого себя на пост окружного прокурора — в основном потому, что отчаялся зарабатывать на жизнь как частнопрактикующий адвокат. Его с большой натяжкой можно было назвать посредственным юристом, и местной адвокат-коллегии не понадобилось много времени, чтобы распознать и начать эксплуатировать слабые места Уиллера. Поскольку он терпеть не мог расследовать дела, защите сплошь и рядом удавалось договориться о весьма щедрых сделках для своих подопечных. Как ни странно, такая профессиональная ущербность шла ему лишь на пользу и не позволяла стать безработным, потому что практически никто из коллег не хотел видеть на его месте кого-то другого. На перевыборах в прокуроры он всегда шел единственным кандидатом.

Пару неловких минут никто не проронил ни слова, а затем Уиллер вдруг выпалил:

— Эй, судья, а вы, случаем, не из фанатов «Краснокожих»?

Мелисса чуть не опрокинула на себя бокал.

К счастью, тут вновь появились Франк и Максин, ведя за собой новоприбывшего гостя. Тейлор Колдуэлл состоял генпрокурором Виргинии и после губернатора с его заместителем являлся наиболее влиятельным народным избранником всего штата. Уиллеры тут же засуетились, желая побыстрее засвидетельствовать свое почтение. Спенсеры не двинулись с места. За ними не водилась привычка охотиться на знаменитостей.

— Этой мадам неплохо бы сменить прическу, — заметила Мелисса.

— Флоренс?

— Нет, я про Максин. Слишком уж стара для распущенных волос. Или для блондинки.

Мелисса отпила еще глоток.

— И вино у нее дерьмовое.

С этими словами она выплеснула бокал в траву.

— Как ты ее находишь? Сексапильна?

Спенсер знал, куда дует ветер, и не рискнул дать правдивый ответ.

— Она мне руку потискала. Наверное, проверяла бицепс, — сказал он.

Мелисса мелко рассмеялась.

— Никогда они здесь не приживутся. Даже деньги его не помогут. Нельзя купить стиль, нельзя купить класс!

Спенсер бросил взгляд на хозяев дома. Арнольды уже подводили к ним генпрокурора.

— Вы, конечно, знакомы с судьей Спенсером и миссис Ван-ден-Вендер? — полувопросительно сказал Франк.

— Знаком? — переспросил Колдуэлл. — Черт возьми, да я с ними в школу ходил! Судья — один из моих ближайших давнишних друзей. А Мелисса... О, моя дорогая, вы по-прежнему восхитительны, как и в ту студенческую пору, когда я так страстно желал похитить ваше сердце. Чтобы оно не досталось этому хитренькому проныре!

Колдуэлл поцеловал Мелиссу в щеку, и минут пять они вели пустую светскую болтовню. Затем Колдуэлл громоподобным голосом объявил, что ему придется покинуть вечеринку:

— Меня ждет Ричмонд — наш республиканский губернатор удосужился сунуть нос в трижды клятую тяжбу насчет телевизионщика.

Каждый из присутствующих знал, о чем идет речь, дело вот уже неделю не сходило с первых полос. Тремя годами раньше некий телеведущий из Вашингтона размозжил себе череп в автомобильной аварии. Повреждения головного мозга оказались столь обширны, что сейчас, по словам докторов, он пребывает в состоянии «овоща». Несколько дней назад его семья потребовала отключить коматозного родственника от аппаратуры, однако губернатор Джордж Андерсон, прослышав об их планах, созвал пресс-конференцию и объявил, что будет оспаривать такое решение в суде. Андерсон даже назвал его «актом сознательного смертоубийства».

— У нас еще не было губернатора, который бы вмешивался с подобным иском, — сообщил Колдуэлл обступившей его толпе гостей. — Разумеется, как генеральный прокурор, я просто обязан поддержать губернатора на завтрашнем заседании Верховного суда. Хотя, если честно, я с ним категорически не согласен.

«Вашингтон пост» и иные СМИ намекали, что от действий губернатора Андерсона пахнет чистой политикой. Если заглянуть в прошлое, то Андерсона изначально выбрали на пост замгубернатора, однако его босс, не отработав и половины срока, умер от сердечного приступа, и Андерсон автоматически пересел в начальственное кресло. В Виргинии губернаторам разрешается занимать сию четырехлетнюю должность только один раз, но, поскольку Андерсон просто заполнил образовавшуюся вакансию, закон позволял ему выдвинуть свою кандидатуру на переизбрание. Совсем недавно он принял несколько решений, возмутивших ультраконсервативное крыло республиканской партии. Так что теперь его беспрецедентное вмешательство в дело о телеведущем толковалось учеными

мужьями от политики как попытка ублажить оскорбленных консерваторов.

— Лично я считаю, что Андерсон сел голым задом в муравейник, и мне это разрывает сердце! — съязвил Колдуэлл. Они с губернатором были на ножах.

Прощаясь с другими гостями, он поманил к себе Спенсера и прошептал на ухо:

— Слушай, мне зайти к тебе надо, по личному. В понедельник утром. Я скажу секретарю, чтобы она уточнила время у мисс Алисы. Я так понимаю, она по-прежнему служит?

— Ох, служит... — скрипнул зубами Спенсер.

— Ничем старую сучку не скovyрнуть, а? — подмигнул Колдуэлл.

Генпрокурору понадобилось еще с четверть часа, чтобы действительно покинуть вечеринку, потому как требовалось распрощаться со всеми подряд. Едва он скрылся, Арнольд объявил, что столы накрыты.

— Мы подумали, что было бы неплохо привнести чуть-чуть калифорнийской непосредственности и простоты на виргинскую почву, — сказал он. — Сегодня у нас «шведский стол» с тeхасско-мексиканской кухней. Места мы не распределяли, так что усаживайтесь где удобно — и приятного всем аппетита!

Гости гуртом повалили к буфетным столам, и Спенсер немедленно отвел Мелиссу подальше от толпы, к пустому столику.

— Вы позволите, сударыня, принести вам еще один бокал великолепного домашнего бордо? — спросил он. — Насколько я понимаю, оно превосходно сочетается с лепешками из красных бобов.

Мелисса закатила глаза.

Минуту их тихого уединения нарушили Уиллеры, притащившие с собой целые блюда, переполненные едой.

— Правда здорово? — восхитился Уиллер, прожевывая огромный кусок сочного тако. — У всех только и разговоров, что про Колдуэлла. Говорят, он на будущей неделе объявит о своей кандидатуре на пост губернатора. Судья, вы же его друг! Ничего такого не слышали?

Не успел Спенсер и рта раскрыть, как Уиллер добавил:

— Я думаю, он сюда приходил, чтобы деньгами заручиться. Андерсона побить — то еще дельце, с его-то друзьями. Которые с Севера, а?

Он заговорщицки подмигнул и подхватил с тарелки еще одну лепешку. Спенсер брезгливо посмотрел на тягучую ниточку сыра, свисавшую со второго подбородка окружного прокурора, и отвел глаза.

Любой человек, хоть сколько-нибудь знакомый с политическими реалиями Виргинии, знал, как расшифровать словечко «Север». С середины двадцатых по начало семидесятых годов делами в Виргинском Содружестве (а именно так звучит официальное название этого штата) управляла одна из самых могучих политических машин всей нации. Создана она была демократом по имени Гарри Флад Берд, которого избрали губернатором в 1926-м. Его сын, Гарри Флад Берд-младший, позднее перенял бразды правления, став сенатором. Почти пять десятилетий никто не мог быть избран или назначен на любой политический пост Виргинии без предварительного согласования с политаппаратом Берда. И хотя самих Бердов расистами не назовешь, стоявшие за ними люди были сплошь белыми и богатыми: банкиры, юристы, бизнесмены и аристократы от сельского хозяйства. Эта машина сумела удержать за собой политическую власть, потому что в Виргинии существовали малочисленный

электорат, жестко регламентированное избирательное право и пагубный подушный налог, взимавшийся с зарегистрированных избирателей. Это гарантировало небольшой и, стало быть, легко контролируемый процент ходящих на выборы людей, по сути дела, оставляя за бортом системы негров и подавляющую часть бедняков из числа белого населения. Интересы этой политмашины тесно переплетались с интересами «ВЕПКО», то бишь Электроэнергетической корпорации Виргинии, ведущих банков штата и Виргинского университета. Что выгодно им — то выгодно и широкой общественности. В частности, в Шарлоттсвиле приверженцем машины Берда выступало семейство Ван-ден-Вендеров подкармливая ее сочным «зеленым фуражом» в обмен на десятки особых привилегий.

Однако в начале 60-х система начала разваливаться. Причина? Исход белых из округа Колумбия. Расовые беспорядки и волнения в Вашингтоне вынудили сотни тысяч федеральных служащих бежать в пригороды. Чуть ли не за ночь разрослись виргинские городишки, венцом обрамлявшие столицу. В пятидесятых на долю жителей северной Виргинии приходилось едва ли шесть процентов голосов. К 1975 году они контролировали двадцать процентов, а к 1990-му — свыше тридцати. Примерно в это же время начал стремительно развиваться и виргинский округ Тайдуотер, куда входили Норфолк и Ньюпорт-Ньюс. Оба этих демографических фактора лишили Шарлоттсвилль и прочие города и поселки южной Виргинии их политической хватки.

В ходе последних выборов кандидаты в губернаторы штата на один день посетили Шарлоттсвилль с визитом вежливости — но и только. Вместо того чтобы тратить время на графство Альбемарль, чье население едва достигало девяноста тысяч, они предпочитали сосредоточиться на более урбанизированных пригородных зонах округа Колумбия, лежащих к северу. Такой щелчок по носу не остался незамеченным, особенно в Шарлоттсвиле. Но что они могли поделать? Времена изменились.

Впрочем, оставалась одна ветвь власти, где можно было найти следы политмашины Берда. На пике ее могущества лишь лояльные демократы назначались на судебские должности Виргинии, и хотя время подточило подобную практику, демократы по-прежнему контролировали свыше тридцати судебных округов штата и многие выездные сессии, коих насчитывалось сто двадцать две.

— Если кто и способен одержать верх над губернатором, — сказал Спенсер, — так это Тейлор Колдуэлл. Уверен, вы хорошо помните, что борьбу за место генпрокурора он начинал именно с проигрышных позиций.

Спенсер решил рассказать один из своих любимых исторических анекдотов с политической подоплекой.

— Виргинская ассоциация адвокатов, — начал он, — проводила ежегодное собрание в Виргиния-Бич как раз в ходе выборной кампании. Они пригласили Колдуэлла и его оппонента, Макса Мастерса, на двусторонние дебаты. На встречу явилось множество желающих послушать. Мы насчитали свыше двух тысяч гостей, причем большинство из них были либо адвокатами, либо судьями. Мастерс появился с часовым опозданием. Он так и не объяснил причину, хотя к моменту его появления всем уже изрядно надоело сидеть и ждать. А поскольку программа вечера оказалась скомканной, председатель объявил, что пропустит формальное представление дигнитариев и прочих почетных гостей. И вот здесь Тейлор Колдуэлл выпрыгнул из кресла: «Так нельзя! В этом зале присутствуют те самые мужчины и женщины, которые своим трудом обеспечивают справедливость и законопорядок во всей Виргинии!» И стал называть фамилии, приглашая людей встать с места и принять

подобающие им знаки внимания и уважения. К примеру, он мог объявить: «Вот я вижу, что с нами Джон Гаррисон, член Верховного суда. Встаньте же, Джон!» И все начинали хлопать Гаррисону. Потом Колдуэлл говорил: «О, да ведь здесь и Чарли Джонсон, прокурор Фармвилля!» И так далее. Он по именам называл прокуроров из таких захолустных местечек, о существовании которых на территории Виргинии мы и не подозревали. Ушло на это минут двадцать, но никто не протестовал. До сего дня я не встречал другого политика, который сумел бы повторить этот подвиг. Ведь у нас в штате более сотни судей, а возникало такое впечатление, что он всех знает в лицо и по имени. Позднее я спросил у него, каким образом он смог запомнить столько информации. Колдуэлл ответил, что при всякой встрече с новым человеком, который в будущем мог бы стать ему полезным, он записывает его имя в карточку и добавляет кое-какие личные сведения. Скажем, человек держит собачку по кличке Пушок или увлекается гольфом... Словом, такого рода мелочи. Перед началом собрания он поднял свои записи и освежил в памяти детали. Он сказал мне так: «Спенсер, никогда не забывай, что человек, с которым тебе предстоит встретиться, вполне может бросить тот баллотировочный шар, что изменит твою судьбу». А вот Макс Мастерс считал, что выборы у него в кармане, и тем самым недооценил Тейлора Колдуэлла. Так что советую вам никогда не совершать подобных ошибок.

Спенсер гордился этой историей и тем, как он ее рассказывает, хотя Мелиссе она уже набила оскомину.

— Хватит про политику, — бросила она пренебрежительно. — Спенсер, почему бы тебе не сходить к буфету и не принести нам что-нибудь перекусить?

С этими словами она повернулась к Флоренс Уиллер, которая до сих пор не проронила ни звука.

— Какое миленькое платьице, — проворковала Мелисса. — Где же вам удалось его найти, дорогая?

— В «Джей-Си Пенни», — ответила женщина, обрадованная комплиментом. — Знаете у них такая сказочная распродажа! Уценили в два раза!

Пробираясь к буфетным столам, Спенсер мог слышать, как супруга допрашивает Флоренс Уиллер вроде бы с неподдельным интересом. И все же он знал, что нога Мелиссы Ван-ден-Вендер ни разу не ступала в простецкий универмаг. И не ступит. Подобно Тейлору Колдуэлли, она умела очаровывать, когда это было в ее интересах.

— Если вы насытились, — примерно через полчаса сказал Франк Арнольд своим гостям, — то я хотел бы вас кое с кем познакомить.

Между тем официанты в красно-сине-зеленых мексиканских пончо и черных сомбреро, украшенных золотой и серебряной тесьмой, все еще разносили гостям мороженое (в озерке из ледяной пинья-коллады и с двумя шариками в стиле «мексиканская фиеста»: шоколад со вкусом кофейного ликера и мараскиновой вишни). Арнольд, впрочем, уже отужинал, а десертом никогда не баловался. Ему не терпелось начать.

— Мне нравится немножко встряхнуть обстановку в тех местах, куда нас с женой забрасывает судьба, — сообщил он. — Изменения всегда идут на пользу. Так же как и расхождение во взглядах. Оба эти явления подстегивают прогресс, а ведь именно он делает нашу страну великой. Но достаточно проповедей. Для Максина и меня лично эта вечеринка стала своего рода первым выходом в свет. Мы надеемся пожить в Виргинии и хотели бы стать добрыми соседями, у кого в случае необходимости вы могли бы одолжиться горсткой сахара для пирога или... — здесь он сделал паузу, — банкой французской горчицы.

Смех и всеобщее оживление.

— Большинство из вас уже познакомились с моей славной Максин, — продолжал он, беря жену за руку и подтягивая к себе. — А сейчас я хотел бы представить вам нашу дочь Касси, которую я по-домашнему зову Куки.

Рядом с матерью возникла одиннадцатилетняя фея с веснушчатой рожицей. В ярко-оранжевом бальном платье с черными мексиканскими мотивами она смотрелась довольно нелепо. Спенсер понял, что девчонка-то на самом деле сорванец и ей куда выгоднее ходить в майке, шортах и теннисках.

— Семейное прозвище ничего общего не имеет с кондитерскими изделиями, — добавил Арнольд. — Дело в том, что на момент ее рождения я занимался разработкой технологии, которая не позволяла бы веб-серверам зондировать персональные компьютеры посредством кодированных рассылок, именуемых «куки», то есть «печенье».

Вновь раздалась смешки. Дочь Арнольда улыбнулась, продемонстрировав зубы, стянутые керамическими брекетами.

— И есть еще один юный персонаж, с которым я хотел бы вас познакомить. Это молодой человек, которого мы с Максин приняли в свой дом и теперь считаем родным сыном, — продолжал Арнольд. — Встань же, Лестер.

С места по соседству от Куки неторопливо поднялся мускулистый афроамериканец лет двадцати с небольшим. Одет он был в алую баскетбольную майку с белыми полосками и номером сорок четыре. Из-под майки выглядывала белая футболка. С обеих ушей свешивались золотые серьги, голова была покрыта белой повязкой на манер пиратской банданы, а макушка увенчивалась красной бейсбольной кепкой, повернутой козырьком вбок.

— Лестер Амиль, более известный в среде своих хип-хоповых друзей под прозвищами Вжик-Вжик или Четыре Четырки. Он родом из афро-латинского баррио Лос-Анджелеса и в свое время работал на меня в качестве специалиста по неформальным связям. Не так давно мы с Максин учредили благотворительное общество, именуемое «Втыкайся!», которое ставит своей целью помочь детям городской бедноты освоить компьютерные навыки.

Кое-кто из гостей принялся аплодировать, но Арнольд, скромно потупив глаза, знаками попросил тишины.

— Нет-нет, господа, мой жест не на сто процентов был продиктован гуманитарными побуждениями. В то время я подыскивал пути привлечь как можно больше людей к Интернету, чтобы моя компания смогла увеличить сбыт оптических коммутаторов.

Он умолк, словно собираясь с мыслями.

— Всеми благотворительными проектами, что мы основали за последние годы, руководит Максин. Пообщавшись с Лестером, она пришла ко мне, чтобы рассказать, какой это чудесный и блестящий молодой человек. А когда и я начал проводить с ним время, то... Скажу прямо: он стал для меня не просто помощником, он стал мне сыном, которого у меня никогда не было. Сейчас он живет с нами и берет уроки у репетитора, чтобы в конечном итоге поступить в колледж.

Вновь кто-то взялся аплодировать, и мало-помалу к нему присоединились прочие гости.

— Вы знаете, ведь это решение тоже далось не просто. Да, был риск. Но уж такой я человек... А сейчас я попрошу Лестера спеть одну из его хип-хоповых композиций, чтобы вы знали, о чем размышляет современная молодежь.

Подволакивая ноги, Лестер подошел к микрофону, и из динамиков, до сих пор ненавязчиво игравших подборку мексиканских хитов Херба Алперта и группы «Тихуана

Брасс», вдруг ухнул пульсирующий прайм-бит. Под аккомпанемент подсакивающей столовой посуды Лестер выдал рваным речитативом:

*Полный прикид, последняя мода. Жизнь на взлете, не знаю брода.
Плевать!
Мой рот — черепная глазница. С обоих стволов! Мертвяков вереница.
Суки!
Обкуренный зомби под ритм океана, к ранней могиле бреду полупьяно.
Исхода нет!
Зовешь меня ниггером, черною тварью, рабским ублюдком, учишь морали.
Какого хрена!
Ты мне ответь, бледнолицая гнида: а чей ты потомок? какого ты вида?
Пещерная кость!
Скажешь, не так? что морду воротишь? горькую правду никак не
проглотишь?
Расистская сволочь!
На военные игры — деньги вагонами, на космостанции — доллары тоннами.
Политика!
Всем наплевать на наши проблемы, у белой Америки другие темы.
Масоны!
В нашем квартале пройди за мной вслед, увидишь планету, которой нет.
Бред!
Там проведу тебя в рай и в ад, окуну в дерьмо, а потом — назад.
Каждый день!
Я молод, умен, я за черную силу, а кое-кому это не в жилу. Дождетесь!
Меланин — печать Каина? мне за цвет кожи — жизни окраина?
Посмотрим!
Хочешь клонировать мою суть? Не выйдет, доктор, не обессудь.
Ученые!
В обмен за столетья апартеида — мириад доз африканского СПИДа.
Получай!
Сердцу спокойно за бронезиловом, не жди остановки только на этом.
Падаль!
Вспорют брюшину стальные когти, выбьют душу чугунные локти.
Скоты!
Я дик, а ваш Запад — гнилое мочало. Слова и метафоры — только начало.
Сочтемся!*

В конце выступления Лестер Амилль поставил восклицательный знак вскинутым черным кулаком. Арнольд бросился к нему и обнял.

— Ну разве не здорово? — расцвел хозяин дома. — Разве не сказочно? А сейчас мы совершим экскурсию по дому.

С повисшей на руке женой, оставив Куки с Лестером плестись в кильватере, Арнольд завилал между столами, не обращая ни малейшего внимания на ошалевшие лица гостей. Несколько пар покорно встали с мест и направились за ним к особняку, однако Мелисса

оказалась не из их числа.

— Пошли отсюда! — резко бросила она.

Пара десятков гостей последовали ее примеру, пробираясь к выходу и слугам на парковке.

— Да, но наши хозяева? — спросил Спенсер. — А турпоход по дому? А призы? А попрощаться? Поблагодарить за вечер? И вообще, как насчет южного гостеприимства?

— В гробу я их видала! — расвирипела Мелисса. — Наглая тварь! Хамство какое! Разуи глаза, Спенсер! И уши свои разуи! Ты что, не слышал, что орал этот урод?! Да за такое оскорбление...

— ...мистеру и миссис Арнольд уже не предложат членство в охотничьем клубе графства Альбемарль, — миролюбиво подхватил Спенсер.

Жена подарила ему испепеляющий взгляд и всю дорогу домой не проронила ни слова.

Суббота началась тихо и ничем особенным не запомнилась, если не считать совместной поездки в клуб, где Мелисса традиционно встречалась со своими старинными подругами. За коктейлем дамы заочно отхлестали, продернули под килем и распяли чету Арнольдов. Следующим утром Спенсер поднялся рано и, вооружившись чашкой кофе и увесистым воскресным выпуском «Вашингтон пост», принялся лениво проглядывать новости. На первой полосе шла пара заметок, где упоминался Тейлор Колдуэлл. Из них Спенсер узнал, что Колдуэлл намеревается «бросить перчатку в лицо оппоненту» на предстоящих губернаторских выборах. За эти сведения ручались «близкие к Колдуэллу источники, пожелавшие остаться неизвестными». «Вашингтон пост» славилась своими «конфиденциальными источниками», что всегда забавляло Спенсера. Будучи окружным судьей, он уже много лет наблюдал за репортерами и политиками и знал повадки этой братии, выражавшиеся принципом «рука руку моет». Он подозревал, что сам Колдуэлл и был той дыркой, откуда утекла информация. Тейлор вполне мог предложить «эксклюзив» в обмен на анонимность, а это только играло на руку газетчику, который теперь мог все представить под соусом сенсационного журналистского расследования. По словам репортера, Колдуэлл вел переговоры с потенциальными спонсорами предвыборной гонки, желая привлечь средства под «наиболее дорогостоящую избирательную кампанию в истории штата». Спенсер едва успел дочитать статью, как на кухню вошла Мелисса.

— Слушай, тут про тебя написано, — сказал ей Спенсер.

— Про меня? В «Вашингтон пост»?!

— Да. Вот здесь сказано, что Колдуэлл собрался выдвигаться кандидатом в губернаторы, и он просит тебя о финансовой помощи. Ну-у... не то чтобы тебя конкретно, но ты знаешь, на диком вечере у Арнольдов Тейлор сказал, что завтра утром зайдет ко мне... по личному вопросу. Наверное, хочет заручиться моей поддержкой, чтобы выжать пару монет из богатеньких Ван-ден-Вендеров.

— Дорогой мой, это ведь ты лелеешь мечту оказаться в коллегии Верховного суда, — заметила Мелисса. — И во сколько мне это обойдется, как ты думаешь?

Когда Спенсер не ответил, она безапелляционно объявила, что проведет весь день, объезжая Маленького Грома. Одним глотком допив кофе и резко отставив чашку, Мелисса вышла. Поскольку прислуга (пожилая семейная чета в составе кухарки и садовника) по воскресеньям брала выходной, Спенсер остался в полном одиночестве. Поначалу он решил было развеяться за рулем «ягуара», но потом махнул рукой, не желая давать Мелиссе повод в очередной раз поиздеваться над его «кризисом среднего возраста у типичного самца». А

посему было решено просто сделать себе сэндвич и «вприкуску» дочитать газету на веранде.

Вторая заметка на первой полосе, где упоминался Тейлор Колдуэлл, касалась шумихи с подачи губернатора, когда он вмешался в дело о лишенном мозгов телеведущем. В субботу, выступая на чрезвычайной сессии Верховного суда Виргинии, Колдуэлл заявил, что как генеральный прокурор штата настаивает на том, чтобы семья «овоща» оставила его питательно-дыхательные трубки в покое. Он аргументировал тем, что субфедеральный закон от 1992 года, допускающий отключение «вегетативных» пациентов от аппаратуры жизнеобеспечения, в данном случае неприменим, поскольку телеведущий, дескать, «не умирает». По его мнению, подобное отключение равносильно эвтаназии, которая в Виргинии признана противозаконной. Однако суд, составленный из девяти заседателей, отверг аргументацию генпрокурора и вынес решение, что рассоединение трубок «позволит состояться естественному процессу умирания» и, стало быть, «не является сознательным актом так называемого умерщвления из чувства сострадания».

Телеведущий скончался через четыре часа после отключения аппаратуры. Его вдова выступила с гневной речью в адрес губернатора Андерсона. «Это было не что иное, как политический трюк! — заявила она. — В погоне за дешевым эффектом мистер губернатор заставил нашу семью пройти через адские муки, и я считаю, что здесь более чем уместно официальное извинение. Хотя надеяться на такое благородство не приходится!»

Не успел Спенсер дочитать статью, как услышал какой-то свист и голоса. Он посмотрел влево, вытянул шею вправо, но так ничего и не увидел. Вдруг снова раздался свист, затем пшиканье, фырганье, и по веранде мелькнула тень. Щурясь против утреннего солнца, он поднял лицо и прямо над головой, на высоте метров двадцати, увидел яркий, красно-зеленый воздушный шар. Из корзины выглядывали пять человек и среди них девочка, махавшая Спенсеру рукой. Впрочем, он так и не узнал бы никого, если бы не голос Франка Арнольда:

— Судья Спенсер! Отличный денек для воздушной прогулки! Рекомендую!

Спенсер помахал в ответ девочке — Куки, всплыло в памяти имя, — и шар медленно поплыл над лугами и лесами ванденвендерского поместья. Где-то вдаль, по ходу его движения, виднелась фигурка Мелиссы на Маленьком Громе. Она еще не подозревала, что ее уединенность вскоре будет нарушена.

В понедельник с утра зарядил дождь. Спенсер проспал и прибыл в альбемарльский суд с опозданием. Мисс Алиса поджидала его с ворохом розовых листочков, куда педантично заносила входящие сообщения.

— Окружной генпрокурор записался на одиннадцать часов, — доложила она. — Его секретарша говорит, что дело очень важное. И еще...

Не дослушав, Спенсер выхватил розовые бумажки у нее из рук и нырнул в свой кабинет. Менее чем через час предстояло вынести вердикт по целому набору ходатайств, связанных с крупным гражданским иском, надо было просмотреть записи. Их он обнаружил под стопкой корреспонденции, которую мисс Алиса оставила у него на столе в пятницу. Уже вскрытый федэксовый пакет из Лас-Вегаса лежал на самом верху. За выходные Спенсер напрочь позабыл про Макферсона и бульжник. Он сунул руку внутрь и извлек камень, все еще завернутый в пузырчатую полиэтиленовую пленку.

Зачем Макферсон его прислал?

Он развернул упаковку и взял камень в правую руку, прикидывая вес. Чуть меньше фунта. Поверхность гладкая, словно камень подняли со дна реки, где его десятилетиями шифовала текущая вода с песком. Спенсер перебросил камень в левую руку, будто он был

теннисным мячиком, — и вдруг ладонь что-то укололо. Поначалу он было подумал, что защемил кожу под обручальным кольцом, однако, сжав камень во второй раз, вновь почувствовал болезненный укол. И тут догадался. Разряд электричества. Подобных электроударов ему не доводилось испытывать со времен дипломной практики, когда он на весенние каникулы слетал с друзьями в Мексику, в курортный город Канкун.

Мысли невольно вернулись к поездке и к той пьяной, брызжущей тестостероном игре, в которую умудрилась ввязаться вся компания. Помнится, они сидели в баре «Сеньор Пепе» и наливались текилой, перемежая ее пивом, когда к столику вдруг подошел старик мексиканец и предложил им проверить силу воли. На широком полотняном ремне через плечо он держал громоздкий ящик и со стороны походил на шарманщика — разве что без обезьянки. Ящик этот на поверку оказался электрогенератором, который полагалось крутить заводной ручкой, торчащей справа. Одному из приятелей Спенсера мексиканец протянул пару медных трубок и знаками показал, что их надо взять в ладони. Провода от трубок шли к генератору. Смысл сей мужественной игры состоял в том, чтобы как можно дольше удерживать медные трубки, пока старец крутит динамо, пропуская через тебя электроток. Кто-то дал ему бумажку в пятьдесят песо, и мексиканец принялся вращать ручку. Древний измерительный прибор показывал величину тока, и когда стрелка достигла второго деления, испытуемый студент издал стон и выронил трубки. Всеобщий смех. Мексиканец затем передал электроды соседнему молодому человеку. Вновь завертелась ручка. Когда стрелка перевалила за двойку, Спенсер с друзьями забарабанили по столу и закричали: «Давай, давай, давай!» На четверке их товарищ заскрипел зубами. Стрелка клонилась вправо, но на отметке «пять» раздался вопль, и старик остановился. К этому моменту вокруг стола столпились и другие посетители бара, в том числе несколько женщин. Один за другим друзья Спенсера брали электроды в руки, однако никто не сумел перевалить за девятку.

Спенсер, уже порядочно набравшийся, оказался последним по счету и в пьяном угаре решил во что бы то ни стало добраться до десятки. Вспотевшими ладонями он ухватился за трубки и кивнул мексиканцу.

— Давай, давай, давай! — начала скандировать толпа в такт вращению рукоятки.

Стрелка дошла до единицы. Он улыбнулся и уверенно кивнул. Мексиканец завертел быстрее. Генератор загудел, и тон звука стал постепенно нарастать. Кругом все кричали: «Давай, еще давай!»

Опустив веки, Спенсер буквально чувствовал, как ток поднимается от правой ладони к плечу, идет по груди и спускается в левую руку. Когда он решился открыть глаза, то увидел, что стрелка едва достигла пятерки. К этому времени он уже начинал задыхаться, по лбу струился пот, боль казалась невыносимой, но... Он вновь кивнул.

— Э-ван! Э-ван! Э-ван! — орали друзья, а мексиканец все крутил и крутил ручку, подгоняя стрелку к шестерке. Ладони и предплечья начало сводить судорогой. Спенсер вдруг с беспокойством подумал, что с такими делами короткое замыкание произойдет у него прямо в сердце, однако решимость одержала верх.

Он вновь закрыл глаза и попытался подумать о чем-то другом, а не только об электротоке, мчавшемся сквозь его тело. Впрочем, ничего не вышло, и он снова посмотрел на стрелку. Восемь. Ладони жгло так, словно он положил их на калорифер. И все же он отказывался сдаваться. Сила воли против боли. Улыбка Спенсера превратилась уже в оскал, а мексиканец — этот гнусный палач и мучитель — крутил свою ручку со всей скоростью, на какую был способен.

Стрелка коснулась десятки, и толпа взорвалась ликованием. Вышло! Он сумел! Спенсер тут же захотел выбросить трубки, но пальцы отказались повиноваться. Ток был настолько силен, что перебивал команды, посылаемые головным мозгом. И тогда он запаниковал и принялся орать! Мексиканец испуганно отшатнулся и бросил вертеть генератор. Все затихли. Хриплый, шедший из самого нутра вопль оказался для них полной неожиданностью. Крик насмерть перепуганного человека. Впрочем, тут же выискался некто, нашедший это забавным. Друзья Спенсера плеснули пивом в лицо весельчаку...

Разряд, который он получил от камня, вполне можно сравнить со вторым делением на том древнем индикаторе, прикинул Спенсер.

Постой-ка! Это невозможно! Камни не могут бить током!

Он обеими ладонями стиснул булыжник, словно хотел его раздавить. Цирковой силач и яблоко.

Вновь неожиданный удар, да такой силы, что у Спенсера перехватило дыхание.

Как такое возможно?

Он решил было выбросить камень, однако руки уже не повиновались. Еще один удар, на этот раз даже сильнее. И еще один. И еще. С каждым разом все жестче и болезненнее. Мысли закружились каруселью в поисках выхода. *Что делать?!* Руки уже сводит судорогой в такт разрядам. От очередного удара спазмой скрутило живот, Спенсера бросило вперед, и он больно ударился о кромку письменного стола. Кажется, треснуло ребро. Ноги разъехались, и он полетел на пол. В глазах мелькнул потолок, затем висок с размаху приложился о светло-синий коврик. Свет померк.

Темно и холодно. Море раскачивает крошечную лодку и распростертого в ней Эвана. Страшно холодно. Вдруг без всякого перехода ему становится очень жарко. Над головой распаивается безоблачное сапфирное небо. Солнце обжигает щеки и лоб. Он переваливается на бок и, больно защемив костяшку локтя, тянет руку, чтобы зачерпнуть воды и остудить лицо. Но как только пальцы касаются волн, море становится мутно-зеленым, и он видит омерзительных тварей, скользящих под днищем лодки. Призрачно-белые, осклизлые гады замечают его руку и бросаются к ней, словно желая оторвать и устроить пиршество. Он едва успевает отдернуть пальцы и торопливо откидывается на спину, моля, чтобы суденышко не перевернулось. Проходит несколько минут, Спенсер слегка приподнимается и бросает опасливый взгляд за борт. Вдалеке видна какая-то фигурка в белых одеждах, бредущая по поверхности воды в его сторону. Двигается она неторопливо, даже грациозно, не боясь ни утонуть, ни стать добычей подводных чудищ. Спенсер вскрикивает: «Спаси! Спаси меня!»

Первое, что Спенсер увидел, открыв глаза, был неоновый-яркий зеленый огонек прикроватного монитора, подмигивавший в такт биению сердца. Из правой руки тянулась трубочка к капельнице. Стояла ночь, и его палата в центральной горбольнице Шарлоттсвилля была погружена во тьму, если не считать полоски света от приоткрытой двери. Через щель Спенсер мог видеть кусочек коридора и дежурный пост. Он захотел позвать медсестру, но глотка успела пересохнуть так, что у него не нашлось голоса. Напрягшись, Спенсер попробовал еще раз, и в тишине раздался хриплый шепот. Ноль внимания. Он попробовал

было сесть, однако боль в сломанном ребре остановила на полпути. Тогда он принялся шарить руками над головой, затем вдоль кроватной рамы и, наконец, на тумбочке. Пальцы нащупали какую-то коробочку с кнопками. Не раздумывая, он начал давить все подряд.

Дежурная вскинула голову, подозвала еще одну медсестру, и они поспешили в палату. Резко вспыхнули лампы дневного света. Спенсер болезненно зажмурился.

— Господин судья, вы очнулись!

— Что со мной?

— Вы нас так перепугали, — зашебетала одна из медсестер. — Мы сейчас вызовем доктора. Он ответит на все ваши вопросы. Вы очнулись — и это уже хорошая новость!

— Сколько я... здесь?

— Четыре дня.

— Четыре?! Сегодня четверг?

— Вообще-то уже утро пятницы. Ваш секретарь заглянула в кабинет и увидела вас на полу. Она и вызвала «скорую».

Часом позже появилась Мелисса, а еще через несколько минут и врач.

— Расскажите, что произошло у вас в кабинете? — распорядился он.

— Меня ударило током, — ответил Спенсер. — Электрическим. У меня там булыжник был, я его взял в руку, и он меня ударил. И я упал на пол.

— Булыжник? — медленно переспросила Мелисса.

— Ну да. Камень такой.

Врач спросил:

— Вы стояли у окна?

— Окно, конечно, есть, рядом со столом. Но я был от него в полутора метрах, не меньше.

— Не важно. Мы полагаем, что в вас, вероятно, попала молния.

— Молния?

— В понедельник шел дождь, — напомнила Мелисса.

— Вам сильно повезло, — сказал врач. — По крайней мере для человека, в которого ударила молния... Голова болит?

— Нет.

— Шум? Звон в ушах?

— Нет.

— Как насчет головокружения? Приступы тошноты? Рвота? Такое часто бывает после удара молнии.

— Да нет, нормально все.

— Хорошо.

Врач взглянул на Мелиссу.

— Мы снимем электрокинограмму, магнитно-резонансную сканограмму и... и сделаем компьютерную томографию. Хотя я полагаю, что все будет в порядке. Подобного рода обследования редко выявляют нарушения, обусловленные высоковольтным разрядом атмосферного происхождения.

— Вы не могли бы перевести это на нормальный английский язык? — потребовал Спенсер, уже начиная раздражаться тем, что врач беседует с Мелиссой, словно его самого нет в комнате.

— Господин судья, у вас ведь есть компьютер? — спросил врач. — Вот представьте:

если через него пропустить электрический ток, то корпус вашего компьютера останется абсолютно целым. Точно так же и ваше тело выглядит сейчас нормальным со стороны. Даже печатные платы — и те, наверное, будут смотреться нормально, без расплавленных деталек. Я полагаю, то же самое можно сказать и про вас. Томография и магнитный резонанс покажут, что у вас в мозге нет поджаренных участков. Но вот когда вы попытаетесь включить свой компьютер... Пусть даже это вам удастся, все равно машина с трудом начнет находить файлы, вести расчеты, посылать документы на принтер... Это может произойти и с вами. Я распоряджусь, чтобы устроили кое-какие нейрофизиологические тесты, — посмотреть, как работает мозг. Не исключено, что у вас обнаружат кратковременную потерю памяти или, скажем, из-за повреждений лобной доли изменятся особенности характера.

— Что значит «изменяются особенности характера»? — прищурила глаз Мелисса.

— Больной может стать раздражительным, начнет легко впадать в гнев. Жертвы удара молнии часто сами не замечают, что с ними что-то не так. Они могут это попросту отрицать и заявлять, будто все в порядке. Хотя на самом деле...

— Да не била меня никакая молния! — возмутился Спенсер. — Я же вам говорю: бульжник виноват, это он меня бил!

Он вдруг понял, насколько подозрительно прозвучала фраза.

— Ну вот видите? — рассмеялся врач. — Итак, томография, резонанс, а потом и нейрофизиологические пробы. Если все пойдет по плану, то выйдете отсюда через пару дней. Сломанное ребрышко, конечно, будет побаливать, но тут мы ничего поделать не можем. Придется подождать, пока оно само не залечится.

Вскоре после ухода врача Мелисса сказала, что ей тоже пора. Нужно помочь папе. Вечером в гольф-клубе планируется благотворительный ужин под сбор средств для «Гусят», местной бейсбольной команды юниоров.

— Так еще и девяти утра нет! — обиделся Спенсер.

— Дел много, — ответила она. — Не будь ребенком.

Вплоть до обеда Спенсера не навестила ни единая душа. А затем в дверь просунул голову Тейлор Колдуэлл.

— Эй, Спенсер, барбос ты старый! — рявкнул он на всю палату. — Из кожи вон лезешь, лишь бы со мной не встретаться, а?

— Если ты пришел денег клянчить, я еще и не то придумаю, — улыбаясь, ответил Спенсер.

— Оклемался-таки, черт его дери, — деланно посетовал Колдуэлл. — А я-то хотел было чек подсунуть на подпись, пока у тебя соображалка не работает.

— Да ладно, Тейлор, ты же знаешь, что у меня ничего нет. Уж если кого трясти, так это мою благоверную.

Они с Колдуэллом были закадычными друзьями еще со времен юрфака. Даже Мелисса, находившая политику и юриспруденцию до ужаса скучными, с интересом следила за карьерой Тейлора и старалась спонсировать каждую его кампанию за счет личных средств и из папиного кошелька.

— Уже слыхал про убийство-то? — спросил Колдуэлл.

— Убийство?

— Да ты что, в самом деле валялся в коме? Ну-у, брат... В ночь с воскресенья на понедельник похитили Касси, дочку Арнольдов. Утром ее родители вызвали полицию.

Максин сказала, что нашла записку насчет выкупа.

— Боже ты мой!

— Там сказано, что они хотят сто восемнадцать тысяч мелкими купюрами. И еще понаписали всяческого дерьма. Дескать, ее похитили, потому что папаша эксплуатирует рабочих в Мексике. У него там завод по выпуску этих самых коммутаторов. Нет, ты подумай, а? Совсем нас за идиотов держат!

Колдуэлл ногой подтянул стул поближе к кровати и сел.

— В понедельник днем Франк Арнольд вместе с копами полез осматривать подвал и, натурально, прямо на полу нашел тело своей дочери. Малышку связали, заткнули ей рот, надругались — и задушили. Прямо как в том деле, помнишь? Джонбенет Рэмзи, в Колорадо. Я говорю — один в один. Даже записка про сто восемнадцать тысяч, та же самая цифра.

— Подражатели?

— Да уж, я бы сказал! Короче, не прошло и пары часов, как в город понаехали из телекомпаний. Даже иностранцы — и те своих репортеров прислали... Плоховато ты время рассчитал по больницам валяться.

Незадолго до этого Спенсер принял болеутоляющее, а потому не вполне был уверен, что правильно понял Колдуэлла. Зачем кому-то понадобилось убивать Касси?

— Но мы его нашли, — тем временем продолжал Тейлор. — Копы взяли того самого панка. Ну, ниггера, который жил с Арнольдами. Лестер Амилль. Застали его на автовокзале в ночь на вторник. Хотел из города удрать.

— Зачем же он это сделал?

— А кто знает? Расследование пока идет. Но у него в комнате оказался целый ворох вырезок про дело Рэмзи. И еще. Криминалисты нашли супердоказательство. Центральная судмедлаборатория сообщила, что пижама девочки вымазана ниггерской спермой.

Мысли Спенсера прыгнули на несколько дней назад. Воскресенье. Воздушный шар. Арнольды мирно проплывают над ванденвендерской усадьбой... А сейчас Колдуэлл говорит, что одиннадцатилетняя Касси, помахавшая ему с неба, была похищена прямо из своей постели. Над ней надругались и убили. Такое даже трудно вообразить...

Колдуэлл нагнулся поближе и мягко сказал:

— Спенсер, ты правильно понял, что я собирался зайти к тебе в понедельник насчет пожертвований под выборы. Но сейчас все поменялось. Слушай меня внимательно. Я хочу попросить тебя об одной услуге. Об очень большой услуге. Наверное, самой большой из всех, что ты когда-либо делал для меня за всю свою жизнь.

Спенсер не мог взять в толк, к чему он клонит.

— Мы уже очень и очень давно дружим, и ты должен понимать, что я бы никогда не решился об этом просить, если бы не крайние обстоятельства, — настаивал Тейлор.

— Ладно-ладно, не тяни, — сказал Спенсер. — Чего ты хочешь?

— Я собираюсь вмешаться в это дело, — прошептал Тейлор. — Я собираюсь лично заняться Амилем. И я собираюсь требовать смертной казни.

— Это невозможно, — спокойно ответил Спенсер. — Если генеральная ассамблея не успела переписать конституцию Виргинии, пока я лежал без сознания, то генпрокурор штата не имеет права вести дела на уровне окружных сессий.

— Верно. До сих пор такого не случалось, — кивнул Колдуэлл. — Но я нашел способ. Статья два-два-пять-пятьдесят один прямо говорит, что генпрокурор не обладает властью требовать или проводить судебные следствия по уголовным делам в рамках округа. Но эта

фраза кончается словами «за исключением особых случаев».

— Все «особые случаи» названы, их там конкретный список. Например, вредные выбросы промпредприятий или, скажем, незаконные свалки мусора. То есть те нарушения, чьи последствия пересекают границы округов, а потому они и подпадают под юрисдикцию всего штата, а не только местной прокуратуры, — напомнил ему Спенсер. — И сюда никак не привязать убийство.

— А! Вот тут ты не прав! Есть «особый случай номер шесть», — ответил Колдуэлл. — Он-то и есть ключ. Там сказано, что генпрокурор имеет право вмешаться, если дело касается «детской порнографии и иного откровенно сексуального видеоматериала с участием детей».

— Это же дело об убийстве, а не о порнографии!

— Попробуй с трех раз угадать, что копы нашли у Амиля в компьютере. Не напрягайся, я и так скажу: снимки маленьких девочек. Связанных и так далее. Садомазохизм. Он их загрузил из Интернета. Это, друг мой дорогой, и есть тот самый веб-шлюз, через который я смогу приконnectиться к делу.

— Ты серьезно думаешь, что губернатор Андерсон просто будет сидеть и смотреть, как ты вмешиваешься? Когда каждой собаке известно, что вы с ним грызетесь?

— Эй! Губернатор уже сам создал прецедент! Не забыл еще телеведущего? А потом, даже если у него хватит духу пожаловаться в Верховный суд, так там полно демократов. Есть, правда, одна парочка, которая может мне помешать...

— Кто?

— Ваш же, местный. Прокурор Джейкоб Уиллер. Вот он мог бы выразить протест. Но мы с тобой знаем, что он уже сейчас трясется в своих тапочках «Джей-Си Пенни». Бойтся, что угробит это дело. И правильно делает, что боится! Ему нужна помощь. Моя помощь. Поверь мне, Спенсер, с него не то что тапочки — носки слетят! К тому же у Уиллера есть вполне законная причина пригласить меня. Ему еще не доводилось вести дела об убийстве.

— Ну а кто вто... Постой, да мне, наверное, и спрашивать не нужно?

— Да, вторая помеха — это ты. Тут хоть в лепешку расшибись, а без разрешения окружного судьи у меня ничего не выйдет.

Насколько знал Спенсер, ни один из генеральных прокуроров штата Виргиния еще не выступал обвинителем на уголовных слушаниях по особо тяжким преступлениям. Если Спенсер даст «добро», то тем самым установит опасный прецедент. До сих пор всегда существовала неоспариваемая линия, граница юрисдикции между окружными судами и прокуратурой штата. Ведь работа генпрокурора заключается в том, чтобы вести надзор и рассматривать апелляционные дела в Верховном суде, а не выступать обвинителем в делах об убийстве на локальном уровне.

— В Шарлоттсвиле вот уже лет двадцать не выносили приговоров с высшей мерой, — заметил Спенсер. — Я даже не уверен, что город меня поддержит.

Действительно, хотя Шарлоттсвилль и был оплотом южан, по сравнению со своими ультраконсервативными соседями его можно было считать маяком либерализма. Все благодаря университету.

— Я искренне верю, что высшая мера в данном случае оправдана, — сказал Колдуэлл. — Этот панк украл ребенка, подвергнул его сексуальным истязаниям, а потом задушил. В подвале ее собственного дома, пока мама с папой спали наверху. Вот кошмар для любого родителя.

Спенсер взглянул Колдуэллу в глаза.

— Тейлор, я тебя знаю уже давно, — сказал он. — По крайней мере достаточно, чтобы понять, что родительские кошмары тебя не очень-то волнуют. Я думаю, это чистейший пиар. Ты хочешь видеть свое лицо на первых полосах и в теленовостях, как раз перед началом избирательной кампании на пост губернатора.

Колдуэлл изобразил комическое негодование:

— Пиар? Для меня? Да никогда! — Помолчав, он добавил: — Чего уж там... Пойми, это дело может стать для меня тем счастливым билетом, что распахнет дверь в резиденцию губернатора. Мои аналитики говорят, что у Андерсона есть только одно уязвимое место, когда речь идет про его драгоценных избирателей из северной Виргинии. Он неправильно оценивает их отношение к смертной казни... Ты помнишь дело Вайделя Мовера?

Конечно, Спенсер помнил. Умственно отсталого негра Вайделя Мовера признали виновным в убийстве восьмидесятишестилетней старушки из Ричмонда. За неделю до казни Андерсон разрешил его адвокатам запросить экспертизу ДНК. Оказалось, что ДНК Мовера не совпадает с генетическим материалом, взятым из-под ногтей царапавшейся старушки. Андерсон немедленно распорядился выпустить Мовера. Никто и никогда в истории штата еще не уходил живым от виргинского правосудия после вынесения смертного приговора, и дело Мовера получило широкую огласку в общенациональной прессе. Примерно в то же время губернатор Иллинойса Джордж Райан, соратник Андерсона по республиканской партии и сторонник высшей меры, ввел мораторий на смертную казнь в своем штате. После того как тринадцати смертникам подряд оставили жизнь, в основном благодаря новомодным генетическим экспертизам.

Колдуэлл продолжал:

— Понятия не имею, почему Андерсон решился на свой следующий шаг. Может, совесть заговорила, а может, хотел показать миру, что он не такой уж ультрарадикальный правый экстремист... Да бес его знает, может, он просто последовал идиотскому совету своих помощников! Как бы то ни было, наш губернатор сказал Кэтти Курик на телешоу «Сегодня», что у него появились серьезные сомнения в самой идее смертной казни и что он вряд ли теперь сможет поддерживать такие приговоры.

Колдуэлл сделал драматическую паузу, желая подчеркнуть важность своих слов.

— Так вот, Спенсер, мы с тобой отлично знаем, что в Виргинии не все так просто, когда речь заходит про высшую меру. Черт возьми, это мы первыми в Новом Свете повесили какого-то злосчастного дурня в самом начале семнадцатого века! Мы казнили больше женщин и детей, чем любой другой штат во всей стране! А возьми пятьдесят первый год? Отправили на тот свет восемь мужиков за семьдесят два часа. После того как Верховный суд объявил высшую меру слишком субъективным и капризным приговором, наши законодатели потеряли сон, лишь бы поскорее разработать новые основания и вернуться к любимому занятию. С тысяча девятьсот восемьдесят второго года мы казнили больше заключенных, чем любой другой штат, если не считать Техаса. А у них куда больше населения!

Спенсер и сам отлично знал статистику.

— Виргинцы не просто обожают сажать на электрический стул, — настаивал Колдуэлл, — мы весь процесс поставили на поток! Возьми, к примеру, апелляцию. После того как судья подпишет высшую меру, осужденному дается только двадцать один день, чтобы найти новые доказательства. Если не успеет, тогда он лишается права вообще о них упоминать. И не важно, что потом может всплыть на свет. Если доказательство не было представлено в срок, им нельзя аргументировать на апелляции!

Спенсер хмуро кивнул: среди адвокатов защиты это был очень болезненный, горячо дебатлируемый вопрос. Имелись и другие противоречивые места.

— То же самое и с протестами защиты, — продолжал Колдуэлл. — Согласно Правилу одновременных протестов, адвокатам запрещено выдвигать какие-либо возражения на апелляции, если они ранее не были заявлены на исходном слушании по делу. Если заключенному попадет некомпетентный адвокат — все, пиши пропало. В нашем Содружестве есть и еще один симпатичный способ поскорее отправить осужденного на тот свет. Ты не хуже меня знаком с Правилами консервации доказательств. Окружной суд не обязан хранить улики после окончания судебного следствия. В большинстве случаев их просто уничтожают. Попробуй-ка найди биологический материал десятилетней давности для экспертизы ДНК!

Явно закусив удила, Колдуэлл горячо потребовал:

— Давай-ка подумай, отчего это славные граждане Виргинского Содружества из всех сил мешают смертникам подавать на апелляцию? Да потому что избирателей уже тошнит видеть суды, заваленные вечно тянущимися делами! Они убеждены, что система перестанет пробуксовывать только тогда, когда высшая мера станет эффективной. А значит, ее надо приводить в исполнение как можно скорее!

Сейчас Колдуэлл говорил торопливо и делал паузы, только чтобы перевести дыхание.

— Я сам проверял. Тебе известно, что народ Виргинии ни разу не переизбрал человека, который вздумал протестовать против смертной казни? Ни одного, ни разу! Да, есть грехи, на которые наши консервативные избиратели готовы закрыть глаза. Тебя могут подловить на адюльтере с менеджером твоей же избирательной кампании — правда, только если это женщина... Ты можешь воровать из казны, но занять позицию помягче в отношении криминала? Такого не простят. Я вот — особо не афишируя, конечно — организовал несколько соцопросов. И что получилось? Восемьдесят пять процентов виргинцев за высшую меру. Мало того! Даже когда этот вопрос ставят не так категорично и предлагают альтернативу — скажем, казнь заменят на обязательное пожизненное заключение безо всякого шанса на амнистию, — даже в этом случае аж шестьдесят пять процентов хотят видеть сукиного сына поджаренным! Вот и ответ мне, что сделает наш знаменитый губернатор, когда я прищучу этого ниггера Лестера и добьюсь для него высшей меры? О, я уже сейчас вижу, какой цирк устроит пресса! Смотри: я буду требовать справедливости от имени жертвы, маленькой белой девочки, которую похитил, подвергнул сексуальному насилию и задушил любитель детской порнографии. А губернатор Андерсон окажется по ту сторону забора, пытаюсь спасти трижды долбанного рэпера от заслуженного возмездия. Каждый добропорядочный родитель в северной Виргинии поставит себя на место Франка и Максина — и будет на моей стороне. И я на белом коне въеду в губернаторскую резиденцию. Просто и элегантно. Как в деле Вилли Хортон, например.

Колдуэлл нагнул и положил ладонь на плечо Спенсеру.

— Вспомни, как мы в свое время мечтали, еще на юрфаке, о том, как я стану губернатором, а ты возглавишь Верховный суд. Вот он, наш великий шанс. Мои аналитики говорят, что этим делом я могу сбить Андерсона, как кеглю. У него вообще здесь ахиллесова пята. И из меня получится прекрасный губернатор, а ты заслуживаешь кресла в Верховном суде.

Спенсеру становилось не по себе. Разговор слишком близко подошел к границе профессиональной этики. Судьям не полагается обсуждать дела о тяжких преступлениях с

потенциальными обвинителями. Кроме того, Колдуэлл напрасно размахивает перед ним морковкой в виде места верховного судьи. С технической точки зрения на такие должности назначают только решением генеральной ассамблеи. Хотя... Если Колдуэлла выберут, он вполне может продавить Спенсера вплоть до вождя кресла.

— Спенсер, — сказал Колдуэлл, — тут не просто политика или личные амбиции. Этот панк надругался над ребенком. Убил невинное дитя. Никто из нас не хочет, чтобы он вышел и опять принялся за свое. Я прошу только одного: не возражай, когда я объявлю, что намерен вмешаться.

— Когда ты собираешься это сделать?

— Предварительное слушание назначено на вторую половину дня. Я уверен, что судья Джордж Гатлин найдет достаточно оснований, чтобы созвать Большое жюри. Вот тогда я и выступлю с заявлением, что подсудимый заслуживает высшей меры. Мы сделаем так, будто это была идея Джейкоба Уиллера. Он меня пригласит, чтобы я помог провести судебное следствие по делу о тяжком убийстве.

— Я смотрю, ты все рассчитал...

— Спенсер, здесь мое будущее! И твое! — горячо сказал Колдуэлл. — Ну, могу я рассчитывать на тебя как на друга?

Спенсер на минуту задумался. Его с давних пор восхищала амбициозная решимость Тейлора. Он всегда был готов пойти на риск. На юрфаке Колдуэлл приобрел репутацию иконоборца, подвергавшего сомнению общепринятые истины. Упрямый, своевольный, убежденный, вечно бьющий в одну точку. И совершенно беспощадный, когда речь заходила о том, что ему хотелось. После выпуска Колдуэлл устроился в Ричмонде, где несколько лет проработал прокурором. Он брал слабые, порой безнадежные дела — и каким-то образом ухитрялся их выиграть, заработав себе кличку «Стальные когти». Затем его перевели в федеральную прокуратуру, где он продемонстрировал ярость неукротимого быка, взявшись за дело о мотоциклетной гангстерской банде. После этого он был делегирован от Виргинии в генеральную ассамблею, где его карьера стремительно пошла в гору. А потом поставил все на карту, выдвинув свою кандидатуру на пост генпрокурора штата против оппонента с гораздо большей финансовой поддержкой. Остальное принадлежит истории. Колдуэлл выиграл противостояние и сейчас вновь испытывал судьбу, желая выпихнуть из кресла губернатора, который пользовался на редкость большой популярностью.

— Я не стану возражать против твоего вмешательства, — тихо сказал Спенсер. — Даю слово.

Колдуэлл расцвел в улыбке.

— Я знал, знал, что могу на тебя положиться! Ты сделал правильный выбор.

Он взглянул на часы.

— Ой-ой-ой, пора бежать. Ах да! Я тебе кое-что еще должен сказать. У меня в начале недели была неформальная беседа с судьей Гатлином, так он в адвокаты Лестера собирается взять Патти Делани.

— Ты договорился, чтобы ее назначили на дело, где светит высшая мера?!

— Положим, она об этом еще ничего не знает. Вот когда я выступлю с заявлением, тогда — да. А пока что просто рассматривается убийство.

— Да хватит ли у нее квалификации?

— Послушай, у нее опыта побольше, чем ты думаешь. В Балтиморе она уже вела апелляцию по смертному приговору.

— Балтимор — это тебе не Виргиния. Кстати, она в списках? — спросил Спенсер, имея в виду перечень адвокатов, чья квалификация удовлетворяла процессуальным нормам штата, чтобы представлять клиентов, кого ожидал как минимум пожизненный приговор.

— Честно говоря, ее в списках нет, — ответил Колдуэлл. — Но и это не проблема. Я уверен, что ей дадут кого-нибудь в помощь из резерва госзащиты. В конце концов, закон требует, чтобы такие дела вели два адвоката.

— У меня на заседании она села в такую лужу... — задумчиво произнес Спенсер.

— Да что ты? — усмехнулся Колдуэлл. — Бедный, несчастненький Лестер Амиль.

— А если кто-то станет возражать против нее?

— Кто, например? — удивился Колдуэлл. — Да хотя бы и так. Законы Виргинии дают тебе полное право объявить ее компетентной. Ты же председательствующий судья! И давайте будем реалистами. Никто из адвокатов вашего округа на пушечный выстрел не захочет подойти к этому делу.

Спенсер знал, что это чистая правда. За разбирательствами по категории высшей меры водилась недобрая слава. На них уходила масса времени, сил и денег. При неудачном повороте событий частнопрактикующий адвокат мог запросто потерять репутацию. Тем более в нынешнем деле. Ни один уважающий себя житель Шарлоттсвиля уже никогда не обратится к Патти Делани за защитой своих интересов — или даже за примитивным оформлением завещания, — как только станет известно, что она представляет негра, душегубца и насильника детей.

— Что побудило тебя выбрать именно Делани? Если оставить в стороне ее некомпетентность? — спросил Спенсер.

— Есть причины, не волнуйся.

Колдуэлл вновь усмехнулся и затем сказал (достаточно громко, чтобы мог слышать медперсонал в коридоре):

— Ну что ж, господин судья, разрешите пожелать вам скорейшего выздоровления и возвращения к работе. Виргинское Содружество не может себе позволить, чтобы такой важный и нужный человек, как вы, лежал в больнице, флиртуя с симпатичными сестричками!

С этими словами он легкой походкой покинул палату и за руку попрощался с каждой из медсестер.

Лишь после ухода Колдуэлла Спенсер начал понимать колоссальность своего обещания. За все те годы, что он провел в судебной системе, ему ни разу не довелось заслушивать дело о тяжком убийстве, влекущем высшую меру. Ему не приходилось смотреть в глаза осужденного, зачитывая смертный приговор и зная, что того теперь ждет летальная инъекция или электрический стул. Согласившись помочь своему старинному другу — и, возможно, тем самым добиться для себя места в Верховном суде Виргинии, — Спенсер оказался в сомнительном положении как с профессионально-этической, так и с моральной точек зрения.

Какой смысл в повязке на глазах Фемиды, когда Колдуэлл может одним пальцем придавить чашу весов?

Лежа в кровати и размышляя о том, что только что сделал, Спенсер вдруг почувствовал резкую боль в левой ладони. словно кто-то ножом полоснул. Он поднял руку и увидел, как в середине ладони начинает проявляться тоненькая красная линия.

— Что за ерунда? — изумился Спенсер и осторожно коснулся алой полоски. Влажная

еще, будто от свежего пореза. В ту же секунду ранка начала пульсировать болью в такт биению сердца.

БОСТОН, ШТАТ МАССАЧУСЕТС

Приземлившись в международном аэропорту Логан, преподобный Дино Анджело Грассо и его спутник по имени Кайл Данем взяли такси до Бикон-Хилла, одного из самых шикарных районов Бостона. До того как покончить с собой в пирамиде «Луксора», Патрик Макферсон проживал здесь со своей супругой. Кэрол Макферсон встретила посетителей в холле собственного особняка, выполненного в стиле так называемого греческого возрождения, и сведущий в архитектуре гость мог сразу заключить, что дому не меньше полутора сотен лет. Внутреннее убранство, впрочем, оказалось вполне современным: бледно-зеленые стены, светлый неброский паркет из твердой древесины, напольные ковры с раскраской под зебру... Хозяйка провела их в соседнюю гостиную, где стены были уже персикового цвета, оконные переплеты и портьеры отливали ярко-алым, а напротив камина с сиреневой облицовкой стояли два пышных белоснежных дивана. Карликовое тельце Грассо немедленно провалилось между мягкими подушками.

— Чай? Кофе? Лимонад? — спросила она.

— Нет-нет, спасибо, — тут же ответил Грассо, чье монастырское воспитание не позволяло без нужды беспокоить людей.

— А я бы с удовольствием выпил пива, — сказал его спутник. Данем учился на третьем курсе Католического университета, отличался светлой головой и любознательностью, а потому Грассо предложил студенту слетать с ним в Бостон. Тем более что возраст и физическая ущербность профессора делали поездку в одиночку затруднительной.

— Разумеется, — кивнула миссис Макферсон.

Хозяйка дома, вызвавшая прислугу, смотрелась гораздо старше своих сорока с небольшим лет. Худощавая фигурка, неброская внешность. Простенькое черное платье, строгие черные туфли и абсолютно никаких украшений, за исключением золотого обручального кольца с небольшим бриллиантом. Когда Грассо позвонил, чтобы договориться о встрече, она с большой неохотой согласилась поговорить о муже. Точнее, поначалу она просто отказала, но Грассо умел уговаривать. Вот и сейчас, к примеру, в ожидании прохладительных напитков, он начал с комплиментов в адрес красочной внутренней отделки дома, надеясь, что женщину это отвлечет и успокоит.

— Весь интерьер я подбирала сама, — оживилась миссис Макферсон. — Точнее, наняла рабочих и объяснила им, что и как делать. От дома осталась буквально одна скорлупа, все сломали. Потом я установила стальную винтовую лестницу, чтобы сэкономить пространство и придать интерьеру современный вид. Я знаю, что цветовая гамма... м-м... как бы это выразиться... несколько экзотична, но когда я была в Тоскане, на меня снизошло вдохновение.

Разница между ее собственным минималистским внешним обликом и ярким декором дома выглядела довольно парадоксально. Она зажгла сигарету, и в эту минуту в комнату вошла горничная, неся серебряный поднос с кружкой пива для Данема, а также серебряный кофейник, две чашки и тарелочку бутербродов-канапе. Миссис Макферсон налила для Грассо кофе, но он, глубоко зарывшись в диванные подушки, никак не мог приподняться и

дотянуться до столика здоровой правой рукой. Данем пришел к нему на помощь и, передав блюдо с кружкой, устремил взгляд на бутерброды.

— Мой муж незадолго до смерти стал проявлять симптомы серьезного душевного заболевания, — приступила к рассказу миссис Макферсон, — хотя я не представляю, какой диагноз подходит в этом случае. Когда он впервые повел себя странно, я заподозрила у него биполярность. Видите ли, я по профессии психиатр, однако с пациентами практически не работаю. Моя специализация — научные исследования. Всю свою карьеру я посвятила изучению шизофрении, причем наиболее крайним ее проявлениям, когда люди бегут от действительности в мир навязчивых идей и фантазий. Какая, впрочем, ирония, вы не находите? Психиатр замужем за адвокатом, который кончает с собой по причине маниакального бреда...

Голос ее прервался.

— Доктор Макферсон, — сказал Грассо, — когда вы впервые заметили странности в поведении супруга?

— Вам знаком термин «биполярное состояние»?

Грассо смущенно пожал плечами.

— Его еще называют маниакально-депрессивным психозом. Это заболевание возникает неожиданно, зачастую под действием сильного стресса. По правде говоря, меня удивляет, почему вы не встречались с подобными случаями раньше, так как студенты вузов, особенно незадолго до выпуска, часто проявляют такие симптомы. Их пугает новый, громадный мир, куда им вот-вот предстоит войти. Биполярность нередка и у людей зрелых, переживающих так называемый кризис среднего возраста... Нет, до той поры у моего мужа не наблюдалось каких-либо психических расстройств. Как вы сами видите, наша жизнь была весьма и весьма комфортной. Все шло хорошо, а потом, в одно злосчастное утро, я проснулась в постели с копией Джексона Поллока.

— Вы упомянули, что обычно это состояние возникает в силу какого-то внешнего фактора, — напомнил ей Грассо.

— Патрик часто был на пике своих способностей именно в условиях дефицита времени или когда занимался какой-то крайне запутанной судебной тяжбой. Стресс на него не действовал. По крайней мере на мой взгляд. Мне и сейчас неясно, что заставило его изменить поведение. Но я все равно не верю, что это был стресс. Первые признаки неблагополучия появились, когда он увлекся своим камнем. Знаете, такой белый кругляш, размером с кулак. Патрик утверждал, что в нем содержится магическая сила.

— В камне?

— Да. Один Бог ведает, где он его раздобыл. Патрик заявлял, что благодаря камню он может определить, кто из людей лжет. Бредовая идея, конечно, но не столь уж и странная для биполярных пациентов. Большинство из них страдают манией величия, и они часто становятся одержимы каким-то предметом. Даже кинофильмом — скажем, в главном герое видят самих себя. Мой муж был блестящим юристом и обладал невероятной сообразительностью, но когда речь заходила про его камень, он производил впечатление слабоумного.

— Был ли ваш супруг глубоко верующим человеком?

Миссис Макферсон улыбнулась, продемонстрировав замечательно ровные и ослепительно белые зубы.

— Значит, вам известно про загадочное изображение на его левой ладони, —

полувопросительно сказала она, — которое напоминает распятие? Вы из-за этого приехали?

— Должен признаться, оно выглядит весьма необычно.

— Да, сначала он даже пытался его от меня спрятать. Боялся, что я подумаю, будто он сам его сделал, специально вырезал ножом. Впрочем, именно так я и решила. Но он утверждал, что во всем виноват камень, а когда я рассмотрела рану поближе, то поняла, что это не его рук дело. Патрик уверял, что это знак от Бога.

— Что значит «знак от Бога»?

— Святой отец, я вам уже говорила, что мой муж страдал душевным расстройством. Сам он заявлял, что... за неимением лучшего определения... его проклял Бог и что единственный путь избавиться от проклятия — это испросить прощения у всех, кого он обидел в прошлом. Но всякий раз, когда его кто-то прощал, рана на ладони становилась только больше. Как-то ночью он разбудил меня и сказал, что нашел способ, как освободиться из-под влияния камня и этого знака. Он что-то лепетал об открытии некоего секретного кода в Библии, якобы объясняющего, как избавиться от камня. Чистое сумасшествие...

— Проклятие, как в гаитянском вуду? — вставил Данем, беря уже седьмой бутербродик. Миссис Макферсон даже не повернула к нему лица.

— Преподобный отец, вам знаком халдол?

— Нет...

— Это мощный антипсихотропный препарат. Мы назначаем его тем пациентам, которые подвержены психотическим припадкам и более не в состоянии проводить границу между фантазиями и реальностью. Я давала мужу по пять миллиграммов три раза в день, стандартный курс лечения. Абсолютно никакого результата. Тогда я начала повышать дозировку. Вскоре мы дошли до сотни миллиграммов, плюс к тому мощный коктейль из эмоциональных стабилизаторов. Все эти усилия не привели ни к чему. Нулевой эффект. Невероятно, таким комплексом можно слона уложить! Мне приходилось видеть пациентов с крайне глубокими нарушениями — так они словно по щелчку выскакивали из своего психотического состояния при гораздо меньших дозах халдола! Но только не мой муж. Я пробовала и депакот, и зипрекс, и литиум. Ни один из препаратов не помог. Муж по-прежнему уверял, что его прокляли, что он обладает сверхъестественными способностями и что камень все так же его мучает. Причем он был вполне адекватен, когда речь заходила обо всем прочем. Патрик мог безошибочно сказать, какая погода на улице, назвать дату и время суток, обсудить дела на работе, поддержать разговор о текущих политических событиях... Полное нормальное восприятие действительности, за исключением любой темы, касавшейся камня. Он знал, что я даю ему лекарства, и уверял, что с его мозгом все в порядке. Никакого химического дисбаланса. Все дело в душе, говорил он, это его душа требует лечения. Ближе к концу вихрь идей закружил его столь быстро, что он уже не успевал их объяснять. Кстати, ему не требовался сон. Я пробовала давать амбиен — это снотворное, — но эффект опять оказался нулевым. Патрик составил длинный список людей, которых, по его словам, он обидел, обманул, в чем-то ущемил... Сушая ерунда, по сути. Например, в пятилетнем возрасте Патрик украл несколько молочных карамелек из кондитерской по соседству. Так он предпринял настоящий розыск, а когда узнал, что прежний хозяин лавки умер, то нашел его сына. Написал ему длинное письмо с извинениями и выслал деньги за те самые карамельки.

— Зачем же он так стремился получить прощение?

— Да из-за этого идиотского камня!.. Знаете, когда у него был один из самых сильных

приступов, я застала его в нашей спальне. Он плакал. И он...

Миссис Макферсон замолчала. Грассо отчетливо видел, как ее глаза наполняются влагой.

— ...он сказал, что изменял мне. У них там на фирме была одна... такая молоденькая стажерка... и он влюбился... Дело давнее, уже десять лет прошло, но он все равно решил рассказать. Он умолял о прощении... Я была ошеломлена, унижена, разгневана... Ведь он же меня предал!.. Кричала на него... Отказалась простить. Как он посмел?! После всех этих лет молчания в нем вдруг заговорила совесть, и теперь он признался, чтобы обелиться в собственных глазах! Я велела ему убираться прочь с моих глаз, прочь из нашего дома...

— И он поэтому улетел в Лас-Вегас?

— Нет. Он отправился вовсе не из-за моего отказа. Его туда ваш Боженька послал!

Она раздавила сигарету в серебряной пепельнице.

— Извините, я не хотела... Понимаете, мне нелегко об этом говорить. Через два дня после нашей ссоры Патрик вернулся. И я простила его. Я подумала, может, сейчас все наконец кончится? Но он страдал, как и раньше. Сказал мне, что совершил в своей жизни нечто куда более гадкое, чем супружеская измена. И я спросила: «Что может быть хуже?» Он не ответил... А потом сообщил, что ему надо в Лас-Вегас, чтобы там якобы найти искупление. Я его спросила: «При чем тут Лас-Вегас?» А он ответил: «Библия приказывает Тайна, сокрытая в Священном Писании. Я должен ехать». Мне было страшно, но остановите его я не смогла. Он потом позвонил, сказал, что остановился в каком-то отеле, что-то вроде пирамиды, забыла название... Сказал, что наконец-то нашел путь получить прощение за все свои грехи...

Женщина расплакалась.

— Мне очень жаль, что ваш супруг испытывал такую боль, что вы оба так страдали... — сочувственно произнес Грассо. — А он не пробовал обратиться к священнику?

Миссис Макферсон потянулась к салфеткам.

— Вы только не обижайтесь, — сказала она, промокая глаза, — но Патрик уж к каким только священникам не ходил... Даже к протестантским. Еще вначале, когда он только приступил к поиску ответов. Говорю вам, он был одержим. Никто из них не дал ему ответа, который бы его устроил. И он принялся составлять какие-то диаграммы из библейских изречений, сотни диаграмм. Искал некий секретный код. В жизни не видела подобного заболевания. Не только медикаменты не помогали, так еще и логика не работала. Патрик сказал мне, что хочет уподобиться Христу. Иначе, дескать, нельзя. Камень хочет, чтобы он стал совершенным...

Миссис Макферсон даже перестала вытирать слезы. Говорить ей становилась все труднее и труднее.

— Я ничего не понимала из его слов...

— Может быть, — мягко предложил Грассо, — если мы посмотрим его бумаги, то сумеем найти какие-то ключи к разгадке...

— Да, они в библиотеке, — сказала женщина, вставая. — Я провожу вас.

Грассо тоже попытался встать, но ему не хватило сил, чтобы высвободиться из диванных объятий. Данему пришлось извлекать наставника за руку.

Библиотека Макферсона оказалась единственной комнатой, которой не коснулись декоративные увлечения его жены. Сплошные ореховые стеллажи и кожаные кресла. Тут и там развешаны высмеивающие адвокатов карикатуры из «Панча». На одной из стен

красовалась фотография Уильяма Дженнинга Брайана с автографом. Прославленный оратор был запечатлен сидящим за прокурорской кафедрой с веером в руках во время знаменитого процесса над Джоном Скопсом и его дарвинской обезьяной.

— Думаю, нет ничего страшного, если вы посмотрите бумаги Патрика. — Миссис Макферсон села в кресло и извлекла очередную сигарету. — Эта комната напоминает мне мужа. Он любил юриспруденцию.

Между тем Грассо уже рассматривал книги, горкой сложенные на письменном столе. Свыше дюжины томов, каждый из которых посвящен тому или иному методу толкования библейских текстов.

— Доктор Грассо, — произнес вдруг Данем, — взгляните-ка.

Он передал профессору толстенький блокнот с желтой бумагой, какими обычно пользуются адвокаты. В блокнот были старательно выписаны семьдесят три библейских изречения. Первой шла фраза из Бытия, глава шестнадцатая, стих пятый: *«Господь пусть будет судьей между мною и между тобою»*. Грассо быстро проглядел остальные выписки.

— В каждом из этих высказываний содержатся слова, напрямую связанные с судьями, судами или справедливостью, — заметил он. — Похоже, мистер Макферсон составлял перечень тех библейских изречений, которые относятся к вынесению приговора.

— А вот кое-что другое, — сказал Данем, протягивая еще один блокнот. В заголовке страницы Макферсон написал *Псалом 26, стих 1*:

[А] Господь — свет мой и спасение мое:

[В] Кого мне бояться?

[А] Господь — крепость жизни моей:

[В] Кого мне страшиться?

Под этими словами Патрик нацарапал строчку из заглавных букв: *А-В-А-В*.

Грассо показал блокнот миссис Макферсон.

— Возникает впечатление, что ваш супруг применил свои юридические навыки, чтобы проанализировать эти выписки, — сказал он. — Многие ветхозаветные книги, в частности, Псалтирь, Притчи Соломона, Плач Иеремии, Книга Пророка Михея и Книга Пророка Авди в действительности представляют собой длинные поэмы на древнееврейском. С другой стороны, древние евреи не пользовались теми же самыми рифмами или стихотворными метрами, которые в ходу у английских поэтов. Кое-кто из ученых именуется такой стиль «древнеиудейским параллелизмом», потому как многие поэмы фактически повторяют одну и ту же мысль, хотя и в несколько иной форме. Позвольте мне продемонстрировать...

Грассо вырвал из блокнота пустую страницу и продолжил:

— Давайте посмотрим, что получится, если мы поставим вместе те две строчки, что мистер Макферсон обозначил буквами «А».

Грассо записал:

[А] Господь — свет мой и спасение мое.

[А] Господь — крепость жизни моей.

— Оба эти предложения повторяют одну и ту же идею. Видите? А теперь поставим вместе строчки с буквой «В»:

[В] Кого мне бояться?

[В] Кого мне страшиться?

— И опять-таки обе строки говорят об одном и том же. Их смысл параллелен.

— Поздравляю вас, — кивнула миссис Макферсон. — Однажды вечером Патрик продемонстрировал мне этот фокус про «а» и «бэ». Впрочем, он называл это «зеркальным отображением». Патрик уверял, что в Библии содержатся скрытые указания, которые с помощью специального кода можно расшифровать.

— Не знаете, он отыскивал этот код? — спросил Грассо.

— Да. По крайней мере ему так казалось. Он мне его даже показал.

Женщина пролистала один из блокнотов и остановилась на листе, куда муж выписал отрывок из Исайи, глава 6, стих 10:

[А] Ибо огрубело сердце народа сего,

[В] И ушами с трудом слышат,

[С] И очи свои сомкнули,

[С] Да не узрят очами,

[В] И не услышат ушами,

[А] И не уразумеют сердцем...

— Видите, как повторяется рисунок: сердце [А], уши [В] и глаза [С]? — спросила она.

Мужчины согласно кивнули.

— А теперь посмотрим следующую выписку. — Миссис Макферсон перевернула страницу. Здесь отрывок был взят из Исайи, глава 55, стихи 8 и 9:

[А] Мои мысли — не ваши мысли,

[В] Ни ваши пути — пути Мои...

[С] Но как небо выше земли,

[В] Так пути Мои выше путей ваших,

[А] И мысли Мои выше мыслей ваших.

— Совершенно очевидно, что *А* и *В* отражают друг друга: мысли отражают мысли, пути отражают пути, — пояснила она, — однако мы не видим предложения, которое отражало бы *С*.

И миссис Макферсон подчеркнула в блокноте:

[С] *Но как небо выше земли*

— Вот это и есть великое открытие мужа: в поэмах содержатся строчки, которые не имеют отражения. Они самодостаточны. В них-то и заключается секретное послание Бога. В данном случае секретное послание гласит, что *небо выше земли*, то есть оно находится над землей.

— Круто! — восхитился Данем.

— О, мой юный друг, давайте не будем преждевременно обольщаться, — сказал Грассо. — Хотя эта трактовка вполне оригинальна, я боюсь, что в конечном итоге она не имеет большого смысла.

— Как так? — удивился Данем.

— Начнем с того, что Святое Писание не было написано на английском языке, — объяснил Грассо. — До сих пор наиболее сведущие ученые Ватикана не могут договориться между собой, какие стихи в Библии подлинные и были ли они записаны и переведены правильно. Ведь изначально эти слова принадлежали древнееврейскому языку, и они совершенно отличаются от английских. И тем не менее мистер Макферсон использовал свои юридические навыки, чтобы в буквальном смысле заглянуть за изнанку стихов и увидеть там секретное послание. Это первая проблема.

— А вторая? — спросила миссис Макферсон.

— Ваш супруг полагал, что в Библии Бог спрятал для него послания. Но зачем? Какой Богу резон прятать свои послания? Когда Ему хочется, чтобы мы что-то знали, Он говорит открытым текстом. Лишь само человечество запутало Его послания. Важность выписок не в том, *что именно* выявили любительские изыскания вашего супруга, а *почему* человек, не обладавший глубокими религиозными убеждениями, внезапно оказывается настолько одержим религией, что строит сотни диаграмм из библейских текстов. Вот я и думаю, что нам следует спросить себя: *почему* он делал такие выписки? В чем мотив? Надо выяснить, что заставляло Патрика идти по этому безнадежному пути, а не пускаться по его следам и отыскивать секретные сообщения Бога, запрятанные в Библии.

После этого Грассо с Данемом продолжали изучать бумаги, в то время как миссис Макферсон курила и наблюдала за работой мужчин. Примерно через полчаса она уныло вздохнула:

— Доктор Грассо, я, пожалуй, пойду на кухню за второй чашечкой кофе. Может, что-нибудь принести вам, господа?

— Нет, спасибо, — ответил Грассо.

— В том углу есть копировальный аппарат, можете им воспользоваться, — добавила хозяйка дома. — Я вернусь через несколько минут.

И с этими словами она удалилась.

Между тем Грассо все пытался сообразить, что же его подсознательно беспокоит. Что-то здесь не так...

— В первом блокноте, — сказал он Данему, — мистер Макферсон выписал все библейские стихи, где упоминаются судьи. И тем не менее никаких «судейских» диаграмм мы до сих пор не нашли. Если он был одержим идеей суда и искал прощения за собственные грехи, то где же эти секреты, что он выудил при анализе?

— Он мог взять диаграммы с собой в Лас-Вегас, — предположил Данем.

— Мог, конечно, но давайте-ка сначала покопаемся в мусоре, на случай если он их уничтожил, чтобы жена не догадалась про его самоубийственные планы.

В углу с офисным оборудованием, рядом со шредером, они нашли мешок с ворохом желтого и белого серпантина, оставшегося после измельчения отрывных блокнотных листов, писем и конвертов. Вынув горсть бумажек, Данем рассыпал их по столу. Хотя собрать их в единое целое уже не представлялось возможным, они обнаружили две не до конца разрезанные полоски. На них читались слова: «...ударит человека, так что он умрет...»

— Доктор Грассо, вы узнаете это место?

— Конечно. Из Ветхого Завета. Один из самых ранних законов, установленных древними евреями.

Грассо взял сильно потертый томик Библии с письменного стола Макферсона и

раскрыл книгу на тексте Исхода. В главе 21, в стихе за номером 12, он нашел искомое: «*Кто ударит человека, так что он умрет, да будет предан смерти...*»

Помнится, что-то еще привлекло его внимание... Он перелистнул книгу чуть назад и добрался до главы 19, где рассказывается о беседе Моисея с Богом на горе Синай. Здесь поля страниц были испещрены пометками.

— Любопытно, — задумчиво произнес Грассо. — Против каждой из Десяти заповедей Макферсон проставил инициалы или даже конкретные имена. Рядом с «Не кради» он приписал «кондитерская Макмиллиан». А возле стиха номер тринадцать, «Не убивай», он указал просто инициалы, «М.С.». Следующий, четырнадцатый, стих, сопровождается именем «С. Дикенс»... Хм-м. Я попрошу вас сделать копию этой страницы — Десять заповедей — со всеми пометками.

Пока Данем возился с копировальным аппаратом, Грассо обследовал книжные полки и, отыскав телефонную книгу бостонских адвокатов, посмотрел в ней на «Д». Имя встретилось только один раз. Грассо набрал указанный номер. Трубку взяла женщина;

— Мисс Дикенс, — сказал Грассо, — приношу свои извинения, что приходится беспокоить вас дома, но мне нужно переговорить с вами по важному делу. Меня зовут Грассо, преподобный отец Дино Анджело Грассо. Я профессор Католического университета, однако сейчас нахожусь в Бостоне, расследую кое-какие щепетильные обстоятельства. Полагаю, что вы могли бы мне помочь.

— Что вы расследуете?

— Смерть Патрика Макферсона.

На том конце провода полное молчание.

— Думаю, вы знаете причину моего интереса.

Вновь никакого ответа.

— Мисс Дикенс, прошу вас понять, я не собираюсь ставить вас в неловкое положение своими вопросами, — продолжал Грассо. — Все, что вы расскажете, останется строго между нами. Даю вам слово священника. И пожалуйста, поймите, что это очень, очень важно. Можем ли мы встретиться?

И опять-таки никакой реакции.

— Алло? Мисс Дикенс?

— Я давно замужем, — наконец ответила она. — Дикенс — это моя девичья фамилия, я ее до сих пор не изменила в связи со своей работой. Что вам известно про нас с Патриком?

— Совсем немного, хотя я считаю, что вы — единственный человек, способный объяснить мне подлинную причину самоубийства Макферсона.

Вновь долгое молчание, но в конце концов она неохотно согласилась:

— Ладно. Я с вами встречусь, хотя и сама не понимаю, зачем мне это нужно. Только не в моем доме. Будьте через сорок пять минут в ирландском баре О'Лири на Бикон-стрит.

Как только Грассо положил трубку, Данем поинтересовался:

— Кто это?

— Седьмая заповедь.

— А?

— Сейчас не до лекций, — отмахнулся Грассо. — В пивную надо успеть.

Перед уходом они попрощались с миссис Макферсон.

— Мой муж был хорошим человеком, — тихо сказала она, остановившись возле парадной двери. — Если вы найдете то, что стало причиной его болезни, пожалуйста,

сообщите мне. Мы были счастливы, так счастливы, пока он не сошел с ума из-за своего проклятого камня...

— Обещаю вам, — ответил Грассо. — Кстати, вы не знаете, что случилось с этим камнем?

— Нет. Наверное, он взял его с собой, потому что ни в доме, ни в офисе мы ничего не нашли.

Заведение О'Лири оказалось миниатюрной копией традиционного ирландского паба, только с бостонским колоритом. Интерьер выглядел смесью американского и ирландского китча. Грассо и так выделялся из толпы, а здесь он вообще казался белой вороной, очутившись среди множества молодых, энергичных, хорошо зарабатывающих людей. Дикенс узнала профессора по его клерикальному воротничку и предложила пройтись вдвоем до более тихого кафе неподалеку. Усевшись за отгороженный ширмой столик, они заказали кофе. Не теряя времени, Дикенс спросила:

— Как вы меня нашли?

— А вы знаете, — ответил Грассо, — ведь ваше имя дал мне сам Макферсон. Его жена сказала, что однажды у него была любовная история с кем-то из офиса, хотя конкретную женщину она так и не назвала.

Грассо извлек из кармана лист бумаги, развернул его и положил на стол. Это была сделанная Данемом копия Десяти заповедей с рукописными пометками Макферсона.

Сюзан Дикенс, стройная афроамериканка тридцати с чем-то лет, бросила взгляд на надпись «С. Дикенс», выполненную бисерным почерком напротив седьмой заповеди, «Не прелюбодействуй».

— Я родилась в Монровилле, штат Алабама, в семье баптистов, — сказала она. — Так что, если быть откровенной, я не испытываю особого уважения к римской католической церкви и не собираюсь каяться в грехах.

— Я пришел не за вашим покаянием или чтобы вас осуждать, — ответил Грассо. — Меня просто интересует Патрик Макферсон.

— Я ненавидела его, — холодно промолвила Дикенс. — И любила.

Она сделала паузу, явно прикидывая, стоит ли рассказывать всю правду, и все-таки решила продолжить:

— Это случилось лет десять назад. Я только что окончила юридический колледж, пыталась проявить себя... Вы даже не представляете, как сложно приходится молодому адвокату в крупной юридической фирме. Тем более во время испытательного срока. Вам дают самые бессмысленные, пустые поручения. Заставляют работать по восемьдесят часов в неделю, почти ничего не платят, а обращаются как с ни к чему не пригодной тупицей. Словно это часть обязательного ритуала. Сексуальные домогательства на каждом шагу, а когда у тебя еще и темный цвет кожи, то встать на ноги в профессиональном мире, где доминируют белые мужчины, да еще и в одном из самых расистских городов Америки... Очень многие откровенно желали мне зла. Закон под угрозой судебного преследования заставлял фирму Патрика нанимать этнические меньшинства, но руководство ясно дало понять, что мне там не рады.

— А Макферсон? Как он к вам относился?

— Он вел себя совсем по-другому, не так, как эти древние ублюдки. Находил время помочь советом, подбадривал... Там был один компаньон-совладелец, настоящая расистская сволочь. Я из-за него света белого не увидела. Все пытался меня выжить, хотел доказать, что

негры не годятся в адвокаты. Я настолько его возненавидела, что даже придумала план мести. Сейчас, конечно, звучит глупо, но тогда я решила соблазнить одного из старших руководителей, а потом подать в суд на фирму. Очень мне хотелось пихнуть их мордой в грязь, всех этих богатых, самодовольных фарисеев. Я огляделась вокруг, и внимание привлек Патрик. Точнее, он был моим единственным шансом. Я знала, что у него есть жена, он выглядел вполне счастливым, однако мне было все равно. Всякий раз, когда он оставался в офисе, я тоже работала допоздна, старалась помочь в чем только можно. Флиртовала с ним, дразнила... На поверку многое оказалось не так, как я себе представляла, но в конце концов он в меня влюбился. Причем серьезно.

Она откашлялась и отпила глоток кофе.

— Разумеется, я тоже влюбилась. Прямо как в дешевом голливудском фильме. Не рой другому яму... Свои отношения мы держали в тайне. Более трех лет. Немалый срок, особенно когда тебе двадцать с небольшим. А потом, как-то на Рождество, я проснулась одна-одинешенька в своей постели и разозлилась. Мне хотелось замуж. Надоело подвизаться черной шляхой у белого богача. И я сказала ему: «Хватит! Или ты от нее уходишь и мы начинаем новую жизнь вместе, или уйду я». Я-то думала, он действительно бросит жену, но... Он просто не мог этого сделать. Я пыталась убедить его, убедить саму себя, клялась, что у нас все будет хорошо, все будет замечательно. Как дура, честное слово. И уйти от него не могла. Ну а потом в голову пришел один способ, как заставить его сделать нужный мне выбор. Да, ниже этой точки я еще никогда не падала...

Тут появилась официантка с кофейником, на секунду прервав рассказ.

— Понимаете, — затем продолжила Дикенс, — я ведь хорошо образованная женщина. Добилась успеха вопреки всему. Но в тот момент, совершенно отчаявшись, я повела себя как тупая сучка, которая всеми правдами и неправдами хочет заполучить себе мужика. Знаете, там, где я выросла, в негритянском пригороде Монровилля, много было таких. Словом, я забеременела. А у них с женой детей не было. Что-то там у нее, какие-то проблемы... А Патрик всегда хотел стать отцом. Ну и вот, сейчас у него должен был родиться сын. Полукровка. О, уж это бы встряхнуло их богатое белое семейное древо. До самых корней. Я-то думала, этого достаточно, уж теперь-то он точно уйдет ко мне. Разве у него есть выбор?.. Но он сказал, что придумал способ все уладить: они с женой просто усыновят ребенка. Нашего ребенка! Никто и не узнает, что я — его мать, а он — его отец. Я взорвалась. Он хочет, чтобы я отказалась от своего ребенка! Он хочет, чтобы я, как инкубатор, произвела на свет младенца для его бесплодной жены! Он и не собирался бросать ее. Как только я это поняла, то сказала, что ребенка не будет. Я скорее сделаю аборт, убью нерожденного младенца, чем позволю ему с женой воспитывать моего сына. Патрик пришел в ужас.

Она посмотрела на Грассо, ища хоть какую-то реакцию, хотя бы намек на отвращение, но священник сидел с каменным лицом.

— Один из моих преподавателей как-то сказал, что на каждом судебном процессе наступает момент истины, когда весы готовы окончательно склониться в ту или иную сторону. Талантливый адвокат знает, как уловить этот момент и воспользоваться им в интересах клиента. Этого состояния достигли и мы. Мне требовалось идти ва-банк. Все или ничего. И я попросила Патрика отвезти меня в клинику на аборт. Этим я загоняла его в угол, заставляла взять на себя ответственность за то, что собиралась сделать. Или он прямо сейчас уходит из семьи и женится на мне, или теряет ребенка. Очень драматичный момент. Если честно, мне хотелось как можно сильнее сделать ему больно. Я не думала, что он

действительно отвезет меня в клинику. Не верила, что он сможет быть таким жестоким. Однако... Патрик отвез меня. Даже зашел внутрь, все оплатил и остался поджидать на стоянке. Ничего более жуткого в моей жизни еще не было. Господи, как же я ненавидела его за то, что сделала аборт! За то, что он позволил мне это сделать! Как вышло, что я столь низко пала? В общем, я бросила фирму и сказала ему, что не желаю больше его ни видеть, ни слышать. У меня ушли годы — понимаете, годы! — на то, чтобы его забыть. Он ни разу не пробовал хоть как-то связаться со мной, и это заставляло презирать его еще больше. Он просто-напросто вернулся к своей замечательной, спокойной жизни. Отказался не только от меня, но и от нашего ребенка... Ну вот, а потом я встретила своего мужа, полюбила его... Это-то и дало мне силы начать жизнь заново, прекратить думать о Патрике... И вдруг, несколько месяцев назад, он объявился прямо в нашем офисе. Никаких предварительных звонков, писем, даже примитивного e-мейла. Я не знала, что делать. Он, видите ли, пришел извиниться. Уж очень он переживает, что причинил мне боль. И просит, чтобы я его простила. В буквальном смысле встал на колени, прямо у нас в офисе, и залился слезами. Принялся вымаливать прощение.

— И вы простили?

— Черта с два! Кхм... Во всяком случае, не сразу. Не хотела я его прощать. Я все еще ненавидела его, но... Он выглядел таким несчастным, таким потерянным, что я просто не могла поверить своим глазам. Я сказала ему, что он испортил мне жизнь... Потом разрыдалась, и как-то так вышло, что я выложила ему всю правду. Что сознательно соблазняла его, что специально забеременела... Сказала, что это мне нужно вымаливать прощение... Патрик не согласился: мол, он постарше, поопытнее в жизни, должен был вести себя умнее, к тому же женат... Я предлагала ему: «Давай просто забудем, пусть все останется в прошлом». Но он не мог, даже после того, как я простила его, а он простил меня. Все время упоминал нашего нерожденного ребенка, называл его Мой Сын...

— Он много говорил о нем?

— Да. И еще он сказал, что есть только один путь, как все загладить. И вот здесь я испугалась... Через несколько дней один из коллег вбежал к нам в офис и выпалил: «Макферсон покончил с собой! В Лас-Вегасе!» В газетах писали, что скорее всего из-за долгов. Но я-то понимала, в чем тут дело...

Дикенс взяла чашку в обе ладони, словно желая согреться.

— Вы хотите знать, почему он так поступил? — устало спросила она. — Из-за моего аборта.

Грассо попытался придумать, что здесь можно сказать утешительного, однако за все свои годы он так и не сумел превратиться в хорошую няню. В конце концов, он ученый, а не приходский священник.

— Неисповедимы пути Господни. Наверное, все это часть какого-то великого, непонятого нам плана. Возможно, что ни делается — все к лучшему.

— Как же вы мне надоели со своими штампами, — горько и зло промолвила она. — Меня еще ребенком уверяли, что у Бога есть некий план, что он плетет кружево бытия и что каждый из нас — просто ниточка, а потому нам не дано видеть весь рисунок. Не верю я! Не верю! Что, хотите прочитать мне лекцию про Иова? Да-да, мы тоже знаем Библию! Но я не верю! Бог создал Иова, и именно Бог создал нашу боль и наши муки.

Дикенс нагнулась вперед и заговорила тихо и горячо:

— А если это и впрямь Божественный генплан, то в следующий раз, как станете

молиться, передайте ему лично от меня: ох и страшны же дела твои, Господи!

С этими словами она резко встала и быстрым шагом покинула кафе.

Проковыляв всю дорогу до таверны О'Лири, Грассо был на грани изнеможения. Его юный спутник успел заснуть, уронив голову на столешницу. Они поспешили в аэропорт и успели на последний рейс до Вашингтона. По пути в столицу Грассо помолился за душу Сьюзан Дикенс.

Следующим утром Кайл Данем прибыл в кабинет Грассо точно в назначенное время, как заправский ординарец.

— Итак! Что дала наша бостонская разведка? — откинулся Грассо на спинку кресла.

— Патрик Макферсон считал, что должен получить прощение за каждый свой грех! — отрапортовал Данем.

— Верно! А с учетом сведений, полученных от мисс Дикенс, теперь мы знаем, что его преследовал призрак аборта!

Грассо развернул на столе отксеренную копию Десяти заповедей.

— Рядом с «Не убивай» Макферсон написал «М.С.». Полагаю, есть основания считать что за этими инициалами скрывается Мой Сын!

— Он думал, что совершил убийство, абортировав Моего Сына?!

— Да!

— Но... при чем здесь секретный библейский код?

— Боюсь, этого мы никогда не узнаем. Однако я подозреваю, что ответ кроется в ворохе бумажного серпантина в мусорном ведре Макферсона. Похоже, в какой-то момент он составил диаграмму некоего отрывка — скорее всего ветхозаветного, — которая подсказала ему, что единственный способ получить искупление — это убить самого себя. В Ветхом Завете таких пассажей очень много. Возьмем, к примеру, Исход, главу двадцать первую, стих двенадцатый: *«Кто ударит человека, так что он умрет, да будет предан смерти...»*

— Стало быть, он покончил с собой, чтобы получить прощение за аборт Моего Сына?

— Вот что называют «искупить вину кровью».

— Ну и дурак.

— В самом деле? — прищурился Грассо. — А как вы тогда объясните язву у него на руке?

— Феномен психосоматической природы.

— А что, если у него на ладони имелась мистическая стигмата? А камень, которого он касался, действительно был священной реликвией?

— Я бы сказал, что это притянута за уши.

— О, у церкви тысячи реликвий, выставленных на всеобщее обозрение по всему миру, и большинство из них считаются источниками мистической силы!

— По-вашему, Господь хотел, чтобы Макферсон покончил с собой?

— Разумеется, нет. Он сам пришел к этому заблуждению, основанному на его глупом секретном коде... Однако вернемся к фактам. Итак, факт первый: Макферсон не был религиозным фанатиком или суеверным человеком. Факт второй: он рассказал жене, что нашел некий волшебный камень, который заставляет его испытывать угрызения совести за совершенные грехи. Факт третий: у него на левой ладони сформировалось изображение креста. Медицинского объяснения данному факту нет. Далее: он начал изыскивать способы, как избавиться от этого креста. И наконец, факт пятый: он пытался испросить прощения за все свои грехи. Спрашивается, действительно ли эти поступки можно считать странными?

Если мы допустим — просто на секунду, — что магический камень и впрямь существует и заставляет испытывать чувство вины, тогда поступки Макферсона становятся вполне логичными. Что он сделал, соприкоснувшись с камнем? Обратился за помощью к профессионалам, то есть священникам. А когда они не смогли дать объяснение происходящему, взялся за книги, посвященные толкованию Библии. Он пытался самостоятельно найти решение, а когда не получилось, стал искать некий секретный код, чтобы покончить с «проклятием», которое отравляло ему жизнь. Я бы сказал, что любой человек с онкологическим диагнозом сделал бы то же самое: сначала он ходит по врачам, затем читает книжки на эту тему, а если традиционные методы не помогают, пытается найти какое-то новое средство. Что, такого человека вы тоже назовете дураком или сумасшедшим?

— Нет, конечно. А вы действительно считаете, что Макферсон нашел магический камень?

— Я считаю, что мы не вправе категорически утверждать обратное, — твердо сказал Грассо. — Попробуем мыслить рационально. Если бы существовал магический камень, то о нем обязательно кто-либо что-нибудь упомянул. Все доводы за то, что Патрик Макферсон был далеко не первым человеком, который его коснулся.

— О'кей, — скривил губы Данем. — Просто, как выведенное яйцо. Нам осталось только найти все записи про все волшебные камни.

Грассо улыбнулся:

— Мой юный друг, вам еще учиться и учиться. Рядом с Ватиканской библиотекой в Риме, внутри Палаццо Бельведере, есть комната, где хранятся свидетельства о необъяснимых явлениях. Часть Тайных архивов Ватикана, накапливаемых со времен раннего христианства. Если магический камень существует, там о нем есть запись.

— Ура, мы едем в Рим!!!

— Нет, я еду в Рим. А вы останетесь здесь и будете искать решение очередной проблемы, с которой мы столкнемся. Если, конечно, Тайные архивы подтвердят мою догадку.

— И что это за проблема?

— Найти камень, естественно!

ШАРЛОТТСВИЛЬ, ШТАТ ВИРГИНИЯ

Дежурный охранник, стоявший позади защитного стекла пятисантиметровой толщины, потребовал, чтобы Патти Делани предъявила удостоверение от Виргинской ассоциации адвокатов. Она только что пыталась убедить его, что действительно представляет интересы Лестера Амиля и потому, собственно, желает проникнуть в тюрьму. Охранник повертел ее документы в руках, несколько раз внимательно изучил изнанку членской карточки и только тогда вспомнил:

— Эй, уж не вы ли были адвокатом у того парня, что заявился в суд в ворованной одежде?

Делани зарделась.

— Да, я здесь недавно. Наверное, вы поэтому меня не узнали.

— Странный он у вас какой-то, честное слово. Мы все так смеялись, так смеялись... — Охранник показал щербатую полоску желтых от табака зубов. — Ладно, сейчас я вам Лестера направлю. Встретитесь в переговорной комнате. В каком виде?

Она не поняла.

— Я говорю, в каком виде вы его хотите? С браслетами или без?

— А?

— Наручники! — рявкнул охранник. — С наручниками или как?

Делани мало что знала про своего нового подопечного, только лишь те сведения, что были указаны в ордере на арест. Амиля обвиняли в похищении, изнасиловании и убийстве. С другой стороны, ей не хотелось, чтобы ее с самого начала приняли за трусиху.

— Снимите, — распорядилась она и тут же спохватилась. — А разве остальные адвокаты встречаются с клиентами по-другому?

Сказала и сразу пожалела о своем вопросе. Этому типу явно нравилось делать из нее дурочку. Он неопределенно пожал плечами и вместо ответа нажал красную кнопку, открывавшую электронный замок. Делани пересекла несколько стальных дверей, пока не очутилась в комнате без окон, где из обстановки были только стол и три стула. Через десять минут два здоровяка в униформе ввели Лестера Амиля. Один из конвоиров помахивал длинной черной дубинкой, а второй держал наручники, плотно стягивавшие запястья Амиля за его спиной. Войдя в комнату, конвоир разомкнул браслеты.

— Благодарю вас, господа охранники, — сказала Делани.

— Мы не охранники, — скривившись, процедил один из них. — Мы сотрудники исправительного учреждения.

Подумать только, она и пяти слов не произнесла, а ее неопытность уже вовсю лезет в глаза и уши!

— Эти суки считают, что слово «охранник» для них оскорбительно, — сказал Амиль, едва они остались наедине. — Мы к ним обращаемся «босс», только не в смысле уважения, а как бы наоборот. Сокращение задом наперед, понимаете? «Сукин сын», а дальше непечатно.

Он усмехнулся:

— Такие вещи помогают коротать время и пассивно сопротивляться угнетателям.

Патти выдавила деланную улыбку.

— Меня назначили вашим представителем на сегодняшнем слушании по рассмотрению доказательств, — сказала она. — Поскольку вас обвиняют по трем тяжким статьям, включая убийство, судья назначил вам двух адвокатов. К сожалению, мой коллега в данный момент занят в суде, где слушается дело еще одного клиента. Впрочем, он присоединится к нам перед заседанием.

— Я хочу сразу заявить, что не убивал Касси. Она была мне как младшая сестренка!

— Давайте сосредоточимся на сегодняшних делах, так как времени у нас мало. Вы предстанете перед так называемым судом общих сессий. Прокурор вызовет свидетелей, которые расскажут судье, почему вас арестовала полиция, и...

— Тут все очень просто, — прервал ее Лестер. — Потому что я негр!

— Хотя я и подозреваю, что расизм действительно может играть здесь определенную роль, прокуратура никогда бы не выдвинула против вас обвинений без достаточных оснований. Как вы думаете, что это за доказательства?

— Я ничего плохого не делал! Когда мне дадут поговорить с судьей?

— В Виргинии не совсем обычная судебная система. На первом этапе полиция или магистрат выписывает постановление о задержании. Затем человека — в данном случае вас — доставляют в суд общих сессий. Это произойдет сегодня. Судья решит, имеются ли основания подозревать вас в убийстве Касси. Если да, то он передаст дело в суд более высокой инстанции. Это называется «сертифицировать вменяемое обвинение». В суде, который именуется «окружным», весь процесс начнется сначала. Генпрокурор подготовит против вас так называемый проект обвинительного акта и представит его на рассмотрение Большого жюри — своего рода комиссии, составленной из шести присяжных заседателей, жителей графства Альбемарль.

— Негры там будут? Хоть один?

— Не знаю. Заседание носит закрытый характер.

— Ага. Как в Ку-клукс-клане.

— Большое жюри решит, следует ли вас официально обвинить согласно представленному акту. Если да — а я подозреваю, что так и будет, — то в конечном итоге вы предстанете перед окружным судом, где, собственно, и пройдет уголовный процесс.

— Меня подставили, потому что я негр.

Она пропустила замечание мимо ушей.

— Сегодняшнее слушание — очень ответственное мероприятие.

— С чего это вдруг? Вы же сами сказали, что процесс не начнется, пока меня не передадут в другой суд.

— Сегодня у нас появится редкая возможность узнать, какого рода доказательства имеются у прокуратуры. К примеру, в других штатах закон требует, чтобы прокурор заранее изложил перечень доказательств, которые будут вынесены на судебное следствие, включая список свидетелей обвинения. В Виргинии дела обстоят по-другому. От прокуратуры требуется лишь вручить нам копию тех показаний, которые вы дали в полиции, и предоставить те доказательства вашей невиновности, которые были обнаружены в ходе полицейского дознания. Словом, сегодняшнее слушание можно уподобить игре в покер. Мы будем пытаться понять, какие у них карты, а они будут эти карты прятать.

— А кто вам платит? У меня денег нет.

— Вас признали неимущим, а потому все будет оплачиваться из казны штата. Таков

закон. Вам не надо беспокоиться.

— Я и не собирался... Похоже, вам платят как раз те, кто хочет меня линчевать.

— Послушайте. — Делани уже начинали раздражать его намеки. — Если я вас не устраиваю, можете потребовать, чтобы сегодня вас представлял кто-то другой.

— Серьезно? — округлил глаза Лестер. — Тогда пускай мне пришлют Джесси Джексона. А если он сильно занят, то сойдет и Эл Шарптон.

Делани так и не поняла, подсмеивался ли он или в самом деле такой наивный.

— Мистер Амиль, преподобный Джесси Джексон и преподобный Эл Шарптон не являются дипломированными адвокатами. Видимо, сегодня вам придется довериться мне.

— Довериться? — переспросил Амиль. — Я вас совсем не знаю. А вы мне можете довериться?

Сцену прервал возникший в дверях конвоир. Время идти в суд.

Судья Джордж Гатлин был от природы раздражительным и нетерпеливым человеком, не допускавшим каких-либо проволочек. Не так давно у него обнаружили рак легких, однако он продолжал работать и курить. Порой, на особенно длительных заседаниях, он даже тайком затягивался сигареткой, пряча лицо за раскрытой папкой. Все, что могли видеть адвокаты, — это лысая макушка, окруженная венчиком дыма. Из ушей, надо полагать. Поскольку в виргинских судах общих сессий не принято созывать присяжных, Гатлин знал, что дело против Лестера Амиля автоматически направят в округ, где председательствует Эван Спенсер. Соответственно он не видел особого смысла углубляться в детали на сегодняшнем заседании.

— Давайте-ка побыстрее, — ворчливо распорядился судья.

— Ваша честь, прежде чем мы вызовем свидетелей, разрешите внести поправки в официальное обвинение против подсудимого, — заявил Джейкоб Уиллер. — Департамент судебно-медицинской экспертизы штата сегодня утром сообщил нам, что у жертвы не было обнаружено следов вагинального проникновения. Таким образом, мы хотели бы переквалифицировать обвинение в изнасиловании на сексуально-мотивированное нападение.

Гатлин взглянул на Делани. Ни вопросов, ни возражений у нее не было. Тут он вдруг сообразил, что рядом с Амилем стоит только один защитник.

— Разве я не распорядился, чтобы подсудимого представляли два адвоката? — нахмурился он. — Где ваш коллега?

— Ваша честь, вторым государственным защитником вы назначили Кристиана Хикса, однако сейчас он находится в соседнем судебном зале, представляет интересы другого клиента, — ответила Делани. — Полагаю, что через полчаса он появится. Мы вполне можем подождать.

— Я никого ждать не собираюсь, тем более адвокатов! — разозлился Гатлин. — Это его проблемы! Приступайте.

Первым свидетелем Уиллер вызвал следователя Дейла Стюарта, лысеющего и уже довольно тучного мужчину лет тридцати.

— Женщина, назвавшаяся именем Максин Арнольд, — сообщил Стюарт, — позвонила в дежурную часть утром в прошлый понедельник. Она сказала, что ее дочь похитили. Я немедленно выехал к дому Арнольдов.

Голос следователя звучал бесцветно и монотонно, как если бы он произносил

заученные слова. Вероятно, так и было.

— Франк и Максин Арнольды рассказали мне, что Лестер Амиль, подсудимый, проживал у них в подвале. Там его не оказалось. Однако в ходе обыска мы обнаружили труп Касси Арнольд. Ее задушили и подвергли надругательствам сексуального характера. Одежда убитой была передана в криминалистическую лабораторию штата на исследование.

— Вопросов не имею, — объявил Уиллер.

Судья Гатлин показал пальцем на Делани.

— Ваша очередь.

— Детектив Стюарт, в котором часу вы прибыли в дом Арнольдов?

— Около девяти утра.

— Был ли кто-то еще в доме на момент вашего появления?

Уиллер поднялся с кресла:

— Возражаю, ваша честь! Вопрос не относится непосредственно к теме обсуждения!

— Принято, — кивнул Гатлин. — Продолжайте, мисс Делани.

— Ваша честь! Вы хотите сказать, что я даже не могу выяснить, кто еще был в доме?

— Юная леди, у нас не полномасштабный процесс. Сейчас требуется лишь подтвердить сам факт совершения преступления и продемонстрировать обоснованность подозрений в адрес вашего подзащитного. Вот так. И давайте не затягивать.

Следующие несколько минут Делани пыталась выудить побольше информации из Стюарта, однако Уиллер возражал на каждый вопрос, а Гатлин всякий раз его поддерживал. Когда она в расстроенных чувствах замолчала на пару секунд, судья сказал:

— У вас все? Очень хорошо. Садитесь.

Делани в изнеможении присела.

Вторым свидетелем обвинения шла доктор Юки Нгуен Нан, патологоанатом, работавшая в судебно-медицинской лаборатории. Свои показания она дала сухими, клинически точными словами:

— Мы обследовали одежду трупа. На ней были найдены следы семенной жидкости. Ее ДНК совпадает с ДНК подсудимого.

— Вопросов не имею, — снова сказал Уиллер.

Едва Делани приступила к перекрестному допросу, как судья Гатлин принялся раздраженно постукивать авторучкой по столу. После первых трех вопросов он прервал адвоката:

— Нельзя ли побыстрее?

— Господин судья, сейчас у меня единственная возможность выяснить обстоятельства перед уголовным процессом, — ответила она. — А посему у нас есть все права подробно допросить этого свидетеля.

Гатлин рассерженно уставился на нее и уже собирался что-то сказать, как вмешался Уиллер:

— Ваша честь, я с большим удовольствием готов показать все свои документы мисс Делани. Нам скрывать нечего. На следующей неделе она может прийти ко мне в офис и там спокойно ознакомиться с делом.

С точки зрения Делани, предложение Уиллера прозвучало подозрительно щедро, однако судья Гатлин принял его без возражений.

— Мы так и поступим, — объявил он. — Итак, мисс Делани, обвинение предоставляет вам открытый доступ к своим материалам, так что возможностей для выяснения

обстоятельств у вас будет предостаточно. Что ж, пора подводить итоги.

Делани молча села на место.

Гатлин быстро разделался с формальностями и поставил точку, объявив, что имеется достаточно оснований для передачи обвинительного заключения в окружной суд. Все заседание не продлилось и двадцати минут.

На выходе из зала Делани остановила Уиллера.

— Я бы хотела как можно быстрее ознакомиться с делом, — сказала она.

— Нет вопросов. Как насчет середины следующей недели? К тому же я успею подшить все следственные и лабораторные отчеты.

Когда Амиль с Делани вернулись из суда, государственный защитник Кристиан Хикс уже нетерпеливо мерил шагами переговорную комнату. Худощавый, высокий, элегантно одетый негр, Хикс уже отметил свое шестидесятилетие и за тридцатидвухлетнюю карьеру успел десятки раз представлять интересы клиентов, обвиненных в убийстве. Практически все из них были молодыми афроамериканцами. Свои первые слова он адресовал Лестеру:

— Прямо сейчас я не желаю слышать от тебя ничего об этом преступлении. Ни единого слова. Ясно?

Амиль молча кивнул. Хикс обернулся к Делани и спросил:

— Как прошло заседание?

— Дело направляют в окружной суд, — ответила та.

— Ничего удивительного. Что за доказательства нашла прокуратура?

— ДНК. На пижаме убитой оказалась его сперма.

После этого Хикс принялся бомбардировать Делани вопросами насчет материалов, имеющихся у гособвинения. Естественно, ответов она не знала.

— Вы разве не проводили перекрестный допрос свидетелей? — нахмурился он.

— Судья не дал это сделать! — воскликнула Делани. — Впрочем, в суде Уиллер обещал, что позволит нам ознакомиться с делом. На следующей неделе.

— И вы ему по... поверили?!

Хикс даже запнулся на полуслове, как если бы не ожидал от нее столь вопиющей наивности.

— Вы что же, сами не знаете, что у него в деле окажется подшита одна-единственная бумажка? И что на ней будет написано: «Ваш клиент виновен»? Получается, за весь день вы не помогли нам ни на йоту!

— Вас бы туда! Сами-то чего не пришли? — ошетибилась она.

— Да. Признаю, я допустил досадную ошибку. Просто оттого, что счел вас достаточно компетентной, чтобы справиться с такой примитивной задачей в одиночку!

На секунду Делани захотелось вlepить ему пощечину.

— Дайте-ка подумать, — сказал вдруг Хикс. Минуты три в комнате стояла полнейшая тишина. Затем мужчина-адвокат обратился напрямую к Амиле: — Я не спрашиваю, делал ты это или нет. И если честно, ответ роли не играет. Ты должен понять одно: в суде не бывает правды. Главное здесь — чему верят присяжные. Может, возле дома Арнольдов приземлились инопланетяне? Шайка зеленых человечков изнасиловала и убила ту девочку. Но ни один присяжный не поверит в эту историю, даже если так и случилось на деле.

— Я невиновен! Разве это не играет роли?

— Нет, конечно! — жестко отрезал Хикс. — Ты не слышишь, что я тебе говорю.

Скажем так: пусть в суде сидят двенадцать белых присяжных. Они — все до единого — считают, что негры тупы и ленивы. Допустим, я встаю с места и на весь зал заявляю, что ты — энергичный молодой афроамериканец с показателем интеллекта выше, чем у Эйнштейна. Думаешь, они мне поверят? Черта с два! Даже когда я приглашу кучу свидетелей и они под присягой поклянутся, что ты гениален. Все равно присяжные решат, что я вру. Почему? Люди считают, что защитник готов соврать что угодно, лишь бы спасти своего клиента. А что касается свидетелей, то им либо заплатили, либо они твои закадычные дружки. Но вот если встанет прокурор и заявит, что ты ленив и глуп, о!.. Любой присяжный ему поверит с ходу. Почему? Да потому что именно в таком разрезе они видят правду. Это для них правда, потому что они так заранее решили. Это их «правда», это их «истина». Понимаешь?

— Вроде понимаю, — уныло кивнул Амиль.

— Чудненько. Осталось только убедить двенадцать присяжных, что «их» правда и «наша» правда совпадают, — подвел итоги Хикс.

Амиль все еще выглядел растерянным, но Хиксу было все равно.

— Самая большая наша проблема — найти рациональное объяснение, каким образом твоя сперма оказалась на пижаме девочки, — заявил далее адвокат. — Попробуем вот что. Имей в виду, предлагаю навскидку, с чего-то ведь надо начинать. Итак, Касси Арнольд было одиннадцать лет. У многих девочек в этом возрасте появляются месячные, возникает первый интерес к собственному телу и к сексу. Ты с ней проживал под одной крышей. Вы были друзьями. Она тобой увлеклась... Нет, не так. Она в тебя просто-таки влюбилась. В ночь убийства Касси пришла к тебе. Вы стали валять дурака. Скажем, устроили даже битву подушками. В общем, невинные развлечения. Начали друг друга щекотать, и мало-помалу игра приняла сексуальный оттенок.

Делани ушам своим не верила.

— Дальше — больше, — продолжал Хикс. — Касси вдруг полезла рукой тебе в промежность. Ты знал, что она малолетка, но тебе было так приятно, так приятно, что ты ее не остановил, и в конечном итоге она довела тебя до семяизвержения. Сама. Собственной ручкой. Звучит это неловко, постыдно... тем более что она уже мертва, но... что случилось, то случилось, и сейчас ты просто откровенно рассказываешь, как все было. Ничего ужасного в этом нет: просто юная пара так забавлялась. И вот почему твоя сперма забрызгала ей пижаму. Да, кстати, именно поэтому не нашли следов вагинального проникновения. Еще раз повторю: она тебя мастурбировала. И все с ней было в порядке, когда она ушла из твоей комнаты. Кто-то другой похитил ее той ночью.

Сейчас Хикс был явно доволен собой.

— Подумай над тем, что я сказал, — посоветовал он Амиле. — Думаю, это объяснение мы вполне могли бы предложить присяжным.

— Вы не имеете права! — возмутилась Делани. — Вы фабрикуете для него алиби!

— О нет, мисс Делани, — покачал головой Хикс. — Я просто делаю ту работу, которую выполняет любой квалифицированный и опытный адвокат. Являясь работниками судебной системы, мы с вами связаны определенными этическими нормами. Если бы наш клиент сразу заявил, что в ночь убийства случилось то-то и то-то, с этого момента мы были бы обязаны придерживаться *его* версии событий. С другой стороны, если мы просто изучаем факты и доказательства, применяем опыт своей работы для реконструкции произошедшего, то никаких этических норм мы не нарушаем. Вы понимаете, о чем я толкую? Мы с чистой

совестью можем предъявить присяжным довольно вероятную и убедительную версию.

— Значит, вот как вы служите закону и справедливости? — горько спросила Делани. — Рассказываете своим клиентам, что именно вам *кажется*, а они это потом переваривают и вытаскивают обратно вам в лицо?

Хикс уже начинал злиться. У этой девчонки совершенно невозможный характер.

— Я уверен, что мистер Амиль в состоянии изложить нам, каким образом мертвый ребенок оказался забрызган его спермой, — процедил он. — Однако я надеюсь, что у него хватит мозгов сказать: «Мистер Хикс! Вы — гений! Вы обо всем догадались сами! Да, в ту ночь Касси собственной ручкой меня отмассировала!» И он сделает это, потому что такому объяснению вполне могут поверить присяжные!

— А может, ему следует просто рассказать правду? — возразила Делани.

— Черт-те что... Вы вообще меня не слушали, я не пойму?! У меня нет времени возиться с вашей наивностью. Если вам нужна правда, идите и запишитесь в местный клуб баптистов. Но если хотите добиться наилучшей сделки для нашего клиента, то хватит витать в облаках. На кону стоит судьба этого человека, и ему надо четко усвоить, что в суде не бывает утешительных призов. Или ты выигрываешь, или навсегда отправляешься в тюрьму.

Хикс в упор посмотрел на Амиля.

— Очевидно, мы с мисс Делани занимаем разные позиции в отношении твоей защиты, — сказал он. — Ты клиент, и тебе решать, кого оставить и от кого избавиться. Закон говорит, что в делах об убийстве предпочтительно иметь двух адвокатов. Впрочем, ты можешь справиться и с помощью одного, особенно когда мнения защитников расходятся.

Амиль посмотрел на Делани, затем вновь перевел взгляд на Хикса.

— Я хочу поговорить с каждым с глазу на глаз, — наконец сказал он. — Сначала с ней, потом с вами.

Хикс направился к выходу, однако у самой двери остановился.

— Только не забудьте, мисс Делани: все, что он расскажет, охраняется законом о конфиденциальности отношений клиент — адвокат. Даже после того, как он вас уволит.

Оставшись наедине с Патти, Амиль спросил:

— Вы считаете, я виновен?

— Мистер Амиль, — ответила она, — мое мнение роли не играет. Моя задача состоит в том, чтобы защищать вас независимо от...

— Чушь собачья! — выкрикнул он, хлопнув по столу раскрытой ладонью. — Мне надо знать! Если я скажу, что невиновен, вы поверите или нет?!

Амиль еще раз ударил по столу.

— Черт бы вас побрал! Утром вы пришли сюда и заявили: «Доверься мне! Делай, как я тебе говорю». Вы хотели, чтобы я с ходу вам поверил, и вдруг обиделись, когда я спросил, кто вам платит. Почему? Да потому что считаете себя честным человеком. Мои подозрения вас, видите ли, оскорбляют! Что же вы со мной обращаетесь по-другому?

— Боюсь, вы до сих пор не поняли, как работает наша судебная система, — вздохнула она. — Чтобы представлять интересы клиента, мне не нужно верить в его — вашу! — невиновность. Моя задача — разобрать по косточкам материалы прокураторы, убедиться, что они свою работу выполняют точно и правильно. Если они не смогут продемонстрировать вашу виновность, то мы выиграем.

— О нет, мисс Делани. Я боюсь, что это вы мало что понимаете, — напористо возразил Амиль. — Вам в колледже навесили лапши, а теперь вы за ней прячетесь, чтобы по ночам

спалось лучше. Это просто лазейка, которая позволяет избежать личной ответственности, которая дает возможность представлять в суде самых гнусных подлецов в мире... А если благодаря вашей помощи от наказания сумеет уйти насильник... Что ж, вы всегда сможете утешиться, заявив, что виноват прокурор. Это он ошибся, не сумел собрать достаточно доказательств. Хотя правда в том, что виноваты вы. Вы лично. И то, чем вы занимаетесь, называется — самообман.

Делани уже была готова ответить, но молодой человек остановил ее, приподняв ладонь.

— Позвольте мне закончить. Я знаю, что вам пришло в голову, когда вы увидели меня в первый раз. Вы подумали: «Этот ниггер изнасиловал маленькую белую девочку. ДНК тому доказательство».

— Секундочку, — сказала она. — Я не расистка. И то, что вы негр, никакого значения не имеет.

— Не имеет?! Да вы ослепли, что ли?! Все, что ни делает негр, всегда окрашено в расовый колер! А если вы до сих пор в это не въехали, то в вас и впрямь наивности выше крыши!

— По-вашему, я расистка только потому, что сама белая?

— В точку! Все белые — расисты. Автоматом. Расистом может быть только тот, у кого власть, а вы, белые, сотни лет держите власть. Но я не к этому веду. А веду я к тому, что вы сразу записали меня в виноватые. Ничего-ничего, не стыдитесь. Вон возьмите Хикса. Брат по крови, а туда же. Тоже считает меня виновным. Вот почему он состряпал свою дерьмово-спермовую теорию. Слыхали? Она меня «отмассировала»! Он решил, что в состоянии придумать лучшее алиби, чем я сам. И вот почему я хочу добиться от вас ответа. Если я заявлю, что невиновен, вы мне поверите? Кстати, защита по идее должна быть на стороне клиента. А теперь смотрите: если оба мои адвоката — один белый, другой черный — автоматически решат, что я виновен, то сколько у меня останется шансов?

Делани не знала, как ответить.

— Знаете, — осторожно заговорила она, — независимо от того, что думает мистер Хикс, вам все равно нужен защитник. И я полагаю, что мы оба с ним профессионалы в достаточной степени, чтобы оставить личные чувства за кадром.

Амиль тяжело вздохнул и сложил руки на груди.

— Мисс Делани, мне не нужен бесчувственный и бездушный адвокат. Мне нужен адвокат, который верит в мою невиновность. Хотя нет... Дайте-ка я получше скажу. Мне нужен адвокат, который *знает*, что я невиновен. Присяжные проделают именно то, что сделали и вы этим утром. Они войдут в судебный зал, увидят мою черную физиономию, услышат про ДНК и влепят пожизненное. Ведь ко мне нет доверия. Копы утверждают, что это моих рук дело, — и им все верят. Вот почему мне нужен человек, который ничем не отличается от присяжных, который мог бы быть одним из них. Мне нужно, чтобы этот человек встал рядом со мной, ткнул пальцем прямо мне в лицо и заявил: «Он не виновен! Полиция ошиблась! Я знаю, что его подставили!»

— И вы хотите, чтобы этим человеком стала я? Почему не мистер Хикс?

— Присяжные увидят в нем именно то, что он собой представляет: чернокожий госзащитник, вынужденный возиться с нищими ниггерами, на которых всем наплевать. А когда они посмотрят на вас, то подумают: «Надо же! Дамочка из Шарлоттсвиля! Белая. Чья-то дочь, так же как и Касси. Может, у нее тоже есть дочь». И потом они скажут себе: «Она верит в его невиновность. Из-за него рискует своей шеей». Вот моя единственная надежда.

Вы должны верить мне, если собираетесь меня защищать!

Он помолчал, собираясь с мыслями.

— Мисс Делани. Вы ведь именно поэтому стали адвокатом. Я невиновен. Я не убивал Касси Арнольд.

Амиль вытянул руку вперед.

— В самый последний раз я спрашиваю: вы мне верите?

Пришла пора давать ответ. Делани посмотрела ему в глаза, потом на длинные, худые пальцы его черной ладони. Перегнулась через стол и пожала руку.

— Я буду верить вам, Лестер, пока вы не дадите мне повод думать иначе.

— Взаимно, — кивнул он. — Что ж, давайте начнем с того, что дадим пинка Хиксу, а потом я расскажу все, что знаю.

Труп Касси нашли в понедельник. Лестера Амиля задержали в тот же день. В пятницу судья Гатлин подтвердил обоснованность ареста. Окружной прокурор Джейкоб Уиллер представил проект обвинения Большому жюри в следующий понедельник, ровно через неделю после убийства. После обеда мисс Алиса позвонила Делани и сообщила, что на утро вторника судья Спенсер запланировал слушание, чтобы рассмотреть обвинительное заключение и назначить дату основного процесса.

Лестера Амиля и впрямь собирались на полных парах прокатить на судебном экспрессе.

Сквозь щелку приоткрытой двери Эван Спенсер заглянул в зал заседаний альбемарльского Дворца правосудия. На утреннем слушании негде будет яблоку упасть. Из числа знакомых лиц он первым заметил Уолтера Корна, толстенького репортера «Шарлоттсвилльских курантов», сидевшего в первом ряду. За день до этого Спенсер случайно подслушал, как Корн интересовался у мисс Алисы насчет рассадки зрителей.

— Я решила провести лотерею, — ответила ему мисс Алиса. — Каждый желающий — кроме пострадавшей семьи, естественно, — получит по номеру. Я буду вытаскивать номерки из шапки, пока зал не заполнится.

— Как так? — опешил Корн. — Я же местный журналист! Город рассчитывает на меня! Я буду ушами и глазами наших жителей!

— Мистер Корн, — сказала мисс Алиса, явно наслаждаясь своей властью. — Я хорошо знаю, какой вы важный человек. Вот, к примеру, не далее как позавчера мы на заседании Исторического общества обсуждали, как было бы чудесно, если бы вы вдруг начали освещать наши встречи и в своих статьях рассказывать о нашей деятельности.

Корн тут же поставил нос по ветру.

— Заверяю вас, — прижал он руку к груди, — приду! Прямо на следующее заседание и приду!

Заручившись этим обещанием, мисс Алиса провела журналиста в зал заседаний еще до начала лотереи.

Спенсер не очень-то жаловал Корна. Тот постоянно выглядел помятым и вечно жаловался на свой, как он выражался, «нервный животик». Непрерывно сосал антацидные таблетки и ходил с зубочисткой, торчащей из уголка рта. Молодых и амбициозных репортеров, всеми силами желавших пробиться в крупную городскую газету, еще можно обвинять в пристрастии к преувеличениям и гиперболам, поскольку они питали надежду выделиться своим наивным сенсационализмом. Но газетчик типа Корна, то есть мужчина средних лет, который понимал, что шанс прославиться давно уже миновал, сознательно перебарщивал в репортажах исключительно из личных симпатий или антипатий, а вовсе не ради карьерного роста. В глазах Спенсера он был куда более опасен, нежели целая стая известных репортеров, слетевшихся со всей страны.

Прямоугольник альбемарльского судебного зала делился барьером высотой в рост пятилетнего ребенка. Одну половину занимали деревянные скамьи для зрителей — общим числом тринадцать рядов с центральным проходом, как в церкви. Если точнее, как на венчании, где родственники жениха сидят по одну руку, а родственники невесты — по другую. Так и здесь: сторонники подсудимого обычно тяготели к левой стороне, в то время

как их противники выбирали себе сторону правую, то есть поближе к прокурору.

Вторая половина зала была отведена судье Спенсеру, мисс Алисе, официальному судебному репортеру, присяжным, адвокатам и собственно подсудимому. Увидев Делани, Спенсер отметил, что она надела узкую черную юбку и ярко-голубую кофточку с короткими рукавами и пушистым белым воротником, чуть ли не из птичьих перьев. Профессиональным это одеяние при всем желании не назовешь, однако сегодня зал не обращал внимания на ее эксцентричный наряд. Все глаза были устремлены на Франка и Максина Арнольдов, которые в сопровождении почетного полицейского эскорта вошли в зал буквально за пару минут до начала слушаний. Супружеская чета села позади прокурорского стола. Франк невидящим взглядом уставился перед собой. Одет он был в итальянский костюм из серого шелка, при белой накрахмаленной сорочке с серебристым галстуком. Максина сидела справа от него в простеньком черном платье. Свои светлые волосы она стянула в безжалостный, тугий узел на затылке. Набухшие веки, красные, заплаканные глаза.

Тейлор Колдуэлл еще не прибыл, однако Джейкоб Уиллер уже нервно раскачивался в своем кресле за прокурорским столом. В метре за его спиной как раз и сидела семья Арнольдов. Пятнадцать пустых еще стульев линейкой стояли справа от Уиллера. Они предназначались для двенадцати присяжных и трех их заместителей. Кроме того, с правой стороны зала, неподалеку от судейской кафедры, располагалось и место для свидетелей, чтобы присяжные могли отчетливо видеть их лица во время допроса. Пространство между столами защиты и обвинения занимал деревянный подиум. Именно отсюда стороны должны опрашивать свидетелей и обращаться к суду или присяжным.

Уиллер поминутно оглядывался на входную дверь. На нем был повязан золотистый галстук с каким-то пятном, подозрительно напоминавшим след от соуса. За минуту до начала явился и сам Колдуэлл. Он торопливо пересек центральный проход и скользнул в кресло по соседству с Уиллером.

Делани недоуменно заморгала. *С какой стати генпрокурор штата сидит за столом обвинения?*

Сейчас, когда действующие лица собрались, величественно вошла мисс Алиса и гордо возвестила, что судебное заседание шестнадцатого округа штата Виргиния объявляется открытым. Председательствует досточтимый Эван Спенсер. В зале появился судья, и все покорно встали. Затем мисс Алиса позаботилась о кое-каких формальностях, и, наконец, пара конвоиров ввела Лестера Амиля. На спине его оранжевого комбинезона черной краской было проштамповано: «ТЮРЬМА АО». В смысле «Альбемарльского округа» Спенсера поразила разница с тем Лестером, который пел свою дерзкую хип-хоповую песенку на вечеринке у Арнольдов. Неделю назад молодой человек словно сошел с бунтарской прокламации, воплощавшей страхи белой Америки: «ниггер, которому нейметя». Сейчас же он смотрелся просто перепуганным пареньком. Его запястья стягивали наручники, а между щиколотками бряцала цепь. Едва он увидел Арнольдов, как тут же выпалил: «Я ничего ей не делал!» Впрочем, Максина сразу отвернулась, а ее муж зло злил глаза.

Спенсер спросил, готовы ли стороны к процессу. Делани встала и поднялась на подиум.

— Ваша честь! Я бы хотела просить суд, чтобы впредь моего подзащитного доставляли в зал без наручников и цепей и чтобы ему разрешили носить костюм, не располагающий присяжных к предубежденности вследствие его внешнего вида.

— Обвинение не возражает, чтобы подсудимому предоставили приличествующую

оказии одежду, — заявил Тейлор Колдуэлл, в свою очередь ступая на подиум. — Более того, мы высоко ценим неугасимый энтузиазм и заинтересованность мисс Делани в том, чтобы все ее клиенты были нарядно одеты.

Среди публики раздались смешки: многие отлично поняли намек Колдуэлла на бывшего подопечного Делани, который пришел в суд в украденных вещах.

— Однако, — продолжал Колдуэлл, — мы категорически возражаем против снятия индивидуальных ограничителей с подзащитного, поскольку опасаемся за безопасность присутствующих.

— Прошу прощения! — воскликнула Делани. — Я не совсем понимаю, что уважаемый генеральный прокурор делает на нашем заседании. Мы рассматриваем дело об убийстве в рамках окружного суда. При чем здесь прокуратура штата?

А! Вот он, тот самый момент, к которому столь мастерски подвел Колдуэлл. Он с наслаждением объявил — голосом достаточно громким, чтобы его мог слышать любой репортер в зале, — что он участвует в разбирательстве против Лестера Амиля на основании Уголовно-процессуального кодекса Виргинии, чему смотри пункт 2.2–511.

— Я не считаю, что статутное положение дает вам право вмешиваться в дела окружных судов! — тем не менее уперлась Делани.

Колдуэлл неторопливо вернулся к прокурорскому столу и взял в руку черный томик виргинского УПК. Он картинно перелистнул несколько страниц и сказал:

— Позвольте мне сослаться на текст Исключения за номером шесть к статье два-два-пять-одиннадцать. Оно дает право прокурору штата выступать в качестве государственного обвинителя. Цитирую: «по уголовным делам, связанным с детской порнографией и иными откровенно сексуальными видеоматериалами с участием несовершеннолетних».

Колдуэлл гулко захлопнул томик.

— Помимо тяжких преступлений, как то: похищение и сексуальное насилие, — продолжил он, — Виргинское Содружество, согласно постановлению Большого жюри, сейчас обвиняет подсудимого в нарушении закона о детской порнографии. Это новое обвинение было выдвинуто вследствие обнаружения непристойного графического материала в персональном компьютере подсудимого. Таким образом, условия Исключения номер шесть соблюдены полностью.

Такой поворот событий застал Делани врасплох.

— Ва... ваша честь, — запинаясь сказала она, даже не зная, за что зацепиться, — я глубоко возмущена тем фактом, что никто от мистера Уиллера или генеральной прокуратуры не удосужился предупредить моего подзащитного о новом обвинении!

— Извините, — вставил тут же Колдуэлл, — закон не обязывает нас заранее предупреждать преступников об их арестах или выдвигаемых обвинениях.

Вновь смешки в аудитории.

— Мисс Делани, — сказал Спенсер, — мне известны положения закона, и я считаю, что генеральный прокурор штата вправе вмешиваться в это дело. Соответственно суд разрешает ему выступать в качестве главного обвинителя.

— Благодарю вас, ваша честь, — кивнул Колдуэлл еще до того, как Делани успела раскрыть рот. — Имеется, впрочем, еще один вопрос, который я хотел бы сейчас поднять. Виргинское Содружество в рамках сегодняшнего обвинения также приняло решение переквалифицировать характер преступления. С данного момента вследствие тяжкого характера содеянного Лестер Амиль обвиняется в убийстве, караемом смертной казнью. Да,

я буду настаивать на высшей мере.

— Что?! — Делани показалось, что она ослышалась.

Впрочем, ее голос потерялся в громе аплодисментов. Некоторые зрители вскочили на ноги, бурно выражая одобрение.

Спенсер ударил молотком по столу.

— Я не допущу выкриков из зала, — пригрозил судья. — Заседание превращается в эмоционально окрашенное шоу. Еще одно нарушение порядка, и я прикажу очистить помещение.

— Ушам своим не верю, — пробормотала Делани.

— Прошу также занести в протокол, — тем временем продолжал Колдуэлл, — что здесь я нахожусь по приглашению окружного прокурора Джейкоба Уиллера. Он специально обратился ко мне за помощью в этом деле, так как оно влечет за собой смертную казнь.

— Да-да, правильно, все верно, — закивал Уиллер, подсакивая в кресле.

Амиль перегнулся через стол и тронул Делани за руку.

— Они собрались меня убить? Он это сказал?

— Да, — прошептала она, затем повернулась лицом к Спенсеру: — Ваша честь, я не считаю, что в данном деле соблюдены все условия, отвечающие требованиям смертной казни.

Колдуэлл нетерпеливо отмахнулся.

— Во-первых, требовать или не требовать высшую меру — прерогатива государственного обвинителя, а не подсудимого, — заявил он. — А во-вторых, закон гласит, что смертная казнь уместна, когда — я цитирую — «преступление носит крайне тяжкий характер, отличаясь особой жестокостью и бесчеловечностью, что повлекло за собой особо мучительные физические и душевные страдания жертвы». Так вот я считаю, что похищение, сексуальные истязания и последующее удушение несчастной одиннадцатилетней девочки полностью отвечают указанным критериям.

Максин Арнольд разрыдалась.

— Мисс Делани, — сказал Спенсер, — вы, конечно, имеете право подать протест, однако я могу вам сказать прямо сейчас, что поддерживаю генерального прокурора.

Затем, посмотрев на лежащий перед ним календарь, он добавил:

— Я хотел бы начать основной процесс через девять недель. Далее, поскольку теперь речь идет уже о смертной казни, подсудимый должен быть представлен в суде двумя адвокатами. Мне казалось, что судья Гатлин уже выделил кого-то из числа государственных защитников вам в помощь, мисс Делани.

— Мы разошлись с ним во мнениях!

— Что ж, коль у нас такая ситуация, я сам просмотрю перечень местных адвокатов, обладающих необходимой квалификацией, и не позднее пяти вечера назначу одного из них.

Внутри Делани все кипело, но она сумела-таки придержать язык.

— Ваша честь, — попробовала она договориться, — девять недель не вполне достаточный срок, чтобы подготовить адекватную защиту.

— А вы постарайтесь, — ответил Спенсер. — От себя я рекомендовал бы обратиться в юридические колледжи Виргинии и попросить их о помощи. Насколько мне известно, в ряде случаев целые студенческие группы работали под руководством защитников на процессах с высшей мерой.

— А что с материалами? — спросила она. — Мистер Уиллер обещал мне, что

предоставит доступ к делу.

— Ваша честь, — тут же вмешался Колдуэлл, — защита получит ровно столько, сколько ей отведено по закону: протоколы полицейских допросов подсудимого и все доказательства его невиновности, которые были нами обнаружены. Однако я не собираюсь давать мисс Делани возможность бесцеремонно рыться в наших документах. С этого момента дело веду я, и оно будет закрыто для защиты.

— Да, но ведь мистер Уиллер обещал! — возмутилась Делани.

— Дело веду я, — еще раз подчеркнул Колдуэлл.

Делани оглянулась на Спенсера, ища поддержки. Судья не проронил ни слова.

(Он должен был знать об этих сиюминутных изменениях, — пришло ей в голову. — Без поддержки судьи Колдуэлл ни за что бы не рискнул быть осмеянным.)

— Если нет дополнений, — сказал Спенсер, — я объявляю перерыв.

— Ваша честь, — обратилась к нему Делани, — вы так и не ответили на мою просьбу. Я ходатайствовала, чтобы моего подзащитного больше не приводили в суд в кандалах.

Спенсер вопросительно взглянул на Колдуэлла.

— А какое у вас мнение, господин генеральный прокурор?

— Я уже заявлял, что подсудимый опасен и являет собой угрозу для здоровья и жизни присутствующих, — ответил тот. — Кроме того, всегда остается риск побега.

— Если мистер Колдуэлл боится, у нас тут полно полиции, — сказала Делани.

— Советник, здесь не место для упражнений в остроумии, — досадливо поморщился Спенсер. Затем, обратив лицо к судебному распорядителю, приказал: — Впредь, когда подсудимый окажется за столом защиты, снимайте с него наручники и так далее. С другой стороны, попрошу усилить охрану зала.

(Крошки кидает, — подумала Делани.)

— Ваша честь, еще одно, — сказала она. — Вы уже несколько раз назвали мистера Колдуэлла «генеральным прокурором». Упоминание столь высокопоставленной должности во время процесса отрицательно скажется на непредвзятости присяжных.

— И как прикажете его именовать?

— О, я готова предложить целый список подходящих эпитетов, — быстро отреагировала Делани, — хотя большинство из них не могут быть произнесены на публике.

Кое-кто из зрителей одобрительно хмыкнул.

— Мисс Делани, здесь вам не комедийное шоу и не костюмированный бал, — нахмурился Спенсер. — Попрошу вести себя соответственно.

Заметив пятна гневного румянца у нее на щеках, он добавил:

— Впрочем, ваше замечание обоснованно. С этого момента я буду называть его просто «мистер Колдуэлл» или же пользоваться термином «советник».

(Сукин ты сын... — подумала она.)

Следующие несколько минут Спенсер потратил на формальные процедуры, после чего распорядился увести Амиля через боковой выход.

Как только сам судья покинул зал, репортеры жужжащим роем окружили Колдуэлла и Арнольдов. Делани тем временем успела собрать бумаги, застегнула портфель и уже пробиралась через бурлящее людское море. Однако ей не дали так просто смыться, и вскоре она обнаружила себя лицом к лицу с Франком и Максин. Сделав свое дело, толпа притихла.

— Как вы смеете защищать эту тварь?! — взвизгнула Максин.

Делани немедленно врезала кому-то локтем в бок и бросилась к выходу через

образовавшуюся брешь. На улице, когда она чуть ли не бегом пересекала газон у Дворца правосудия, ее подловил Уолтер Корн.

— Жуткое дело, а? — сказал он. Делани даже не повернула лица. — Ваши комментарии?

По-прежнему ноль внимания.

— Эй! Алле! — не отставал Корн. — Комментарии! Что вы думаете про вмешательство Колдуэлла? Он ведь к высшей мере подводит? Как насчет отпущенных девяти недель?

Делани замерла.

— Вам комментарии захотелось?

Она уже чувствовала, как в ней закипает ирландская кровь.

— Что ж, пожалуйста. Хотелось бы знать, отчего дата процесса назначена так рано. Судья заинтересован в скорейшем торжестве справедливости? А может, просто подыгрывает своему дружку Колдуэллу, который в это время будет избираться на пост губернатора!

Торопливо семеня прочь, Делани с ужасом думала: *Черт! Черт!! Черт!!! Что ж, натворила? На судьбу-то зачем нападать?!*

Вернувшись в кабинет, Спенсер вдруг вспомнил про посылку от Патрика Макферсона. В последний раз, когда он видел камень, тот ударил его током. Спенсера выписали из больницы на прошлых выходных, и сразу по возвращении в офис — то есть в понедельник — Эван принялся за поиски. Помнится, он даже вставал на четвереньки, заглядывал под стол и диван, подозревая, что кругляш туда закатился, когда Спенсер потерял сознание. В конце концов он решил, что камень прихватил кто-то из санитаров.

В дверь постучали.

— Тут к вам один адвокат пришел, некто Чарлз Макдоналд, — сообщила мисс Алиса, просовывая голову в дверь. — Говорит, что готов добровольно помогать Лестеру Амилю.

Секунду спустя в кабинет вошел седовласый мужчина лет под семьдесят и сразу протянул судье руку. Спенсер обратил внимание, что часы у него на правом запястье, а вовсе не на левом, как обычно. «Ролекс» белого золота. Модель под названием «устрица». Дорогая вещьца.

— Спасибо, что согласились принять, — сказал Макдоналд. — Я живу в Шарлоттсвиле уже года четыре, переехав из Фэйрфакса. Это возле Вашингтона. У меня там была своя юридическая практика. С женой мы познакомились здесь, в университете, еще в пятидесятом, и с тех пор всегда мечтали вернуться после ухода на пенсию. Но вот уже год, как она умерла, и, если честно, я себе места не нахожу, как-то даже немножко спятил. Мне бы хотелось выступить вторым советником защиты на процессе Амиля.

Спенсер секунд пять молча поморгал, а затем осторожно спросил:

— Каким опытом вы обладаете?

— Судья, — ответил Макдоналд, — я не из тех дурачков, кто ищет себе газетной славы. — Из внутреннего кармашка спортивного пиджака он извлек вчетверо сложенный машинописный лист. — Вот моя автобиография и список лиц, которые могли бы дать рекомендацию. Впрочем, давайте-ка я сам изложу краткую версию. Итак, сразу после колледжа меня зачислили в штат полицейского управления округа Колумбия — еще в ту пору, когда мало кто из сотрудников имел диплом о высшем образовании. В большинстве колледжей даже не преподавали уголовное судопроизводство. Я трудился, шло повышение в должности, и в конечном итоге меня назначили следователем в отдел убийств. Там я провел

десять лет, отработав в общей сложности семьсот дел. В возрасте пятидесяти пяти лет меня уволили на пенсию, как того требует закон. В связи с вредными условиями на производстве. И тогда я поступил на юридический факультет в Джорджтауне, где в качестве специализации выбрал особо тяжкие преступления, влекущие за собой высшую меру. К тому времени на дворе стоял восемьдесят второй год, Виргиния вновь ввела у себя смертную казнь, так что было из чего выбирать. Брал я только те дела, которые давали основание верить в невиновность подсудимого. Пенсия у меня неплохая, так что мы с женой вполне могли прожить даже с длительными перерывами в заказах.

— И сколько зака... смертных дел вы провели?

— Пятнадцать, — ответил Макдоналд. — Пять оправдательных и по шести срезали срок.

— А еще четыре?

— Двое пока сидят, остальные лежат. Кстати, опережая ваш вопрос: в обоих случаях я присутствовал при казни. Каждый выбрал летальную инъекцию... Да, я до сих пор уверен в их невиновности.

— Почему вас заинтересовал случай Лестера Амиля? Он тоже, по-вашему, невиновен?

— Как и всех остальных, меня поначалу поразило сходство с делом об убийстве Джонбенет Рэмзи, — ответил Макдоналд. — Однако, как ни странно, прийти к вам меня заставил газетный снимок этого парнишки. Скажите, вы верите в оккультизм? Шестое чувство, всякое такое?

— Нет, — твердо заявил Спенсер. — Я не верю в сверхъестественное!

— Знаете, — продолжал Макдоналд, — когда работаешь следователем, у тебя вырабатывается навык «читать» людей. Ты наблюдаешь, как они двигаются, что делают, как ведут себя, смотришь им в лица... Как говорят поэты, «глаза — зеркало души».

— Вы заглянули в глаза Амиля и увидели там невиновного человека?

— Вряд ли он убийца и уж тем более похититель, насильник и душитель одиннадцатилетней девочки. Этого в его лице я не вижу. Чтобы убить ребенка, надо обладать особой злостью...

Они проговорили еще минут двадцать, и Спенсер обнаружил, что Макдоналд ему симпатичен. Четко выражает свои мысли, явно умен, держит себя свободно.

— Мне еще потребуется изучить вашу биографию и перепроверить рекомендации, — сказал Спенсер, — однако, судя по вашему опыту работы, вы вполне можете проявить себя как наиболее квалифицированный специалист по делам с высшей мерой в нашем округе. Во всяком случае, на данный момент. О своем решении я сообщу.

Из суда Чарлз Макдоналд поехал сразу к Патти Делани, точнее, в ее офис, который он обнаружил на крошечной торговой улочке, по соседству с химчисткой, китайским рестораном (торговавшим навынос), аптекой с витаминным уклоном и булочной, где продавали рогалики. Представившись, он сообщил Делани, что полчаса назад предложил свои услуги в качестве ее коллеги.

— Я хочу помочь. Даже если Спенсер меня не назначит, вы все равно можете рассчитывать на мой следственный опыт. Как я уже говорил судье, я нюхом чую, что мальчишка невиновен.

Макдоналд завоевал расположение Делани точно так же, как и в кабинете Спенсера. Ей понравился его спокойный, неторопливый стиль. Понравилась его уверенность. По ходу

разговора он поинтересовался:

— Вы из ирландцев?

— Рыжие волосы никуда не спрячешь, верно? — улыбнулась она. — А вы?

— Из-за моей фамилии все думают, что да, хотя наши предки из Шотландии. Вот жена моя — тут, конечно, вопросов нет. Зеленоглазая красавица с Изумрудного острова. И волосы у нее были рыжие, прямо как у вас. Я сделал ей предложение еще при первой встрече, но она предпочла поиграть в кошки-мышки и не давала согласия аж... до второго свидания!

Делани рассмеялась.

— Сорок четыре года вместе, до самого ее последнего дня. Я не мог бы пожелать себе лучшего друга и лучшей любви, даже если бы захотел. Дня не проходит, чтобы я не вспомнил о ней минимум тысячу раз.

— А дети?

— Дочь. Была. Уже много лет прошло. Автомобильная катастрофа. Так что теперь я один сижу в своем большом и пустом доме... Хотя нет, постойте. Еще есть приبلудный кот, именуемый Ромео. Появился как-то днем и, знаете, решил остаться.

Пока они беседовали, позвонила мисс Алиса: судья Спенсер утвердил Макдоналда в качестве второго советника защиты.

— Теперь мы всамделишная команда! — весело объявила Делани, положив трубку.

Партнеры обменялись крепким рукопожатием.

— Итак, приступим, — сказал он. — Что у нас есть из материалов прокуратуры?

— Почти ничего. Нашего клиента дважды допросили в управлении шерифа, и оба раза он отрицал свое участие в убийстве.

— Хорошо, — кивнул Макдоналд. — А как насчет обвинения в детской порнографии, которое нам предъявили? Неожиданно, правда?

— Не то слово. Уж не дело ли это рук Тейлора Колдуэлла как повод вмешаться? Здесь нам придется поговорить с клиентом.

В тюрьму они отправились вместе, причем на «акуре» Макдоналда. Поездка прошла в обсуждении стратегии и тактики.

— Судя по моему опыту, — сказал Макдоналд, — на «убийственных» процессах есть только пять теоретически возможных путей защиты. Во-первых, полное отрицание самого убийства. Например, можно заявить, что жертва покончила с собой. Понятное дело, здесь это не подходит. Далее, вечно популярное алиби: дескать, да, я убил, но он сам меня так просил, так умолял, в ногах валялся... Опять-таки не годится. Постепенно получает распространение и третья защита, особенно в последнее время. Эту тактику я именую «сил-моих-нету-изверг-проклятый». Применяется многострадальными женами, иногда отпрысками в неблагополучных семьях. Четвертая стратегия — так называемый тормоз. Подается так много петиций, прошений, ходатайств и протестов, что основной судебный процесс постоянно затягивается, откладывается, и прокуратура в конечном итоге выбрасывает на ринг полотенце и договаривается о сделке. Что же касается последнего, пятого вида, то именно он и используется наиболее часто: полиция-де ошиблась, не того взяли. Полагаю, наш парнишка намерен держаться именно этой линии. Пусть даже на убитой девочке нашли его сперму.

Когда машина уже подъезжала к тюрьме, Делани сказала:

— Я очень рада, что мы будем работать вместе, тем более что вы — бывший следователь по особо тяжким. Совсем не хочется напортачить, а на сегодняшнем слушании

возникло ощущение, что мне это дело не вытянуть.

Он отечески похлопал ее по руке.

— Вас просто застали врасплох, моя радость. Судья, Колдуэлл, Уиллер... Это их такая партизанская тактика. Но ничего. Вот вам совет: следуйте своим инстинктам. Я лично большой сторонник интуиции...

* * *

У Амиля Макдоналд вызвал подозрения.

— Нет уж, — заявил он, — мне надобен адвокат-негр. Вы не обижайтесь, но тогда у меня будет один черный и один белый защитник. Если и вправду можно взять двух, то я бы прикрыл все свои тылы.

— Это понятно, — согласился Макдоналд, — однако есть несколько причин, почему вам лучше иметь меня рядом. Если вас осудят, то будет запущен апелляционный процесс. Стало быть, уже сейчас следует закладывать пути к успеху. Значит, в дело нам надо вложить как можно больше ходатайств и протестов, чтобы опытный адвокат смог работать под разными углами. Отсутствие защитника-негра может впоследствии обернуться для вас плюсом. В общем, на вашем месте я бы припас такой козырь себе в кармашек.

Пока Амиль обдумывал сказанное, Макдоналд предложил еще одну «морковку»:

— Я лично провел массу «смертных» дел, зато мисс Делани ни разу не приходилось вести подобный процесс в Виргинии. Предлагаю все разговоры в зале суда оставить на ее усмотрение. Я буду держаться в тени. Опять-таки, если мы проиграем процесс, вы сможете заявить, что мисс Делани не обладает опытом, а я... я просто старый дурень, который палец о палец не ударил.

Макдоналд взглянул на Делани.

— Извините, конечно, — добавил он, — но когда на кон поставлена жизнь, любой апелляционный адвокат склонен утверждать, что осужденного с самого начала плохо защищали. Что поделать, такова наша работа...

— Ничего, я понимаю, — ответила она.

Мало-помалу Амиль начал оттаивать.

— Расскажите, что же случилось в то воскресенье? — предложил Макдоналд.

— Утром мистер Арнольд решил, что мы все отправимся кататься на воздушном шаре. На это убили почти весь день. Когда вернулись домой, то поужинали пиццей. Я ушел примерно в девять и на машине добрался до одной подружки, чтобы там скоротать вечерок. Нас было человек шестьдесят. Просто сидели, балдели, пили пиво, курили травку... И там она познакомила меня с одним парнем. Все его звали Гат, настоящего имени я не знаю. Ну вот, мы с ним поболтали, он послушал кое-какие мои песни, сказал даже, что поможет записать альбом... Часа в два ночи он ушел, а я... врать не буду, я просто того... отпал, короче.

— В смысле?

— Ну, пиво, травка... Понимаете, во-первых, я сильно возбудился от его обещаний, а во-вторых, меня уже давно достало все это гов... прошу прощения, сэр... вся эта фигня у Арнольдов. Я, короче, надрался по брови, завалился спать и в дом той ночью не возвращался. Вот. На следующий день, где-то к полудню, этой моей подружке позвонил Гат, сказал, что

забыл у нее свою сумку. И попросил меня заодно захватить ее с собой в Вашингтон, потому как он уже успел договориться со студией. У него там друг заправляет. Он, короче, сказал, чтобы я валил напрямик на автовокзал, к автобусу. А там как снег на голову копы. Я говорю, не поверите: я даже не знал про убийство Касси, пока они сами мне не сказали.

— Вас хорошо запомнили на том вечере? Все время были с ними?

— И да, и нет. Народ, конечно, видел, как я заторчал и отпал, но часа в три ночи я встал, потому что там один чувак блеванул на всю комнату, такая вонь... Я пошел на веранду, лег на скамейку и проспал до полудня. А там уже заявила подружка, сказала, что Гат на проводе и что он зовет меня в Вашингтон.

— Получается, никто не может подтвердить, что вы неотлучно находились в доме?

— Получается... И потом, я даже не уверен, захотят ли они вообще выступать в суде. Все-таки «химии» немало употребили...

— Одна из первейших задач — найти этого Гата, — сказал Макдоналд. — У меня есть кому позвонить в округ Колумбия... Ну хорошо. Вы сообщили Арнольдам, что собираетесь уехать на автобусе в Вашингтон?

— Нет, — ответил Амиль, нервно взглянув на Делани.

— Ничего-ничего, расскажите, — посоветовала она. — Расскажите, почему вам не хотелось возвращаться к ним в дом.

— Макси, в смысле миссис Арнольд... В общем, у нас с ней... короче, вы понимаете... типа завязалось кое-что...

— Вам надо говорить точно и конкретно, — сказала Делани. — Начните с самого начала. Так будет легче.

— О'кей. Как-то раз я загорал у них в бассейне, еще в Калифорнии, и она попросила меня натереть ей спину лосьоном. Расстегнула лифчик... дальше — больше... и поехали-покатилось. Глупо, конечно, да разве ж меня глупостью остановишь?

— У вас был секс?

— Да.

— Только один раз? Или больше?

— Много больше. Поначалу-то мы осторожничали. Скажем, она дождется, пока мистер Арнольд не уедет куда-то в командировку, а потом шмыг ко мне в комнату, но не раньше, чем заснет Касси. Если по правде, я в нее просто по уши втюрился, а она твердила, что тоже меня любит. Вот. И даже обсуждали ее развод. Я ей говорю: «Глупая ты, у меня денег нет!» А она отвечает, в Калифорнии, мол, такие законы, что ей при разводе отпадет ровно половина. Он намного старше ее и... как это она выразилась-то?.. не дарит ей счастья в спальне, во! У нее... такой суровый секс-драйв, жуть! Он же был в постели слабоват, да и не без вывертов.

— Другими словами?.. — прищурился Макдоналд.

Амиль взглянул на Делани, и та вновь ободряюще кивнула головой.

— В смысле ей этого хотелось... ну, не знаю, раза четыре в день. В жизни не видал женщин, у которых бы так свербело.

— Да нет же, что там такое про выверты?

— А! Она сказала, что ему нравится, когда его шлепают. В смысле по заду. Помню, я сильно смеялся...

— Она вам ничего не говорила... какие-то намеки, может быть... дескать, он развращает собственную дочь?

— Да вы сдурели, что ли?!

Делани поспешила вмешаться:

— Стоп-стоп-стоп! Расскажите-ка лучше, почему вы не вернулись домой в понедельник, когда нашли тело Касси.

— Мне стало страшно, — медленно произнес Амиль. — Дела как-то странно пошли... Понимаете, у нас с ней секс продолжался уже несколько месяцев, но за столом все сидели как одна идиотская семейка. И я смотрю на нее и думаю: вот пару часов назад мы с ней то еще вытворяли, а он теперь сидит рядом как олух и знать ничего не знает. По крайней мере мне так казалось.

Амиля пробил пот.

— Извините. Говорить об этом... никаких нервов не хватит. Она ведь белая, да еще замужем. А я черный, и живем мы в Виргинии. Тут для меня дело знаете чем пахнет?

— Догадываемся, — кивнул Макдоналд.

— И пару недель назад я сказал «хватит». Пусть она наконец выбирает: я или он? Скандал был страшный. Несколько дней даже не разговаривали, и мистер Арнольд что-то явно заподозрил. Потом пришло время для ихней вечеринки. Мы с Макси держались нормально, но я видел, что Франк оч-чень внимательно за нами наблюдает. Тем утром я слышал, как они лаются, хотя и не знаю почему. Только она сильно на него орала, да и он в долгу не остался. К вечеринке вроде как помирились, а потом началось такое...

— Как прикажете понимать?

— Касси пошла спать, а мы — то есть я и Макси с Франком — сидели в гостиной. Время было часа четыре утра, и мы уже успели прилично задубеть. Вдруг Макси достает косячок и начинает попыхивать. В смысле в открытую. Я-то знал, что она травкой балуется, а мистер Арнольд завелся. И понеслось. Типа как она смеет, да еще на глазах подрастающего поколения, какой ты подаешь пример... В общем, обычные дела. Она, натурально, уперлась в мертвую и вдруг — бац! — передает косячок мне. Я смотрю на Франка и вижу, что он типа уже по-взрослому злой, и тогда я говорю ей «нет» и протягиваю обратно. И вот тут-то ее прорвало. Как она меня начала полоскать... Чем только не обзывала. А потом на него ка-ак поехала...

— Чем она вас обзывала?

— Дешевой дрянью. Орала, дескать, мы только врем, кем-то прикидываемся... Франк так разозлился, что выбежал из комнаты. Я подумал, он теперь спать отправится.

— Он оставил вас наедине? — уточнил Макдоналд.

— Да. И я тоже решил, мол, пойду-ка я спать. А когда встал, Макси мне говорит: «Вжик-Вжик!» Это у меня прозвище такое. Говорит: «Вжик-Вжик, трахни меня! Сил нет как хочу!» А я сказал, что не буду, потому что у меня от этого одни неприятности. Но у нее просто тормоза отказали. Ясное дело. Обкурилась, опилась... Уцепилась за меня, повалила на диван, потом встала и давай все с себя скидывать. Как в стриптизе, прямо у них в гостиной. И уже голая говорит мне: «Давай-ка, милый, натяни последний разок. И на этом все». Иди, говорит, к мамочке, ты же хочешь беленькой... э-э...

Амиль заморгал и пару раз кашлянул.

— Вот. Знал я, что нельзя, знал, что это дурость. Но разделся. Она помогла. И прям там, на диване, и... А тут поднял голову и вижу: стоит мистер Арнольд в дверях и смотрит, смотрит... Молчит, даже не шевелится. Стоит себе и смотрит. Я чуть не помер! У Макси-то глазки были закрыты. Я не знаю, что мне делать, и шепчу ей, мол, за нами Франк наблюдает.

А она как не слышит, я даже подумал, что она не поняла. Я опять говорю: «Макси! Франк здесь!» Тут она голову повернула, смотрит — а его уже и след простыл. Я ей: «Что будем делать?» А она говорит: «Ничего». Молчи, говорит, в тряпочку — и все. Я, говорит, сама с ним разберусь... Ну вот, а на следующий день я с ней вообще не разговаривал, а ему старался не попадаться на глаза, потому как думал, что он мне всю ж-ж... это... весь зад, короче, отстрелит. А в воскресенье Макси мне сказала, что летим на воздушном шаре, как одна уродская семейка.

— Пойдите-ка... Франк Арнольд не сказал вам ни слова? О том, что видел, ничего не сказал? Про секс с его женой?! — вздернул бровь Макдоналд.

— Вот именно. Ни слова, ни полслова. И я, значит, после полета его и спрашиваю: как бы нам с глазу на глаз переговорить? Вернулись в дом, зашли к нему в кабинет, и тут он выдает, типа как не понимает: «Случилось чего?» Я и говорю, мол, это насчет той ночи. Мне, говорю, уезжать надо, наверное. А он мне: «Не беспокойся, мне лично твоя песня понравилась». Это он про тот вечер, когда я перед гостями-то... А я стою как дурак и ничего не понимаю! То ли он надо мной издевается, то ли она, то ли они оба сговорились... А может, думаю, я тогда так надрался, что мне померещилось? Тут Франк кладет руку мне на плечо и говорит: «Все путем. Ты, брат, главное, не парься. Моя хата — твоя хата». Да вы не удивляйтесь, он все время так со мной пытался разговаривать. По-свойски якобы, по-личному. Ну а вскоре я свалил на ту вечеринку.

— Он так и не сказал, что видел вас во время секса?

— Не сказал. Хотя я-то знал, что надо ноги уносить, пока не случилось чего нехорошего.

— Вы могли бы чем-то подтвердить... доказать, что имели секс с Максин Арнольд? — спросил Макдоналд.

— Доказать? А как же я могу это доказать?

Резко поменяв тему, Макдоналд спросил:

— Каким образом ваша сперма оказалась на пижаме Касси?

Поначалу Амиль не хотел отвечать. Вместо этого он просто опустил лицо и уставился на столешницу. Впервые за все время разговора Макдоналд почувствовал, что парню сильно не по себе. Или ему стыдно, или он что-то утаивает.

— Да я с Макси галоши надевал... в смысле презервативы. Она мне сказала, что муж сделал себе вазэктомию, а потому ей нельзя рисковать. И еще она сказала, что у нее аллергия на каучук и она может пользоваться только... знаете, такие, очень дорогие, из настоящей животной кожи. Или рыбьей?.. В общем, у нее постоянно один был с собой припасен. Потом она заворачивала их в туалетную бумагу и прятала в мусорный пакетик у себя в ванной. Мне она не доверяла это делать — боялась, что я просто все выкину в ведро на кухне, где их может увидеть домработница или сам мистер Арнольд.

— В ту ночь, на диване, вы пользовались презервативом? Когда вас Франк застал?

— Ну так она всегда заставляла их надевать.

— И забрала с собой?

— Ну да. И пошла куда-то к себе. Я потом уехал и не знаю, что она с ним делала.

— То есть вы хотите сказать, что Максин Арнольд выдавила вашу сперму из презерватива и размазала ее по пижаме собственной дочери?

— Э-эх... Ну кто-то же это сделал! Бог мне свидетель, как иначе она могла попасть ей на пижаму?!

Теперь настала очередь Макдоналда задумчиво помолчать.

— Заставить присяжных в это поверить будет чертовски трудно, — наконец пробормотал он и вновь сменил тему: — А что там у вас такое насчет детской порнографии из Интернета?

Амиль вновь устыдился.

— Да дурак я был, говорю же... Сейчас каждый чувак в моем возрасте лазает по порносайтам. Вот и я как-то ночью серфил-серфил, да и попал на одну веб-страничку, с девчонками-то. А меня оттуда — раз! — и автоматом перекинули куда-то еще, на другой сайт, где-то Таиланде, не знаю... И там куча фоток с детьми, все связанные или даже круче. Я в жизни не видал такого... Любопытство разобрало. Вот и скачал себе несколько штучек. Хотел друзьям показать, потому как реально больная вещь. Но я же случайно, по дурости! Клянусь!

— Вы их кому-то разослали?

— Ну-у, паре знакомых чуваков отослал. Так ведь просто ради прикола!

Макдоналд еще часа два мучил Амиля вопросами, но тот ни разу не запутался. Явной лжи тоже выявить не удалось.

Когда они с Делани покинули тюрьму, уже смеркалось. Макдоналд купил ей ужин в китайском ресторанчике по соседству с офисом.

— Если мы хотим, чтобы присяжные поверили в невиновность Амиля, нам придется дать им более вероятного подозреваемого. И здесь у нас серьезное осложнение, потому как поимка настоящего убийцы — не наша прерогатива. С другой стороны, прокуратура обязательно предъявит суду снимки убитой Касси Арнольд, и присяжные не позволят нашему парнишке так просто уйти, если их не убедить, что наказания заслуживает кто-то другой. Такова человеческая природа.

— Мне кажется, это мать Касси, — сказала Делани. — Она и есть наш главный виновник.

— Почему?

— Потому что я ей не верю. Она специально соблазнила Амиля, а потом убила свою дочь. Не знаю отчего, но вся моя интуиция за это.

— Что ж, здесь я и начну копать, — ответил Макдоналд. — Прямо с утра.

Раньше Делани и не представляла себе, насколько быстро могут промчаться девять недель. Она попыталась поговорить с Франком и Максин, однако те наотрез отказались. Соседи Арнольдс также захлопнули дверь перед ее носом. Макдоналд, в свою очередь, заехал в офис окружного шерифа, чтобы обсудить дело со следователем Дейлом Стюартом и его коллегами, но все они держали язык за зубами. Что касается Тейлора Колдуэлла, то он выполнил свое обещание и передал два протокола, составленных после ареста Лестера Амиля, хотя ничего нового в них не было. Как ни странно, наилучшим источником информации оказались «Шарлоттсвилльские куранты». Местная газета почти ежедневно печатала заметки Уолтера Корна насчет убийства и предстоящего процесса, причем все они основывались на сведениях, непостижимым образом утекавших из прокуратуры. Взять хотя бы вот это:

Уолтер Корн, наш собственный корреспондент

«Шарлоттсвилльским курантам» стало известно, что полиция нашла важное свидетельство, еще крепче связывающее Лестера Тидвелла Амиля с жестоким убийством Касси Арнольд, одиннадцатилетней дочери компьютерного гения Франка Арнольда и его супруги Максин.

Согласно хорошо информированным источникам, домочадцы и прислуга семейства постоянно носили небольшие пластиковые значки, так называемые персональные идентификаторы, когда находились в стенах дома. В каждый такой значок встроен микрочип, который посылает сигналы главному компьютеру, позволяя ему следить за местонахождением владельца. Персональный идентификатор, выданный Лестеру Амилю, был впоследствии найден рядом с телом Касси. Полиция полагает, что значок сорвали во время борьбы.

Еще один пример добытого Корном «экслюзива»:

Уолтер Корн, наш собственный корреспондент

Предприняв обыск подвальной спальни Лестера Тидвелла Амиля, следственная группа при шерифе графства Альбемарль нашла более двух сотен газетных вырезок, касающихся убийства Джонбенет Рэмзи, сообщают информированные источники.

Одно высокопоставленное лицо, просившее не упоминать его имени, заявило, что Амиль был «совершенно пленен» подробностями до сих пор не раскрытого убийства Джонбенет Рэмзи. Более того, этот человек заполнил двенадцать тетрадей стихами и текстами к своим хип-хоповым песням, где на все лады славил это страшное преступление. «Парень, похоже, знает про то убийство больше, чем все полицейское управление города Болдер, где велось расследование», — заметил один из коллег шерифа.

Касси Арнольд была найдена задушенной в подвальном этаже родного дома. Полиция считает, что негодяй пытался воспроизвести сцену насилия над Джонбенет Рэмзи. «Типичный подражатель, — сообщил один из наших

источников. — Явно дело рук человека, в подробностях знакомого со всеми аспектами того преступления».

Ежедневные атаки в форме газетных заметок заставили Делани обратиться в суд за изменением территориальной подсудности, однако судья Спенсер воспротивился переносу процесса за пределы Шарлоттсвилля. Семь раз Делани подавала различные ходатайства и протесты и семь раз получала отказную резолюцию. Впрочем, за день до начала отбора присяжных удача наконец-то улыбнулась Делани и ее партнеру. Он узнал, что у Максина Арнольд есть младшая сестра по имени Кэрол Уэбис, причем они давно в ссоре. Все же, опасаясь, как бы она с ходу не повесила трубку, Макдоналд сел на рейс до Спокана, штат Вашингтон, где Уэбис проживала с мужем и четырьмя детьми. Делани осталась в городе, чтобы заниматься отбором присяжных.

Судья Спенсер отвел три дня на составление окончательного списка, а мисс Алиса организовала собрание в судебном зале, куда созвала шестьдесят потенциальных присяжных, то есть в пять раз больше требуемого числа. К концу первого дня Делани дважды использовала свое право отвода, оставив еще три возможности на будущее. Она вычеркнула многодетную домохозяйку средних лет (шесть девочек, ни одного мальчика) и местного бизнесмена, чей брат работал федеральным прокурором. Колдуэлл же отвел школьного учителя истории (негра) и сплошь татуированного бармена.

Вечером того же дня Макдоналд позвонил из Спокана, чтобы узнать, как прошел ее первый день на поприще *voir dire*^[1].

— Прямо скажем, нелегко, — ответила она. — Им предстоит решать судьбу Лестера, а я все никак не могу подобрать подходящих. Сегодня Колдуэлл протащил в список проповедника-фундаменталиста. Завтра с утра собираюсь от него избавиться.

Партнеры заранее договорились о стратегии отбора. Требовалось избегать пожилых и стараться ввести как можно больше представителей этнических меньшинств или же людей студенческого возраста.

Затем она спросила, как обстоят дела с Уэбис.

Макдоналд сказал:

— Я к ним поехал сразу после обеда, однако дома никого не было. Завтра попробую снова. Вообще, доложу я вам, картина жалкая. Они живут в трейлерном поселке. Видели, наверное: ряды ржавеющих автофургонов, почтовые ящики в виде рыб. Или свиней. Коров.

— О! — воскликнула она. — Мне всегда хотелось розового фламинго из пластика! Увидите такого, не в службу, а в дружбу — привезите, а?

Макдоналд решил, что она шутит. Но ошибся.

От его гостиницы до мобил-парка «Малиновка» поездка заняла минут тридцать. Трейлер Уэбисов был одним из самых древних. Несмотря на колеса, до сих пор видневшиеся под кузовом, его уже никогда не стронут с места. Основание кругом заросло кустарником и сорняками. Сам фургон был окрашен в два выцветших тона: белый и аквамаринный. Когда Макдоналд свернул с дороги, возле трейлера, под жестяным гофрированным навесом, стоял грузовичок «эль-камино». На истоптанном пустыре, служившем в качестве лужайки, валялись разбросанные пластиковые игрушки. Пара бетонных плит, ведших к входной двери, ярко-желтым мелом расчерчены на квадраты для игры в «классики».

Он постучал. Дверь приоткрыла усталая женщина с повязанным платком и вместо приветствия подарила ему хмурый, недоверчивый взгляд. Макдоналд представился и

спросил позволения задать несколько вопросов насчет ее старшей сестры.

Хозяйка осмотрела его с ног до головы, потом вытянула шею и заглянула ему через плечо — узнать, какую машину он водит. Сегодня Макдоналд водил взятый напрокат «линкольн».

— Что мне с этого будет? — затем спросила она.

Для начала он попробовал чисто моральный подход. Не могла бы миссис Уэбис сообщить нечто такое, что поможет спасти невинного человека?

На наживку женщина не клюнула.

— Вы всерьез думаете, что мне жалко вашего клиента? — словно не веря его словам, спросила она. — Да этот сукин сын там с ними в масле катался! Сволочи! Тащат в дом всякую дрянь, а со своими вон как обращаются!

Женщина умолкла и вновь, уже более задумчиво, осмотрела Макдоналда.

— Пять сотен, — наконец сказала она. — Хотите со мной говорить — денежки вперед. А что? Вы же из этих, из адвокатов. Для вас это фантики.

Макдоналд сказал твердое «нет». И добавил:

— Закон запрещает мне покупать показания.

— Какие такие показания? Я и не собиралась. Нет, мистер, я вас просто направлю по нужным местам.

Тогда он выудил из кармана бумажник, а оттуда — стодолларовую купюру.

— Один фантик сейчас, другой — по окончании. Берите, пока дают. Не то уеду.

Не стесняясь, она выплюнула ему в лицо ругательство и схватила бумажку:

— За одну сотню много не получите, предупреждаю сразу.

С этими словами женщина распахнула дверь, и он ступил внутрь. Где-то в спальне гремел телевизор, орали ссорящиеся дети. На длинном потрескавшемся столике, отделявшем гостиную от крохотной кухни, стояли немытые тарелки с остатками обеда. Рядом в кресле-качалке сидел один из самых тощих людей, каких когда-либо видел Макдоналд. Сидел и молча курил сигарету.

— Это мой муж Гарольд, — сказала Уэбис.

Гарольд не привстал, даже когда Макдоналд подошел ближе, чтобы пожать руку. Вслед за хозяйкой адвокат сел на кушетку; ее желто-коричневые клетки навечно сохранили следы кошачьих когтей и белой шерсти.

— Нашего отца звали Джордж Финли, — приступила к рассказу миссис Уэбис. — Он служил в армии авиационным техником, так что переезжать приходилось часто. Мы с Максин родились в Германии, да и вообще все четверо детей родились за границей. Отца перевели обратно, когда ей исполнилось пятнадцать, а мне — десять. Его приписали к базе ВВС Неллис, это возле Лас-Вегаса. Отец до мозга костей был военным. Когда возвращался домой, мы выстраивались вдоль стенки, и он нас допрашивал, кто чем занимался. Потом они с мамой уходили в бар, а Максин оставалась за старшую. Кормила нас, купала, укладывала в кровать и ненавидела. Нас ненавидела и все эти хлопоты. Она всегда повторяла: «В жизни детей заводить не стану!»

Уэбис взяла из мятой пачки ментоловую сигарету, закурила и окуталась облаком, в котором, наверное, видела картины прошлого. Каждой дымной струйкой она словно очищала свою память.

— Похоже, она все-таки передумала, потому что ведь родилась Касси, — заметил Макдоналд.

— Да что вы? — неприязненно усмехнулась женщина. — Ладно, мистер Набитые Карманы, давайте с самого начала расставим все точки. Если я вам что-то расскажу, а вы потом меня вызовете в суд, то я заявлю, что в глаза вас не видела. Ясно? Моя сестра — сучка, а денег у нее навалом, так что науськать адвокатов и испортить жизнь человеку — для нее раз плюнуть. Если правильно меня поймете, то я с лихвой отработаю ваши две сотни.

— Хорошо, — кивнул Макдоналд.

— Мы сыграем в одну маленькую игру. Называется «игра в слова». Я даю вам подсказку, а вы сами пытаетесь догадаться обо всем остальном. Главное, чтобы Максин не поняла, откуда все стало известно. Итак, если молоденькую девчонку уже тошнит от родственничков, у нее нет денег на колледж и она не может найти работу — или не хочет ее искать, — какой самый быстрый способ выкарабкаться?

— Сбежать из дому?

— Глупости! — пренебрежительно отмахнулась миссис Уэбис. — Надо просто окрутить мужичка, забеременеть и заставить его на тебе жениться. А теперь вопрос номер два: что делать дальше? От родной семьи отделалась, но все равно этого мало, да к тому же на руках младенец и муж-придурок, и никого из них ты не любишь.

— И как же быть?

Она протянула руку за второй сотней. Макдоналд неохотно повиновался. Женщина встала и открыла дверь на улицу.

— Ответ вы найдете в Лас-Вегасе. Пошуршите там в архивах. Скажем, в свидетельствах о смерти, — сказала она, явно довольная собой.

Свидетельства о смерти!

Переступая через порог, Макдоналд пытался сообразить, чем бы еще раззадорить миссис Уэбис, чтобы она побольше рассказала.

— Еще один вопрос можно? Последний?

— Да хоть миллион! По сотне за каждый!

Гарольд, до сих пор не проронивший ни слова, вдруг зашелся ржавым смехом.

— Почему вы так ненавидите родную сестру? — спросил Макдоналд.

Она метнула в него испепеляющий взгляд, а потом как-то обмякла.

— Ладно, скажу за бесплатно. Осмотритесь вокруг. Давайте, не стесняйтесь. У моего мужа ноги не ходят. Автомобильная авария. Уже четыре месяца, как его уволили. Я прибираюсь в домах в компании с мексиканками, которые двух слов по-английски связать не могут. А Максин с Франком богаты. Так что догадайтесь сами.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Макдоналд не двинулся с места, правильно рассудив, что это только предисловие. Миссис Уэбис помолчала, затем добавила:

— Она думает, мы ей в подметки не годимся. Да вы вообще в курсе, как они с Франком встретились? Она устроилась на подработку в Лас-Вегасе. У них там конференции проводят, называется «Комдекс». Крупнейшее компьютерное сборище в мире. Ее наняли раздавать рекламные проспекты. Бывали на «Комдексе», нет? Обалдеете, помяните мое слово. Толпа компьютерных «ботаников» с лейкопластырем на очках, в кармашках у них чехольчики с авторучками — а кругом силиконовые шоу-девки, раздают брошюры про компьютеры, которые даже и включить-то не смогут. Словом, сплошь мозги да гигантские сиськи. Исключая Максин, конечно. Ей стиральная доска фору даст. Или Гарольд. Но она умная и хитрая. Когда она узнала, сколько стоит Франк, то закусил удила. Про его изобретение

прочла больше, чем его же собственный рекламный отдел. Он и клюнул на то, как она ловко болтает с клиентами. Представился — и она начала его вываживать, подтягивать леску!.. Через две недели под венец.

— Что ваши родители о ней думают?

— Ничего не думают. Умерли. Максин даже на похороны мамы не приехала. А когда пришло время вскрыть ее завещание, то вместо Максина пришел адвокат и заявил, дескать, она подаст на нас в суд и станет оспаривать подлинность документов, если только мы не дадим ей возможность первой покопаться в вещах и забрать все, что ей глянется. Если она чего-то хочет или ее загоняют в угол, то ждать можно чего угодно.

— Даже убийства?

— Понравилось, за бесплатненько-то? Мне добавить нечего, — проворчала она.

Из-за разницы во времени между Споканом и Шарлоттсвилем Макдоналд не мог сразу позвонить Делани с отчетом, слишком уж поздний час. Вместо этого он забронировал место на рейс в Лас-Вегас и следующим утром выкупил билет. Перед вылетом он записался на автоответчике у нее в офисе: «Я знаю, вы сейчас в суде, отбираете присяжных. Я отправляюсь в Лас-Вегас. Почему — объясню позже, когда перезвоню. Терпеть не могу автоответчики. Если не успею вернуться к началу процесса, дайте им жару своей вступительной речью. И помните: следуй инстинкту. Вот почему я лечу в Вегас».

Следуй инстинкту. Лозунг, теперь взятый на вооружение обоими партнерами.

Спенсер едва успел закончить завтрак на веранде, когда появилась Мелисса, одетая в дизайнерский сарафан от Гали Мозеевской, московской модельерши, которую супруга открыла для себя совсем недавно. Черный верх, сизо-серая талия и, наконец, подол бледно-голубого, небесного оттенка, слегка прикрывавший колени. В руке она держала бледно-голубую же дамскую сумочку. На ногах — черные туфли.

— Думаю заглянуть к тебе на процесс, — объявила она. — Когда это проще сделать?

Мелиссин наряд был слишком уж уникальным для судебной обстановки. Спенсер пожевал губами, развернул «Вашингтон пост» и ответил:

— Заседание начнется в девять. Однако мест для всех зрителей и репортеров не хватает, так что мисс Алиса будет еще проводить лотерею.

До сих пор супруга не выказывала интереса к его работе. Она нагнулась к Спенсеру и поцеловала его в щеку.

— Ну, ты же найдешь для меня местечко. Все-таки судья. Впрочем, я, наверное, немного задержусь. У меня в девять маникюр. Да, кстати... где-нибудь в переднем ряду, пожалуйста.

Такое впечатление, что Мелисса заказывает себе билеты на бродвейский мюзикл.

Присев рядом в белое камышовое кресло она отметила — вслух, — что легкий утренний туман уже почти поднялся, а луг до сих пор мокрый. Спенсер отметил — про себя, — что нынче она без лифчика.

Еще в первые месяцы их брака он понял, что Мелисса эгоистична, эмоционально неразвита и интеллектуально ленива. Что поразительно — и он, и все прочие, казалось, не обращали на это внимания. Ее нарциссизм выглядел совершенно нормальным, раз она была одновременно и богата, и красива. Когда Мелисса ломала краешек ногтя (раздражающее, хотя и обычное явление в жизни большинства женщин), она вела себя так, будто разразилась вселенская катастрофа. Трудно поверить, но все вокруг нее подхватывали тот же стиль поведения. словно повседневные события в жизни богатых людей носили куда более значительный характер просто оттого, что у них масса денег.

Особенно Спенсера удивлял тот факт, что Мелисса, в общем и целом, оставалась недовольна своей жизнью, несмотря на особое к ней отношение со стороны окружающих. Как старые, так и новые знакомые автоматически вызывали у нее пренебрежительную реакцию, крайне редко она начинала искренне чем-то интересоваться. У нее не имелось ни целей, ни амбиций, ни плана в жизни, а что касается увлечений, то их было очень немного. Лошадей своих она вроде бы любила, на собственного отца молилась, однако на все остальное ей было наплевать. На Спенсера в том числе.

В начальную пору их брака все эти недостатки мало что значили в его глазах. У женщин типа Мелиссы, решил для себя Спенсер, лишь одно реальное предназначение: им должны завидовать. У него была жена, которую вожелели прочие мужчины, а местные дамы мечтали ей уподобиться. С самого начала он избрал простой путь: на все закрывать глаза. Не из любви, а потому, что их брак ставил его на более высокую ступень. Мелисса давала ему превосходство над другими мужчинами. Ведь он ее добился, в этом и состоял его выигрыш. А вот почему она согласилась выйти за него — здесь ответ так и не удавалось найти.

— Я вчера обкатывала Маленького Грома, — вдруг перебила она поток его мыслей, — и

Диди Гилмор мне рассказала про ту нахалку, которую назначили в адвокаты этому негру-убийце.

— Лестера Амиля еще никто не признал убийцей, — ответил Спенсер, — да и слов «нахальство» тоже как-то не подходит к его защитникам.

Он сделал вид, будто поглощен чтением колонки новостей, хотя на деле ему не терпелось узнать, какие еще сплетни распускают их соседи.

— Диди сказала, что эта... как там ее?

— Делани. Патти Делани.

— Вот-вот, у этой самой Патти Делани жуткий вкус, и еще она застала своего мужа под простынями с каким-то другим мужиком. Видно, эта дура и трахаться-то не умеет.

Спенсер сложил газету и посмотрел на жену. Она редко прибегала к сквернословию, хотя и любила порой огорошить тем или иным словечком.

— Что? — спросил он.

— Ой, Спенсер, уж со мной-то мог бы и не лицемерить, — надула губки Мелисса. — Что мужику первым делом приходит в голову, когда он встречается лесбиянку? Он говорит себе: «Дали бы мне разок ее в койку затащить, уж я бы ее отучил». Не строй из себя ханжу, когда я говорю, что она ничего не умеет в постели, если ее муж ищет себе сексуальное удовлетворение с другим самцом.

— Мелисса, — промолвил Спенсер, — сегодняшняя застольная беседа самая, пожалуй, бессмысленная из всех, что у нас с тобой были. Неужели ты в самом деле считаешь, что Патти Делани довела мужа до гомосексуального бешенства своими дерьмовыми постельными навыками?

Тут он сам внутренне поежился от такого подбора слов, хотя Мелисса, к счастью, пропустила их мимо ушей.

— Да, ты прав, дорогой, — сказала она. — Действительно, если бы все мужики вдруг решили удариться в «голубизну» просто оттого, что их жены ничего не умеют, мне бы ничего не досталось!

Мелисса рассмеялась собственной шутке и добавила:

— Но тебе ведь это не грозит? Или как?

Спенсер решил сменить тему:

— А почему ты хочешь пойти в суд?

— Чтобы морально поддержать Франка и Максина. Арнольды переживают сейчас ужасное, просто ужасное время, и я думаю, они оценят мое сочувствие, когда я появлюсь в суде.

— Да, — кивнул он, — особенно в новом платье.

Мелисса молча раскурила сигарету.

— Спенсер, — сказала она затем, — с тобой от скуки порой зубы ломит...

Когда Эван был ребенком, у них в городке имелось три места, где публика могла услышать великих ораторов. Во-первых, на политических митингах, где страстные, чуть ли не фанатичные приверженцы той или иной партии заводили толпу. Второе место — церковь; здесь проповедники живописали перед прихожанами образы ягнят, мирно лежащих возле львов, и демонов, скачущих посреди горящих углей. А третья возможность — это, конечно, зал судебных слушаний.

Рождение телевидения и высказывание Маршалла Маклахана, что «вид средства

массовой информации и есть само сообщение», покончили с необходимостью обладать великим ораторским талантом на политических сборищах. Теперь политиканы вещали аудиовизуальными битами и байтами.

Не реже раза в месяц Спенсер с Мелиссой посещали епископальную церковь Святого Луки (которую, кстати, помогли основать Ван-ден-Вендеры), однако местный священник, опасавшийся хоть чем-то задеть свою привилегированную паству, был скучен и забит. Соответственно оставалось только здание суда, и хотя большинство адвокатов, представавших перед Спенсером, отличались полным отсутствием живости и блеска, Тейлор Колдуэлл проявил себя и как опытный оппонент, и как хитроумный прокурор. Спенсера восхищало умение друга оперировать всеми красотами английского языка, однако словесные изыски и находки Колдуэлла составляли лишь некоторую часть его ораторского искусства. Тейлор был харизматичен, причем как в суде, так и за его стенами. Уже давно Спенсер обратил внимание, что Колдуэлл ведет свою жизнь так, словно постоянно находится перед некоей аудиторией. Даже в студенческую пору, когда они оба посещали университет, не было случая, чтобы Колдуэлл не позировал на публике. В то же время его внутренний мир и подлинные чувства оставались скрытыми. Спенсер подметил за ним еще одну черту, еще один характерный признак «колдуэллизма»: Тейлор великолепно умел слушать и блестяще пользовался полученными сведениями к своему успеху.

Делани с Колдуэллом понадобилось только два дня, чтобы утрясти список присяжных, так что процесс начался в среду, на день раньше, чем планировал Спенсер. Двенадцать присяжных, из них четыре негра и пять женщин. В состав этой разношерстной публики входили: пожарный, сантехник на пенсии, одинокая бабушка, никогда не работавшая домохозяйка, секретарша, менеджер телефонной компании, преподавательница аэробики, владелец яблочного сада, безработный художник, учительница начальных классов, водитель городского автобуса и студент местного колледжа. Возрастной состав — от двадцати шести до шестидесяти девяти лет.

В Виргинии принято, чтобы обвинитель выступал первым, то есть до адвоката защиты, и закрывал дебаты своей же аргументацией, гарантируя тем самым, что первые и последние слова, которые слышат присяжные, будут исходить из прокурорских уст. Колдуэлл начал с того, что снял пиджак и засучил рукава. Этим символическим жестом он демонстрировал свою решимость не уступить ни пяди.

— Из всех преступлений, которые совершает человек, нет ничего более тяжкого, чем преднамеренное убийство, — объявил он. — В отличие от болезни или катастрофы убийство является собой заранее продуманный акт насилия против ближнего своего. И самое вопиющее, омерзительное и душераздирающее преступление — это убийство ребенка взрослым человеком. Ребенок! Вообразите: столь юное и столь невинное дитя лишают всех тех радостных чудес, которые наполняют смыслом нашу жизнь! Лишают радости и нас самих, ибо мы уже никогда не узнаем, кем бы мог стать этот ребенок!

Здесь Колдуэлл поменял интонацию, голос его зазвучал печально:

— Мы рассматриваем дело о жестоком убийстве. Девочка по имени Касси Арнольд, которую ее любящие родители и друзья называли Куки, была умерщвлена подсудимым.

Колдуэлл обернулся и выбросил перст в сторону Лестера Амиля.

— Вот этот человек, среди нас!

Помолчав секунду, он продолжал:

— Я хочу, чтобы ее имя навечно осталось в вашей памяти. Касси Арнольд. Помните, что

совсем недавно она была живым, резвым, умным, любимым и чудесным ребенком.

Он повернулся вправо и плавно обвел рукой ряды сидящих зрителей.

— Ее родители, Франк и Максин Арнольды, сидят перед вами. Они любили ее, и она любила их...

Минут десять Колдуэлл рассказывал про Касси, желая, чтобы у присяжных возникла эмоциональная связь с именем этого ребенка. Затем он приступил к описанию преступления, не жалея самых леденящих кровь подробностей.

— Убийца проник к ней в комнату, когда Касси мирно спала. Он разрядил в крошечное тельце высоковольтный электрошокер, чтобы обездвигнуть жертву и не дать ей позвать на помощь. Затем он отнес Касси к себе в подвал, где уже приготовил место на ледяном бетонном полу. Положил ее на расстеленные газеты, изолянтной связал ей руки и заклеил рот. К этому моменту она уже пришла в себя и полностью осознавала происходящее. Он стянул с нее пижамные брючки и задрал курточку, обнажив хрупкое детское тело. Надел ей на шею веревочную петлю и просунул под нее рукоятку, отломанную от малярной кисти. И стал медленно закручивать эту импровизированную гарроту, мастурбируя и наслаждаясь. Эякуляция, возможно, произошла в тот миг, когда он сделал последний поворот удавки, окончательно пережав горло ребенка. Впрочем, мы не можем сказать, умерла ли забрызганная спермой девочка в эту секунду или когда он с размаху ударил ее в висок тупым предметом. Одно мы знаем совершенно точно: последние минуты жизни маленькой Касси Арнольд были чудовищны...

Колдуэлл интонацией подчеркивал ключевые фразы, которые ему хотелось оставить в памяти присяжных: «мирно спала», «разрядил электрошокер», «полностью осознавала», «стянул пижамные брючки», «мастурбируя и наслаждаясь», «забрызганная спермой»... За все годы работы прокурором, объявил Колдуэлл, он ни разу не встречал столь безжалостного и извращенного убийства.

Его речь внезапно прервали женские всхлипы. Рыдала Максин Арнольд. Франк подхватил ее под руку и осторожно вывел из зала. Когда улегся шум, что потребовало вмешательства судьи и еще больше подхлестнуло страсти, Колдуэлл приступил к последней части своего выступления. Он изложил собранные доказательства, которые — по его словам — безусловно свидетельствуют о вине подсудимого. Сильнейшим из них был результат анализа генетического материала. Сперма, забрызгавшая пижаму Касси, совпадала с ДНК Лестера Амиля.

Затем Колдуэлл сказал:

— В мою бытность студентом один из преподавателей учил нас: никогда не следует упоминать имени обвиняемого на процессе, где рассматривается дело об убийстве. Он говорил, что всегда нужно произносить термин «подсудимый», тем самым напоминая присяжным, что совершено преступление и что на скамье сидит нечто не вполне человеческое. Но, дамы и господа! Сегодня я не хочу и не могу следовать совету моего уважаемого ментора! Потому что Лестер Тидвелл Амиль — это хладнокровный сексуальный хищник... насильник... убийца детей! И я хочу, чтобы вы помнили его имя и точно знали, что он совершил.

Готовясь произнести заключительные слова, Колдуэлл подошел к столу защиты и прямо показал пальцем на Амиля. Что вполне естественно: если собираешься обвинить человека в тяжелейшем преступлении, надо показать присяжным, что ты не боишься назвать его убийцей в лицо.

— Этот подонок замучил и умертвил одиннадцатилетнюю девочку. Не забывайте его имени, не забывайте того, что он содеял. И — заклинаю вас! — не забывайте имени Касси Арнольд и тех истязаний, которым он ее подверг!

Колдуэлл вернулся к прокурорскому столу на фоне всхлипываний из зала. Патти Делани медленно оторвалась от стула, постояла секунду и, в свою очередь, поднялась на подиум. К этому дню Спенсер уже несколько привык к ее непрофессиональному виду, однако сегодняшний светло-коричневый жакет выглядел на редкость не к месту. Дело в том, что он был украшен мужскими галстуками. На груди — справа и слева, будто военные награды — висело по три узких галстука: один ярко-желтый, другой черный в белый горошек, а третий — красный в зеленую полоску. Галстукам-бабочкам тоже нашлось дело: их пришили к плечам. В общем и целом Делани напоминала ходячую вешалку из магазина мужской галантереи.

Только она собралась открыть рот, как скрипнула дверь и в зал впорхнула Мелисса Ванден-Вендер. Судебный распорядитель провел ее к пустому стулу в первом ряду, куда мисс Алиса заранее положила лист бумаги с крупной надписью фломастером: «Занято». Если бы на месте Мелиссы оказался кто-то другой, Спенсер дал бы полную волю гневу. Однако он сдержался и, подобно всем остальным, молча следил за грациозной поступью супруги.

Патти Делани дождалась, пока Мелисса усядется, затем в упор взглянула на присяжных.

— Мистер Колдуэлл только что поразил нас вступительной речью. Надо отдать ему должное: он чрезвычайно умелый обвинитель. Для тех из вас, кто еще не в курсе, поясню: он также служит в должности генерального прокурора всего нашего штата, и, если процесс пойдет для него удачно и если газетные сообщения не обманывают, мистер Колдуэлл вполне может победить на выборах и стать нашим новым губернатором.

Она сделала паузу, оглянувшись на оппонента.

— Сомневаюсь, что к востоку от Миссисипи найдется хоть один гособвинитель, способный составить ему конкуренцию. И если пользоваться его приемами, я бы тоже хотела просить вас запомнить одну вещь. Такому талантливому прокурору, как Тейлор Колдуэлл, не составит труда засудить невинного человека.

На этом она поджала губы и, не вымолвив более ни слова, вернулась на свое место.

Явно возмущенный, Колдуэлл вскочил со стула.

— Ваша честь! Прошу консультации в вашем кабинете с участием представителя защиты!

Спенсер взглянул на часы. Почти полдень.

— Объявляется перерыв на обед. Но перед этим пара слов от меня.

Он посмотрел на присяжных.

— Обвинителя и защитника закон наделяет правом говорить практически что угодно. Помните, однако, что выслушанные нами заявления и той и другой стороны не являются уликами. Ваша задача — вынести решение на основе лишь тех доказательств, которые еще будут представлены на рассмотрение суда. Вы обязаны не обращать внимания на словесную перепалку участников процесса либо их ораторский талант. Или полное отсутствие такового.

— В жизни меня так не оскорбляли, — пожаловался Колдуэлл уже в дверях кабинета. Позади него плелся молчаливый Джейкоб Уиллер.

— Чем именно я вас оскорбила? — спросила Делани. — Тем, что признала вас способным юристом?

Колдуэлл свирепо взглянул на нее:

— Умно, ах как умно! То вы возражаете — дескать, меня нельзя именовать генеральным прокурором, а то вдруг сами с этого начинаете. И мне претят ваши инсинуации, будто я занимаюсь этим делом ради губернаторской должности. Политика не имеет ни малейшего отношения к рассматриваемому преступлению!

— К преступлению? Верно, не имеет, зато она ох как тесно связана с вашей манерой вести процесс!

— Господин судья, — обернулся Колдуэлл к Спенсеру, — далеко не в первый раз я слышу от мисс Делани обвинение, что дело имеет политическую окраску. Уверен, вы сами видели ее интервью в «Шарлоттсвилльских курантах», где она обвинила и вас. Что вы якобы выбрали дату начала процесса, ориентируясь на предстоящие выборы. И этим она оспаривает не только мою непредубежденность, но и ставит под сомнение беспристрастность суда!

До сих пор Делани питала слабенькую надежду, что Спенсер не видел той статьи — что, конечно, было чистым самообманом. А если и видел, то за последние девять недель забыл про нее — что еще более невероятно.

— Достаточно, — устало произнес Спенсер. — Мистер Колдуэлл, сам по себе факт, что вы боретесь за губернаторский пост, превращает вас в очевидную мишень. И удивляться тут нечему. Более того, такой прием я лично нахожу избитым и дешевым.

Затем, обернувшись к Делани, он добавил:

— А если вас не устраивают мои решения или если вам хочется подвергнуть сомнению мои мотивы, советую обращаться в комиссию по этике, а не к газетному репортеру.

— Приношу свои извинения, ваша честь. — Делани покаянно попустила голову. — В тот раз я высказалась просто в запальчивости. Могу ли я кое-что предложить?

— Прошу.

— Мистер Колдуэлл настаивает, что политика здесь ни при чем. Если это правда, то почему бы вам не распорядиться о запрете интервью для обеих сторон?

Колдуэлл опешил.

— Это... это совершенно ни к чему. Она этого хочет просто потому, что у нее нет достойной линии защиты!

— О-о, я хочу этого потому, что не желаю видеть вас въезжающим в губернаторскую штаб-квартиру на хребте Лестера Амиля. Кроме того, я возмущена тем, что моего клиента бичуют на страницах прессы, пользуясь утечками из некоего «анонимного источника».

Прежде чем Колдуэлл нашел, чем парировать, вмешался Спенсер:

— По правде говоря, такой запрет представляется мне неплохой идеей. Наш процесс по самой своей природе становится крайне горячим. Думаю, упражнения в ораторском искусстве действительно следует свести к минимуму.

— Что? — Колдуэлл выглядел ошарашенным. — Вы с ней соглашаетесь?!

— Я принял решение! — отрезал судья. — А теперь, если у вас все, увидимся после обеда.

Колдуэлл резко повернулся на каблуках и выскочил из кабинета. За ним тенью

выскользнул и Уиллер. Делани со Спенсером несколько секунд разглядывали друг друга. Молча. Затем она сказала:

— Спасибо, ваша честь.

— Не нужно меня благодарить. Что бы вы там себе ни думали, мои решения не привязаны к политике.

— Да, ваша честь.

Она повернулась, чтобы уйти, но возле самого выхода инстинктивно отскочила в сторону, потому что дверь внезапно распахнулась ей в лицо.

— Куда ты меня отвезешь на обед? — спросила Мелисса Ван-ден-Вендер, входя в кабинет мужа. Завидев Делани, она состроила удивленную мину. — О, я и не знала, что ты не один.

Спенсер представил их друг другу.

— Никогда еще я не видела так много мужских галстуков в женском костюме, — заметила Мелисса.

— Я его купила на ярмарке, — ответила Патти. — А ваше платье?

— Оно от русской модельерши. Впрочем, вряд ли вы о ней слышали. Очень дорогая вещь.

На этом Мелисса не остановилась:

— Вы ведь из Балтимора, не так ли? Вместе с мужем?

Делани верно оценила ситуацию и поняла, что Мелисса уже знает и про развод, и про его обстоятельства.

— Да, я жила в Балтиморе, пока мой супруг не решил, что ему нравятся мужчины, — без обиняков признала она. Затем сухо кивнула Спенсеру и вышла.

— Диди не ошиблась, — сказала Мелисса. — Видик у нее и впрямь препаршивый.

Спенсер пропустил комментарий мимо ушей.

— Я уже попросил мисс Алису купить мне сэндвич в перерыве. А раз заседание начинается через полчаса, боюсь, я не смогу тебя куда-нибудь отвезти.

Мелисса отчетливо видела, что муж раздражен ее несвоевременным появлением в зале.

Он подошел к бронзовому настенному крюку, куда обычно вешал судейскую мантию, и начал расстегивать пуговицы. Мелисса, однако, не дала перехватить инициативу.

— О, бедненький, бедненький Спенсер. Я тебя сконфузила, — проворковала она. — Проникла на заседание, ворвалась в кабинет... Прямо не знаю, что с такой негодницей следует сделать... Может быть, наказать?

Мелисса обогнула Спенсера и встала перед его письменным столом. Спиной к мужу. Расставила ноги пошире, задрала платье выше пояса и нагнулась, опершись локтями о столешницу. Перед глазами мужчины — стройные ноги с безукоризненным загаром и тоненькая полоска черного атласа.

— Что-то не так, дорогой? — насмешливо бросила она через плечо. — Боишься, как бы старушка Алиса не заглянула?

Да нет же, в этот миг он и не думал про Алису. Если честно, он и сам не понимал, почему колеблется. Далеко не в первый раз Мелисса требовала от него секса в самом неподходящем месте. Спенсер считал, что большинство женщин чувствуют разницу между занятием любовью и случкой. Но только не Мелисса. Оглядываясь назад, можно заключить, что она этого никогда не умела. Ей не требовались ни цветы, ни романтический ужин при свечах, ни обнимания... Чистая физиология. Инстинкт животного. Хищника. Он смотрел на

нее и слышал голос разума: «Нет. Только не сейчас».

И все-таки не прислушался. Вместо этого шагнул вперед и, резко дернув за бедра, развернул ее так, что они оказались лицом к лицу. Ему захотелось поцелуя, но она досадливо уклонилась:

— Без глупостей.

Спенсером овладел гнев. Он грубо схватил ее под мышки, оторвал от пола, бросил спиной на стол и сунул руку ей в пах, собираясь стянуть черную тряпочку трусиков. Тут раздался дробный стук в дверь, и в проеме возникла мисс Алиса.

— О! о! извините! извините! — пискнула она и скакнула обратно.

Спенсер оцепенел от ужаса, а Мелиссу охватило веселье.

— Совсем обалдела?

— Брось! Как раз дико смешно! Нет, ты видел ее лицо?

Она толкнула мужа в грудь и соскользнула со стола, продолжая хихикать.

— Ладно. Я все равно после обеда собиралась покататься верхом с Диди, так что можешь сказать Алисе, что место в зале мне уже не нужно. Пусть кому-то отдаст... Если только она не окочурилась у тебя за дверью!

Мелисса обдернула платье, расправляя складки.

— А потом мы с ней, наверное, в клуб заедем. На ужин и коктейль. Вернусь поздно, так что можешь не ждать.

Она нагнулась поближе и сухими губами клюнула в щеку.

— Нет, каков шалунишка, а?

После ее ухода Спенсер сумел-таки стянуть с себя судейскую мантию, после чего упал в кресло. Минут десять он не шевелился. Напряженно думал. Наконец в дверь робко постучали.

— Открыто! — рявкнул он.

В кабинет опасно шагнула мисс Алиса. Перед собой, словно защищаясь или оправдываясь, она держала бумажный пакет с теми сэндвичами, что он сам заказал ранее. Вторая рука тоже не была пустой. Спенсер хотел было извиниться за спектакль, однако решил, что чем меньше он скажет, тем лучше.

Придвигаясь к столу, мисс Алиса скороговоркой объясняла:

— Вот, нашла на полу, господин судья, когда вы упали и вас отвезли в больницу. — На ее раскрытой ладони лежал тот белый камень, что прислал Патрик Макферсон. — Я подумала, может, он вам дорог... какие-то воспоминания... все-таки из самого Лас-Вегаса... Я побоялась, что уборщица его выбросит, раз он просто на полу валяется... Вот и положила себе в стол, а потом совсем забыла...

Она стояла и протягивала камень, думая, что судья его возьмет. Вместо этого Спенсер показал ей стопку бумаг на столе и попросил положить сверху. Касаться камня ему не хотелось. Мисс Алиса повиновалась и молча пошла к выходу.

— Подождите, — сказал он.

— Да?

— Мне очень жаль.

Скорбно поджав губы, она ушла.

Спенсер уставился на камень. Мисс Алиса только что принесла его в кабинет и при этом никак не пострадала.

Нет, он не мог ударить меня током. Просто молния попала...

Он протянул было руку, но тут же отдернул ее назад.

Мисс Алиса постучала вновь.

— Господин судья, к вам посетитель.

Не дожидаясь приглашения, в кабинет вошла Максин Арнольд. Сжав салфетку в комочек, она промокала уголки глаз.

— Франк не знает, что я здесь, — начала она, даже не поздоровавшись. — Сидит в машине и куда-то звонит по делам. А эти ужасные, ужасные репортеры, как пираньи, выются вокруг... и едва он выйдет из машины, сразу суют ему под нос свои микрофоны... Это так ужасно! Я боялась выйти наружу и поэтому пряталась в дамской комнате.

На долю секунды в сознании Спенсера мелькнула сценка: они с Мелиссой на столе, увлечены сексом. Ведь Максин тоже могла стать свидетельницей этой трепетной минуты! Он, должно быть, совсем спятил, уступив домогательствам жены...

— Хорошо, я подыщу вам с супругом комнату в здании суда, где вы сможете находиться до начала слушаний и в перерывах. У двери поставим полицию, чтобы вам не мешали.

— О, спасибо большое! Это было бы чудесно!

Он промолчал, ожидая, что она уйдет, однако Максин не двинулась с места.

— У вас что-то еще?

Женщина попыталась улыбнуться, но тут же сморщилась и зашлась в рыданиях.

— Такой ужас... — всхлипнула она.

В соседней с кабинетом туалетной комнате Спенсер всегда держал коробку с салфетками. Он встал и пошел было за ними, но тут Максин без предупреждения бросилась ему на грудь.

— Это... это кошмар, — залепетала она, судорожно глотая воздух и слезы.

Спенсер растерялся. Максин отступила на шаг.

— Простите... Я... я не нарочно... Простите...

Пряча лицо, она бросилась вон из кабинета.

Что такое? Что тут вообще происходит?

Действительно непонятно. На первый взгляд ее поступок вполне объясним. Женщина в расстроенных чувствах. Даже не так: убитая горем мать. И все же... все же в ней читался... Спенсер никак не мог подобрать нужного слова. Какой-то расчет, что ли?

Он вновь сел за стол и посмотрел на часы. Пять минут до конца перерыва. Он потянулся за пакетом, развернул бумажку и уже надкусил сэндвич, когда взгляд упал на белый камень. Он машинально взял его в руку.

Ничего. Никаких вспышек, искр, ударов током, проявлений некоей могучей силы. Спенсер позволил себе расслабиться. Просто камень. Примитивный булыжник. Да, доктор прав. *Камни не бьют током. Они не могут вызвать у человека обморок.* Он потянулся, чтобы положить камень на место.

Тут-то оно и случилось. Укол, через мгновение — удар! Спенсер хотел было разжать пальцы, но тело уже не подчинялось приказам мозга, и руку до самого плеча пронзила электрическая игла.

Опять?!

Стены кабинета куда-то провалились.

Спенсер взлетел. Сквозь потолок, чердак, кровельные балки, черепицу — прямоком в синее небо. Под животом мелькнула лужайка, и вот уже он подобно

птице парит над городом, ловко барражируя над крышами, как его любимый герой из детства. Только нынче Супермен не из плоти и крови, он — призрак, необъяснимым образом выбравшийся из его тела.

Возник особняк Ван-ден-Вендеров, а через секунду Спенсер уже оставляет его позади, уподобившись реактивному снаряду, чей инфракрасный датчик надежно захватил еще невидимую цель. Он насквозь пробивает каменные стены конюшни и оказывается перед стойлом.

Слышны звуки: тягучие женские стоны и шлепки, будто глухой меломан хлопает мясистыми ладонями, не ведая ни такта, ни ритма. Слева, краешком глаза, он замечает движение и быстро идет в ту сторону.

Голая мужская спина. Человек стоит, раскорячив ноги. Перед ним, упершись руками в солому, обнаженная женщина. Он входит в нее сзади, левой рукой обхватив ее бедра снизу и подтягивая их при каждом выпаде. На правый кулак намотаны женские волосы, и мужчина грубо дергает их на себя.

Голос. Ее голос: «Да, да, еще. Еще!» Монолог из порнографического фильма. Она вновь стонет, и тут Спенсер ее узнает. Мелисса.

Он подступает ближе. Парочка занята своим делом. Они не останавливаются, вообще его не замечают. Зато ему отлично видно лицо Мелиссы. Мужчина бьет ее своими бедрами все быстрее и быстрее. Спенсер знает: близится оргазм. «О-ооо!» Глаза Мелиссы зажмурены, она полностью отдается моменту, ловко прогибаясь и умело встречая движения партнера работой поясницы. «Да! Быстрее! Еще!» Спенсер хорошо знает свою жену и понимает, что она потерялась в собственном чувственном наслаждении, не обращая внимания на готовность мужчины извергнуться фонтаном страсти.

Спенсер старается разглядеть его лицо... Тщетно. Любовник жены до отказа запрокинул голову вверх, так что видны только подбородок да мощная шея. Спенсер не может отвести от него глаз. Хочет, но не может. И тут вздернутый подбородок начинает медленно опускаться.

Студент, которого Мелисса наняла на лето прибираться в конюшне. Соседушка. Джейсон Крю.

«Сильней, еще, еще! А-ааа!»

Юный. Стройный. Обтянутый мышцами.

Мелисса заводит руки назад, обхватывает ими ягодицы Джейсона и тянет на себя. Холеные ногти впиваются в молодую, упругую кожу. Увы, ее эйфории не суждено продлиться долго. Сцену прерывает гул автомобильного мотора. Глаза Мелиссы распахиваются разом.

— Муж!!!

Юноша отскакивает и в панике, суетливыми рывками, старается натянуть брюки. Кое-что упорно не желает прятаться под молнию. Обнаженная Мелисса тем временем рыщет вокруг в поисках блузки и шорт. Про трусики лучше забыть, некогда. Просовывая руку в упрямый рукав, она вдруг усмехается. Крю еще борется с пуговицами рубашки. Обеими руками встряхивая и приглаживая волосы, она спешит к выходу. Полностью собранная, с приятной улыбкой. Выглядывает наружу. Спенсер видит самого себя. Он — тот, другой Спенсер — стоит шагах в двадцати от конюшни.

Мелисса приветливо машет:

— Да-да, сейчас приду!

Он машет в ответ, согласно кивает и идет в особняк, явно понятия не имея, что здесь творилось минуту назад.

Мелисса возвращается к стойлу, в соломе находит свои трусики, бросает их робко затаившемуся Крю.

— Сувенирчик!

Молодой человек делает шаг вперед, желая поцеловать, но Мелисса досадливо отворачивается:

— Без глупостей.

Камень выпал из руки, и Спенсер вновь очутился в своем кабинете. Дыхание учащенное, лицо и руки покрыты потом.

Что это было? Галлюцинация? Настолько реальная?! Или сон? Нет, не может быть. И как? Почему? В голове понемногу начало проясняться, и он припомнил, как однажды неожиданно рано вернулся домой, и Мелисса помахала ему из дверей конюшни. Буквально с месяц назад. Да-да, сейчас он ясно вспомнил. Вспомнил это — и кое-что еще.

После возвращения в дом он заметил сор у нее в волосах. Сухие травинки. Что еще? Думай! Так... так... сейчас... А! Она что-то такое говорила про Джейсона. Вроде как закончился его последний день подработки, и теперь он возвращается в колледж. Дурачились в стойле, сказала она. Кидались пучками соломы. Сельские забавы. Невинные дети. Мелисса швыряла соломой в мальчишку, вновь переживая свое детство, безобидные шалости...

Мысль о том, что она предала его, никогда не приходила Спенсеру в голову. Ни-ког-да! Вплоть до сего часа. Он воспроизвел про себя все подробности, и новые детали, словно в фотопроявителе, начали вырисовываться перед внутренним взором. Поднявшись в спальню, чтобы переодеться, он увидел, как раздевается Мелисса. Она собиралась идти в душ. Да-да, вот сейчас он точно вспомнил. Без трусиков. Он еще подумал тогда: «Чудно как-то...» А действительно, целый день на воздухе без нижнего белья. Верхом. Да еще перетаскивала пыльную солому в стойлах...

В дверь постучала мисс Алиса:

— Пора.

Спенсер испытывал боль. Только физическую боль; эмоционально он был выжат и, прямо скажем, растерян.

Судья встал, шагнул к бронзовому крюку за мантией, и тут по левой ладони что-то полоснуло. Он разжал кулак. Красная метка в центре увеличилась чуть ли не вдвое. Спенсер уставился на стол и лежащий на нем камень.

Что происходит? Почему? Почему с ним такое? И почему сейчас?

Преподобный Грассо в который уже раз попытался удобнее устроиться в кресле. Он сидел возле иллюминатора, в салоне заполненного до отказа самолета, державшего курс на Рим, в аэропорт Леонардо да Винчи. Соседнее, центральное, кресло занимала удивительно толстая женщина, чьи пышные формы никак не хотели вмещаться между подлокотниками и пухлыми подушками свешивались по обе стороны. Ко всему прочему ее мирный сон сопровождался громким храпом и выводил из себя худенького пассажира, занимавшего место возле прохода, не давая ему углубиться в последний роман Нелсона Демила, на страницы которого падал крохотный зайчик от светильника над головой.

Рейс с самого начала складывался неудачно. Вылет задержали на несколько часов из-за усиленных мер безопасности, только что введенных в международном аэропорту Даллас, что расположен в пригороде Вашингтона. К текущему моменту они едва успели пересечь пол-Атлантики. Посадку стоит ожидать не раньше второй половины дня.

Грассо вновь поерзал в кресле. В голову лезет слишком много мыслей — не заснуть. К тому же уродливое тело никак не вписывалось в контуры кресла, созданного для обычных пассажиров.

Благодаря своей научной репутации и университетским связям Грассо довольно легко преодолел все ограничения, накладываемые на большинство исследователей, когда они обращаются за разрешением ознакомиться с наиболее конфиденциальными документами Ватикана. С формальной точки зрения *L'Archivio Segreto Vaticano*^[2] доступен широкой публике, причем с 1888 года. Однако, уже успев поработать там, Грассо знал, что подлинный доступ к архиву закрыт почти непреодолимыми препонами. Во-первых, проситель должен подать заявку, причем написанную не им самим, а епископом или высокопоставленным дипломатом. Заявка направляется префекту Тайного архива — священнослужителю, отвечающему за сохранность документов церкви. Никто, за исключением самого папы, не может попасть туда без положительной резолюции префекта. Тем редким счастливым, которым все же улыбнется удача и они получают приглашение на аудиенцию, предстоит изложить префекту — в мельчайших подробностях! — план использования информации, которую они надеются отыскать. В свою очередь, префект, чья пожизненная должность утверждается не кем иным, как папой римским, не только определяет обоснованность и ценность предложенного исследовательского проекта, но и выносит суждение о морально-этическом облике кандидата. Те ученые, которые преодолевают-таки и эту рогатку, пишут личное письмо на имя папы, которое — по первой строчке обращения к престолодержителю — звучит как *Beatissimo Padre*^[3]. А затем просто ждут неделями, порой и месяцами, пока к ним не придет разрешение. Этот своеобразный мандат действителен в течение нескольких дней, по истечении которых исследователя ни за что не пустят в архив, причем никого не интересует, успел он закончить свою работу или нет.

За год утверждают в среднем не более пары сотен заявок. У Ватикана имеется целый ряд объяснений, почему доступ столь ограничен. К примеру, многие документы архива

чрезвычайно обветшали. Кое-что вообще считается абсолютно бесценным. Собственно архив обслуживается минимальным штатом в составе префекта, вице-префекта, трех архивариусов и четырех *scrittori*, то есть писцов-помощников. Получается, эти сотрудники могут работать лишь с весьма незначительным числом исследователей. Впрочем, Грассо знал еще одну причину ограничения доступа. Архив содержит такое количество документов, что никто — даже сам префект — не просматривал их полностью, и, следовательно, вплоть до сегодняшнего дня невозможно сказать, какие еще тайны ждут своего открытия. А посему лучше лишний раз побережись.

Изначально архив служил библиотекой для ранних христиан, которые хотели сохранить для потомков сведения об Иисусе Христе и его учении. Тайным этот архив стал после того, как римские императоры (и в первую очередь оголтелый и неумолимый Нерон) свели его до положения подпольного хранилища, устроив гонения на адептов новой веры. Одной из любимых историй Грассо было житие Лаврентия. В 258 году римских солдат прислали на разграбление библиотеки, а точнее, на поиск золота и серебра, накопленного церковью для нужд страждущей бедноты. Библиотекарь Лаврентий спрятал сокровища. Солдатня принялась поджаривать его на медленном огне, однако он так ничего и не выдал. Мумифицированная голова этого священномученика до сих пор выставлена в музее Ватикана в качестве вдохновляющего символа для тех библиотекарей и архивариусов, которые решили следовать по его стопам.

Естественно, распространение христианства сопровождалось развитием канцелярского дела. Чиновники от церкви ежегодно собирали сотни тысяч различных документов: финансовые отчеты, списки прихожан, регистрационные свидетельства о крещении, теологические трактаты, папские буллы... В 1612 году Святой Престол утвердил Ватикан в роли перманентного хранилища церковных архивов и повелел всем монастырям и приходам сдать туда свои индивидуальные записи. На сегодняшний день здесь содержится так много бумаги, что если сложить все листы в стопку, получится колонна высотой в сотню миль. Среди них десятки тысяч индульгенций — своеобразных грамот об отпущении любых грехов, как прошлых, так и будущих, — которыми торговала церковь в стремлении обогатиться. Кстати, на полках стоят семь тысяч томов, где собраны индивидуальные обращения за получением таких грамот. Кое-какие из них направлены от имени монархов. Далее, добрую сотню томов составляют рукописные протоколы заседаний Священного Круга — религиозного ватиканского суда, — где рассматривались самые что ни на есть интимнейшие и пикантнейшие подробности биографий высокопоставленных членов церкви, обратившихся за разрешением на расторжение или заключение брака, и т. д. и т. п.

Однако наиболее богата документами секция, именуемая «Папский Реестр». Здесь хранятся официальные материалы и переписка римских пап: свыше пяти тысяч внушительных томов, восходящих еще к 1198 году, к эпохе папы Иннокентия III.

Превосходно зная структуру и характер Тайного архива, доктор Грассо полностью отдавал себе отчет в сложности и грандиозности стоящей перед ним задачи. В отличие от любой современной библиотеки в ватиканском архиве нет ни указателя, ни центральной картотеки, ни компьютерной поисковой системы. Нельзя напечатать на терминале строчку ключевых слов — скажем, «стигмата — левая ладонь — магический камень» — и через пару секунд получить ответ. Несмотря на десятилетия кропотливого труда, в хранилище по-прежнему лежат тысячи ящиков, помеченных надписью *Miscellanea* — «Разное», — а все потому, что до сих пор никто не удосужился хотя бы отсортировать содержимое. И в каком-

нибудь из таких забытых ящиков, возможно, лежит некая бумажка, способная пролить свет на таинственный камень.

Помимо личной репутации, имелась еще одна причина, объясняющая, как доктору Грассо удалось обойти традиционные препоны и, выражаясь современным языком, с ходу «получить допуск». Дело в том, что нынешним префектом числился отец Петрочелли Зерилли, тот самый итальянский священник, что много лет тому назад сопровождал Грассо при расследовании истории про девочку из рыбацкой деревни, осчастливленную мистическими стигматами. Хотя коллеги и не поддерживали постоянных контактов, та давняя поездка, в которой они стали свидетелями смерти ребенка, сформировала между ними прочную эмоциональную связь, и, к восторгу Грассо, по приземлении в аэропорту его встретил шофер, специально присланный по распоряжению его старинного товарища. Вместо того чтобы отправиться в гостиницу, водитель зигзагами объехал забитые машинами римские улицы и доставил Грассо к ресторану Альберто Карла на площади Пьяццо-сан-Козимато. Зерилли уже прибыл и поджидал внутри.

— Я подумал, что вас мучают голод и жажда после столь длительного путешествия, — сказал префект, сердечно обнимая Грассо.

Он не удивил своего друга, выбрав для встречи ресторан. Наслаждение изысканной кухней было одной из тех слабостей, что позволяла католическая церковь своим служителям. Зерилли вполне оправдывал укрепившуюся за ним репутацию чревоугодника. Он не конфузясь оплачивал стоимость пиршеств выданной Ватиканом кредитной карточкой «Американ экспресс», хотя лишь немногие владельцы ресторанов находили в себе достаточно нахальства, чтобы представить счет. А все из уважения к церкви.

Своим обликом Зерилли будто иронизировал над стереотипом архивного работника, которого, так же как и библиотекаря, люди рисуют себе тихоней, задумчивым молчаливником, этакой серенькой мышкой. Ростом под два метра и при весе более полутора сотен килограммов, Зерилли к тому же отличался громоподобным басом и изрядной общительностью.

— Советую, дружище, отведать окунька! — проревел он. — Местный шеф-повар готовит его тремя разными способами! И знаете, давайте-ка я закажу по двойной порции!

Грассо, действительно проголодавшись за время перелета, охотно согласился, и Зерилли, крайне довольный, что выдался шанс продемонстрировать свою кулинарную эрудицию, тщательно проинструктировал официанта, а заодно велел подать на закуску по чашке супа из всяческой морской живности с бобами и спагетти — фирменное блюдо, которым по праву гордился хозяин. Подняв винный бокал, он провозгласил тост:

— За всех наших братьев и сестер, чьи души пребывают ныне с Богом и ведают счастье лицезреть Господа нашего Иисуса Христа и Пресветлую Богоматерь Деву Марию!

Голос префекта эхом отразился от самых укромных закутков ресторанчика. Затем он добавил, правда, шепотом, только для ушей Грассо:

— Включая и тех, кому гореть бы и гореть в аду, кабы не милосердие Божие, всеблагое и всепрощающее. А ведь грехи-то за ними — ох, страшные...

Грассо невольно оглянулся по сторонам и только тут обратил внимание, что солнце идет на покой и небо уже облилось розовым соком. Есть ли на свете другой такой город, как Рим, особенно вечером? Вот уж вряд ли.

— Ах, — вздохнул он, — Рим. Воистину град небесный...

— Да, друг мой, — понимающе кивнул Зерилли. — Долго, непростительно долго

изволили вы отсутствовать.

Еще целый час старые товарищи вспоминали общих знакомых, не забыв, разумеется, перемыть кое-кому косточки и обсудить последние церковные сплетни. Наконец Зерилли осторожно поинтересовался, отчего Грассо столь не терпится порыться в архивах.

— Самоубийство, — ответил Грассо.

— Кто-то из... близких?

— Вообще-то мы даже никогда не встречались, — развел руками Грассо. — Однако обстоятельства его смерти меня крайне заинтриговали, в особенности одна загадочная метка на левой ладони. Полагаю, это стигмата, хотя и не в традиционном толковании, как, например, у той девочки из деревни.

Вилка Зерилли замерла в воздухе. Прямо скажем, явление редкостное.

— Стигмата... При суициде?! Нет, решительно невозможно! Божий дар не доводит человека до самоуничтожения!

— Метка появилась только на левой руке, — пояснил Грассо. — По форме напоминала крест, причем детализирована до такой степени, что можно было разглядеть фигурку распятого Христа. Вплоть до тернового венца.

— Друг мой, послушайте, что вы такое говорите?! Это не может быть стигматой! Скажем, родимое пятно или рана, нанесенная самим же человеком. Жестокая шутка, тут сомнения нет.

— Не думаю. Тщательное медицинское обследование показало, что метка идентична стигмате. Супруга этого мужчины заявила, что рана появилась после того, как он коснулся некоего камня.

— Что значит «коснулся камня»? Какая-то скала?

— Нет, он взял в руку бульжник.

— Чушь! — вскинулся Зерилли.

Его реакция оказалась столь резкой, что Грассо опешил. Впрочем, Зерилли тут же спохватился.

— Извините, друг мой, — вполголоса сказал он, — но ваши слова смехотворны и даже возмутительны.

— Как так?

— Прошу вас, давайте не будем разыгрывать из себя наивных юнцов с широко распахнутыми глазами. Мы все-таки уже старики. Вы бы себя со стороны послушали! Бульжник, вызывающий стигматы!.. Друг мой, вы совсем не изменились. Как и в молодости, хотите быть одновременно и ученым, и священником. Так не бывает. Надо выбирать. Наша церковь говорит, что произошли тысячи чудес. Научное сообщество утверждает: ни одного. Да какая разница?! Истинный христианин верит по-прежнему. Разве вы не видите, что этот спор лежит в самом основании нашей религии: подлинная вера начинается лишь там, где кончаются логика и наука. Как только вы это осознаете, то поймете, что у вас даже нет причин что-то здесь искать.

— Разве Господь хочет, чтобы мы отвернулись от научного знания? Я так никогда не считал, — ответил Грассо. — Он дал нам неограниченный интеллект. Мы по самой своей природе требуем доказательств, сомневаемся, задаем вопросы. Если существует мистический камень — а я именно так и думаю, — откуда он мог взяться? Полагаю, в архивах может найтись ключ к разгадке этой тайны.

— Ну вот, видите? Все именно так, как я и говорил, — рассмеялся Зерилли. — Въ

совсем не изменились. Боюсь, вы потеряете время, хотя это ваше полное право. Итак, с чего собираетесь начать?

— Помнится, много лет тому назад я встретил ссылку на трактат Пико Феррары. Он жил в конце тринадцатого века и большую часть жизни расследовал мистические события. Если где и упоминается стигмата в форме распятия или таинственный камень, так скорее всего именно в его книге. А вы с ней знакомы?

— Нет, никогда о ней не слышал, хотя для вас мы ее разыщем. Ну а пока что давайте пригубим вина, и еще нас ждет десерт.

Расстались они далеко за полночь. К тому времени Грассо был на ногах уже больше суток. Впрочем, сон никак не шел; профессор встал еще до рассвета, помолился и отправился из гостиницы на поиски такси.

Рим стряхивал с себя остатки дремы. Женщины подметали тротуар перед своими лавочками и окликали друг друга в приветствии. Торговцы поднимали жалюзи на витринах, наполняя утренний воздух металлическим грохотом. На дорогах уже выстраивались пробки из «фиатов», такси и мотороллеров, сопровождаемые гудками клаксонов и непристойными жестами. Полусонный таксист доставил Грассо к площади Святого Петра, и спустя несколько минут священник-хромоножка уже миновал древнюю каменную стену, последнюю линию обороны против наступавших варваров Барбароссы, и через ворота Святой Анны попал в город Ватикан. Возле дворца Бельведер, где расположен вход в Тайный архив, его остановил швейцарский гвардеец. Прежде чем он достиг мраморной лестницы, ведущей непосредственно в хранилище, его еще дважды окликали часовые. Грассо постоял с минуту, чтобы перевести дыхание и заодно поприветствовать старого знакомого: статую Ипполита, которого многие считают наиболее крупным теологом римской церкви третьего столетия. В глазах Грассо Ипполит был героем, несмотря на то что этот теолог, беспощадный критик и бунтарь, в свое время пошел против церкви, в 217 году открыто восстав против новоизбранного папы Каллиста и объявив самого себя «антипапой». Был приговорен к особо тяжелым исправительным работам и погиб в узилище.

К тому времени когда Грассо поднялся на верхнюю площадку, его слабые ножки уже изнывали от боли. Он показал дежурному архивариусу пропуск, который получил от Зерилли, а минутой позже в зале появился и сам префект.

— Добро пожаловать, добро пожаловать! — громогласно объявил Зерилли. — Как я и обещал, мы подготовились.

Он провел Грассо в соседний офис, настолько крохотный, что письменный стол со стулом занимали практически каждый дюйм его площади.

— Вам будет помогать отец Поль Монтини, — сказал Зерилли. — Просто обратитесь к нему, и любой документ окажется в вашем распоряжении. Я попросил его для начала принести *il fondo* Пико Феррары, то есть тот самый том, что вы упоминали прошлым вечером. Хотя сам я буду весь день занят, очень надеюсь на совместный ужин. Как насчет семи часов? Я уже подобрал один великолепный ресторан.

Не успел Грассо вымолвить и слова, как Зерилли исчез.

Переплетенный в кожу фолиант, который насилу приволок отец Монтини, оказался высотой сантиметров восемьдесят, а шириной добрых полметра. Его высокопреосвященство Пико Феррара написал введение, где отметил, что в течение жизни расследовал три сотни отчетов о сверхъестественных событиях и полученные выводы решил свести в одну книгу. Почерк Феррары отличался изрядной витиеватостью, причем каждую страницу украшали

иллюстрации, населенные демонами, вампирами, полуголыми женщинами с редкостными анатомическими особенностями и прочими кошмарными существами. Книга не имела сквозной нумерации, но где-то ближе к середине Грассо нашел несколько пассажей, касавшихся мистических стигмат. Феррара, одновременно считавший себя и священником, и историком, упомянул, что первым человеком с подозрением на стигматизм был святой Павел, который в своем Послании к Галатам написал буквально следующее (глава шестая, стих семнадцатый): «...ибо я ношу язвы Господа Иисуса на теле моем». На греческом языке, которым пользовался Павел, «язвы» передаются словом «стигмата». С другой стороны, неясно, выражался ли он метафорически или же имел в виду настоящие раны, полученные вследствие пыток и мучений. Судя по результатам исследований Феррары, на протяжении следующих двенадцати веков других сообщений о стигматах не появлялось. Но вот в 1222 году некий англичанин, житель Оксфорда, заявил, что страдает от пяти ран, аналогичных тем, которые получил Христос во время казни. Впрочем, монах по имени Томас Уайкс выяснил, что речь идет о примитивном обмане: человек сам нанес себе эти раны, желая привлечь внимание к собственной персоне. Мошенника приговорили к пожизненному заключению и посадили на хлеб и воду. Второе сообщение, датированное 1234 годом, касалось французского аристократа Робера Карра, маркиза де Монферрар. Этот человек тоже якобы демонстрировал стигматы. Расследование, проведенное одним из священников, показало, что Карр по пятницам сам себя протыкал гвоздями, чтобы разделить с Христом его муки. К чести маркиза, он ни разу не заявил, что эти раны дарованы ему свыше.

Первый подтвержденный случай стигматизма, далее указывал Феррара, касается святого Франциска Ассизского. По смерти святого один хорошо его знавший монах, некий брат Элизас, срочно направил компетентным религиозным органам Франции рапорт о стигматах святого Франциска:

Благовестием новым спешу возрадовать. Испокон веку не было чуда столь великого, кроме как у Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия Единородного. Ибо, задолго еще до успения своего, брат наш и отец духовный уподобился видом своим Агнцу Распятому, неся в теле раны, числом ровно пять, кои воистину суть стигматы Христовы, аще убо на дланях и нозях своих имел язвы гвоздинныя, струпия открытыя и черныя, и ребра пронзенныя, кровоточащия...

Еще один францисканский монах (известно только его имя — Лео) также подписал этот аффидевит, подтверждая тем самым, что воочию наблюдал упомянутые раны.

После святого Франциска число подобных сообщений резко подскочило. В 1231 году монах брат Додо погиб в результате несчастного случая. Во время подготовки тела к погребению на нем были обнаружены стигматы. Однако, поскольку нельзя было достоверно определить, что раны не нанесены им самим, его статус остался под вопросом. В 1237 году благословенная Елена, доминиканская монахиня из Веспремского монастыря в Венгрии, стала первой официально признанной женщиной-стигматиком.

В течение нескольких часов Грассо изучал записи Феррары, однако так и не встретил упоминаний о крестообразной стигмате, появляющейся только на левой ладони, или о мистическом камне. С другой стороны, он обнаружил, что ближе к концу жизни Феррара превратился в порядочного циника. Большинство из расследованных чудес таковыми не являются, пришел Феррара к заключению. Практически все можно объяснить либо

искусным обманом, либо с позиций науки. На последней странице он записал:

В отношении мистических стигмат я пришел к выводу, что многие верующие собственноручно наносят себе раны, тем самым выражая протест против излишеств и продажности церкви. Они пытаются придать новый, куда более важный смысл страданиям Христа и Его пренебрежению к мирским благам.

Грассо разочарованно захлопнул трактат и оттолкнул его к дальнему краю стола. В глазах щипало от долгого напряжения. Он снял очки и устало потер веки. А открыв глаза вновь, вдруг на обрезе фолианта заметил едва заметную щель. Поддев ее ногтем, он раскрыл книгу. Текст как текст, ничего особенного. Однако при более внимательном изучении Грассо понял, что из тома кто-то аккуратно удалил три страницы подряд.

В дверях появился отец Зерилли.

— Друг мой, — провозгласил он, — пора удалиться на трапезу!

Персональный, назначенный Ватиканом водитель Зерилли доставил их к ресторану «Агата и Ромео», которым владела пожилая супружеская чета. Как и днем раньше, префект сделал заказ за обоих, на этот раз выбрав сладковатое мясо нарезанной тончайшими ломтиками меч-рыбы в обрамлении каперсов и оливок.

— Сегодня я обнаружил нечто странное, — сказал Грассо, задумчиво поигрывая вилкой. — По-моему, кто-то вырезал несколько страниц из работы монсеньора Феррары.

— Да, к сожалению, такое встречается не столь редко, как хотелось бы, — кивнул Зерилли. — Страницы или похитили, или же они в свое время были уничтожены. Теперь уже мы не узнаем почему. Возможно, там имелся рисунок, который в чьих-то глазах мог стоить больших денег. Или, скажем, некий фанатичный священник вырвал листы, ибо счел их оскорбительными. Думаю, вы заметили, что Феррара любил рисовать на полях эскизы фантастических существ, по большей части полуобнаженных женщин.

Несмотря на внешнюю убедительность, объяснение Зерилли показалось преподобному Грассо несколько подозрительным.

— Вы же ведете учет тех, кто имел доступ к той или иной книге? — спросил он.

— Давайте смотреть реальности в глаза, — весомо произнес Зерилли. — Феррара написал свой трактат в конце тринадцатого века. Откуда мы знаем, что страницы не были вырваны, скажем, в четырнадцатом или пятнадцатом веке?

Тут Грассо сообразил, отчего комментарии Зерилли показались ему странными. Не далее как прошлым вечером префект упомянул, что незнаком с работой Феррары. А сейчас он в состоянии описать даже рисунки на полях. Впрочем, Грассо промолчал. Он совсем не спал при перелете и знал, что вчера находился в несколько взвинченном состоянии. Возможно, он просто недопонял своего друга.

— На завтра я подготовил для вас еще один *il fondo*, — тем временем продолжал Зерилли. — В нем содержатся документы о святой Екатерине Сиенской. Может быть, в них вы что-нибудь найдете.

Следующим утром отец Монтини уже поджидал Грассо в офисе.

— Наши материалы про святую Екатерину довольно многочисленны, — сообщил он.

— Примерно сколько томов? — спросил Грассо.

— Двадцать пять ящиков из одного только Сиенского собора. Поскольку вас интересуют конкретно стигматы, я захватил с собой документы лишь тысяча триста

семьдесят пятого года, то есть того периода, когда они на ней впервые появились.

— Отец Монтини, у меня к вам просьба, — сказал Грассо. — Не могли бы вы проверить по своим записям, кто последним брал книгу Феррары о сверхъестественном?

— О, здесь даже не надо проверять, — ответил Монтини. — Я и так помню. Когда наш префект приказал разыскать для вас этот том, я записал ваше имя в учетной карточке и заметил, что последним книгу читал отец Гарампи, в пятьдесят втором году, незадолго до своей смерти.

— Ах, я помню его! — улыбнувшись, воскликнул Грассо. — Еще когда я сам работал здесь, мы часто с ним виделись. Замечательный человек!

— Да, он всю свою жизнь посвятил составлению предметного указателя. Подумать только, с девятнадцати лет до самого последнего дня... Отцу Гарампи не было и семидесяти, когда он умер за письменным столом, с авторучкой в руке. За все это время подготовил шесть томов. Оглавления архивных фолиантов с тысяча двести пятидесятого по пятьдесят пятый год. Представляете, потратил жизнь на опись, которая охватывает книги только за пять лет!

— Вы не могли бы принести мне то оглавление, подготовленное отцом Гарампи по книге Феррары? — попросил Грассо.

Остаток утра он провел за чтением документов о святой Екатерине Сиенской, которая уже с шестилетнего возраста была свидетельницей чудесных явлений. Она утверждала, что могла видеть ангелов-хранителей столь же ясно, как и тех людей, кои были их подопечными. Впрочем, и в этих материалах по-прежнему не встречалось упоминаний о крестообразных стигматах или мистическом камне.

В районе полудня появился отец Монтини с предметным указателем. Как ни странно, поиск увенчался успехом буквально через несколько минут. Под словами «стигмата, необычная форма» отец Гарампи записал: «Распятый Христос, левая ладонь. Также см. *«pietra giudiziaria»*, что в переводе с итальянского означает «судный камень». В гнезде *«pietra giudiziaria»* Гарампи дал следующее разъяснение: «Прикосновение приводит к появлению распятого Христа, левая ладонь». Кроме того, в указателе упоминалось, что дополнительные сведения о стигмате и камне можно найти в книге Феррары о сверхъестественных явлениях.

«Ага! — сказал себе Грассо. — Теперь я знаю, что было на тех вырезанных страницах».

Он вновь вызвал к себе отца Монтини.

— С какого времени архив ведет надежный учет, кто и когда работал с книгами? — спросил Грассо.

— В пятидесятом приняли строгое правило: никто не может брать документы без регистрации его имени и номера пропуска.

— Исключения?

— Только два. Сам папа и префект. Они читают что хотят и когда хотят, без каких-либо формальностей.

— И как часто сюда заглядывает папа?

— Никогда не заглядывает. Если ему что-то надо, он обращается к префекту.

Вечером Грассо ужинал один, в кафе рядом со знаменитым фонтаном Треви. Покончив с основным блюдом, он сидел, попивая кофе и разглядывая прохожих. Юная парочка бросила монетку в легендарный фонтан, и в памяти тут же всплыла давняя сценка: он, совсем еще молоденький священник, впервые пришел к этому фонтану и увидел, как другая

пара бросила монетку и загадала желание. Грассо очень хорошо запомнил тот день, смог даже внутренним взором увидеть лицо девушки, пусть даже с той поры миновало полвека. Она была самым прелестным созданием, которое когда-либо видел Грассо. Молодость в тот день взяла свое, и он испытал прилив плотского чувства. Усилием воли он заставил себя отвернуться, но через пару секунд вновь взглянул ей в лицо. Девушка заметила его внимание, локтем толкнула своего приятеля и потянула его к Грассо.

— Святой отец, — сказала она. Грассо в ту пору уже носил воротничок священника. — Помолитесь за нас. Мы собираемся пожениться и очень любим друг друга.

Голос ее звучал нежно и невинно, как у ребенка. Грассо сконфуженно пробормотал молитву, и парень сунул ему в левую руку монету. Увы, эта рука с детства была сухой, и монета упала на мостовую. Никогда еще Грассо с такой силой не ощущал своего уродства, хотя девушка, казалось, этого вовсе не замечала. Она присела, подобрала монетку, осторожно вложила ее в здоровую ладонь и сказала: «На богоугодные дела, святой отец. Благодарю вас за добрые слова». Той ночью он не переставал о ней думать и, что греха таить, даже задавался вопросом, была ли у нее интимная близость с тем парнем. Помнится, лицо девушки упорно стояло перед глазами, а потому пришлось слезть с кровати, упасть на колени и просить Бога, чтобы тот даровал силы справиться с искушением. Впрочем, стоило только вернуться в постель, как ее лицо вновь возникло в памяти. Еще мальчиком, задолго до рукоположения, Грассо не раз получал от монахов уроки, как бороться с «нечистыми помыслами». К примеру, один из братьев горячо рекомендовал такой способ. Берется бечевка, на конце делается скользящая петля, и, перед тем как идти в кровать, эту миниудавку надо затянуть на собственном пенисе. Когда сатана прыгнет в голову и примется демонстрировать эротические сновидения, кровь прильет к детородному органу, петля болезненно врежется в набухшую плоть и тем самым разбудит, после чего искушаемый сможет взять ситуацию в руки — в смысле под контроль — и помолиться о прощении. Грассо редко пользовался бечевкой. Его вполне удовлетворяла любовь к Иисусу Христу. Впрочем, в ту ночь, после встречи с девушкой у фонтана, удавка разбудила его раза три. Сейчас он был уже стар и не нуждался в шнурках или веревках. Однако воспоминание о той девушке вызвало улыбку у него на губах и заставило задуматься. Что с ней случилось? Был ли ее жизненный выбор столь же счастлив, как и у самого Грассо?

Следующим утром отец Монтини бодро прикатил несколько ящиков с материалами о другой женщине-стигматике, святой Веронике Джулиани, на ладонях, ступнях и боку которой 5 апреля 1697 года появились кровоточащие язвы. Ничего полезного в этих документах Грассо не обнаружил. К тому же он никак не мог сосредоточиться. Покоя не давала одна важная задача: как говорить с префектом?

Этим вечером они встретились в ресторане «Боккондивино», что можно навскидку перевести как «Божественный кусище». Зерилли успел заказать себе взбитое тресковое пюре под сливочным соусом и с гарниром из поленты, а для своего друга — любовно обжаренные кусочки камбалы, фаршированные гусиной печенкой. Они поели. Пока им готовили десерт из мороженого с фруктами, Грассо поближе наклонился к старому товарищу и тихо сказал:

— Зачем же вы вырезали три листа из Феррары?

— Вы в чем-то меня обвиняете? — кротко поинтересовался Зерилли.

— Я видел предметный указатель, составленный отцом Гарампи, — ответил Грассо. — Судя по всему, в своей книге Феррара упоминал и про стигмату в форме распятия, и про «судный камень». А поскольку этих сведений я в книге не нашел, то остается только сделать

вывод, что указатель Гарампи ссылался на три недостающие страницы.

— Да, — кивнул Зерилли, — логично, хотя не доказывает, что их вырвал я. Книга очень и очень старая.

— Друг мой, в пятьдесят втором году листы были на месте, потому как отец Гарампи с ними работал, составляя опись. А согласно учетному регистру, с той поры книгу никто не брал, исключая меня. Есть только два человека, которые вправе брать архивные материалы, не указывая своего имени. Его Святейшество и вы.

Грассо поискал в лице Зерилли хоть какой-то намек на реакцию. Ничего не увидев, он решил продолжить:

— Думаю, вы изъяли листы в ту ночь, когда я за ужином рассказал о цели своего приезда. Кроме того, я подозреваю, что вы сознательно заставляете меня впустую тратить время, подсовывая ящик за ящиком, где нет ничего для меня полезного. Отсюда мой вопрос: почему?

Зерилли несколько раз провел языком по передним зубам, будто желая их отполировать.

— Вы талантливый сыщик, — сказал он наконец. — Действительно, я совсем забыл про указатель. Я думал, недостающие страницы вас остановят. Признаюсь, недооценил я вас.

— Но почему? Зачем вы их вырезали?

Зерилли не торопился с ответом. Наконец, тщательно взвешивая слова, он сказал:

— Хорошо, я помогу вам. Помогу по-настоящему. Однако здесь не место для столь важного разговора. Мы должны вернуться в архив, немедленно.

С десертом они разделались в полном молчании, поблагодарили хозяина и вышли из ресторана, так и не увидев счета за ужин. По дороге в Ватикан никто не проронил ни слова. Гвардейцы при входе во дворец Бельведер приветственно кивнули префекту, но тот и не собирався подниматься наверх. Вместо этого Зерилли зашел за мраморную лестницу и знаком предложил Грассо следовать за ним. Глазам открылась большая металлическая дверь без ручки. Префект вставил персональный ключ и толчком руки открыл проход.

— Внимательно смотрите под ноги, — предупредил он.

Окон не было, и когда дверь за ними захлопнулась, священников объяла тьма египетская. Зерилли щелкнул выключателем и пошел вперед. Коридор привел в помещение со сводчатым потолком. Настоящая пещера, только заставленная гигантскими стальными стеллажами, импортированными из Америки. Они были столь высоки, что занимали несколько этажей. Весь верхний ярус, куда вели винтовые лестницы, представлял собой подлинный лабиринт. Книги, сплошные книги, ряд за рядом. Зерилли быстрым шагом углубился в один из сумрачных проходов. Светильники, которые он включал по ходу дела, гасли автоматически, так что они с Грассо передвигались в зыбком, подвижном озере света, плескавшемся между темнотой спереди и сзади. За спиной осталась секция с документами, которые Грассо узнал, так сказать, в лицо. Теологические трактаты ватиканских схоластов, которым папа римский в свое время поручил разгромить еретическое учение Мартина Лютера. За этим стеллажом высился огромный сейф, где церковь хранила семьдесят восемь печатей из золота и серебра. Ничего подобного нет нигде в мире. К примеру, две из этих печатей несут на себе гербы испанских королей Филиппа Второго и Филиппа Третьего. Каждая весом почти два фунта и отлита из чистого золота.

В конце этого коридора находилась еще одна стальная дверь. Грассо узнал и ее. Она вела к наиболее закрытым и ревностно охраняемым разделам всего архива. К ее замку имелся лишь один ключ, и префект не имел права расставаться с ним ни на секунду.

— Никто и никогда не должен об этом узнать, — прошептал Зерилли, мучительно шаря под сутаной. Наконец его усилия увенчались успехом, и он извлек внушительный бронзовый ключ. — Сюда могут входить только папы и их префекты.

Ригель замка издал громкий протестующий скрип, лязгнуло нечто тяжелое, и в лицо посетителям ударила струя прохладного воздуха. Воздух в помещении постоянно фильтруется и поддерживается при оптимальной для хранения документов температуре. Автоматически зажглось освещение.

Стальные ячеистые стены и стеллажи превратили комнату в подобие первоклассного банковского подвала. Зерилли тщательно запер за собой замок и торопливо направился к одному из сейфов. Покрутил ручку, набирая комбинацию, открыл дверцу и извлек продолговатый металлический ящик.

— Как вам известно, в мире насчитываются тысячи религиозных святынь, не говоря уже про сообщения о чудесах, — сказал он. — Вы хотели узнать правду? Что ж, я вам ее открою. Почти все эти святыни — не что иное, как подделки, а чудеса — чистой воды мошенничество. Часть из них — чьи-то грубые шутки, если угодно, розыгрыши. Или легенды, сказки, да и просто редкие стечения обстоятельств, тем не менее легко объясняемые наукой. И все же церковь решила не раскрывать подлинную суть этих мифов, поскольку они служат источником радости, надежды или вдохновения для тех, кто в них верит. Думаю, вы и сами всегда это подозревали. Но есть кое-что, чего вы не знаете. Так вот, на протяжении последних двух тысяч лет — и это известно нам доподлинно! — произошло семь событий, которым невозможно дать научное объяснение. Из них следует лишь один логический вывод. Это были чудеса. Деяния Господа, подлинные и неоспоримые.

Зерилли помолчал, давая Грассо время понять всю важность только что произнесенных слов.

— Нам с вами повезло. В свое время мы лично стали свидетелями одного из таких событий. Да-да, я о той девочке с Сицилии.

Здесь префект показал на один из соседних стеллажей, заставленный безликими картонными коробками.

— Тут хранится все, что мы о ней знаем. После ее смерти, когда мы направили в Ватикан свой отчет, церковь начала второе, негласное и куда более глубокое, расследование. Тщательно законспирированные сотрудники и частные сыщики собрали подробнейшие показания всех жителей той рыбацкой деревушки. Если точнее, каждого старше десяти лет. Были выполнены патологоанатомические исследования, собрана вся генеалогическая история ее семьи, получены образцы ДНК. Более того, проверили и нас с вами: действительно ли нам можно доверять. Ничего не было упущено из поля зрения. Ушли годы на анализ всех этих материалов, и тем не менее никто так и не сумел дать логическое объяснение как ее смерти, так и ран на теле. Другими словами, нет ни грана сомнения в том, что девочка страдала стигматами. Мало того: хотя церковь и заявляет публично, что сотни таких сообщений признаны подлинными, в действительности у нас имеется лишь один неоспоримый пример. Эта девочка и есть тот единственный настоящий стигматик.

— Да, но... А как же святой Франциск? Святая Екатерина?

Зерилли жестко повторил:

— Та сицилийская девочка — единственный полностью достоверный случай стигматизма.

Он открыл ящик, который пару минут назад извлек из сейфа.

— Вы, мой друг, натолкнулись на еще одно подлинное чудо — «судный камень». Свидетельства о нем церковь собирает вот уже две тысячи лет. Похоже, он появляется раз в поколение. Обычно мы слышим о камне, когда на левой ладони покойного находят загадочный знак, чья форма всегда напоминает распятого Христа. Кроме того, из знака сочится настоящая кровь. Так вот, эта стигмата всегда связана с «судным камнем». Есть еще одна особенность этого чуда, которую объяснить никак невозможно. Тот, кто касается камня, становится не просто обладателем сверхъестественных способностей; он обречен, поскольку таких людей всегда ждет страшная смерть. Мы потратили столетия, пытаюсь выяснить, откуда появляется камень и в чем состоит источник его власти... Все усилия были тщетными вплоть до сорок третьего года, когда некий иорданский мальчик, игравший в одной из пещер у Мертвого моря, нашел глиняный кувшин с пергаментным свитком. Нам посчастливилось заполучить его, а так как дело происходило во время войны, да еще мальчик с его отцом были совершенно неграмотны и не понимали значимости находки, факт обнаружения свитка удалось сохранить в тайне. Датировкой по радиоактивному углероду мы сумели установить примерное время написания: семидесятые годы нашей эры.

Грассо непроизвольно шагнул поближе к стальному ящику.

— Я покажу вам один раздел этого свитка, — добавил Зерилли. — Прочитав его, вы узнаете источник магической силы «судного камня» и поймете, почему мы считаем его самым великим подарком Господа и вместе с тем страшным проклятием для любого, кто вступит с ним в контакт и получит возможность пользоваться его поразительными свойствами.

Часть вторая

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

«...Если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю».

Благовествование от Иоанна, 20, 25

ЛАС-ВЕГАС, ШТАТ НЕВАДА

Голос бродвейской актрисы Кэрол Чаннинг призвал Макдоналда стоять справа и дать возможность опаздывающим пассажирам обогнать его слева. Ничего нового она не сказала: эту запись динамик над бегущей дорожкой аэропорта Маккарран проигрывал каждые несколько секунд. Минутой позже еще одна знаменитость, на этот раз Томми Тюн, предупредил, что поездка подходит к концу и что надо бы посмотреть под ноги. Да, Лас-Вегас в своем репертуаре.

Макдоналд взмахом руки подозвал к себе такси и направился в нем напрямик к суду графства Кларк. Кэрол Уэбис посоветовала покопаться в свидетельствах о смерти, если он хочет побольше узнать о первом замужестве Максина Арнольд. Однако миссис Уэбис не назвала имени первого мужа Максина, того самого человека, которого та якобы обманом принудила к браку, чтобы самой выбраться из беспросветной нищеты родительского гнезда. Имя этого «счастливчика» придется узнавать в первую очередь.

Он начал с того, что обратился к регистрационным книгам, где перечислены все свидетельства о браке, выданные в тамошнем графстве. Поскольку сотни тысяч пар ежегодно расписываются в казино и миниатюрных, чуть ли не передвижных, церквях Лас-Вегаса, на поиски ушло несколько часов. В конечном итоге усилия увенчались успехом:

Максин Гюнтер Финли, шестнадцати лет, сочеталась браком с Джастином Такери Райтом, двадцати двух лет, 6 июня, в церкви «Литтл Чепл».

Макдоналд списал эту информацию себе в блокнот и направился в противоположный конец зала, где помещался архив свидетельств о разводе. Поскольку теперь у него имелись на руках имена и дата брака, поиск сведений о разводе оказался гораздо проще. Парочка прожила вместе едва ли полгода. Хотя Уэбис заявляла, что на момент женитьбы Максина была беременна, в документах о разводе Макдоналд так и не нашел никакого упоминания о ребенке или, скажем, про договор о разделении родительских прав и обязанностей. Тогда он выписал себе номер дела и попросил секретаршу принести ему соглашение о разделе совместного имущества, которое подписали бывшие супруги.

— О-о, — протянула скужающая дама, — эта такая старина! Понадобится несколько дней, чтобы отыскать документ и переслать его к нам.

— Я столько ждать не могу, — ответил Макдоналд и показал полицейский жетон, с которым ходил еще в Вашингтоне в ту пору, когда сам работал следователем. О выходе на пенсию он благоразумно умолчал.

Тогда женщина предложила ему самостоятельно съездить в хранилище и посмотреть материалы прямо на месте.

— Поскольку вы из полиции, они вряд ли станут возражать, — добавила она.

Потратив полчаса и двадцать пять долларов на долгую поездку к городской окраине, Макдоналд очутился на громадном складе, где в одной из картонных коробок обнаружил тоненькую папку с надписью «*Райт против Райта*». Быстренько перелистав бумаги, Макдоналд вновь не нашел никаких упоминаний о ребенке. С другой стороны, стало ясно,

что при разводе Максин оттяпала себе практически все имущество, имевшее хоть какую-то ценность, включая пятилетний «шевроле» и 2514 долларов со сберегательного счета. На руках ее супруга остались семейные долги в размере 4200 долларов. К папке скоросшивателем была приколоты стопка неоплаченных счетов; их Макдоналд тоже просмотрел. Ничего особенного, исключая один пожелтевший листок, выписанный от имени похоронного агентства «Браун и Браун»: задолженность на 854 доллара за погребение Синтии Гюнтер Райт.

Итак, тайна разгадана. Ребенок действительно был, и звали ее Синтия. Получается, еще до второго замужества Максин Арнольд родила дочь.

Макдоналд в уме прикинул даты: Максин забеременела в возрасте шестнадцати лет. Джастин Райт на ней женился и где-то через месяц после скоропалительного брака она родила девочку. Судя по штампу, ее похоронили спустя четыре месяца. Еще через месяц Максин подала на развод. И удержала за собой деньги с машиной. Не такой уж большой улов, однако и на нем можно было продержаться до встречи с Франком.

Узнав еще одно имя — Синтия Гюнтер Райт, — пожилой адвокат расстался с очередной суммой в двадцать пять долларов, чтобы вернуться в судебное здание графства Кларк. Здесь он вновь зашел в архив, на этот раз чтобы порыться в свидетельствах о смерти. Обнаружив запись про Синтию Гюнтер Райт, он узнал, что девочку уже мертвой доставили в отделение неотложной помощи при больнице Святой Жозефины. Причина смерти не указана. Макдоналд выписал адрес больницы и опять поплелся на улицу за такси.

В регистратуре он добрую минуту махал полицейским жетоном перед заведующей, однако та не поддавалась и наотрез отказалась выдавать учетную карточку на Синтию Райт, посоветовав сходить к штатному юристу, работавшему при больнице. Здравомысленно рассудив, что профессионал вряд ли клюнет на уловку, Макдоналд не решился продемонстрировать свой жетон и просто выложил правду. Он объяснил, что представляет интересы человека, которому грозит смертная казнь, а потому ему позарез требуется копия материалов о Синтии Райт. Юрист оказался человеком понимающим и сочувствующим, однако документы выдавать не собирался. Законы штата Невада запрещают разглашать медицинскую информацию. Требуется либо постановление суда, либо заверенное нотариусом разрешение, подписанное одним из родителей. Макдоналд просил, умолял и взывал к лучшим чувствам... Тщетно. Час был уже довольно поздний, так что он опять сел в такси и доехал до станции Болдер, где зарегистрировался в туристическом комплексе, представлявшем собой сочетание гостиницы, казино, ресторана и торгового центра. Из номера позвонил в офис Делани, но той уже не было на месте. После отупляющего получасового разглядывания телевизора Макдоналд решил сходить куда-нибудь поужинать.

Лас-Вегас был для него далеко не обычным городом. В списке любимых мест отдыха его покойной супруги он занимал одно из самых почетных мест. Макдоналд страшно тосковал по своей Джейн. Сорок четыре года вместе — и все равно этого оказалось слишком мало. Его удивляли те мужчины, которые норовили пожаловаться на жен. С Джейн они редко ссорились, а уж кричать друг на друга — об этом и речи быть не могло. Возможно, впрочем, что причина заключалась в его работе: он слишком часто становился свидетелем насилия и жестоких семейных скандалов. Джейн видела в муже кумира, а он отвечал ей тем же. Увлечение супруги Лас-Вегасом всегда забавляло Макдоналда, потому что дома она вела себя очень уравновешенно и отличалась бережливостью. Он знал нескольких коллег, которые в шестидесятые и семидесятые годы постоянно проводили отпуск именно здесь, что

также казалось ему довольно странным. В конце концов, речь идет о периоде, когда игорные корпорации еще не овладели полным контролем над городом и делами Лас-Вегаса заправляла коза ностра. Джейн всегда играла в «одноруких бандитов», а сам Макдоналд предпочитал «двадцать одно». По вечерам они ходили на шоу. Ей нравились бурлески, хотя он ежился от неловкости при виде полураздетых девиц. Сразу после свадьбы он решил для себя, что его любовь к жене невозможно пересилить никаким другим чувством. А потом родилась дочь. Хотя он не раз слышал, что в отличие от матерей отцам порой бывает сложно привыкнуть к детям, Макдоналда младенец очаровал с первой секунды. С годами они с дочерью превратились в неразлучных товарищей. Он ни разу не пропустил ее дня рождения, даже когда этот день приходился на его дежурство. С малых лет девочка поджидала папу у входной двери, когда тот возвращался с работы. Он баловал ее на полную катушку и изо всех сил старался сделать из нее сорванца. Научил играть в бейсбол и американский футбол, а когда местные мальчишки отказались принимать девчонку в свою компанию, показал ей пару боксерских приемов. К его восторгу, дочь проявляла незаурядные способности в спорте. Бейсбол, футбол, баскетбол, плавание, хоккей с мячом — во всех этих дисциплинах она показала себя с наилучшей стороны. При любой возможности он старался помочь ей своим тренерским советом. Даже в подростковом возрасте, когда дочь начала перечить матери, они оставались с ней верными друзьями. Он знал ее «самые секретные секреты». После окончания школы девушку приняли в один из калифорнийских колледжей, и переезд они спланировали вместе: вдвоем, через всю страну, добрались до Калифорнии во взятом напрокат грузовичке. Настоящее приключение, особенно для юного восторженного существа. Остановились в Кантоне, штат Огайо, где заглянули в Галерею футбольной славы. Сделали даже крюк в Лас-Вегас. Весь первый год отсутствия дочери Макдоналд не мог найти себе места и впал уже в совершенное уныние, когда она объявила, что нашла себе друга на всю жизнь и собирается выйти за него замуж, как только оба окончат учебу. Макдоналд с ходу решил, что будет презирать этого парня, однако при первой же встрече понял, что она сделала правильный выбор. День величайшей отцовской гордости, когда он вел свою дочь к алтарю, не заставил себя ждать. Всего лишь кадр из киноленты судьбы — и апофеоз родительского чувства. Их отношения с дочерью были настоящим воплощением подлинной дружбы. Кто мог знать, что до трагедии оставались считанные часы...

Внутри торгового центра Макдоналд нашел стейкхаус, где заказал себе жареную лопатку на косточке и стопку виски «Джонни Уокер». Получив счет, он раскрыл бумажник, откуда из-под пожелтевшего пластикового окошечка, под которым люди обычно хранят водительское удостоверение, на него смотрели две женщины, две самые большие любви в его жизни. Посредине, обняв их руками за плечи, на снимке стоял и он. Беззаботное время, время счастья. Макдоналд принадлежал к старой школе, он никогда не плакал. Но при всем при этом чувство потери не отпускало ни на минуту. Клиническая депрессия, вот как это называли психотерапевты сразу после гибели дочери. Целый год он пытался хоть как-то, хоть немного пригасить в себе боль. Лекарства не помогали. В конечном итоге он оказался настолько психически истощен, что врач рекомендовал электрошоковую терапию. От предложения Макдоналд отказался. «Сам выберусь из пропасти», — сказал он. И выбрался. Излечил себя. По крайней мере так он заявлял врачам.

Сидя за столиком и готовясь подписать копию своей кредитной карточки, он подумал про чету Арнольдов. Потеряв сначала Синтию, а теперь вот и Касси, страдала ли Максин так же, как и он, лишившийся дочери и жены? А Франк? Испытывал ли он такую же пустоту в

сердце и жизни?

Макдоналд расписался на чеке и, выйдя из ресторана, попал прямо в казино. Здесь он прошел в бар, где заказал очередную стопку виски. Ночь предстояла нелегкая.

Следующим утром он протянул таксисту листок с адресом Департамента судмедэкспертизы при полицейском управлении графства Кларк. Сейчас он следовал своей интуиции. Сразу после пробуждения ему пришло в голову, что если бы в обстоятельствах смерти первого ребенка Максина Арнольд имелось нечто подозрительное, полиция Лас-Вегаса распорядилась бы провести вскрытие.

При известном везении отчет патологоанатома раздобыть все-таки удастся. Может, из него он узнает, как умерла маленькая Синтия Райт.

ШАРЛОТТСВИЛЬ, ШТАТ ВИРГИНИЯ

Первым свидетелем обвинения на послеобеденном заседании по делу Лестера Амиля шел Дейл Стюарт, следователь при Управлении шерифа графства Альбемарль. Он начал с того, что проиграл запись телефонного звонка на номер 911, который набрала Максин Арнольд, обнаружив исчезновение дочери.

— Ее украли! Украли! — истошно вопила мать в трубку.

— Пожалуйста, успокойтесь. Назовите свой адрес, чтобы мы смогли выслать машину, — ответил дежурный диспетчер.

— Нет! Никаких машин! Ее убьют!

Детектив Стюарт сообщил, что он с двумя другими сотрудниками подъехал к дому на белом микроавтобусе минут через пятнадцать. Все трое были одеты в зеленые рабочие комбинезоны с надписью «Водопровод». Франк Арнольд встретил их на пороге и потребовал предъявить удостоверения. За поясом он держал пистолет.

— Миссис Арнольд находилась практически в невменяемом состоянии. Впрочем, супруг ее держался спокойно.

Умело направляемый вопросами Тейлора Колдуэлла, следователь провел присяжных по событиям того злосчастного утра.

Он рассказал, что Максин Арнольд встала с постели в восемь часов, чтобы отвести Касси в частную школу. Как правило, завтрак для ребенка готовила их домработница, Тереза Монтоя. Она же и возила Касси на занятия на автомобиле хозяев. Однако вышло так, что мать Терезы умерла в ночь на субботу, и домработницы не было: она уехала на похороны. Максин спустилась в кухню, вынула из холодильника пакеты с апельсиновым соком и молоком и поставила их на стол рядом с чашкой для кукурузных хлопьев. Затем вновь поднялась наверх, чтобы разбудить дочь, чья спальня располагалась на втором этаже. Спальня родителей была на этом же этаже, но в противоположном крыле дома. Постель Касси оказалась пустой. Девочки не было и в соседней ванной комнате. Решив, что они с дочерью как-то разминулись, Максин повернула на выход, чтобы спуститься в кухню, и тут на полу возле двери увидела три белых листка, уложенных бок о бок, — то самое письмо о выкупе. Арнольдам предписывалось пойти в банк и снять со счета 118 000 долларов мелкими купюрами. В пять часов вечера им позвонят и укажут, как и куда доставить деньги.

Колдуэлл продемонстрировал упомянутые листочки, потребовал их приобщения к делу в качестве вещественного доказательства, после чего заставил Стюарта зачитать вслух часть послания:

«Ваша дочь у нас в руках. Никто ее не трогал, она жива и здорова. Если хотите вернуть ее целой и невредимой, выполняйте наши указания. В полицию НЕ ЗВОНИТЬ — или ее убьют. Мы следим за каждым вашим шагом. Вы под колпаком до конца дня, пока мы не получим своих денег. Не забудьте взять в Первый виргинский банк сумку побольше, не то деньги не влезут».

Стюарт также пояснил суду, что текст был написан чернилами, а не, скажем, карандашом или шариковой ручкой.

— Печатные буквы говорят о том, что человек либо находился в крайне возбужденном состоянии, либо сознательно пытался исказить свой нормальный почерк. Возможно даже, что правша писал левой рукой, и наоборот, — добавил детектив.

— Протестую, — прервала его Патти Делани, вставая с места. — Свидетель не является специалистом по почерку!

— Протест принят, — кивнул Спенсер, после чего велел присяжным не принимать во внимание почерковедческие выводы Стюарта.

Тогда Тейлор Колдуэлл попросил следователя рассказать, что же все-таки удалось выяснить при анализе письма.

— Например, в нем был упомянут банк Арнольдов, откуда следует, что похититель либо знал эту семью, либо какое-то время следил за ними, — ответил Стюарт.

Он сообщил далее, что листки письма были вырваны из рабочего блокнота Франка. Блокнот находился в его домашнем кабинете.

— Это обстоятельство весьма необычно, так как похитители крайне редко пользуются какими-либо материалами из дома жертвы, — заметил следователь. — Все необходимое они готовят заранее, в том числе и письмо о выкупе.

Признаков взлома входной двери особняка или спальни девочки полиция не обнаружила. Хотя подвальное окно было разбито, ни на стекле, ни на раме отпечатков пальцев не нашли, как не нашли поблизости и следов обуви, которые могли бы свидетельствовать о том, что похититель проник в дом, а затем покинул его именно через это окно.

Судья Спенсер разрешил Стюарту воспользоваться его записями, которые тот сделал при первом снятии показаний с Франка и Максин. Следователь вновь пояснил: мать девочки так переживала, что Франк был вынужден вызвать домашнего врача. Кроме того, хозяин дома вызвал и личного адвоката.

— Зачем? — спросил Колдуэлл.

— Мистер Арнольд сказал, что руководители его ранга не любят принимать какие-либо решения без участия адвоката, — ответил Стюарт. — Лично я в этом ничего подозрительно не вижу, тем более что он собирался затем просить своего адвоката сходить в банк за деньгами.

По словам следователя, Арнольд знал, что Лестер Амиль уходил куда-то на вечеринку в воскресенье ночью. Касси отправилась в постель около десяти часов, а Франк с Максин заснули к полуночи. Примерно в полпятого утра Франка разбудил шум открываемой гаражной двери. Он подумал, что вернулся Амиль, но на всякий случай решил проверить.

Впрочем, спускаться в подвал Франк не стал. Он убедился в присутствии Амиля, не выходя из спальни, воспользовавшись монитором, который отслеживал перемещения внутри дома по так называемым персональным идентификаторам. Экран показал, что Амиль действительно в подвале.

Стюарт добавил, что Франк своей возней с компьютером разбудил жену. Максин пожаловалась на головную боль и вышла в ванную за парой таблеток аспирина со снотворным. Затем они легли в постель и мирно проспали до самого утра.

— Опросив потерпевших, — добавил Стюарт, — я попросил мистера Арнольда показать мне, как работает их компьютерная следящая система. В его кабинет мы зашли все вместе. Пока мистер Арнольд проверял компьютерную программу, Максин Арнольд вдруг воскликнула: «Лестер до сих пор в доме! Он в подвале!» Очевидно, никто не удосужился

сразу осмотреть весь дом. Амиля в его спальне не оказалось, но в другие подвальные помещения заглядывать не стали.

— Подождите, я не совсем понимаю, — хорошо поставленным голосом вмешался Колдуэлл. — Если компьютер следит за всеми домочадцами, почему же он не указал вам, где находится Касси?

— Ложась в постель, Касси сняла с себя идентификатор, — объяснил Стюарт. — Ее бейджик так и остался на ночном столике.

Примерно в то же время, когда Франк Арнольд вместе со следователем собирались отправиться на поиски, в дом прибыли врач и адвокат. Врач сразу пошел в спальню, чтобы позаботиться о Максине, адвокат же присоединился к мужчинам, и в сопровождении еще одного полицейского они спустились в подвал, намереваясь разыскать там Амиля.

— Мистер Арнольд думал, что Амиль, наверное, не спал и застал похитителя врасплох, — объяснил детектив. — В тот момент его вовсе не считали подозреваемым. По правде говоря, мы все были уверены, что его убили, а труп спрятали в какой-то из подвальных комнат.

Компьютерный «сторож» показал, что Амиль находится в кладовой. Дверь была заперта изнутри.

— Мы стучали, стучали, звали Амиля, но ответа так и не дождались, — сказал Стюарт.

Арнольд дал разрешение на взлом двери. Кладовая на самом деле представляла собой целый склад, составленный из четырех отдельных помещений с неоштукатуренными стенами и бетонным полом. В одной комнате хранились инструменты, в другой громоздились картонные коробки, заполненные по большей части одеждой. Еще одна комната была отведена под бойлерную, где располагался котел для отопления дома, а соседнее, последнее помещение было заставлено деревянными ящиками с винными бутылками.

— Арнольды рассказали мне, что собирались устроить у себя настоящий винный погреб. Мы решили разделиться, чтобы на каждого пришлось по комнате. Я отправился осматривать мастерскую, то есть помещение с инструментами, — пояснил следователь.

— И что же случилось дальше? — подстегнул его Колдуэлл.

— Я услышал страшный, душераздирающий вопль. — Стюарт повернулся лицом к присяжным. — Кричал Франк Арнольд. Я бросился в коридор и увидел, как он держит на руках тело Касси. Я сразу же сказал ему, что девочку надо вернуть обратно, так как сейчас начинается расследование убийства и место преступления необходимо оставить нетронутым.

— И он повиновался?

— Нет. Он был вне себя, ничего не мог и не хотел слышать. Он отнес Касси наверх и там положил на диван. Потом стал кричать, звать врача, чтобы тот успел ее спасти. Он просто не мог поверить, что девочка уже мертва. Это я видел совершенно ясно. Я немедленно приказал очистить дом, оставив только моих сотрудников.

— Получается, место преступления не удалось сохранить в неприкосновенности? — спросил Колдуэлл.

— Разумеется, не удалось. Разве можно перенести труп и не наследить при этом?

Затем Стюарт сообщил, что немедленно связался с ФБР и Управлением судебно-медицинской экспертизы штата Виргиния, чтобы те выслали криминалистические бригады.

— В ту минуту требовалось сохранить то, что еще не успели нарушить, — сказал он. —

Я не хотел, чтобы хоть кто-то чем бы то ни было усугубил ущерб, нанесенный месту преступления. Кроме того, меня беспокоило и отсутствие Лестера Амиля, поскольку мы до сих пор не знали, что с ним случилось. Я лично предположил, что его труп все еще находится где-то в подвале. Похититель его убил, а тело спрятал.

Стюарт в одиночку отправился осматривать подвал.

— И вот тогда-то в кладовой — точнее, в той комнате, где нашли Касси — я и обнаружил бейджик Амиля. Его краешек был отломан, отчего предположил, что идентификатор сорвали во время борьбы. Однако самого Лестера в подвале не оказалось.

Тейлор Колдуэлл продемонстрировал присяжным прозрачный пакетик с небольшим значком внутри.

— Не этот ли бейджик вы нашли на полу? — спросил он.

— Да, — подтвердил Колдуэлл. — Это тот самый идентификатор, который принадлежал Лестеру Амилю.

— Нашли что-нибудь еще в той комнате, где обнаружили тело Касси?

— Да. Электрошокер на пятьдесят тысяч вольт.

Колдуэлл поднял со стола очередной пластиковый пакет. В нем виднелся черный прямоугольный предмет. По просьбе прокурора Стюарт осмотрел вещдок и подтвердил, что это действительно тот самый электрошокер, который он нашел на месте преступления.

— Удалось ли вам определить владельца?

— На корпусе нанесен серийный номер, по которому мы вышли на местную оружейную лавку. А там уже по учетной книге выяснили, что данный электрошокер приобрел Лестер Амиль за два дня до убийства Касси.

— Отпечатки пальцев?

— Да. Отпечатки нашлись, и они совпали с дактилограммой подсудимого.

— Где и когда вы нашли самого Лестера Амиля?

— Его обнаружили около пяти часов вечера возле автовокзала, где он покупал билет в оба конца на рейсовый автобус до Вашингтона. Мы сообщили приметы Лестера, вот один из патрулей его и обнаружил. Его доставили сюда, в это здание. То есть я хотел сказать, в подвал. У нас там управление шерифа. На допрос.

— Имел ли он с собой какой-то багаж, находясь на автовокзале?

— Что-то вроде заплечного мешка или рюкзака. Он заявил, что эта вещь принадлежит кому-то другому... Какому-то его другу, с которым он собирался встретиться в Вашингтоне. Он сказал... э-э... что его не волнует, стану ли я в нем рыться, поэтому я дал ему расписаться на специальном бланке и открыл мешок. Внутри я обнаружил небольшой пластмассовый контейнер, заполненный белым порошкообразным веществом, по виду напоминающим кокаин. Он заявил, что никогда раньше этого предмета не видел.

— Вы допросили Лестера Амиля по поводу убийства Касси Арнольд?

— Я подождал с полчаса, а потом начал задавать вопросы. Понимаете, до этого я всю работу строил вокруг кокаина и ждал, не упомянет ли он сам про убийство. Но нет, он молчал, а когда я задал вопрос ему в лицо, прикинулся, будто впервые об этом слышит.

— Протестую! — вмешалась Делани. — Свидетель не может знать, «прикидывался» или «не прикидывался» мой подзащитный!

— Протест принят, — вздохнул Спенсер.

Далее Стюарт показал, что в девять вечера Амиля предъявили магистрату и выдвинули официальные обвинения.

Затем на протяжении доброй четверти часа Колдуэлл опрашивал следователя по поводу схожих особенностей убийства Касси и Джонбенет Рэмзи. Стюарт выпалил их без запинки. Письма с требованием выкупа были составлены на бумаге, найденной в домах жертв. Текст обоих писем почти полностью совпадает. Упоминается одна и та же сумма — 118 тысяч долларов. Обе девочки были умерщвлены практически идентичным способом.

— В моих глазах это типичное «подражательное» преступление, — заявил Стюарт. — Убийца Касси Арнольд явно копировал обстоятельства смерти Джонбенет Рэмзи.

— Нашли ли вы что-нибудь в доме Арнольдов, что имеет какое-то отношение к убийству Джонбенет Рэмзи? — спросил Колдуэлл.

— Да, — ответил следователь. — В комнате Лестера Амиля мы обнаружили несколько сотен газетных вырезок и журнальных статей об этом преступлении. Затем, когда мы просматривали содержимое жесткого диска в его компьютере, то выяснилось, что он посещал десятки веб-сайтов, посвященных этому убийству. По ходу дела мы нашли и шесть электронных фотоснимков с обнаженными детьми. На каждом из них дети связаны, с кляпами во рту. Снимки были загружены с вебсайта, который функционирует за рубежом.

Делани было дернулась, чтобы выразить очередной протест, но тут же передумала, не желая лишний раз привлекать внимание к порноснимкам.

— Нашли ли вы что-то еще, что связывало бы подсудимого с убийством Джонбенет Рэмзи?

— Мы обнаружили текст хип-хоповой песни, которую Лестер Амилль написал по мотивам этого преступления. Он выставил ее в Интернете для свободного доступа публики.

Колдуэлл показал следователю бумажный листок.

— Вы об этом тексте говорите?

— Да.

— Пожалуйста, зачитайте для присяжных тот отрывок, который отчеркнут желтым фломастером — те самые вирши, что Лестер Амилль набрал на своем компьютере и затем выставил в Интернете.

Откашлявшись, Стюарт прочитал:

Шесть лет, а уже королева.
Белые гольфы, чечеточный треск,
Слава ковбойских романсов,
Мамина гордость,
Видеоблеск.
Лакомый кус: «Забрызгана спермой!»
Таблоиды взяли тебя в оборот.
Скоро кому-то еще доведется
Ждать у порога жемчужных ворот.

— Повторите, пожалуйста, последнюю строчку, — попросил Колдуэлл.

— Тут написано: «Скоро кому-то еще доведется ждать у порога жемчужных ворот».

— Удалось ли вам в ходе расследования выдвинуть теорию о возможном мотиве данного преступления?

— Судя по моему опыту работы, подсудимый убил Касси Арнольд, чтобы привлечь

внимание к той хип-хоповой песне, которую он написал про убийство Джонбенет Рэмзи.

— Вы хотите сказать, что мотивом была реклама его собственного рэперского опуса?

— Частично — да. У него в тексте есть еще много намеков на то, как убийца Джонбенет Рэмзи до сих пор рыщет в поисках жертв. Убийство Касси Арнольд полностью вписывается в эту теорию... А потом, я совершенно убежден, что Лестер Амиль — педофил.

— Протестую! — выкрикнула Делани, подсакивая на стуле. — Детектив Стюарт не обладает квалификацией, позволяющей анализировать психологию моего подзащитного. Его неуместная ремарка просто возмутительна и к тому же пагубно отражается на беспристрастности присяжных!

Спенсер принял протест, даже не дожидаясь, как отреагирует Колдуэлл. Затем он пожурил Стюарта:

— Вы не раз выступали свидетелем на уголовных процессах и должны помнить, что подобные замечания недопустимы.

Судья распорядился, чтобы присяжные проигнорировали мнение Стюарта насчет педофильных пристрастий Лестера.

Впрочем, Делани ясно понимала, что дело сделано и исправить его будет ох как трудно...

На перекрестном допросе Стюарта перед Патти Делани стояли три основные задачи. Она хотела, чтобы присяжные четко уяснили, что никто не видел, как Лестер Амиль вернулся в дом Арнольдов в ночь убийства. Во-вторых, требовалось внедрить идею, что кто-то другой вполне мог совершить это преступление. И наконец, ей хотелось заронить сомнения в достоверности показаний Стюарта.

Первую задачу удалось решить довольно просто. В ходе допроса следователь признал, что ни Франк, ни Максин не видели Амиля той ночью.

— Ранее вы показали, что персональный идентификатор Лестера Амиля был обнаружен в кладовой, — заметила Делани. — Но ведь кто-то мог просто специально подложить его туда, не так ли?

— Мистер Арнольд очень строго следил за тем, чтобы все носили бейджики, — ответил Стюарт. — И разумеется, хозяева дома резонно считали, что Амиль свой идентификатор держит при себе. В противном случае мистер Арнольд и не стал бы проверять показания компьютерного монитора.

— Вы уклоняетесь от ответа на мой вопрос, — сказала Делани. — Вы ведь не знаете, носил ли Амиль свой бейджик постоянно или же снял его перед тем, как отправиться на вечеринку. Скажем, он мог положить его на виду в своей спальне, откуда любой мог забрать его и затем подбросить в кладовую, чтобы навлечь подозрения на моего подзащитного.

Вмешался Тейлор Колдуэлл:

— Ваша честь, собирается ли защита задавать вопросы, или она сама выступает здесь свидетелем?

Спенсер сказал:

— Мисс Делани, если у вас есть вопрос, задавайте.

Патти решила сменить тему.

— Раз вы такой эксперт по убийству Джонбенет Рэмзи, — саркастически заявила она, — вот и расскажите нам, на кого тогда пали подозрения.

— Никаких арестов или официальных обвинений по тому делу не было.

— Я не об этом. Ответьте: кого изначально подозревали в убийстве?

— Ее родителей.

— А в нашем деле? Подозревала ли полиция Франка и Максина?

— В подобных преступлениях всегда падает подозрение на родителей, — ответил он, — однако мы вычеркнули их из списка, как только начали поступать улики против вашего клиента.

— Вот и давайте обсудим вашу методику сбора улик, — сказала Делани. — Взяли ли вы образец слюны у моего подзащитного?

— Да, взяли.

— До или после того, как сообщили ему про убийство Касси Арнольд?

Впервые за все время пребывания в свидетельском кресле детектив Стюарт замешкался с ответом.

— Этого я точно не помню, — наконец сказал он. — Но я точно помню, что он подписал разрешение на отбор пробы.

— А, бросьте! Давайте без утайки, только чистую и голую правду. Вы сказали моему клиенту, что если он разрешит взять у него образцы крови и слюны, вы сможете определить, употреблял ли он кокаин или иные запрещенные средства. Он позволил это сделать, так как считал, что его готовятся обвинить в хранении наркотиков, и хотел доказать, что кокаина у него в организме нет. Вы ничего не сказали ему о том, что собираетесь использовать образцы слюны при расследовании убийства Касси Арнольд. Вы не объяснили истинную причину, зачем вам нужны эти пробы. А ведь вы хотели провести анализ ДНК, не так ли?

Стюарт и глазом не моргнул.

— Могу по памяти повторить текст на том бланке, который он подписал без какого-либо принуждения. Цитирую: «Биологический материал, добровольно предоставленный вами в распоряжение Управления шерифа при графстве Альбемарль, будет использован в ходе текущего расследования, которое может привести к возбуждению против вас уголовного дела». Я конкретно спросил Амиля, прочел ли он этот текст и понял ли его смысл. Он сказал, да, дескать, понял. Так что я не считаю, что время взятия пробы играет хоть какую-то роль.

— О да, разумеется, вы так не считаете, — насмешливо отозвалась Делани. — Потому что вы знали, что обманываете его, сознательно отвлекаете. Ответьте мне, детектив: вы хотя бы проверили его организм на присутствие наркотиков в крови?

— Проверили, — кивнул Стюарт. — Наши тесты показали наличие остаточных количеств алкоголя и следы марихуаны, а больше ничего.

— Скажите мне, — продолжала она, — в каких таких тестах на наличие наркотиков используется слюна? Разве не правда, что слюна применяется в основном для анализа ДНК?

— Я не знаю, — спокойно ответил он. — Я не фармаколог.

Делани начинал захлестывать гнев, и ей хотелось, чтобы это не прошло мимо внимания присяжных. Пора прибегнуть к театральным приемам. Направившись к своему стулу как будто для того, чтобы сесть, она вдруг резко обернулась в последнюю секунду.

— Кстати, один маленький вопрос, детектив Стюарт. Разве не правда, что мой подзащитный заплакал, когда вы сообщили ему об убийстве Касси?

— Ага, зашелся рыданиями.

— Вот! Я бы сказала, что это весьма убедительное свидетельство, — триумфально воскликнула Делани, — что он до глубины души был потрясен этой новостью!

— Или, — усмехнулся Стюарт, — его сильно расстроил арест.

— Ваша честь! Я протестую и настаиваю, чтобы последняя сентенция была удалена из протокола заседания! Я не просила свидетеля выражать личное мнение!

Спенсер отказался:

— Советник, вы сами открыли эту дверь, когда изложили присяжным собственную трактовку слезливости вашего клиента.

С пунцовым перекошенным лицом Делани плюхнулась на место.

Тейлор Колдуэлл заявил, что у него совсем немного вопросов, чисто уточняющего характера.

— Защита указала нам, что никто не видел возвращения Амиля в дом в ночь убийства. Господин следователь, не могли бы вы сообщить суду, откуда появляется мужская сперма?

Кое-кто из зрителей хмыкнул. Стюарт несколько опешил.

— Мужская? А разве бывает женская сперма?

— Детектив, это не вопрос-ловушка. Итак, знаете ли вы, откуда берется человеческая сперма?

— Из мужских репродуктивных органов...

— А по опыту вашей работы, — продолжал Колдуэлл, — встречались ли вам случаи, когда подозреваемый оставлял свою сперму — или семенную жидкость, если угодно — на месте преступления, не побывав там лично?

— Не знаю я таких случаев, — ответил Стюарт. — Уж если найдется сперма, так сразу ясно, откуда она взялась.

— Даже если никто этого мужчину не видел?

— Ну да, — кивнул Стюарт, — даже если его никто не видел.

К моменту окончания допроса следователя часы показывали почти семь вечера. Судья Спенсер чувствовал себя разбитым. То сверхъестественное видение про Мелиссу, секс и конюшню, что посетило его около полудня, упорно не выходило из головы. Пора закругляться, на сегодня хватит.

Прежде чем объявить перерыв до завтра, он покончил с традиционными формальностями, которые преследуют каждого судью: сделал несколько распоряжений секретарю и приставу, приказал присяжным не обсуждать дело между собой, позаботился об иных аспектах и, наконец, встал, завершив текущее заседание. Идя на выход, он в глубине зала заметил какого-то пожилого человека, чье лицо показалось знакомым, хотя как и почему, Спенсер сказать не смог.

Парой минут позже в дверь кабинета постучала мисс Алиса и объявила, что с ним хочет встретиться профессор Иллинойского университета.

— Он говорит, что вы были его студентом.

Ах да! Вот и оно — имя. Доктор филологических наук Уолтер Бенедикт. Добрых тридцать лет прошло с того дня, когда Спенсер в последний раз сидел на его лекции по английской литературе.

Эван сердечно поприветствовал старого преподавателя. Бенедикт, казалось, по-прежнему ходил в том же твидовом пиджаке с кожаными накладками на локтях, как и три десятилетия назад.

— До сих пор читаете? — спросил Спенсер.

— О нет-нет, что вы, мой мальчик, — слабо улыбнулся профессор. — Я ведь давно на

пенсии, какие уж там лекции... Заехал сюда немножко отдохнуть, повидаться с дочерью. Она преподает в здешнем университете. Как и я, английскую литературу.

— Ах, сколько лет, сколько зим... — вздохнул Спенсер, не зная толком, о чем говорить.

— Боюсь, я к вам по делу, — посерьезнел Бенедикт. — В «Шарлоттсвилльских курантах» я встретил заметку про убийство в доме Арнольдов. Там ваше имя... По-моему, у меня есть что сказать. К сожалению, миссия моя не из самых приятных...

Спенсер понятия не имел, что за связь может существовать между его старым преподавателем и Арнольдами, однако ясно видел, что Бенедикту сейчас не по себе.

— Если ваши сведения касаются убийства, — осторожно сказал Спенсер, — тогда вам лучше поговорить с прокурором, а не со мной.

— О нет, именно с вами, потому что дело касается лично вас.

Бенедикт положил ногу на ногу, потом сел прямо и принялся нервно теребить свой галстук-бабочку.

— У вас ведь не очень много осталось в памяти из моих занятий? — начал он. — Помнится, вы тогда дали ясно понять, что предмет вас мало интересует.

— Боюсь, — пожал плечами Спенсер, — вопросы литературного стиля и композиции нельзя назвать моим коньком.

— Да, ведь вам никак не удавалось получить тогда зачет. Конечно, сейчас мне трудно перечислить все те оправдания, на которые ссылались студенты, но ваш случай я запомнил. Я согласился дать вам второй шанс. Согласился поставить «удовлетворительно», если вы представите еще один реферат, и вы выбрали тему цензуры. К моему удивлению, ваша работа оказалась просто блестящей. Помните?

— М-м, — неопределенно отозвался Спенсер. — Не в подробностях.

— Ах да, подробности! Как говорится, дьявол виден в мелочах... За работу я поставил «отлично», вам благополучно вручили диплом, а затем вы переехали сюда и поступили на юридический факультет.

— У вас доброе сердце, профессор. Я очень признателен за тот второй шанс.

— В последний год моей преподавательской карьеры один из студентов тоже написал мне курсовую работу про цензуру, причем столь же блестящую. Блестящую настолько, что я заподозрил неладное. Дело в том, что голова у него не такая светлая, как у вас. Я и подумал, что он где-то отыскал ваше эссе и, как говорят студенты, «передрал» его чуть ли не слово в слово. Из личного опыта я знал, что рефераты, получившие в свое время высокие оценки, склонны появляться вновь и вновь, порой через десятилетия. Я покопался в архиве, нашел вашу работу, сравнил ее со свежим эссе и... все мои опасения оправдались. Тот молодой человек, выходит, воспользовался вашим трудом. Знаете... там была одна фраза... она мне особенно запомнилась. «Кабы из уст человеческих могла исходить только мудрость, великая тишина простерла бы над землей свои темные крылья». Из вашей же работы. Помните?

Нет, этого Спенсер не помнил.

— Надеюсь, вы не очень сильно наказали того студента, — решил ответить он. — По молодости мы все делаем ошибки, особенно в школе.

— О да, несомненно, — кивнул Бенедикт. — И ваше замечание определенно говорит о вашей всепрощающей натуре. Но знаете, в моей области плагиат считается абсолютно непозволительным грехом. Бывали случаи, когда из-за него рушились звездные карьеры и ученых, и писателей.

— А что случилось с бедолагой-студентом?

— Я поговорил с ним начистоту. Положил на стол обе работы — вашу и его, — и он сознался. Сознался в том, что поддался искушению, совершил плагиат. Но при этом категорически отрицал, что пользовался вашим эссе. Он «передрал» книгу.

Из портфеля Бенедикт извлек ветхий коричневый томик и громко зачитал его название: «Мир, который построил Кобб».

— Книга издана в тысяча девятьсот двадцать четвертом году, сборник статей Франка Кобба, который когда-то работал редактором газеты «Мир Нью-Йорка». Вот тут, на странице 350... Перепечатка выступления Кобба на заседании Нью-Йоркского экономического клуба от шестого апреля двадцатого года. В частности, я здесь подчеркнул одну фразу из его речи...

Бенедикт на мгновение вскинул глаза на Спенсера, затем прочитал вслух:

— «Кабы из уст человеческих могла исходить только мудрость, великая тишина простерла бы над землей свои темные крылья».

Бенедикт гулко захлопнул книгу.

— Прочитав эту речь, — горько сказал он, — я понял, что вы обманули меня ради получения зачета. Вы *украли* слова Франка Кобба.

Да, сейчас Спенсер вспомнил. Он никак не мог нагнать учебу из-за тяжелой болезни матери. Выпуск был уже не за горами, а академическая успеваемость Эвана дышала на ладан практически по всем предметам. Ведь столько занятий пришлось пропустить... На книжку Кобба он наткнулся случайно, копаясь в читальном зале. Древнее выступление какого-то журналиста показалось вполне подходящим, вот Спенсер и решил, что никто не узнает про истинный источник его студенческой мудрости... Так и вышло. До поры до времени...

Бенедикт положил книгу судьбе на стол.

— Это вам, — сказал он. — Про ваш плагиат я знал уже довольно давно и даже верил, что смогу о нем забыть. Пусть все канет в забвение, думал я... Но вот сегодня утром, проснувшись, я тем не менее решил прийти и все вам рассказать. Ведь вы — судья. Человек, который по определению считается честным и порядочным. Да и кому, как не вам, знать, что грех всегда остается грехом, от него не убежать...

Профессор вышел из кабинета, не дожидаясь оправданий и даже не предложив руки на прощание. Спенсер был раздавлен, словно его, мальчишку, только что подловили за постыдным делом прямо в школе. Он попробовал найти спасение в логике.

Ведь я был тогда совсем молод и зелен. Ну, совершил одну ошибку... Да и сам профессор Бенедикт... Его что, жизнь никогда не заставляла ловчить? Какое вообще он имеет право попрекать меня грехами?..

Спенсер взял книгу со стола и швырнул ее в мусорное ведро.

Какой гнусный, отвратный день.

Вечером в среду судья Спенсер не торопился домой, а просто сидел в кабинете, придумывая себе одно дело за другим. Мелисса заранее предупредила, что задержится в гольф-клубе. По правде говоря, он и не испытывал особого желания ее видеть, тем более сейчас, когда возникли серьезные подозрения насчет конюшни и неверности супруги.

Около десяти вечера голод властно заявил о себе, и Спенсер вспомнил, что в нескольких кварталах от университета есть паб, где можно заказать сэндвич и тарелку горячей, свежеподжаренной картошки, щедро сдобренной пикантным соусом. В пору его бедной студенческой молодости он частенько навещался туда, чтобы перекусить и поболтать с друзьями. Но это было еще до знакомства с Мелиссой. Его избранница презирала эту, как она выражалась, «плебейскую забегаловку».

Он спустился вниз и вышел на улицу. Ночь стояла на удивление ясная, небо сплошь засыпано угольками звезд. Спенсер нажал красную кнопку на брелке, «ягуар» прочирикал *бип-бип*, и стержни дверных фиксаторов сочно щелкнули, выскакивая из гнезд. Он повел машину к университету, по дороге размышляя о минувших годах. Поездка по переулку воспоминаний.

Добравшись до нужного места, он, однако, ничего там не нашел. Точнее, нашел, но только парковку, забитую автомашинами студентов. Здание паба, оказывается, уже снесли.

Спенсер принялся бесцельно кружить по центру в поисках ресторана и вскоре заблудился. Сделав подряд несколько неверных поворотов, он минут через десять заметил красную неоновую надпись: «РИТЧИ». Загнав машину на соседнюю полупустую стоянку, он зашел внутрь. Здесь царил полумрак и пахло древностью. Свет по большей части исходил от свечей, горевших на дюжине столиков, застланных клеенкой в красно-белую шашечку. Вдоль одной из стен шли кабинки для особо стеснительных или секретничающих посетителей.

Пожилая официантка молча провела Спенсера к свободному месту и столь же молча сунула меню. Судя по всему, в «Ритчи» подавали аутентичную итальянскую кухню, что означает — без перевода или объяснений. Он заказал себе когда-то слышанные названия: бокал минеральной воды «Пеллегрино» и «прошутто пармезано».

В одной из кабинок сидела юная парочка, за другим столом ужинали два седовласых джентльмена, однако в целом ресторанчик, можно сказать, пустовал. Спенсер задумался о своей жене. Ему нравилось тешить себя горделивой мыслью, дескать, «у меня аналитический ум», а потому он перевернул бумажную салфетку-рекламу лицом вниз и авторучкой провел линию, поделив лист надвое. Слева он написал «*Причины остаться*», а справа — «*Причины уйти*». К тому моменту, когда официантка принесла салат, он уже успел изложить десять доводов, почему ему следует остаться в браке, несмотря на вероятную неверность Мелиссы. Все эти аргументы связывала одна общая идея: либо его личное финансовое благополучие, либо его же социальный статус. Справа он написал только одну фразу: «*Больше ее не люблю*».

— Господин судья?

Он тут же стыдливо перевернул салфетку, опасаясь, как бы кто не успел прочитать его мысли, и вскинул глаза. Рядом стояла Патти Делани. Интересно, давно она за ним наблюдает?

— Я не была уверена, вы ли это. Здесь так темно... Как-то странно видеть вас в таком

месте...

— Да? — ответил он. — Почему же?

Женщина красноречиво огляделась по сторонам. В зале пахло подгорелым маслом. Кое-где обои с венецианскими мотивами — гондолы и так далее — пошли пузырями. Меню, которое официантка не удосужилась забрать после заказа, было забрызгано кетчупом. Самое дорогое блюдо стоило одиннадцать долларов.

— Совсем не похоже на клуб для сливок общества. Как он у вас там называется? «Фокс ран»?

Ее слова задели в Спенсере какую-то чувствительную жилку, однако нынешним вечером он был не в том настроении, чтобы ввязываться в дуэль, и решил парировать шуткой.

— Наверное, мне любопытно было узнать, что «делают обычные люди», — ответил он, позаимствовав кусочек припева из попсового хита десятилетней давности. Группа «Палп», всплыло в памяти.

Судя по пустым глазам напротив, Делани не уловила и не оценила глубин его музыкальных познаний или изящество аллюзии.

— Я просто из вежливости... поздороваться. Я не хотела вам мешать. Вы, видимо, были в глубоком раздумье. Впрочем, наверное, от судей именно это и требуется.

Не успев даже сообразить, что делает, Спенсер предложил ей присоединиться к нему за ужином.

— До тех пор пока мы не обсуждаем процесс, — сказал он, — здесь нет ничего предосудительного.

Приглашение, конечно, звучало довольно бесцветно. Впрочем, этим вечером ему действительно было не до веселья.

Она поколебалась, однако после того, как Спенсер встал и пододвинул для нее стул, все-таки присела. Сейчас на ней были светло-голубые джинсы, кроссовки (без носков) и мешковатый сине-оранжевый пуловер с надписью «УВА». Впервые он видел Делани в нормальной одежде и в очередной раз поразился ее привлекательности. Рыжие волосы спрятаны под синим бейсбольным кепи, из выреза на затылке торчит «конский хвост».

Официантка, не задавая вопросов, налила Делани полный бокал красного фирменного вина, сказала:

— Мисс Делани, ваш ужин будет готов через пару минут, — и поставила перед ней блюдце с шоколадными трубочками.

— С десерта начинаете? — улыбнулся Спенсер.

— Ага.

— Вы, должно быть, завсегдатай. Она даже не спросила, чего вам хочется.

— Хозяева — мои друзья. Бывшие клиенты, если точнее. Я им помогла разобраться с налогами, им грозила потеря лицензии на ресторан. Сюда я хожу два-три раза в неделю.

— А, срезаете купончики с благодарной клиентуры? Хорошо устроились.

— Если бы... У них почти нет денег, поэтому я согласилась часть гонорара взять домашними обедами. Я ведь не умею готовить, а здесь выдающийся шеф-повар. Так что теперь у меня выдающаяся талия... Странно, не находите? Кому-то забегаловка, а кому-то — гастрономический дворец.

— Адвокат-герой... героиня, — поправился Спенсер. Сейчас им владела меланхолия. — А ведь я не так много знаю Аттикусов Финчей во плоти. Если я правильно помню, он е

оплату с клиента взял мешок орехов.

— Мой отец был адвокатом и героем, — твердо ответила она. — Так и не сумел заработать денег, потому что всегда защищал какое-то благородное дело. Сражался с ветряными мельницами.

— Стало быть, у него больше от Дон Кихота, чем от Атикуса Финча, а? — Спенсера, похоже, заклинило на литературных аналогиях.

— Мой отец и есть та причина, почему я стала юристом, — без понуканий призналась Делани. — Когда я была маленькой, он часто говорил: «Патти-пирожок...» Он так меня называл. «Патти-пирожок, на свете есть только одна вещь, которая отличает человека от животного. Это закон». В его глазах закон был священной коровой. После развода я собиралась вернуться домой и вести с ним частную практику. Но он умер еще до того, как я уладила дела с бывшим мужем. Так что я решила на некоторое время сменить профессию и пошла преподавать. Потому и оказалась в Виргинии, а потом уже переехала сюда.

— И чем вам приглянулся Шарлоттсвилль?

— А разве плохо? Городишка небольшой, то что надо для справедливости с человеческим лицом. С другой стороны, даже есть своя культура. Благодаря университету.

Спенсеру понравился ее ответ.

— А хотите узнать настоящую причину, почему я сюда переехала? — перейдя на шепот, вдруг спросила она. Похоже, вино подействовало на нее умиротворяюще. — Сколько себя помню, меня всегда привлекал Сэм Шепард. Знаете такого? Актер и драматург? Так вот мне сказали, что они с Джессикой Ланг тут поселились... Я приехала, чтобы его отбить.

Она откинулась на спинку стула и залилась смехом.

— Я даже не уверен, живут ли они здесь... — промолвил Спенсер. — Хотя Шарлоттсвилль, похоже, действительно привлекает кое-каких знаменитостей. Неподалеку от города есть ранчо Сисси Спейсек, две сотни акров. И еще имение писателя Джона Гришэма.

— О, судья, я и не знала, что вас интересуют «звезды».

— Меня-то не интересуют, — сказал он, — но вот моя супруга тщательно отслеживает всех, кого считает социально значимыми фигурами.

Здесь Спенсер решил поменять тему:

— А где вы провели детство?

— В крошечном чумазом городишке в Колорадо. Уж поверьте на слово, вы о нем и не слышали. Этакая клякса в долине реки Арканзас. Горы арбузов, кучи дынь, а более всего — в ту пору, конечно — поденщиков-мексиканцев. Мой отец провел там всю свою жизнь. Если не считать войну... Да, так вот. Во всем городе не наберется и тысячи обитателей, и это — заметьте! — с учетом кошек и собак. Когда я была маленькая, латиносов не пускали жить в пределах городской черты, несмотря на все федеральные законы. Им просто не продавали дома. Вот они и селились в бидонвиле за окраиной. Это место называли «лоскутом». Отец взял в банке ссуду, купил на нее домик по соседству и продал его молодой мексиканской паре. С ним перестали разговаривать. Даже в церкви. Ходили слухи, что его собираются «хорошенько проучить». Но знаете, когда он умер и я приехала на похороны, за его катафалком шла самая длинная процессия в истории города. Сотни машин. И мексиканцы, и белые — все были. Как я уже говорила, он так и не разбогател, зато помог очень многим людям.

Спенсер заметил, что у нее наворачиваются слезы.

— А ваша матушка?

— О, у нее такой боевой характер!.. Точнее, дикий. Человек просто не в себе, со стороны даже смешно. Они познакомились в Англии во время войны, потом отец привез ее в Колорадо, и с тех пор она возненавидела это место. Мама родом из Лондона и так и не смогла вписаться в сельскую жизнь. Не выносит фермеров. Говорит, что они все время жалуются на нищету, хотя владеют сотнями акров. Но отца она очень любила и до сих пор живет там. Обожает носить шляпки и меняет их каждый день... Местные поначалу не очень-то ее жаловали. Мама не обращала внимания. Отказалась ходить в церковь и на глазах у всех курила отцовские сигареты. Она мне часто говорила: «Патти, никогда не успокаивайся». Мой вкус в одежде от нее. Может быть, немножко детский, слишком романтический, но так я выражаю свою независимость. Пошла по ее стопам.

— Сейчас у вас вполне нормальный вид, — заметил он и тут же спохватился. — То есть... э-э... смотрите вы очень хорошо... Просто не слишком отличаетесь от других.

— Гм. Прямо не знаю, считать ли это за комплимент... Я торопилась, а дом мой рядом, за углом. Наш процесс мне спать не дает. Да и вам, наверное...

Наступила неловкая пауза.

— А что у вас за история? Почему вы стали юристом? Наверное, только этого от вас и ждали?

— Как прикажете понимать?

— Да нет, я не к тому, чтобы вас обидеть... Просто подумала... Когда знаешь, кто вы, кто ваша жена, в каких кругах вы вращаетесь... Вот я и решила, что вы выросли в семье адвокатов или дипломатов. Да вы сами все отлично понимаете: «Лига Плюща», гольф-клуб, имение с особняком, великосветские рауты. Серебряные ложки.

Сейчас Спенсер начинал серьезно сомневаться в мудрости сделанного приглашения к совместному ужину.

— Ах, серебряные ложки? Поговорка, да? Хотите сказать, что меня родили в рубашке, с серебряной ложкой во рту, в руке и еще в одном месте?

— Приношу свои извинения. За мной водится талант ляпнуть что-нибудь эдакое... Признаю и каюсь. Скажем, мне завидно. Я выросла, мучительно раздумывая: что же это такое — быть богатым? Иметь все на блюдечке... Ой, пардон, я опять на ту же мозоль. Наверное, мне лучше убраться восвояси.

— Нет, — ответил он. — Предпочитаю, чтобы вы остались. Я вам открою один маленький — вот такусенький — секрет. Мой отец был военным. После его гибели мать по вечерам, после работы, стирала чужое белье, чтобы свести концы с концами. Свои миллионы я заработал старомодным путем: неравный брак.

Делани даже не улыбнулась.

— Между прочим, я только что изящно пошутил, — посетовал Спенсер. — А впрочем, вам лучше расспросить мою жену. Как-никак, это я ей неровня.

Не хотел он этого говорить. Само вылетело.

— А я слышала — все совсем наоборот, — ответила она.

Прямота Делани изумила Спенсера. Он даже не мог сразу понять, как реагировать: возмутиться за оскорбление жены или, наоборот, сказать спасибо?

— Деньги никогда меня не впечатляли, — добавила она. — Люди позволяют деньгам управлять их жизнью. Деньги за них принимают решение, кто чего стоит. Кто кого выше. Кто кому неровня.

— Хотите сказать, что, буде представится такая возможность, вы предпочтете жить

бедно и счастливо, нежели богато и уныло?

— А вы сами? Разве выберете другое?

— Помню, после смерти отца бывали такие времена, когда у нас с матерью не хватало денег, чтобы купить друг другу подарки на Рождество... Знаете, я подозреваю, что люди, заявляющие, что, дескать, можно быть бедным и счастливым, сами никогда шкуру бедняка не примеряли.

Вновь появилась официантка, на сей раз с блюдом для Делани: огромная тарелка равиолей. Спенсер расплылся в улыбке:

— Боже мой, ведь я не пробовал равиоли с детства! Мать всегда покупала их в консервных банках. Пойдите... Как же они назывались-то? Там еще такой симпатичный дядька в поварском колпаке...

— Шеф Боярде!

— Да-да, он самый! Как же они... А, «Спагетти-Ос»!

— Сразу видно гурмана! Боюсь только, эту марку выпускала другая компания. Я тоже ими очень увлекалась...

Она помолчала.

— Судья, не сердитесь на меня, если я вас ненароком обидела... Я не знаю... Такое впечатление, что всякий раз, когда мы с вами встречаемся, я говорю... или делаю что-то глупое. Давеча «ягуар» вам новый разбила... Почему-то рядом с вами мне как-то... не по себе. Наверное, оттого, что я вами восхищаюсь. А если совсем начистоту, вы меня просто запугали... Я, наверное, несу ерунду, да?

Вновь ее прямота и открытость поразили Спенсера. Мелисса уж точно навесила бы ей ярлык «дура наивная». Он не знал, что ответить, и, подождав пару секунд, она сменила тему:

— Очевидно, ваша мама очень трудолюбивый и замечательный человек. Она... еще жива?

— Да, только вот видимся мы редко.

— Слишком заняты?

— Да нет. Они с моей женой друг друга не выносят.

— Ужас какой, — посочувствовала Делани. — В смысле жаль, что так... Вы не рассердитесь, если я кое-что скажу? Я была удивлена, встретив вашу жену. Совсем не похоже, чтобы вы с ней отлично ладили. Ой, Господи! Что я несу? Опять лезу не в свое дело! Извините. День сегодня выпал очень длинный, а от этого вина у меня, похоже, язык сам по себе болтается.

— Жена моя порой умеет быть изрядным снобом, — удрученно признался он.

— Неужели? — Делани саркастически вздернула бровь.

Спенсер вдруг понял, что над ним подсмеиваются, но вместо того, чтобы разозлиться, рассмеялся.

— Пожалуй, я себе тоже возьму вина, — сказал он.

Официантка принесла ему бокал и сама долила Мелиссе. Вино оказалось кислым, дешевым и — в той обстановке и в тот момент — совершенно замечательным.

— А я очень люблю кино, — неожиданно призналась Делани, подыскивая тему для безобидного разговора. — Школьницей, по выходным, ходила на фильмы, насколько хватало карманных денег. Противоядие против жизни в мелком городишке... А кто ваша любимая актриса?

Не успел он ответить, как она заявила:

— Наверное, Джулия Робертс. Угадала? Или Мэг Райан. Но Джулия кажется более задумчивой, более интеллектуальной... А мне, кроме Сэма Шепарда, нравится Кевин Костнер. Обожаю Кевина! И еще Джорджа Клуни. Боже, какой у него голос! Аж до мурашек Зря он сыграл Джима Гаррисона в «Джей-Эф-Кей». То есть, Господи Боже, ведь каждая собака знает, что Гаррисон был чокнутый и кормился с мафии. Эй, а кстати, вот чего я хотела спросить! Вы как думаете, был второй стрелок в Далласе?

Спенсер попытался припомнить, когда с ним в последний раз вот так, запросто, без жеманства, болтала Мелисса или кто-то из ее друзей про каких-нибудь киноактеров или, скажем, заговоры. Словно в душе форточка распахнулась.

Когда им принесли чек, он с удивлением обнаружил, что уже третий час утра и они на пару успели опустошить два графина вина. Спенсер предложил заплатить за обоих, но она отказалась, и каждый отдал деньги за себя. На улице Делани потрясла ему руку.

— Подбросить? — кивнул он подбородком на «ягуар».

— Да нет, спасибо, мой дом отсюда через квартал, и еще у меня есть вот это. — Она извлекла из сумочки крошечный баллончик с перцовым спреем. — Отец всегда настаивал, чтобы я держала его при себе.

— Очень мудрый совет.

— Мне кажется, вы бы ему понравились.

— А я счел бы это за честь!

— Хочу вас поблагодарить. — Она помолчала. — За то, что дали мне то дело, насчет ночного ограбления. Хотя я все равно села в лужу. И еще я слышала, что это вы назначили меня на процесс. Очень мило с вашей стороны.

Он смотрел ей вслед и вдруг сообразил, что сам вид Делани вызывает у него настоящее желание овладеть этой женщиной. А с Мелиссой... с Мелиссой требовалось нечто большее, чем рукопожатие и болтовня про кинозвезд.

К возвращению Спенсера Мелисса уже спала. На следующее утро, в четверг, он специально поднялся пораньше, чтобы успеть уехать из дому, не разговаривая с женой. Он до сих пор не знал, как обсудить с ней то сверхъестественное видение, что предстало ему после прикосновения к камню. Вообще говоря, у него имелась масса поводов сердиться, даже не считая очевидных причин. Секс в их семейной жизни носил особый статус.

На момент их первого знакомства у Мелиссы уже имелся целый список бывших любовников, хотя ей не было еще и двадцати. Рубеж семидесятых. Свободная любовь. Вожделенная «пиллюля», вековечная мечта слабого пола. Публичное сожжение лифчиков.

Сам он к тому времени узнал только одну женщину. Девчонка, в сущности, его школьная любовь. Пинком под зад разбила сердце Эвану.

Из-за вопиющего недостатка сексуального опыта у Спенсера Мелисса взяла на себя труд обучить его всем премудростям. Она даже придумала шутку, дескать, «намерена лишить его девственности» и за первые годы брака именно это и проделала. Познакомила его с хардкорной порнографией, фильмами для взрослых, интимными игрушками и забавами слегка извращенного свойства. Где-то на полпути этого принудительного «сексуального ликбеза» Спенсер понял, что семейные роли всегда носили у них противоположный знак по сравнению с традиционными воззрениями. Мелисса играла роль полового хищника, агрессора, партнера, чей взгляд на секс диктовался исключительно физической потребностью выпустить пар. Здоровый, бесхитростный, животный подход. Никакой

нежности и еще меньше романтики.

А ему хотелось ужина при свечах, подержаться за руку, приглушить свет, пообниматься в кровати. Хотелось душевного друга. Мелиссе же хватало перепихнуться на счет раз-два.

Однажды ему пришло в голову, уж не растлил ли ее кто в малолетстве. Он дошел до того, что по секрету обратился к психотерапевту — товарищу по университету и старому другу семьи. Выслушав описание далеко не идеальных половых отношений, врач сказал, что сомневается, будто у Мелиссы фригидно-агрессивный комплекс. И добавил, что дело обстоит сложнее.

— Скорее всего она заинтересовалась тобой из любопытства и чтобы заполнить дыры в собственном характере: ты мягкий, теплый, сострадательный, заботливый, уютный. Кроме того, она знала, что тобой легко понукать. Подкаблучник ты, друг мой.

Спенсер поморщился.

Товарищ Эвана сказал далее, что он давно подозревал у Мелиссы признаки болезненного изменения личности. Этим объясняется ее эмоциональная индифферентность и нарциссизм.

— Уверен, сама она убеждена, что ты ее недостойн и что тебе крайне повезло на ней жениться. В глубине души, на подсознательном уровне, она считает: что бы ты ни делал, удовлетворить ее потребности не сможешь, как в спальне, так и за ее стенами. Те самые черты твоего характера, что привлекли ее в первую очередь, сейчас кажутся ей проявлениями ущербности и слабости. Вероятно, ты ей даже неприятен, потому что в тебе нет силы и напористости, как у ее отца...

Ладно, как скажете.

Спенсер не принадлежал к поклонникам фрейдистской зауми, однако понимал, что в словах психотерапевта есть определенная доля правды. Для себя он эту правду сформулировал гораздо проще: Мелиссе никого не нужно любить, потому что любви к самой себе ей хватало с избытком.

Шли годы. За это время Спенсер пережил несколько этапов — сначала разочарование, потом подавленность, затем гнев и, наконец, горечь. Кроме того, он усвоил одну истину: противоположность любви — вовсе не ненависть, потому как ненависть требует эмоций. Противоположность любви — полное безразличие.

Ведя машину к зданию суда, Спенсер мысленно готовил себя к крупному разговору, который рано или поздно состоится. Придет такой день, когда он напрямую задаст вопрос Мелиссе, тем самым признавая готовность к роли роконосца. А вот какую роль она себе выберет — большой вопрос. Скажем, взорвется гневом, открыто признается в предательстве брачных обетов и затем всю вину возложит на него. Или разыграет из себя несчастную даму, переживающую кризис среднего возраста. Ее, видите ли, муж совсем позабыл-позабросил. Или, если действительно решит резать правду-матку, прямо в лицо выплюнет и так уже понятное: ей наскучил и он, и их так называемый брак.

Каких-то полтора месяца назад Спенсер сам себе сказал, что у него идеальная жизнь. Стало быть, врал.

В суд он прибыл намного раньше всех и миновал пустой стол мисс Алисы. Открыл дверь и скользнул внутрь кокона собственного кабинета — в окружение книг, университетских дипломов и прочих мирских символов личного успеха, которые определяли его в чужих глазах.

Неосознанно, еще подспудно он начинал понимать, что этот новый его взгляд на мир и

собственную жизнь был вызван простым касанием небольшого округлого камня. Шоры спали с глаз, и увиденное никак не радовало.

— Вы сегодня рано, — прокомментировала мисс Алиса, придя на работу и обнаружив, что шеф уже на месте.

— Бумажной волокиты много, — ответил Спенсер. — Мне еще надо отлучиться по одному небольшому делу, так что, пожалуйста, если я задержусь, отнесите материалы с моего стола в судебный зал.

Он покинул здание через боковой выход и, скорым шагом миновав памятник Джексону — «Каменной стене», зашел в соседнее кафе, где купил утренний выпуск «Шарлоттсвилльских курантов». Репортаж Уолтера Корна про вчерашние показания Стюарта сопровождался иллюстрацией, на которой Тейлор Колдуэлл энергично допрашивал следователя на фоне беспомощных физиономий Лестера Амиля и Патти Делани.

Уолтер Корн, наш собственный корреспондент

Адвокат защиты Патти Делани попыталась вчера продемонстрировать, что Лестер Тидвелл Амиль не находился в доме Франка и Максина Арнольдов, когда Касси, их одиннадцатилетняя дочь, подверглась сексуальному насилию и была задушена.

Делани настаивала, будто прокуратора не смогла доказать, что к моменту жестокого нападения Амиль успел вернуться с вечеринки, так как никто не видел его входящим через гаражную дверь. Однако прокурор штата Тейлор Колдуэлл легко дал отпор поползновениям защиты, предложив детективу Стюарту необычный вопрос. «Господин следователь, — сказал Колдуэлл, — не могли бы вы сообщить суду, откуда берется мужская сперма?»

Этим вопросом прокурор хотел напомнить присяжным о ключевой улике против Амиля. Открывая заседание своей вступительной речью, гособвинитель рассказал суду, что анализ ДНК подтвердил наличие спермы Амиля на пижаме, в которую была одета девочка. Прокуратура утверждает, что непосредственно перед убийством Амиль стоял над телом беспомощной жертвы и мастурбировал.

Подстегиваемый Колдуэллом, несколько смущенный Стюарт доложил суду, что мужчина и его сперма обычно связаны между собой. «Если найдешь его сперму на теле жертвы, — позднее сказал следователь репортерам, — можешь быть вполне уверен, что он находился на месте преступления». Кроме того, отпечатки пальцев Амиля были обнаружены на электроразряднике, лежавшем неподалеку от трупа, добавил Стюарт.

Поскольку старший окружной судья Эван Спенсер запретил сторонам процесса обсуждать дело с журналистами, как Делани, так и Колдуэлл отказались от каких-либо комментариев об утреннем заседании. Опытные судебные хроникеры, однако, утверждают, что Делани защищает своего клиента спустя рукава. Предполагается, что ей должен ассистировать еще один, более опытный адвокат, Чарлз Макдоналд, хотя до сих пор он в суде так и не появился. Вчера Делани сказала судье Спенсеру, что Макдоналд расследует ряд версий.

Еще до того как Делани назначили представителем Амиля, она была объектом многочисленных насмешек среди местных юристов. Так, например, впервые оказавшись в окружном суде, она посоветовала своему клиенту, которого

обвиняли в ограблении магазина мужской одежды «Халлманс», одеться попримичнее. Он внял ее рекомендации и на заседание явился в тех вещах, которые сам же и украл из этого магазина.

Рассуждения Корна тянулись еще на добрых двадцать дюймов, но Спенсеру с избытком хватило и прочитанного. Спеша обратно в суд, он за рулем припаркованного «сааба» заметил Делани, погруженную в «Шарлоттсвилльские куранты». В сотне футов от нее, на крыльце судебного здания, толпились желающие поучаствовать в утренней лотерее за места в зале. Этот спектакль увлеченно снимали несколько телевизионных команд. Никто из них не обратил внимания на Делани, да она и сама не подняла головы, когда Спенсер проскользнул мимо ее машины.

Доктор Юки Нгуен Нан, старший патологоанатом при судебно-медицинской лаборатории штата, изложила результаты аутопсии бесцветным, клиническим языком, не выказав при этом никаких эмоций. Труп жертвы, сообщила она, весил восемьдесят девять фунтов и принадлежал вполне здоровой девочке-подростку ростом четыре фута одиннадцать дюймов. Шнур вокруг шеи был затянут так сильно, что глубоко врезался в кожу. Удавка представляла собой импровизированную гарроту. Под узел, расположенный со стороны затылка, была просунута палка длиной четыре дюйма — отломанная рукоятка малярной кисти, которую, как было установлено позднее, взяли из мастерской в доме Арнольдов. Способ убийства идентичен обстоятельствам смерти Джонбенет Рэмзи, вплоть до совпадения длин орудий, которыми закручивали удавку.

Кроме того, Нан сообщила присяжным, что на теле Касси обнаружены два крошечных ожога. По мнению патологоанатома, их причинил электрошокер на пятьдесят тысяч вольт, причем, судя по числу ожогов, его разрядили дважды. В районе поясницы и на ягодицах выявлены синяки более раннего происхождения, чем на иных частях тела. Девственная плева оказалась нарушенной, хотя ссадины на вагинальных стенках отсутствуют.

— Таким образом, не имеется доказательств факта изнасилования при нападении, — заявила доктор Нан.

Продолжая свое выступление, она сказала, что на голове, с изнанки наружного кожного волосяного покрова с правой стороны, обнаружена область кровоизлияния размером пять на два дюйма. Кости черепа в этом месте повреждены даже на еще большей площади, порядка восьми с половиной дюймов в диаметре. Тонкая пленка субарахноидального кровоизлияния, то есть под так называемой паутинной оболочкой головного мозга, целиком покрывала правое полушарие. Ниже этого слоя выявлено нарушение серого вещества. Это свидетельствует о том, что Касси либо ударили тупым предметом, либо швырнули головой на бетонный пол.

Доктор Нан сказала, что под ногтями Касси не найдено каких-либо посторонних частиц, и пояснила, что жертвы зачастую царапают своих насильников. Затем она представила суду несколько жутких фотоснимков трупа, включая гарроту крупным планом, ожоги от электрошокера, а также синяки на пояснице и ягодицах. После того как снимки приобщили в качестве вещественных доказательств, Тейлор Колдуэлл пустил их по рукам присяжных. Прокурору хотелось, чтобы они своими глазами убедились, как страдала маленькая девочка в последние минуты своей жизни.

— Высокоценю ваш профессионализм, доктор Нан, — вмешался затем Колдуэлл, — но

ни я сам, ни присяжные не являются патологоанатомами, так что не могли бы вы дать нам окончательное заключение? Как именно умерла Касси Арнольд?

— В страшных муках. Ее задушила удавка, которую медленно затягивал убийца. Кроме того, ей нанесли массивную черепно-мозговую травму с правой стороны.

— Давайте поговорим сначала про удушение, — сказал прокурор. — Судя по вашему опыту, зачем убийце понадобилась палка?

— Это форма сексуального истязания. Убийца получает больше удовольствия, неторопливо закручивая веревку, пока сам насилует жертву или мастурбирует.

Патти Делани решила было запротестовать, так как Нан не являлась экспертом по сексуальным извращениям, однако потом рассудила, что чем быстрее закончится обсуждение таких подробностей, тем лучше для ее подопечного.

— А теперь давайте побеседуем про рану на голове, — предложил Колдуэлл. — Чем конкретно она вызвана?

— Этого сказать мы не можем, — ответила Нан. — С другой стороны, мы совершенно точно знаем, что ей причинена черепно-мозговая травма.

— От чего умерла девочка? От удушения или от удара в голову?

— На вопрос, что именно произошло первым, однозначного ответа нет, хотя и того и другого вполне достаточно, чтобы вызвать смерть, — сказала доктор Нан. — Петехиальные, то есть точечные, кровоизлияния на внутренней поверхности век в сочетании с отсутствием обильного кровотечения из раны на голове дают основания полагать, что к смерти привело удушение и в момент нанесения удара сердце уже не работало или же работало совсем слабо. Поэтому я указала в своем заключении, что причиной смерти является асфиксия, сопровождавшаяся черепно-мозговой травмой.

Слова патологоанатома внезапно прервал сдавленный женский возглас. Максин Арнольд только что вытошнило на пол. Франк помог ей встать с места, и в сопровождении частного охранника, которого они наняли, чтобы отбиваться от репортеров, супруги покинули зал.

— Объявляется перерыв на полчаса, — сказал Спенсер. Повернувшись к мисс Алисе, он попросил ее вызвать уборщицу.

После возобновления заседания Максин Арнольд вновь сидела в первом ряду, держа мужа за руку. Колдуэлл продемонстрировал доктору Нан и присяжным пластиковый пакет с детской пижамой из бумазеи.

— Вам знаком этот предмет?

— Да, он был надет на жертву в момент обнаружения трупа. Представляет собой пижаму для девочек.

— Что вы нашли, обследуя эту пижаму для девочек?

— В трех местах были обнаружены следы семенной жидкости. Наибольшая концентрация наблюдалась непосредственно в паховой области, где сходятся ноги. Кроме того, небольшие количества спермы найдены в седалищной области на штанинах, а также возле воротника.

— Удалось ли вам определить, чья это сперма?

— Да, мы протестировали ДНК и установили ее полное совпадение с образцом который детектив Стюарт взял у подсудимого. Я могу с полной ответственностью утверждать, что сперма на пижаме принадлежит Лестеру Амилю.

— Не могли бы вы реконструировать на основе результатов вашего обследования

последние минуты Касси Арнольд?

— Полагаю, что убийца применил электрошокер, чтобы обездвигнуть жертву непосредственно в ее спальне. Затем он перенес ее в подвал, положил на расстеленные газеты и еще раз разрядил в девочку пятьдесят тысяч вольт, чтобы она не сопротивлялась, пока он надевал ей на шею гарроту. После этого стянул к ступням ее штанишки и задрал пижамный верх. Кроме пижамы, на Касси ничего другого надето не было. Затягивая петлю, он мастурбировал, а после эякуляции нанес удар тупым предметом.

Слушая показания свидетеля, Спенсер отметил, что в воздухе еще стоит запах рвоты. Вполне уместно в данных обстоятельствах.

Перекрестный допрос женщины-патологоанатома Делани начала с неожиданного шага: она сделала ей комплимент за удачный выбор профессии.

— Я лично нахожу судебную медицину увлекательнейшей наукой, — заявила Патти. — Говорят, простым разглядыванием нескольких костей можно определить расу человека. Это правда?

— То, о чем вы говорите, называется судебной антропологией, — ответила доктор Нан. — Специалисты в данной дисциплине пользуются стандартными научными методами, разработанными физической антропологией, чтобы опознать человеческие останки. И отвечая на ваш вопрос — да, опытный судебный антрополог зачастую способен определить расу, возраст, пол, рост, комплекцию и иные уникальные характеристики.

— Ого! — отозвалась Патти Делани. Похоже, эти сведения ее изрядно впечатлили.

— Вообще говоря, — продолжала доктор Нан, — хотя такой анализ может поразить воображение непосвященных, большинство методик на самом деле далеко не новы и не отличаются особой сложностью. В некоторых случаях достаточно беглого осмотра. К примеру, этническую принадлежность жертвы очень часто можно определить по расположению зубов. У евразийцев прикус по большей части уравновешен, в то время как у людей с испанской кровью наблюдается глубокое верхне- или нижнечелюстное перекрытие.

— Вот как? — округлила глаза Делани. — Надо же, чего только на свете не бывает... Выходит, если я вас правильно поняла, судебный антрополог может посмотреть на кости скелета и сказать, какого пола был человек... и возраст тоже назвать... И даже расу?

— Да, это действительно так, хотя в нашей стране насчитывается только шестьдесят специально подготовленных судебных экспертов-антропологов. Кстати, я имею честь принадлежать к их числу.

Делани вытащила из портфеля мешочек.

— У меня с собой пара костей, которые я сегодня утром позаимствовала на факультете естествознания нашего университета. Не могли бы вы продемонстрировать свое искусство? Вы в состоянии назвать нам, скажем, пол и возраст жертвы, осмотрев эти небольшие косточки?

Почувяв ловушку, Колдуэлл запротестовал.

— Доктор Нан — одна из ведущих судмедэкспертов штата, — заявил он. — Выступала свидетелем на множестве процессов, за ней числится длинный список академических званий и наград! Я не вижу большого смысла в вашей демонстрации.

— Уважаемый суд, — парировала Делани, — доктор Нан, основываясь на анализе улики, только что изложила присяжным ее собственные выводы о том, как было совершено убийство. Я не думаю, что простая просьба взглянуть на пару костей и определить пол и

возраст человека поставит ее в большое затруднение.

— Хорошо, я разрешаю этот эксперимент, — кивнул Спенсер.

Делани передала патологоанатому мешочек, и доктор Нан вынула из него две сильно пожелтевшие косточки, каждая длиной не более двух дюймов.

— Поскольку у меня нет с собой оборудования, — сказала она, — я не смогу назвать точный возраст этого лица. Однако похоже, что данные кости взяты от человеческой ступни и — хотя следует еще раз подчеркнуть, что осмотр беглый и поверхностный, — я могу сказать вам, что принадлежат они мужчине.

— Невероятно! — воскликнула Делани. — А если, к примеру, у вас были бы время и доступ к нужным приборам, вы смогли бы рассчитать по костям рост этого мужчины?

— Да. Кроме того, мы вполне смогли бы выявить те заболевания, которыми он страдал. Тело оставляет после себя много ключей к разгадкам.

— Поразительно, просто поразительно! — продолжала восторгаться Делани. — Надо же, вам достаточно взглянуть на крошечные косточки, и вы сможете сказать нам, какого роста он был!

— Именно, — снисходительно кивнула доктор Нан, явно наслаждаясь своим научным величием. — Стопроцентной гарантии прямо сейчас дать не могу, но полагаю, что мужчина, чьи кости вы принесли в этом мешке, был ростом шесть футов.

— Готовы ли вы официально заявить об этом суду?

— Боже упаси! — воскликнула доктор Нан. — Прежде все надо перепроверить в лаборатории!

— Но вы можете хотя бы изложить свое экспертное мнение, что кости взяты от мужской ноги?

— Да, вполне.

— Доктор Нан, к вашему сведению, эти кости я взяла в ветеринарной лечебнице при университете. Они принадлежат свинье. Даже не человеку!

Среди зрителей раздался смех.

— Понятно, — сказала доктор Нан без малейших признаков смущения. — Что ж, здесь я хотела бы указать на тот факт, что некоторые кости свиньи и человека очень схожи между собой.

Делани достигла желаемого результата: продемонстрировала присяжным, что женщина-патологоанатом, несмотря на ее внушительные академические звания и экспертно сделанные показания, все же не застрахована от ошибок.

— Доктор Нан, вы знаете, что не так давно произошло в городе Оклахома-Сити? — далее спросила Делани.

— Вы имеете в виду случай с сотрудницей криминалистической лаборатории? — отозвалась Нан.

— Да-да. Вы не могли бы рассказать присяжным эту историю?

— На судебном слушании эксперта-химика уличили в излишних преувеличениях. К сожалению, порой такие вещи действительно имеют место.

— Ведь вы не можете отрицать, что этот «эксперт» помог посадить невинного человека, а не подлинного насильника? И разве не правда, что сейчас власти пересматривают три тысячи других дел, в которых она тоже могла ошибиться?

— Протестую! — вскочил Тейлор Колдуэлл. — Что бы там ни преувеличивал оклахомский химик, к нашему процессу это не имеет никакого отношения!

— Я лишь пытаюсь продемонстрировать, что показания научного эксперта, пусть даже на первый взгляд впечатляющие, иногда могут быть неверно истолкованы, — сказала Делани. — В одной только Оклахоме это случилось чуть ли не три тысячи раз!

— Ваша линия понятна, — подытожил Спенсер. — Давайте все-таки двигаться дальше. Тогда Делани спросила:

— Не могли бы вы рассказать нам еще раз, в каких местах на пижаме была найдена сперма?

Доктор Нан повторила свои прежние показания: сперму обнаружили в районе паха сзади и возле шеи.

— Вы считаете, что убийца онанировал стоя, непосредственно над связанной и положенной на пол жертвой, я правильно поняла?

— Да.

— Вы нашли следы спермы на коже Касси Арнольд?

— Нет.

— Совсем не нашли?

— Совсем.

— Если ее штанишки, по вашим словам, были стянуты к ступням, а убийца стоял над ней сверху, разве не попали бы брызги и на тело жертвы, и на пол, на газеты, а также на пижамный верх?

— На этот вопрос ответить не могу, — задумчиво произнесла Нан. — Мне еще не доводилось принимать участия в онанистических экспериментах по изучению траектории извергнутой спермы.

В зале кто-то расхохотался, и Спенсер постучал молотком.

— Не смешно, — проворчал он.

Делани настаивала:

— На пижаме вы нашли три участка со спермой. Другими словами, брызги. Однако этих брызг не было обнаружено ни на ее коже, ни на подвальном полу, ни на газетах или в иных других местах. Причем один из участков приходился на заднюю, седалищную часть брюк, ведь так?

— Да, следы были найдены и там.

— Но если жертва лежала на спине, как вы утверждаете, каким образом сперма оказалась на тыльной стороне пижамы?

— Не знаю, — ответила Нан. — Возможно, жертва извивалась и в какой-то момент подняла ноги.

— Ваша честь, — вмешался Колдуэлл, прерывая перекрестный допрос, — доктор Нан показала, что сперма принадлежит Лестеру Амилю, и пока что защита никак не оспаривает данный факт. Кого волнует, где найдена сперма — спереди или сзади? Это никак не меняет вывода, что Амилль находился именно там.

— Что вы пытаетесь здесь продемонстрировать? — обратился Спенсер к Делани.

— Ваша честь, вчера, во время снятия показаний детектива Стюарта, обвинение спросило, откуда берется мужская сперма. Стюарт заявил, что если на месте преступления обнаружена сперма, значит, она стала результатом непосредственной эякуляции. В действительности это не всегда так. Более того, мы намерены доказать, что в нашем случае убийство сопровождалось совсем иными обстоятельствами.

Колдуэлл на миг опешил.

— Защита вовсе не намерена ставить под сомнение результаты ДНК-анализов, выполненных доктором Нан, — продолжала Делани. — Мы не отрицаем, что сперма принадлежит Лестеру Амиллю или что она действительно присутствовала на пижаме. Однако сам по себе этот факт ничего не доказывает. Просто оттого, что сперму размазал кто-то другой!

— Как-как? — прищурился Спенсер.

— Да, мы намерены доказать, что истинный убийца добыл сперму из презерватива. Мистер Амилль им пользовался в момент полового сношения с одним из членов домохозяйства четы Арнольдов. Итак, убийца взял сперму из презерватива и размазал ее по пижаме Касси, желая навести подозрения на невинного человека, моего подзащитного.

— Ушам своим не верю! Из какого пальца вы высосали эту историю?! — взвился Колдуэлл.

— И вот почему расположение пятен спермы носит столь важное — жизненно важное! — значение, — наступала Делани, не обращая внимания на прокурора. — То, что нам изложила доктор Нан, не согласуется с картиной мужской эякуляции поверх расprostертого тела. В особенности когда молодой мужчина стоит непосредственно над жертвой. Вы должны спросить себя: почему же сперма попала только на пижаму? Почему ее не нашли в других местах? И почему брызги оказались только в трех точках?

— В жизни не слыхивал более бредовых аргументов! — поделился Колдуэлл со всем залом.

В ответ Делани перенесла огонь на прокурора:

— А если бы обвинение грамотно выполняло свою работу, эти факты давно бы всплыли!

— Ваша честь! — взмолился Колдуэлл. — Разрешите консультацию, пока мисс Делани не изумила нас новым откровением и не очернила доброе имя кого-то из сограждан!

Спенсер поманил к себе прокурора с адвокатом и зашарил на полке под столом, куда мисс Алиса обычно клала материалы текущего процесса и где лежала писчая бумага. Он искал свежий блокнот. Не нащупав искомого, заглянул под столешницу и тут увидел, что мисс Алиса вместе с документами принесла и белый камень, которым придавила верхнюю папку. Он машинально приподнял камень левой рукой, а правой взял блокнот. Не успел он вернуть камень на место, как почувствовал уже знакомый укол.

Не дав опомниться, в тело вонзилось электрическое шило. Удар был настолько силен, что выбил судью из кресла.

Спенсер находился внутри дома Арнольдов. Точнее, поднимался по лестнице на второй этаж. Зашел в спальню Касси. Темно. Девочка в своей кровати, погружена в глубокий сон. Вдруг она распахнула глаза и принялась плакать. Сбросила одеяло на пол. На простынях — темное пятно. Спенсер почувствовал запах мочи.

— Мама! — крикнула Касси. — Мама!

В спальню ворвалась Максин.

— Черт бы тебя побрал!

Она схватила дочь за руку и сдернула с постели.

— Сколько раз тебе повторять, что когда приспичит, надо просыпаться и идти в сортир!

Касси всхлипнула:

— Но я же старалась!

Максин сорвала мокрые простыни, обнажив запятнанный матрас. Касси беспомощно скорчилась на коврике у подножия кровати.

— А ну живо снимай все! — приказала Максин.

Выяснилось, что Касси легла спать прямо в уличной одежде. После катания на воздушном шаре и позднего ужина она слишком устала, чтобы переодеваться. Мать схватила обнаженную дочь за плечи и толкнула к ванной.

— В душ! И чтоб вымылась вся!

Девочка повиновалась и отправилась в ванную комнату, а Максин тем временем подобрала с пола пижаму, снятую сегодняшним утром.

— Наденешь вчерашнюю пижаму! — крикнула она дочери через дверь. — На тебя не напасешься! Сколько раз я просила не бросать вещи на пол? И хватить ныть!

Максин вышла, захватив с собой мокрые простыни и детскую одежду. Вернулась она даже более злая, чем раньше.

— Господи Боже! Да чтоб тебе провалиться! Уделала матрас так, что теперь неделю просушивать!

Она перевернула поролоновый блин и начала стелить свежее белье. К этому времени Касси надела пижаму и стояла рядом, заливаясь горькими слезами.

— Заткнись!

Увы, Касси успела довести себя до такого состояния, что уже ничего не могла поделать. Максин схватила дочь и яростно затрясла.

— Заткнись, говорю! А ну прекрати, или я тебе покажу, над чем рыдать!

Касси попыталась замолчать, но безуспешно.

Максин хлестнула дочь по лицу. Крепко хлестнула. Девочка упала на пол и зашлась в истерике. Максин набросилась на нее, орудуя уже обеими руками. Касси выставила локти, прикрывая лицо и голову. Явно потеряв над собой контроль, Максин принялась бить ее по спине и ягодицам.

Спенсеру еще не приходилось видеть столь необузданной ярости.

— Будешь! Будешь у меня! Будешь еще! — орала Максин.

Наконец, устав и отбив себе ладонь, она ухватила дочь за волосы, заставила встать прямо и, наотмашь ударив в лицо, сбила на пол.

Потребовалось несколько минут, чтобы понять, о чем толкуют голоса. Он приподнял веки и увидел стоявших над ним Колдуэлла с Делани. Рядом находилась и мисс Алиса с несколькими незнакомцами. А, фельдшеры!

— Господи, Спенсер! — шепнул Колдуэлл. — У тебя обморок! Ты даже со стула свалился!

Руки и ноги онемели, будто он их отлежал.

— Сколько я?..

— Минут пятнадцать, не меньше.

Спенсер попытался было приподняться, но медики не позволили. Сейчас они снимали с него ЭКГ, и потому требовалось, чтобы пациент не двигался. Лежа на спине, он приказал мисс Алисе распустить присяжных и очистить зал. Из здания суда его вынесли на носилках.

Врачи центральной городской больницы поджидали в отделении неотложной помощи, однако к моменту прибытия он чувствовал себя вполне хорошо. И все равно вторую половину дня пришлось потратить на различные обследования. Ни один из тестов не выявил причин потери сознания.

На этот раз Спенсер не стал упоминать про белый камень.

Судья не верил ни в черную магию, ни в гаитянское вуду, ни в оккультизм. Он не верил в привидения, чертей и ангелов. Припертый к стенке, он вполне мог заявить, что сомневается и в существовании Бога. Верил он лишь в то, о чем говорили ему пять личных органов чувств. Если что-то нельзя увидеть, услышать, понюхать, полизать или пощупать, то такая вещь в его глазах была крайне сомнительной. И в этой связи пережитое заставляло подозревать, что у него начинается расстройство психики.

Следуя логике, Спенсер знал, что обычный камень не в состоянии вытворять те штуки, на которые оказался способен белый кругляш. И не раз, и не два, а целых три! Бессмыслица какая-то. Лежа в палате, он размышлял о недавнем видении.

Это реальность или галлюцинация? Действительно ли Максин ворвалась в комнату Касси и избивала ее за то, что та мочилась в постель?

Ни в одном отчете о полицейском дознании не упоминалось, что девочка страдала ночным недержанием. И никто ни разу не предположил, пусть даже в качестве рабочей гипотезы, что Максин Арнольд бьет собственную дочь.

Да, но я же это видел!

Он опять прокрутил в голове всю сцену. И еще раз. И еще. Он точно помнил, как «стоял» в комнате Касси. Помнил, как выглядела обстановка. Хотя ему ни разу не приходилось физически бывать в доме Арнольдов, Спенсер был уверен, что при необходимости смог бы безошибочно описать спальню. Он видел, как Максин превратилась в разъяренную фурию. Видел ее безудержную ярость. Слышал детский крик.

Чем дольше он размышлял, тем больше крепла убежденность: *да, все случилось на самом деле.*

Каким-то образом, пусть даже сверхъестественным, белый камень отправил его в спальню Касси и позволил увидеть, что там произошло.

Надо кому-то рассказать. Кому?

Следователь Стюарт первым делом спросит, откуда Спенсеру известно, что Касси страдала недержанием.

Объяснять, что какой-то там камень позволил мне увидеть, как Максин избивает дочь? Все решат, что у меня бред.

Около восьми вечера Спенсера наконец выписали из больницы, однако вместо того, чтобы ехать домой, он взял такси до опустевшего сейчас здания суда. Зайдя внутрь, он поднялся в кабинет и включил компьютер. Хотя Спенсера нельзя было назвать продвинутым пользователем, фундаментальные принципы он знал хорошо. Например, тот факт, что путь любого электронного письма всегда можно отследить, тем самым преграждая путь настоящему анонимной рассылке. С другой стороны, он понимал, что у хакеров есть специфические приемы, как перехитрить этот процесс и замести за собой следы. Как-то утром он зашел на сайт «Шарлоттсвилльских курантов», чтобы почитать некую статью из электронного архива газеты. На поиски ушло несколько минут, и когда текст наконец-то появился на экране, он в шапке страницы заметил строчку из синих букв: «Щелкнуть здесь, чтобы переслать эту статью на почтовый ящик друга». Спенсер ради интереса щелкнул линк,

и перед глазами выскочило небольшое окошко: «Хотите вместе со статьей отправить личное сообщение?»

Он ввел «Привет, Спенсер!» и затем выслал статью сам себе, чтобы почитать ее дома. Нет ничего удивительного, что, просмотрев тем вечером электронную почту, он нашел у себя в ящике нужный ему текст, который появился на экране вместе с коротенькой строчкой — «Привет, Спенсер!».

И вот тут он сообразил, что статья прислана от имени «Шарлоттсвильских курантов». В письме не было никаких иных адресов, которые могли бы указать на подлинного отправителя сообщения. Чисто случайно Спенсер нашел способ рассылки электронной почты без указания личных координат. Требовалось лишь приложить к сообщению любую газетную статью.

Спенсер задал адрес веб-сайта «Курантов» и отыскал репортаж Уолтера Корна о вчерашнем допросе свидетеля по делу Арнольдов. Когда текст появился, он щелкнул линк для пересылки статьи другу и в нужном месте ввел электронный адрес Патти Делани, который взял из официального списка адвокатов графства, хранившегося у мисс Алисы.

Когда высветилось окошко для ввода личного сообщения, он впечатал несколько коротеньких предложений и нажал кнопку отсылки.

Патти Делани сидела за компьютером в своем офисе, когда услышала хорошо знакомое голосовое извещение: «Вам письмо!» Поняв из параметров заголовка, что кто-то переслал ей статью Корна, она решила было сразу удалить ее, даже не просматривая. Этот журналист все время норовил представить ее идиоткой. И все же любопытство одолело, и Делани открыла сообщение. В шапке появилось следующее:

В ночь убийства Касси Арнольд обмочила свою постель. Максин сменила простыни и перевернула матрас. Потеряла самоконтроль. Избила дочь. Отсюда синяки на пояснице и ягодицах.

Делани немедленно принялась щелкать мышью, чтобы узнать имя отправителя, однако в строчке обратного адреса числились только «Шарлоттсвильские куранты». Первой реакцией было просто недоверие: это наверняка чья-то тупая шутка. В конце концов, после обнаружения трупа Джонбенет Рэмзи «желтая пресса» выдвинула идею: дескать, она страдала недержанием, и мать не сумела совладать с яростью. Под эту теорию не имелось ни малейших доказательств, однако бойких журналистов такой мелочью не остановишь.

Делани распечатала послание, чтобы подшить его к материалам, но особой важности ему не придавала и вернулась к текущим делам. Часом позже из аэропорта Лас-Вегаса позвонил Чарлз Макдоналд.

— Нашел! — с ходу выкрикнул он в трубку. — Утром нашел данные, как умер первенец Максин Арнольд!

Не успела Делани открыть рот, как он начал в красках описывать то впечатление, которое произвел его полицейский жетон на сотрудниц Департамента судмедэкспертизы графства Кларк, и как ему удалось уломать туземного клерка открыть доступ к патологоанатомическому заключению.

— Синдром внезапной смерти! Апноэ во сне! «Смерть в колыбели», вот как это называется! А вскрытие сделали, потому что полиция Лас-Вегаса заподозрила что-то

неладное, — выпалил Макдоналд. — Они решили, что ребенка задушил кто-то из родителей, хотя оснований для возбуждения дела не хватило.

— Максин Арнольд числилась среди подозреваемых? — встрепелась Делани.

— При вскрытии такие вопросы не обсуждаются, — ответил Макдоналд, — хотя секретарша припомнила этот случай: вроде бы копы считали, что Максин задушила девочку, накрыв ей лицо подушкой. Улик так и не нашли.

— Боже мой! — воскликнула Делани. — Мне только что прислали электронное письмо: Максин избила Касси в ночь убийства, потому что та якобы мочилась в постель.

— Письмо? От кого?

— Не знаю. Я решила, кто-то просто дурака валяет.

Сейчас голова у Делани работала на полных оборотах.

— Это надо хорошенько обдумать, — сказала она. — Максин разозлилась, что Касси обмочила постель. Принялась ее бить. В какой-то момент Касси упала и ударилась виском о полку или что-то еще... скажем, ночной столик. Насмерть. Максин в ужасе. Но не паникует. Она знает, что копов вызывать нельзя, потому как они наверняка заглянут в ее историю и обнаружат подозрительную гибель еще одного ребенка. И вот она принимает решение: скрыть убийство, а точнее — обвинить во всем Лестера Амиля. Ей известно, что он интересуется делом Джонбенет Рэмзи. У них только что был секс. Домработницы нет, она на похоронах своей матери, стало быть, за выходные никто мусор не выбрасывал. Максин идет в супружескую спальню. Франк давно спит. Из мусорной корзины в соседней ванной она достает презерватив. Затем переносит Касси в подвал и, выдавив из презерватива сперму, размазывает ее по пижаме дочери. Амиль еще не вернулся, и она свободно заходит к нему в комнату. На столе видит его персональный идентификатор и недавно купленный электрошокер. Все это забирает с собой и инсценирует убийство, чтобы замазать реальную картину преступления. Устраивает так, чтобы обстоятельства напоминали дело Рэмзи. Прежде чем вернуться в спальню, заходит в кабинет мужа и пишет письмо о выкупе.

— Какое жуткое хладнокровие, — пробормотал Макдоналд, пытаясь воссоздать весь сценарий в голове. — А Франк? Он тоже причастен?

— Пока не знаю.

Отправив анонимное письмо на адрес Делани, Спенсер откинулся на спинку кресла и долго сидел, разглядывая белый камень. Мисс Алиса захватила его из судебного зала вместе с документами. На данный момент он успел трижды коснуться камня, и каждый раз ему было видение. В первый раз вроде бы ничего особенного. Он сидел в какой-то лодке. Хм-м... Бессмыслица... Его второе видение — Мелисса, секс и конюшня — было куда более внятными. А теперь вот он стал свидетелем избиения Касси.

Почему это со мной происходит? Что все это значит?

Поразмыслив, Спенсер решил, что существует только один тест, который покажет, действительно ли камень обладает некой магической силой, или же пора собираться в психлечебницу. Надо вновь коснуться камня. Но ведь страшно!

А если опять свалится в обморок? Или того хуже: если камень и впрямь волшебный? И куда он закинет на этот раз?..

Спенсер ткнул пальцем в камень.

И ничего. Никаких электроразрядов. Или видений.

Спенсер молча посидел несколько минут, упершись подушечкой пальца в кругляш.

Ничего. Брезгливо поморщившись, он открыл левый ящик стола и кинул туда камень. Задвинув ящик, запер его на ключ.

Что теперь прикажете делать?

Устал он очень, вот в чем дело. Устал, но домой возвращаться не вмоготу. Там Мелисса.

Странно... Опять болит левая рука. Он разжал пальцы. На ладони — еще один порез. Алая полоска. Откуда она взялась? Да еще и поперек той, первой линии. Ага, это крест! У меня на ладони крест!

Он отомкнул ящик, выдвинул его и потянулся за камнем. Словно тот звал к себе. Как только камень коснулся креста, Спенсера пробило с головы до ног. В тело загнали кол могучей энергии. Вот ключ: левая ладонь, крест, камень. Видение...

Он стоит на пороге старенького ранчо, где когда-то, еще ребенком, жил. Заходит внутрь. Мама в спальне, лежит на постели в ярко-синем махровом халате. Читает вслух «Волшебника из страны Оз» маленькому мальчику, который, свернувшись рядом в клубочек, увлеченно слушает сказку. Этот мальчик ему знаком. Девятилетний Эван. Да, и пижамка та же самая. Ему тепло и уютно, он слушает голос мамы.

В комнату входит отец. У него в руках коробка, обернутая в подарочную бумагу.

— Это тебе.

Мальчик переползает на край кровати и нетерпеливо разрывает упаковку. Боксерские перчатки.

— Ну вот, дружище, пришла пора учиться, как постоять за себя. — Отец ведет его в гараж и помогает надеть перчатки. — В бою надо защищать голову. Перчатки держи перед лицом. Но глаза не загорай, ты должен все видеть. Держи их вот так.

Отец показывает правильную стойку. Эван пробует ее скопировать.

— Нет-нет, они у тебя слишком близко друг к другу, ты ничего так не увидишь.

Отец осторожно раздвигает перчатки сына. Эвану страшно, он боится получить удар в лицо и поэтому тут же сдвигает их вместе. Раздосадованный отец шлепает по перчаткам, и они больно ударяют мальчика по носу.

— Ай!

Отец смеется:

— Говорю, держи их врозь, как я!

Эван пытается подражать, однако, заметив, как отец поднял перчатки, немедленно инстинктивно загоразживает свое лицо, словно прячась за щитом. Отец наносит удар, на этот раз более сильный, и мальчик вновь получает по носу.

— Больно же!

— Только не вздумай плакать! Искусство бокса в том и состоит, чтобы уметь принимать удары, и чем раньше ты этому научишься, тем тебе же лучше.

Отец принимает боевую стойку, и Эван опять прячется за своими перчатками. Сейчас отец явно начинает сердиться и бьет в третий раз — да так сильно, что у Эвана идет кровь носом. Мальчик в ярости бросается на отца. Его кулачки бьют наотмашь, куда попало. Иронически вздернув бровь, отец

придавливает макушку сына и удерживает его на расстоянии своей взрослой руки, так что Эван молотит один лишь воздух. Наконец мальчик падает на колени. Лицо пунцовое, он тяжело дышит.

— Я тебя ненавижу!

Эван пытается сорвать перчатки, но ничего не выходит. Отец отказывается их расшнуровать. Мальчик бежит в дом, к маме.

— Ненавижу его! Ненавижу!

Он пытается прижаться к матери, та его отталкивает.

— Он твой отец! Он любит тебя. А ты должен — просто обязан! — уважать своих родителей. Вот пойдешь сейчас и извинись. Разве ты не знаешь, что это грех — плохо говорить о своем отце?

— Ненавижу его! Пусть он умрет! И мне все равно, грех или не грех!

С боксерского урока в гараже миновало добрых сорок лет, но сейчас Спенсер вновь пережил его, словно наяву. Отец погиб вскоре после того случая.

— Папа, прости меня... — прошептал Спенсер.

Разжав пальцы, он уронил камень обратно в ящик и запер его на ключ. Подошел к кожаному дивану и лег, не снимая ботинок.

Я сошел с ума?

Внезапно вспомнился Патрик Макферсон, тот самый адвокат, что прислал камень. Патрик покончил с собой.

Спенсер всю ночь проворочался на диване, пытаясь отыскать смысл в событиях, которые начинали перетряхивать всю его жизнь. Увы, безуспешно.

Жизненные соки, текущие в жилах Лас-Вегаса, густо замешены на удаче или просто совпадениях. Повесив трубку таксофона после разговора с Делани, Чарлз Макдоналд поспешил к выходу, откуда уже тянулись авиапассажиры, прибывшие из Вашингтона. Челночные рейсы не ждут, тем более что так или иначе надо торопиться обратно. Огибая угол коридора, он налетел на Кайла Данема, студента и товарища по путешествиям преподобного доктора Грассо. Эта парочка только что прибыла из вашингтонского аэропорта Даллас. Макдоналд помог ошеломленному студенту встать на ноги, наскоро пробормотал извинения и пустился бежать дальше. Ни он сам, ни Данем, ни Грассо не предполагали, что это случайное столкновение — лишь первая их встреча в будущей гирлянде событий, которую уже нанизывала для них рука судьбы.

Джон Маки, настоятель собора Святого Тимофея, подждал Грассо и его спутника возле стойки выдачи авиабагажа. Прежде чем путешественники смогли поприветствовать Его Высокопреподобие, им пришлось пересечь целую галерею «одноруких бандитов» и поплутать в лабиринте из рекламных щитов. Данем, почти всю дорогу читавший книжку про стратегию азартных игр, был заморожен звоном монеток, сыпавшихся в сверкающие поддоны из нержавеющей стали, и видом полураздетых трехметровых танцовщиц, извивавшихся на колоссальных плазменных экранах, подвешенных под потолком.

— Добро пожаловать в игротеку Сатаны! — улыбаясь, сказал Маки, когда они наконец добрались до настоятеля. Он вывел их на улицу, в теплый ночной воздух. В глазах Данема тут же вспыхнули миллионы неоновых огней, протянувшихся на целые мили вдоль главной улицы и заливавших пустыню бледным разноцветным сиянием. Аэропорт находился более чем в миле от города, но даже отсюда можно было ясно видеть различные казино, перерабатывающие десятки миллиардов долларов в год.

— Вон то, зеленое, называется «МГМ Гранд», — возбужденно выпалил Данем, желая щегольнуть свежеприобретенной осведомленностью. — Крупнейший отель в Соединенных Штатах. А вон там, на противоположном конце бульвара Лас-Вегас — видите, напоминает телебашню Сиэтла, «Космическую Иглу», — это «Стратосфера». У них там есть аттракцион типа «американских горок». Можно пролететь прямо над зданием!

В то время как в других городах заезжий человек мог узнать местное время и, скажем, температуру воздуха, на рекламных щитах, приветствовавших путешественника в аэропорту Лас-Вегаса, высвечивалась многомиллионная сумма джекпота, которую в текущую секунду предлагало казино «Мегабакс».

— А у вас бывало так, чтобы прихожане оставляли не деньги, а игровые фишки? — блестя глазами, поинтересовался Данем у настоятеля.

— Да, несколько раз, — ответил Маки. — Впрочем, как и почти все рассказы про наш город, басни про игроков, жертвующих свой выигрыш Богу, по большей части рождены воспаленным воображением.

Расставшись с личными игровыми амбициями десятилетия назад, Маки считал энтузиазм Данема довольно забавным.

— Мой юный друг, — не удержался он от лекции, — ваш приезд сюда следует рассматривать как редкую возможность узнать много нового и интересного. К тому же зло редко является нам в пугающем облике рогатого дьявола с вилами. Практически всегда оно маскируется под сладчайшие наслаждения. Отец зла соблазняет нас самыми вожделенными для человека вещами — славой, богатством, сексом.

Грассо молчаливо прислушивался к мини-проповеди настоятеля и не собирался вмешиваться. Он давно решил для себя, что Данему на роду написано выучить жизненные уроки не школярским путем и не добросовестным выполнением советов и заветов, а самым простым и прямолинейным способом: вслепую ломиться напролом, периодически набивая себе шишки.

Поездка из аэропорта почти не заняла времени, и совсем скоро они оказались возле внушительного особняка, служившего настоятелю домом.

— Уже почти десять лет, как Лас-Вегас занимает первое место в Америке по темпам роста, — объяснил Маки. — Всякий раз, когда открывается новое мега-казино, ряды нашей паствы приумножаются. У нас тут расцвет игорного бизнеса и веры в Бога!

Собор Святого Тимофея оказался довольно современным кирпичным зданием, которое вполне можно было принять за мэрию, если бы не восьмигранная колокольня, выроставшая из обитой медью кровли. Собор окружали двухэтажные оштукатуренные домики-близнецы с красной черепичной крышей и двориками-патио из дикого серого камня. Кое-где виднелись овальные открытые бассейны, врезанные в изумрудные дернистые площадки, отгороженные от любопытствующих соседей двухметровыми стенами из коричневого глинобитного кирпича. Было время, когда только скорпионы и ящерицы осмеливались жить в этой раскаленной, как духовка, пустыне. Нынче же всю свободную площадь занимали парковки под джипы или полноприводные универсалы, системы автоматического полива лужаек и пальмовые рощи, импортированные с другого конца страны.

— Боюсь, наши удобства не столь роскошны, как в «Белладжио» или, скажем, в «Венецианском купце», — скромно признал Маки, глуша двигатель автомобиля. — Искренне надеюсь, впрочем, что вас они устроят.

Он проводил приезжих в одноэтажный домишко на задворках соборного комплекса, где помещался приходский дортуар. Гостевой номер оказался застлан обшарпанным коричневым линолеумом, а блочно-бетонные стены были наспех обрызганы бежевой водоэмульсионкой. В изголовье обеих кроватей висели распятия. Из украшений комната могла похвастаться лишь журнальной репродукцией Рафаэлевой «Мадонны с младенцем». Если не считать кроватей, вся обстановка была представлена парой столов, склепанных из серой жести, парой складных алюминиевых стульев и двумя белыми полотенцами. Ни телевизора, ни радио, зато два экземпляра Библии.

— Прекрасно, — сказал Грассо, не обращая внимания на разочарованные глаза своего юного спутника.

— Утренний молебен в пять, завтрак в шесть, — сообщил Маки. — В котором часу ваша договоренность с казино?

— В девять, — ответил Грассо.

— В семь часов у нас кружок по изучению Библии, для прихожан. Кое-кто из них работает в местных казино... Вы бы не хотели присоединиться?

— С удовольствием, — кивнул Грассо, — хотя сомневаюсь, что наш юноша сумеет так рано встать.

На рассвете Грассо вышел из комнаты, оставив похрапывающего Данема в одиночестве, и принял участие в традиционных занятиях священнослужителей. Если уж на то пошло, он буквально наслаждался местной атмосферой и совершенно не мог понять, почему кто-то может предпочесть номер в «Цезарь-Паласе» по бешеным ценам, а не простоту, дружелюбие и искренность бесплатного, всем доступного дортуара при церковном приходе. В восемь часов, когда Грассо вернулся, Данем все еще спал. Через пятьдесят минут машина с водителем, откомандированным по распоряжению Маки, доставила приезжих к лапам гигантского сфинкса, сторожившего парадный вход «Луксора». Желтовато-розовый зверь с человеческим лицом выступал в роли грандиозного портика черной пирамиды здешнего отеля-казино. Грассо медленно поднялся по пологому скату, ведущему внутрь роскошного здания.

— Вот это да! — выдохнул Данем, едва переступив порог. Вместе с Грассо он очутился перед копией храма Рамзеса II в натуральную величину. Фасад взмывал на добрых сорок футов и был украшен каменными колоннами, позолотой и иероглифическими письменами. В центре стояла арка, через которую лежал путь в казино. Две колоссальные статуи сидящих фараонов обрамляли вход. Из постаментов текла подсвеченная голубыми лампами вода, приветливо маня гостей. Вокруг бассейнов полукругом расположились каменные колонны и тесаные фигурки египетских принцесс, ненавязчиво приглашая отойти подальше от стеклянной входной двери и поближе к слот-машинам и игровым столам. Из арки лились обольстительные звуки: голоса крупье, объявлявших умопомрачительные ставки, звяканье, электронное мурлыканье и посвистывание игровых автоматов, восторженные вопли и проклятия клиентуры. Грассо затылком ощутил нетерпеливость Данема.

— Идите-идите, пытайте счастье, — махнул он рукой. — Я вполне справлюсь и сам. Данема словно вихрем сорвало.

Грассо сочувственно посмотрел ему вслед и похромал в глубь богато украшенного фойе, свернул направо и, наконец, толкнул стеклянную дверь с позолоченной гравированной надписью «VIP-холл: только по приглашению». Из-за стола немедленно поднялась привлекательная молодая женщина в строгом черном костюме с белоснежной шелковой блузкой.

— Могу ли я вам чем-то помочь?

Грассо сказал ей, что генеральный управляющий «Луксора» разрешил переговорить с руководителем службы безопасности. Женщина тут же набрала номер секретаря управляющего, и через пару минут в комнату вошел широкоплечий, плотно сбитый мужчина.

— Гаэтано Люци, — представился он. — Начальник охраны. Пойдемте.

Он провел Грассо через все фойе к неприметному лифту, который доставил их в подвальный этаж казино.

— Первый раз в Лас-Вегасе, падре?

— Да, — кивнул Грассо. — Весьма впечатляет.

Оставив позади коридор, они очутились в продолговатом помещении, у входной двери которого висела простая школьная доска, где желтым мелом были коряво нацарапаны имена всех охранников, дежуривших в текущую смену. Сама комната была заставлена как минимум дюжиной картотечных шкафов. В углу, на металлической каталке, висился кофейный аппарат литров на двадцать, соседствовавший со штабелем из нераспечатанных упаковок с одноразовыми пластиковыми стаканчиками, салфетками и ядовито-розовыми пакетами искусственного сахара. Пересекая эту комнату, они кивками поприветствовали двух

угрюмых секретарей и затем попали в личный кабинет Люци.

Начальник охраны жестом показал на конторское кресло, обитое старенькой, полинявшей материей предположительно синего цвета. Грассо присел и едва не свалил локтем давно высохшее полутораметровое растение в кадке. Кабинет украшали взятые в рамочку дипломы об окончании тех или иных курсов повышения квалификации, огромный лепной герб местного управления ФБР и коллекция из чуть ли не сотни нарукавных нашивок различных полицейских округов, подразделений и департаментов, полученных в качестве сувениров от заезжих сотрудников правоохранительных органов. Большинство из них прилетали в Лас-Вегас провести отпуск, хотя кое-кто хотел найти здесь работу.

Люци вынул тоненькую папку из ящика, помеченного ярлыком «Самоубийства».

— Мы придерживаемся правила *не показывать* посторонним свои отчеты, — заметил он, чеканя слова. — Лет десять назад, когда я перевелся сюда из местного управления ФБР, я первым делом внедрил федеральный регламент работы с документами. Я до сих пор пользуюсь стандартными бланками по Форме три-ноль-два. Профессионализм был и остается моим наиглавнейшим приоритетом.

— О, вы работали в ФБР?

Люци устало усмехнулся:

— Ах да, итальянское имя, охрана казино... Бьюсь об заклад, что даже вам, падре, первой на ум пришла несколько иная организация.

— Извините, нечаянно сорвалось...

— Ничего, святой отец, я уже привык. В большинстве здешних казино службой безопасности руководят либо бывшие специальные агенты, либо старшие офицеры полиции в отставке. Эпоха мафии давно кончилась, но если ты итальянец и живешь в Лас-Вегасе, каждый считает, что ты с ней связан. Думаю, впрочем, туристам даже интересно вообразить себе, что все мы — двоюродные братья Тони Сопрано. Вообще-то я пятнадцать лет проработал здесь спецагентом при Бюро, пока кто-то наверху не решил, что меня пора перевести обратно в вашингтонскую штаб-квартиру. Сын к тому времени только-только поступил в колледж, а нам с женой очень нравилось здесь жить... В общем, я уволился и продался этому казино. Ну а теперь, падре, позвольте задать несколько вопросов. Прежде всего, почему вас интересует этот Патрик Макферсон? Он был вам близким другом?

— Нет, мы даже никогда не встречались. Просто мне хотелось узнать, почему он покончил с собой.

— Падре, — трагически надломив бровь, сказал Люци, — у нас тут происходит масса самоубийств, однако на моей памяти вы — первый священник, который решил покопаться в деталях. Здесь не просто любопытство, а явно что-то еще... Скажем, он играл важную роль в церковных делах?

— Нет-нет. Боюсь, я не могу объяснить причину, потому что она касается щепетильных религиозных вопросов, но хочу вас заверить, что я приехал сюда вовсе не для критического анализа ваших методов расследования, и к тому же я не пытаюсь отыскать какие-либо факты, могущие бросить тень на доброе имя «Луксора».

— Гм. Тут вы попали в точку, — кивнул Люци. — Знаете, поневоле приходится быть подозрительным. Вы даже не поверите, как часто подают на нас в суд. Каждый воображает, будто казино ему что-то должно, особенно когда человек спустит все до нитки. К примеру, как-то раз горничная забыла очистить мусорную корзину в номере, так одна парочка заявила, что нашла в ней использованный презерватив и теперь, дескать, по нашей вине они

заразились СПИДом... Я просто хотел убедиться, что вы не работаете на какого-то адвоката под личиной священника.

Высказав наболевшее, Люци передал Грассо три машинописные странички.

— Начальство распорядилось, чтобы я позволил вам с этим ознакомиться. Скажу сразу, своими сотрудниками я горжусь. Помимо немедленно организованного осмотра места происшествия, они опросили двенадцать клиентов-свидетелей, которые либо видели падение мистера Макферсона, либо разговаривали с ним в тот день. Далее, я составил перечень его личных вещей, которые, разумеется, уже возвращены его вдове.

Грассо принялся неторопливо и внимательно читать рапорт.

В районе 21 ч. 30 мин. один из гостей (Патрик Макферсон, сорок девять лет, евразийская раса, прибыл из Бостона, штат Массачусетс) покончил с собой, прыгнув с двадцать восьмого этажа отеля внутрь главного банкетного зала. При ударе тела о столик ресторана «Макдоналдс» череп погибшего раскололся, забрызгав нескольких посетителей мозговым веществом.

Далее в рапорте сообщалось, что управление шерифа при графстве Кларк было поставлено в известность о происшествии ровно в 21.40 вечера. В конце текста шел список приложений, где в квадратике «Видео» стояла галочка.

Грассо поинтересовался, что это значит.

— Его прыжок заснят на пленку, — пояснил Люци. — Понимаете, падре, за всем, что происходит в общественных местах нашего отеля-казино, — и я подчеркиваю, абсолютно за всем! — ведется постоянное видеонаблюдение. «Око Всевышнего», если угодно. У нас есть камеры, которые способны «наехать» на любой игровой столик под любым ракурсом, плюс к тому стоят мониторы, следящие за каждым квадратным дюймом холла, коридоров, периметра здания, парковок, зеленой территории... Не говоря уже про «клетку». Это там, где мы храним фишки и деньги. Да, и не забудем про «счетные палаты», где подсчитывают дневную выручку. Короче, мы по самое горло в видеокамерах, у нас их более двух тысяч штук.

— И у вас есть видеозапись самоубийства Макферсона?

— Разумеется. Даже пленки его игры в казино, все есть... Знаете что, вам, наверное, будет проще это увидеть самому. Пойдемте, я покажу вам наш центральный пост.

Покинув кабинет, Люци повел Грассо по длинному коридору. Блеск и роскошь «Луксора», его мраморные полы и великолепные египетские декорации — все это осталось где-то там, наверху. Здесь же царил чуть ли не армейский утилитаризм. Бетонный пол, окрашенный в казенный серый цвет. Стены, облицованные белым пластиком. Неброские двери.

— Любое казино такого уровня, — пояснил Люци, — словно маленький город, а этот подвал — наша мэрия. Генеральный управляющий — наш мэр. Моя должность соответствует городскому полицмейстеру. Коммерческий директор — председатель торгово-промышленной палаты. И еще есть тринадцать других подразделений, которыми руководят, так сказать, «отцы города». У каждого свой офис и штат сотрудников.

Люци остановился возле неприметной двери без каких-либо опознавательных знаков, но с глазком на уровне лица. Постучал и через пару секунд сказал куда-то вверх:

— Я плюс один посетитель.

Очутившись в помещении, Грассо заморгал, приучая глаза к необычной обстановке. Одна стена была целиком занята телеэкранами: шесть рядов по десять штук в каждом. За ними наблюдали три человека, сидящие перед пультом со множеством переключателей и верньеров.

— Вот эти сотрудники и управляют «Оком Всевышнего». Лучшие из лучших во всем Лас-Вегасе, способны заметить любой подвох в игре. Откуда я это знаю? Да потому что двое из них сами когда-то подвизались шулерами, а третий парень их в свое время подловил. У них на троих столько навыков и знаний жульнических приемов, что нет на свете такой уловки, которая бы не была им знакома.

Грассо разглядывал экраны, пытаясь найти хоть какой-то смысл или логику в изображениях, менявшихся каждые пять секунд. На одном из мониторов вдруг возник Кайл Данем. Юноша играл в блэкджек.

— А вот этот молодой человек зашел в казино вместе с вами, — не оборачиваясь вдруг сказал один из наблюдателей. — Вы повернули в VIP-холл, а он отправился напрямиком в зал.

— Что ж, давайте поглядим, — усмехнулся Люци. — Фиксируем стол.

Один из сотрудников щелкнул тумблером, и камера «наехала» на ничего не подозревающего Данема и его карты. Ему достались две дамы.

— Э-э... похоже, ваш приятель не очень-то разбирается в правилах игры, — покачал головой Люци.

— Он сделал что-то не так?

— У дилера открыта восьмерка, — стал объяснять Люци. — У вашего друга две дамы, это десятичковые фигуры. Другими словами, он зацепил двадцатку, очень сильный набор, его никогда не следует разбивать. Но вы видели, он только что подал сигнал, что распаривает руки. Понимаете? Делит дам. Значит, у него теперь две руки, и он, видимо, надеется, что обе выиграют. А теперь смотрите, что будет.

Из «туфли» дилер выкинул Данему семерку под одну даму и шестерку под другую.

— Ну вот, мальчик доигрался. На одной руке семнадцать, на другой — шестнадцать.

Грассо увидел, как дилер открыл вторую свою карту. Десятка. Итого восемнадцать.

Люци сказал:

— У вашего товарища была практически выигрышная комбинация, а он взял и распарил ее на две руки с сильным недобором. Не иначе от жадности.

Грассо молча стоял и смотрел, как дилер забирает себе двадцатидолларовую ставку Данема.

— Святой отец, поблагодарите его от нашего имени. За пожертвование, — сострил один из экс-шулеров.

Люци распорядился поставить нужную пленку, и на одном из мониторов появилось изображение мужчины, под опасным углом свесившегося с какого-то балконного карниза.

— Вот это и есть Патрик Макферсон, — сказал начальник охраны.

На глазах Грассо Макферсон разжал пальцы и медленно повалился вперед. Лицо его было спокойным, если не сказать умиротворенным.

— Прыжок «ласточкой», — прокомментировал Люци. — Трудно поверить, да?

— Ага, десять баллов за технику, — вновь подал голос остряк.

Люци нахмурился.

— Извините, святой отец, — сказал он. — В нашей работе есть только одна отдушина, когда сталкиваешься с такими вещами. Вот и шутим, как умеем...

Грассо же и внимания не обратил на черный юмор: он был поглощен происходящим на экране. Возле останков Макферсона сразу же собралась толпа, и за фигурами людей священник пытался увидеть «судный камень». К сожалению, он понятия не имел, на что похож *pietra giudiziaria*, и, как он ни приглядывался, ничего нового для себя не обнаружил.

— Еще у нас есть запись его игры, — предложил Люци.

Вновь на мониторе появился Патрик Макферсон, на этот раз за столом для блэкджека.

— А знаете, мы все хорошо его запомнили — и не только потому, что он покончил с собой, — вдруг сказал Люци. — Оказалось, он на редкость удачливый игрок.

— Сукину сыну везло, как я не знаю... — кивнул один из сотрудников.

— Когда мы заметили его в первый раз, — пояснил Люци, — то решили, что он жульничает. Скажем, работает в «бригаде счетоводов». Слышали о таких?

Грассо обнаружил полное невежество в этом вопросе.

— В любой момент игры в блэкджек карты раскладываются либо в пользу «конторы» — в смысле казино, — либо в пользу клиентов. Умелый игрок всегда пытается рассчитать вероятность собственной удачи. Это делается путем отслеживания карт, но не в том смысле, что надо запоминать все выпавшие фигуры и так далее. Хм-м, как бы это объяснить... Короче, он ведет мысленный баланс плюсов и минусов. Процедура, вообще говоря, запутанная. Ее изобрел один математик. Тут особенность в том, что имеется масса счетоводов-самоучек, но самые умные из них всегда работают в тандеме. К примеру, один следит только за «туфлей» — то есть за колодой, откуда выкидываются карты, — а когда колода «пустит сок», в смысле покажет выигрышные варианты, он подает сигнал партнеру, и тот делает особо крупную ставку. Ничего нелегального тут нет, однако если мы такую парочку сцапаем за руку, то впредь им в наше казино путь заказан.

Один из сотрудников подхватил рассказ начальника:

— Поначалу мы думали, что Макферсон ловко считает карты, потому что играл он как бог. Уж очень хорошо понимал, когда ставить много, а когда уходить в тень. Готов поклясться, он просто-таки знал, когда и какая карта выпадет. В общем, или виртуозный счетовод, или явно как-то жульничал, потому что таких везунчиков на свете не бывает.

— Мы не могли понять, как он это делает, — сказал Люци. — Заменили дилера, на случай если они тайком сговорились. Каждые несколько минут приносили новые колоды, чтобы он не мог их метить. Следили за каждым его движением — и все равно без толку. То, что он вытворял, не укладывалось в законы математики.

— Это еще что! Свой главный фортель он выкинул под занавес. Мы просто обалдели, честное слово, — вступил в разговор еще один оператор. — Наигравшись, он взял и отказался от всего куша. Понятное дело, тогда мы еще не знали, что он вот-вот сиганет с парашюта. К концу игры мы даже подослали ему одну цыпочку-блондиночку, из наших. Вон она, видите, жметя к нему бочком? Сисястеньякая такая?

Люци тут же принес извинения за живописные подробности, исходившие от его подчиненного, но Грассо и глазом не моргнул. Он увлеченно слушал.

— Между прочим, — продолжал мужчина, — таких, как она, еще поискать надо. Глаз-алмаз и все такое. И даже она не смогла его раскусить. Попробовала его расспросить, так он ответил, играю-де первый раз в жизни. И вроде бы не врал! Это она так говорит. А потом он пихнул ей все свои фишки и отправился прыгать.

— И еще мы заметили одну странную деталь, — припомнил Люци. — В самый первый раз, когда он зашел в игорный зал, у него с собой был какой-то камень. К нам ходят толпы

клиентов, обвешанных всяческими талисманами — кроличьи лапки, клеверные головки с четырьмя лепестками... Был даже случай, когда один китаец заявился с пригоршней стеклянных глаз типа протезов. Прямо на стол их и высыпал... Да, так вот. Ваш друг Макферсон явно неровно дышал к своему камню. Вытащил его и заявил: мол, это мой счастливый талисман.

— Дилер его проверял? Трогал камень?

— Нет, Макферсон держал его у себя на коленях. И в казино его приносил только один раз. После этого, похоже, он ему уже не требовался.

— А нет ли у вас такой записи, где он с камнем?

— Как не быть? — отреагировал один из мужчин. Он покрутил какие-то ручки, и на экране возник Макферсон, сидевший за игральным столом. На правом колене лежал округлый предмет размером с кулак.

Вот он! Вот он, камень!

— А скажите, пожалуйста, святой отец, — спросил Люци, внимательно наблюдавший за реакцией священника, — вы не знаете, что в нем такое? Микропроцессор какой-нибудь, нет?

— Нет, насколько мне известно, это просто камень.

Они еще минут пять посмотрели запись игры Макферсона, затем вернулись в кабинет Люци.

— Вы упомянули, что когда-то составляли перечень его личных вещей, — сказал Грассо. — Можно взглянуть?

Люци поискал в папке и достал из нее листок.

— Если вы хотите узнать, нет ли там этого камня, — заметил он, — то можете не трудиться. Я уже проверял. Он нигде не числится.

— Вы не представляете, куда он делся?

— Понятия не имею. Мои ребята клянутся, что обшарили весь номер, искали в коридоре, лифте, в карманах пиджака... Думаю, даже если кто-то из них соврал и прихватил камень с собой, я бы уже знал об этом.

— Каким образом?

— Заметив немислимое везение Макферсона в картах, я тут же разослал предупреждения всем прочим игорным заведениям города. Обычная практика: обмен информацией обо всех крупных игроках, тем более везучих. После смерти Макферсона я написал небольшой меморандум, где упомянул и счастливый камень. Не скрою, наши коллеги, руководители служб безопасности в других казино, изрядно потешились на мой счет. Но при всем при том — и в этом я вас заверяю — они тут же дали бы знать, если бы вдруг появился некто с камнем и начал выигрывать по-крупному. И уж тем более если бы это оказался кто-то из моих сотрудников.

— Не сохранился ли гостиничный счет Макферсона? — спросил Грассо.

Люци кивнул, нашел в папке нужную бумажку и протянул ее священнику. Среди прочих пунктов числились и услуги некоего «Бизнес-центра отеля “Луксор”».

— Что это? — поинтересовался Грассо.

— А, своего рода офис для гостей. Там стоят компьютеры, факсы, можно писать электронные письма, отправлять посылки. В общем, место для всяких деловых оказий.

— Здесь указано, что «Бизнес-центр» выставил ему счет на сорок пять долларов, — показал пальцем Грассо. — Вы не могли бы выяснить, за что именно?

Люци набрал нужный номер и попросил менеджера поискать оригинал счета-фактуры на имя Макферсона. Пару минут спустя из центра перезвонили.

— Похоже, Патрик Макферсон отправил какую-то вещь через «Федерал экспресс», — положив трубку, сказал Люци. — Дежурная хорошо его помнит, потому что Макферсон крайне нервничал, когда пришел к ним со своим свертком. Она еще подумала, что он, наверное, затеял нечто противозаконное, например, хочет переслать наркотики. Или просто крупную сумму наличными, тем более что он не раз и не два задавал вопрос, что будет, если посылка затеряется или упаковку случайно порвут по дороге. В конечном итоге она спросила в лоб, что у него в пакете. Макферсон ответил, что там лежит его счастливый талисман... Что ж, падре, мне остается вас только поздравить: вы раскрыли тайну исчезновения волшебного камня. Для священника у вас неплохие детективные навыки.

— Гм... А секретарша сказала, куда Макферсон отправлял посылку?

— Да, на имя судьи Эвана Спенсера, городской суд Шарлоттсвиля, штат Виргиния.

Проводив Грассо до фойе, Люци на прощание сказал:

— Падре, я уж не знаю, что там такое с этим камнем или отчего он вас так интересует, но когда вы все-таки выясните, как Макферсон им пользовался для обмана нашего казино, я был бы очень признателен, если вы мне перезвоните.

Он помолчал, а потом добавил:

— Хочу также честно предупредить вот о чем. О вашем визите я сообщу всем прочим руководителям служб охраны. Не обижайтесь, но если, скажем, через несколько дней вы появитесь в Лас-Вегасе, так сказать, с камнем за пазухой и начнете выигрывать, боюсь, мне придется вас навестить.

— Я понимаю. В вашей работе нельзя верить никому.

Люци показал пальцем на потолок, где виднелась какая-то черная нашлапка. Недремлющее «Око Всевышнего».

— У нас тут каждый следит друг за другом, а за всеми наблюдают камеры.

Своего спутника Грассо отыскал возле слот-машин, куда тот остервенело запихивал монетки.

— Двести долларов потерял на блэкджеке, — пожаловался молодой человек. — Пару книжек прочитал перед поездкой, все казалось таким простым...

— На что же вы рассчитывали, когда распарили дам?

У юноши отвалилась челюсть:

— Как... как вы узнали?

Вместо ответа Грассо поиграл бровями и за руку вывел своего юного протеже на улицу, к поджидавшей машине.

— Куда теперь? — с надеждой спросил Данем.

— В Шарлоттсвиль. Надо повидать одного судью.

ШАРЛОТТСВИЛЬ, ШТАТ ВИРГИНИЯ

Чарлз Макдоналд успел прикорнуть на обратном пути и после приземления в аэропорту Даллас сразу сел за руль, чтобы отправиться напрямик в Шарлоттсвилль. Стояло раннее утро пятницы, и ему хотелось переговорить с Патти Делани еще до начала третьего дня слушаний. Судя по графику, сегодня главным свидетелем обвинения должна выступать Максин Арнольд.

— Главное, заставить ее признаться, что у них с Лестером был секс в пределах двадцати четырех часов до убийства Касси. В противном случае мы никогда не докажем, как семя нашего клиента оказалось на пижаме, — поделился соображениями Макдоналд.

— Думаю, она понимает, что мы к ней приглядываемся, — ответила Делани. — Я ведь говорила в суде, что кто-то подстроил улику. Она будет настороже.

Партнеры быстро пришли к единому мнению, что проще всего загнать Максин в ловушку вопросом о ночном недержании ее дочери.

— Она ведь не подозревает, что мы в курсе дела, — сказал Макдоналд. — И тогда уже можно будет нанести главный удар: спросить в лоб, правда ли, что той ночью она избила Касси до смерти и потому решила подставить нашего подопечного.

Делани заколебалась.

— Нельзя, чтобы у присяжных создалось впечатление, будто мы атакуем убитую горем мать. Нет, сначала надо провести подготовку: дискредитировать Максин, доказать, что она лжет. Иначе мы будем выглядеть как два хладнокровных, безжалостных адвоката, готовых на все, лишь бы защитить своего клиента.

— Но послушайте, — возразил Макдоналд, — она избила дочь до смерти! Эта женщина — подлое, испорченное существо. Если ее правильно подтолкнуть, правда выплеснется наружу.

— Вряд ли Максин умышленно хотела ее убить. Скорее всего она потеряла самоконтроль, превратилась в фурию на несколько минут. Несчастный случай.

— Эй! — Лицо Макдоналда потемнело от гнева. — Она убила ребенка! За такие вещи надо платить сполна!

Резкость партнера удивила и озадачила Делани. Ей еще не приходилось видеть, чтобы он так страстно желал кому-то наказания. Подумав секунду, она ответила:

— Признаться, я немного нервничаю. У нас ведь очень много построено на этой теории. Более того, всю стратегию допроса мы базируем на одном-единственном электронном письме, автор которого боится даже назвать свое имя.

Генпрокурор Тейлор Колдуэлл был само сострадание, расспрашивая Максин Арнольд о событиях того злосчастного утра, когда она обнаружила исчезновение своего единственного ребенка.

— Узнав, что муж нашел тело Касси, — промолвила Максин дрожащим голосом, — я почувствовала, как сердце мое разорвалось.

С лица Колдуэлла женщина перевела взгляд на Лестера Амиля.

— Мы верили тебе, — вдруг холодно и жестко сказала она. — А ты убил ее... Негодяй!

— Протестую! — выкрикнула Делани.

— Присяжным возбраняется принимать к сведению последнюю реплику свидетеля, — распорядился Спенсер. Обернувшись к Максин, он добавил: — Миссис Арнольд, мы все понимаем ваше горе. Вы потеряли дочь. Но вам следует держать себя в руках. Я не желаю, чтобы апелляционный суд вернул дело на повторное разбирательство просто из-за того, что вы не способны управлять собственными эмоциями.

Максин жалобно пролепетала:

— Простите, ваша честь...

Глаза ее заволокло влагой.

— Приношу извинения и суду и присяжным... Мне очень, очень трудно сейчас. Я просто хочу, чтобы он заплатил за то, что сделал с моей девочкой...

Делани вновь дернулась, чтобы выразить протест, но Спенсер знаком приказал ей помолчать:

— Давайте продолжим.

Колдуэлл задал очередной вопрос:

— Миссис Арнольд, как вы познакомились с подсудимым?

— Мой муж — настоящий гений. Он заработал так много денег, что нам никогда их не потратить. У нас уже есть несколько домов и слишком много машин. Поэтому мы решили найти способ, как помочь тем, кому не повезло в жизни. Как-то вечером в нашем доме в Лос-Анджелесе мы смотрели теленовости, и там показали репортаж про одного юношу из квартала бедняков. Тележурналист сообщил, что у него пять братьев и две сестры, причем все — кроме него самого — свое будущее разменяли на наркотики или уличный бандитизм. Три брата уже попали в тюрьму, двух других убили, а обе сестры стали проститутками, чтобы найти деньги на героин. А потом показали героя репортажа. Это и был Лестер. Ни разу не пропустил школу, не состоял в уличных шайках. Помогал в домашних делах матери, пел в церковном хоре по воскресеньям, получал хорошие оценки на уроках. Мечтал поступить в колледж, но на это у него не было денег. По крайней мере так говорили по телевизору...

— Вас глубоко задел этот репортаж?

— Я чуть не расплакалась. На следующий день муж распорядился, чтобы его менеджер по связям с общественностью позвонил на студию и организовал встречу с Лестером. Да, мы решили заплатить за его обучение в колледже. Журналисты действительно договорились о встрече, однако за ночь до этого кто-то кинул бутылку с зажигательной смесью в дом Лестера. Я думаю, местным бандитам не понравились теленовости.

— И они сожгли его дом?

— Да, мать Лестера и один из братьев, которого только что выпустили, сгорели заживо. Лестера в ту ночь дома не было. Получилось, что ему негде жить. И тогда мы предложили ему переехать к нам.

— У вас очень щедрая душа.

Максин скромно опустила глаза.

— Любой поступил бы так же.

Колдуэлл спросил, легко ли Амиль вписался в новую семью.

— Касси его обожала. Мне даже кажется, что она немножко в него влюбилась...

Школьница...

— Настоящая идиллия! — воодушевился Колдуэлл. — Сказка про Золушку находит своих героев в реальной жизни!

— Поначалу все шло чудесно. Потом Лестер изменился... или он никогда не был тем человеком, за которого его принимал журналист. Когда наступила пора заполнять вступительные анкеты для колледжа, он под разными предлогами стал отнекиваться. Сама я думала, будто ему просто стыдно признаться, что он не смог освоить даже то, что давала их жалкая местная школа. Подозреваю, Лестер отлично знал, что провалится на экзаменах в престижный университет... В общем, мы предложили ему переждать один год, а пока что наняли очень хорошего репетитора.

— Получается, вы делали все, что в ваших силах, лишь бы уберечь его от возвращения в негритянское гетто?

— Да. Все для него делали. Но Лестер потерял интерес к университету. Говорил лишь о том, как ему хочется стать хип-хоповой звездой и писать песенки... Этот ужасный, мерзкий «ганста-рэп». И поскольку он уже не хотел учиться, Франк дал ему работу в своем отделе по связям с общественностью. Простенькие функции: встретить-проводить, побеседовать с другими афроамериканцами. Однако Лестеру и этого не хотелось делать. Одна только музыка в голове... Он стал вести себя совершенно безобразно.

— Что вы имеете в виду?

Максин повернулась в кресле так, чтобы рассказывать напрямую присяжным.

— Мы с Франком решили устроить небольшую вечеринку — представить себя жителям Шарлоттсвиля. Мужу очень понравилась одна песня, которую когда-то написал Лестер, про сильного, энергичного негритянского юношу, сумевшего подняться с самого дна жизни. Песня называлась «Я должен верить!». Франк попросил Лестера спеть ее на нашей вечеринке. Понимаете, мы только недавно здесь появились и хотели произвести хорошее впечатление. Можете себе представить наше негодование, когда он предал свою новую семью, исполнив нечто совершенно иное. Хуже того, эта песня во всех бедах темнокожего населения винила «белую» Америку. Она оскорбила чувства наших гостей.

Здесь Делани пришло в голову, что показания Максин звучат слишком уж отрепетированно. Лестер наклонился поближе и шепнул на ухо: «Врет она все! Чего просили, то и пел».

Между тем несчастная мать продолжала:

— Франк был уязвлен до глубины души. Тем же вечером он сказал Лестеру, что пора бы и совесть иметь. Пусть собирает вещи и идет куда хочет. На следующий день, в субботу, мы с ним почти не разговаривали. А в воскресенье я предложила мужу устроить прогулку на воздушном шаре. Я хотела развлечь нашу бедную девочку...

Она жалко улыбнулась и промокнула уголки глаз аккуратно сложенным платочком.

— Может быть, вам следует отдохнуть? Устроить перерыв? — предложил Колдуэлл.

— Нет-нет, — помотала она головой. — Лучше побыстрее с этим покончить.

Максин вновь приложила платок к глазам.

— Вечером, после полета на шаре, Лестер сказал, что хочет с нами поговорить. Я подумала, что он решил извиниться за свое поведение и грубости. Но вместо этого он обвинил нас в том, что мы с мужем держим его чуть ли не за раба... за «карманного ниггера».

— За «карманного ниггера»?

— Его собственное выражение. И еще он пытался нас шантажировать.

— Шантажировать?

— Да. Заявил, что если мы не дадим ему сто тысяч на запись альбома, то он созывает пресс-конференцию, где обвинит нас в ужасных расистских издевательствах и насмешках, когда мы одни в доме и никто из соседей нас не слышит. Он сказал, что люди ему поверят и что репутация Франка окажется подмоченной... А потом добавил совсем ужасную вещь...

Максин расплакалась, и всем пришлось подождать, пока она не успокоится.

— Что же он сказал вам?

— Он сказал, что всем заявит, будто я его соблазнила! Какая страшная ложь! Но он сказал, что пойдет прямо в «Нэшнл инквайер» и что там его слова обязательно напечатают!

Чтобы остановить шепоток в зале, Спенсеру пришлось несколько раз постучать молотком. Делани закусил губу и удрученно взглянула на Макдоналда. Не иначе Максин Арнольд сделала правильные выводы из вчерашнего заседания. Она нанесла свой собственный, упреждающий удар, заранее выставляя Амиля лжецом еще до того, как он успел рассказать про их интимные отношения.

— Миссис Арнольд, — поднял палец Колдуэлл, — когда Лестер попытался устроить шантаж, вам не пришла в голову мысль, что этот человек опасен?

— Да, именно так я и подумала. — Она повернулась к Амилю и уставилась ему в лицо. — Однако Франк решил, что сумеет поставить его на место. Он послал Лестера к черту и дал ровно двадцать четыре часа на сборы. Мы и представить не могли, что этот подлец... нашу Касси...

Максин всхлипнула. Мисс Алиса подбежала к ней с коробочкой салфеток, и на какое-то время показалось, что женщина сумеет справиться с собой. Впрочем, судорожно вздохнув, она вновь залилась слезами.

— Простите... простите меня... Я больше не могу!

Делани внимательно наблюдала за присяжными. Трое из них сидели со сморщенными лицами и тоже смаргивали слезы.

— Объявляется перерыв на обед, — вздохнул Спенсер.

Последовав совету Макдоналда, Делани не стала тратить время на мягкую предварительную обработку Максин. Перекрестный допрос начался в лоб.

— Утром вы показали, что у вас с мужем было больше денег, чем когда-либо могло потребоваться семье. И якобы поэтому вы решили помогать другим людям. Не таким везучим. Вроде моего подопечного. Я правильно поняла?

— Правильно.

— Тогда расскажите нам про Кэрол Уэбис. Прежде всего, кто она?

Максин быстро облизнула губы:

— Моя сестра. Младшая.

— Тоже богатая?

— Нет.

— Действительно, ваша сестра вместе со своим мужем-инвалидом и четырьмя детьми живет на соцпособии. Получает бесплатные талоны на еду. Не так ли? Ваш свойственник чуть ли не полгода назад потерял работу, но когда сестра вам позвонила, умоляя о помощи, вы на пару с мужем отворотили нос. Назвали их никчемным мусором, если я не ошибаюсь?

Вмешался Колдуэлл:

— Ваша честь, вопросы не имеют отношения к делу. Защита пытается просто вывести

свидетеля из равновесия.

— Мисс Делани, — сказал Спенсер. — Я с трудом усматриваю здесь какую-либо связь с нашим разбирательством. В чем суть вашей линии?

— Мои вопросы напрямую касаются правдивости свидетеля. До обеда она говорила, какие они с мужем щедрые. Однако палец о палец не ударили, чтобы помочь своим же родственникам. Так вот, я пытаюсь установить иные мотивы, помимо альтруизма, которые двигали четой Арнольдов и их благосклонным отношением к Лестеру Амилю.

— А можно кое-что сказать? — вдруг обратилась Максин к суду. Не дожидаясь разрешения Спенсера, она заявила: — Вот уже более года мы с мужем платим арендную плату за тот трейлер, который снимает моя сестра со своим семейством. Для всех их детей мы открыли трастовые фонды; деньги пойдут им на образование. Не хочу лишней раз позорить родную сестру, но они с мужем бедны по собственной глупости. Мы для них делаем что можем. Но нельзя же их развращать, давая деньги всякий раз, когда они попадают впросак. В конце концов, пора бы и свою голову иметь!

Делани бросила недовольный взгляд на Макдоналда, смущенно ерзавшего за столом защиты по другую руку от Амиля. Кэрол Уэбис ни словечком не обмолвилась про арендные платежи и деньги на учебу. А Макдоналд, желавший видеть в Арнольдах только наихудшее, даже не поинтересовался такими вещами.

Итак, фронтальная атака Делани и впрямь принесла выигрышные очки, да только не тому, кому следовало.

Она решила поменять тактику, а заодно и тему обсуждения.

— Почему вы сразу пошли вниз на кухню, когда проснулись утром после убийства? Почему решили достать из холодильника апельсиновый сок и молоко, вместо того чтобы разбудить Касси? Вы уже знали, что она исчезла?

— Ваша честь, — вновь поднялся Колдуэлл, — защита даже не дает времени ответить. Она просто бомбардирует свидетеля вопросами!

— Мисс Делани, соблюдайте задавать вопросы по очереди, — сказал Спенсер.

— Да, ваша честь. Итак, почему вы отправились вниз, а не в спальню дочери?

— Мне хотелось, чтобы она подольше поспала. Мы все устали после пятничной вечеринки и прогулки на шаре...

— А вот я думаю, что большинство матерей сначала подняли бы ребенка, а уже потом начали заниматься завтраком!

— Уважаемый суд, — прервал ее Колдуэлл. — Кто здесь дает показания?

— Мисс Делани, — покачал головой Спенсер, — еще раз напоминаю: задайте вопрос, дождитесь ответа, потом задайте очередной вопрос. Вам ясно?

Делани и сама знала, что в глазах присяжных ее манера вести допрос выглядит по меньшей мере любительской. Впрочем, не важно. Именно этот подход и был заложен в стратегию.

Она спустилась с подиума, подошла к столу защиты и взяла папку с материалами. Помолчала секунду, как если бы что-то читала в бумагах. Затем вернулась к кафедре, по-прежнему с папкой в руках.

— Миссис Арнольд, вы покидали свою спальню в ночь убийства?

— Нет, — ответила та без малейшего колебания. — Меня разбудил Франк. Ему показалось, что он слышал какой-то шум. У меня страшно болела голова, поэтому я заглянула в ванную комнату, взяла там болеутоляющее и таблетку снотворного, а потом

вернулась в постель. Последнее, что я помню, — это слова мужа. Он говорил, что Лестер вернулся.

— Значит, вы не заходили к Касси в ночь убийства?

— Нет. — Сейчас в голосе Максин прозвучала легкая истерическая нотка. — Я вам сказала, что никуда не выходила из спальни!

— То есть не навещали дочь?

— Нет! — сверкнула глазами Максин. — Я уже дважды ответила на этот ваш вопрос! Повторяю — муж слышал шум. Разбудил меня. Я взяла в ванной лекарства и вернулась в кровать. Никуда из спальни я в ту ночь не выходила!

— Точно? Я подчеркиваю — и вы даете показания в суде, не забываете, — вы уверены, что не покидали спальню?

— Ваша честь, — развел руками Колдуэлл, поднимаясь. — Три раза миссис Арнольд сказала, что вернулась в постель, ни разу не выйдя из спальни. Я вновь обращаю внимание суда, что защита измывается над свидетелем.

Спенсер начал терять терпение.

— Мисс Делани, вы тянете время!

Женщина-адвокат опустила лицо и задумчиво покрутила в руках папку.

— Миссис Арнольд, почему вы ни разу не упомянули, что Касси мочилась в постель?

Такого не ожидал никто, и в первую очередь сама Максин.

— Я... я не понимаю, о чем вы говорите...

Делани извлекла из папки одинокий листочек бумаги.

— Криминалисты, обрабатывавшие место преступления, составили список всех вещей в комнате Касси и соседней к ней ванной. Согласно отчету, который я держу в руках, в ванном шкафике было обнаружено несколько упаковок одноразовых памперсов. Вы держали их потому, что ваша дочь страдала ночным недержанием, ведь так?

— Ну... что ж такого... бывало иногда... Так ведь ребенок есть ребенок. В конце концов, памперсы для того и придуманы!

— Вашему ребенку было почти двенадцать, если я не ошибаюсь? — процедила Делани. — Поздно для недержания... Вас злило, что дочь мочится в постель?

— Почему злило? Досадовала порой. То есть я хочу сказать, что мне это не нравилось. Так ведь какой матери понравится? А от случайностей никто не застрахован.

— Как вы отреагировали, когда Касси обмочила постель в ночь убийства?

— Протестую! — вмешался Колдуэлл. — Свидетель ничего не говорила о том, что ее дочь мочилась в постель в ночь убийства! Она просто подтвердила, что с девочкой это иногда случалось.

Делани вновь задумчиво посмотрела на криминалистический отчет. Выждала пару секунд, словно читала про себя какой-то отрывок.

— Ваша честь, позвольте переформулировать вопрос. Миссис Арнольд, у меня здесь отмечено... хотя нет... гм... постойте... А! Давайте я опять переформулирую. Итак. Миссис Арнольд, если Касси не мочилась в постель той ночью, почему же в корзине для грязного белья находились ее испачканные простыни? Это вы их туда положили, не так ли? Вы их сняли с кровати и подготовили к стирке, признайтесь?

Впервые за все время дачи показаний Максин смешалась. Она посмотрела на мужа, сидевшего в первом ряду, затем перевела взгляд на Колдуэлла. Женщина явно надеялась, что генпрокурор придет ей на помощь, но тот сидел, склонив голову, и лихорадочно ворошил

свои бумаги.

— Пожалуйста, отвечайте на вопрос, — приказал Спенсер.

— Я сейчас сама не своя, — медленно произнесла Максин. — Вы должны понять... Я потеряла дочь... Мы потеряли дочь... Гм... Да, наверное... я что-то подзабыла... Ведь это такая психическая травма, что... Да, вы правы. Вы совершенно правильно мне напомнили. Действительно, с Касси в ту ночь опять приключился конфуз. К тому же она легла спать прямо в уличной одежде, и я заставила ее переодеться в пижаму. Пока она это делала, я вынесла простыни и перестелила кровать. Извините. Я просто забыла.

— Ваша честь, — поднял руку Колдуэлл. — Признаться, я не могу найти в своих документах ничего про грязные простыни. Памперсы в ванном шкафчике действительно упоминаются, но вот простыни... бельевая корзина... Могу ли я узнать, из какого отчета нам процитировала мисс Делани?

— А я и не говорила, что эти сведения из отчета, — упиваясь триумфом, сладким голоском возразила Делани. — Если вы вспомните, я просто сказала, что в корзине находились грязные простыни.

Максин вдруг поняла, что ее только что обвели вокруг пальца. Как и Колдуэлл, она предположила, что Делани зачитывает результаты осмотра, хотя на деле ни в каком отчете грязное постельное белье не упоминалось.

— Ваша честь! — На скулах Колдуэлла катались желваки. — Я очень хотел бы знать, откуда у мисс Делани сведения про ночное недержание и простыни. Из каких источников? Уж не сорока ли на хвосте принесла?

(Ага, сорока! — усмехаясь про себя, подумал Спенсер. — Все увидела, подсмотрела, а потом клювиком настучала электронное письмо.)

— Свидетель подтвердила тот факт, что ее дочь мочилась в постель, — вслух сказал он. — Кроме того, она также доложила суду, что вынесла грязные простыни из спальни Касси. Откуда у защиты такие сведения — не имеет существенного значения. Прошу продолжать.

Делани, однако, не хотела прямо так сразу продолжать. Ей было нужно, чтобы присяжные точно поняли, что же сейчас произошло. Кроме того, требовалось еще раз подчеркнуть, что свидетельница лгала в предыдущих своих показаниях.

— Когда я задавала вам вопрос, не покидали ли вы спальню в ночь убийства, — сказала она, — вы ответили «нет». Мало того! Миссис Арнольд, вы три раза подряд это отрицали! Отрицали категорически, чуть ли не до истерики. Вы сказали, что не были в спальне Касси. А теперь вы признаетесь, что действительно покидали свою комнату и действительно заходили в спальню Касси. Девочка обмочила постель, испугалась и позвала вас, не так ли? Вы зашли к ней, помогли переодеться в пижаму и поменяли простыни. Теперь вы держитесь этих показаний?

— Да, — холодно ответила Максин. — Этих. Я просто забыла.

В течение нескольких следующих минут она продемонстрировала такую сторону своего характера, о которой не подозревал ни один присяжный. Куда только подевались слезы? Сейчас из свидетельского кресла поблескивал глазками злой ощетилившийся зверек. словно палкой, Делани своими вопросами била его по носу и тыкала в шкуру, раздражая еще больше.

Когда вы пришли к дочери в спальню, она плакала?

Вы кричали на нее, ругались?

Вас захлестнул гнев?

Вы затолкали Касси в ванную комнату и заставили лезть под душ?

В тот вечер вы пили?

Вы всегда смешиваете алкоголь с болеутоляющим?

Брызжа ненавистью, Максин выплевывала ответы.

Наконец Делани решила, что довела ее до той стадии, когда уже можно протыкать гнойник.

— Вы потеряли голову и зверски избили дочь, потому что она обмочила постель?

— Как вы смеете? — Максин затравленно оглянулась на Колдуэлла, вновь ожидая помощи, однако прокурор даже не шевельнулся.

— Ваша честь! Не могли бы вы повлиять на свидетеля и все-таки заставить отвечать на мои вопросы?

Максин передернуло, но все же она попыталась взять себя в руки:

— Как и у всех любящих и ответственных родителей, у нас в семье были такие случаи — очень редко, очень немного, — когда мне приходилось прибегать к принуждению. Детей надо дисциплинировать, это знают все. Порой я могла ее отшлепать... или постучать пальцем по руке, если она уж очень расшалится. Все это требовалось, чтобы привлечь ее внимание... и по большей части, когда она была маленькой.

— Доктор Нан доложила суду, что на пояснице и ягодицах Касси обнаружены синяки, — заметила Делани. — Одни из них появились раньше, другие позже. Вынуждена напомнить вам, миссис Арнольд, что вы находитесь под присягой. Еще раз повторяю вопрос: вы ударили Касси, когда обнаружили, что она опять обмочила постель?

— Я уже говорила, у меня страшно болела голова. Просто раскалывалась, когда Франк меня разбудил. Я была совершенно измучена в тот вечер, можно сказать, очнулась из забытья. Я не помню каждый свой жест, только могу сказать вам, что любила свою дочь и никогда, никогда не причинила бы ей боль!

— Вы опять не ответили на вопрос. Еще раз повторяю: в ночь убийства вы — каким-либо образом — физически наказывали дочь? Я вас спрашиваю: вы избивали ее? руками? ногами?

Максин с ненавистью выдавила:

— Может, пару раз и шлепнула по заднице! Но не избивала!

— Шлепки, как вы выражаетесь, не оставляют после себя таких синяков, — возразила Делани. — Тем более многочисленных, как доложила нам доктор Нан. Повторяю еще раз! В гневе вы потеряли голову, обнаружив мокрую постель дочери! Так?!

Максин задохнулась от злости и секунд десять молчала, собираясь с мыслями. Затем обернулась к присяжным и, тщательно выверяя слова и интонацию, заявила:

— Да, сейчас я ясно припомнила, что случилось в ту ночь. Нет, категорически нет, я не избивала свою дочь. Вообще не трогала! Перестелила постель, накрыла Касси одеяльцем, поцеловала, пожелала ей доброй ночи... сказала, что люблю ее. Потом вернулась в спальню к мужу и легла спать.

Спенсер сверлил ее взглядом.

(Врешь ты все! Уж я-то видел!)

Нечего и говорить, Делани тоже не верила ни единому ее слову.

— То есть вы не заталкивали Касси в ванную комнату? — спросила она, повысив голос.

— Нет!

— Не ударили ее в голову так, что она упала и стукнулась виском?

— НЕТ!

— Не убили ее случайно?

— Протестую! — выкрикнул Колдуэлл, как на пружине вылетев из кресла.

— Последний свой вопрос беру обратно, — кивнула Делани. Хотя отпустить добычу она и не собиралась. Вместо этого вновь сменила тему: — А скажите нам, миссис Арнольд, кто такая Синтия Гюнтер Райт?

Максин, все еще не пришедшая в себя после предыдущего обстрела, вяло ответила:

— Моя первая дочь. Я в юности была замужем, недолго... Синтия прожила четыре месяца...

Она помолчала и затем спросила:

— Ведь вы и так об этом знаете, мисс Делани?

— Как же она — ваша первая дочь — умерла?

— Задохнулась во сне... Врачи сказали, синдром внезапной младенческой смерти...

— Я хотела бы еще раз убедиться, что правильно поняла ваши показания, просто на всякий случай, — отреагировала Делани, хотя каждому было ясно, что все-то она знает и все-то она понимает. — Вы родили общим счетом двух дочерей. Одна погибла страшной смертью, а ваш первенец скончался при крайне подозрительных обстоятельствах. Так получается?

— Секундочку, — поднял руку Колдуэлл. — Нам не представлено никаких доказательств подозрительной смерти первого ребенка миссис Арнольд. Защита пытается запятнать доброе имя несчастной матери и направить присяжных в неверном направлении.

— Как вы смеете называть себя юристом?! — неожиданно взвилась Максин Арнольд, взглядом испепеляя Делани. — Мою дочь убили, а у вас хватает наглости обвинять меня!

Спенсер постучал молоточком.

— Хватит. Все уже достаточно высказались. Попрошу стороны подойти к судейской кафедре.

Колдуэлл с Делани молча повиновались. За ними послушно следовали Джейкоб Уиллер, помощник прокурора, и Чарлз Макдоналд, помощник адвоката защиты. Спенсер навалился грудью на стол и зашептал, чтобы Максин, по-прежнему сидевшая в свидетельском кресле, его не слышала:

— Мисс Делани, у вас имеются улики, что эта свидетельница действительно была причастна к смерти старшей дочери?

— Полиция Лас-Вегаса считает, что дело там явно нечисто.

— Я сказал «улики». Против нее выдвигали официальное обвинение?

— Нет, но большой процент внезапных младенческих смертей объясняется убийствами.

Колдуэлл не выдержал.

— Считаю, что поведение защиты просто возмутительно, — пожаловался он. — Нас подводят к мысли, что миссис Арнольд как-то связана со смертью ее первого ребенка. Намекают на убийство.

— Никаких вопросов о первой дочери миссис Арнольд больше не будет, — твердо заявил Спенсер. — Эта тема к делу не относится. Вам понятно, мисс Делани?

— Да, ваша честь.

После того как все четверо вернулись на место, Спенсер обратился к присяжным:

— Порой на процессе, в особенности крайне эмоциональном, как сейчас, возникает необходимость частной беседы судьи и сторон. Вы не должны делать каких-либо выводов из этих бесед или позволять им хоть как-то влиять на ваше решение о виновности или невиновности подсудимого. Вы только что слышали, как мисс Делани спросила свидетельницу о смерти ее первенца от раннего брака. Младенец умер. Это факт. Однако свидетельницу не обвиняли в насилии против ее первой дочери, и, кроме того, не имеется каких-либо официальных аргументов, говорящих о том, что смерть этого ребенка объясняется иными причинами, нежели те, что указаны в медицинском заключении. Далее, защита не представила ни единого доказательства, связывающего смерть несчастного младенца с убийством второго ребенка. Хотя я обладаю властью отменить релевантность того или иного заявления или свидетельского показания, я не в силах стереть из вашей памяти слова, прозвучавшие в зале. Это вы должны сделать сами. Ваша задача состоит в том, чтобы внимать только фактам. Учитывать только факты. Все остальное вы обязаны игнорировать.

Он кивнул в сторону Делани.

— Продолжайте.

Вернувшись на подиум, Делани посмотрела Максин в глаза и небрежно спросила:

— И когда у вас начался секс с Амилем?

— Ваша честь! — покачнулся Колдуэлл. — Я протестую!

— Отклоняется, — сказал Спенсер, даже не выслушав доводы обвинителя.

— Никогда у нас не было секса, — ответила Максин. — Я уже говорила, что он угрожал клеветой. Он пытался нас шантажировать.

— То есть у вас никогда не было с ним секса?

Тут уже Спенсер не выдержал:

— Почему вы все время повторяете слова свидетеля? Вы ведь прекрасно слышали ответ. Имейте в виду: я и так позволил вам очень свободно вести перекрестный допрос. Свидетельница сказала, что не было у них секса с вашим клиентом. Попрошу двигаться дальше.

— В ночь убийства, после того как у вас с Лестером Амилем был секс в гостиной, взяли ли вы его сперму из презерватива, чтобы потом размазать ее по пижаме убитой Касси?

— Ваша честь!!! — взревел Колдуэлл, зависая в воздухе над стулом.

Спенсеру опять пришлось поднять молоток, чтобы остановить перешептывание в зале.

— Ваша честь, — возмущенно заявил генпрокурор, — мне все равно, если защита хочет напоследок выдвинуть какое-то несусветное объяснение, но ведь нельзя же излагать свои теории под видом снятия показаний! Свидетельница и так заявила, что секса с Амилем не было! Вопрос задан, ответ получен!

— В интересах справедливости, — сказал Спенсер, адресуясь к присяжным, — судьи не любят ограничивать тактику защиты во время перекрестного допроса свидетелей. В связи с этим я разрешаю прозвучавший вопрос и приказываю свидетельнице на него ответить.

Он взглянул на Делани и добавил:

— Однако предупреждаю вас, мисс Делани. Вы ступили на очень, очень тонкий лед.

— На случай забывчивости свидетельницы, — сказала Делани, не выказав ни малейшего замешательства, — мой вопрос звучит так: «Взяли ли вы сперму моего подзащитного после секса с ним и размазали ли ее по пижаме своей дочери?»

Максин так трясло, что она едва могла говорить:

— Нет! Не было у меня с ним секса. Не было!!! А потому не могла я размазывать его сперму, хоть на пижаме, хоть где!

— Опять вы все отрицаете... У нас уже было такое. Вы якобы не покидали свою спальню в ночь убийства, не заходили в комнату Касси, не впадали в гнев. Не избивали дочь. И к смерти своего первого ребенка тоже не имеете отношения, — отозвалась Делани.

Спенсер ударил по столу молотком.

— Присяжным запрещается принимать к сведению последнюю реплику защиты!

— Извините, ваша честь, — кротко сказала Делани. — Больше вопросов не имею.

Как только Максин Арнольд выползла из свидетельского кресла, Спенсер объявил перерыв на выходные и сразу ушел в кабинет. Его душила досада. Он всегда считал себя достаточно выдержанным, чтобы сохранять голову в любых ситуациях. В собственных глазах всегда был непредвзятым, справедливым, честным — словом, таким судьей, которым восхищаются, которого уважают обе стороны процесса за пронизательность и строгую приверженность правилам. Но сегодня он позволил событиям выйти из-под контроля. Дал Патти неоправданно много свободы. Такого с ним еще не было.

Он плюхнулся за стол и раздраженно потер лоб.

Все из-за камня. Наперекор процессуальным нормам и этическим принципам он вмешался в работу защиты, выслав электронное письмо. С другой стороны, он уже не мог молчать о тех странных видениях, что демонстрировал ему камень. А кстати... Спенсер отомкнул ящик. Ага. Лежит себе спокойно. Простой вроде бы камень... Или нет? Откуда в нем такая сила?

Он потянулся правой рукой и взял кружляш. Потом аккуратно, как печать, приложил его к алому кресту на левой ладони. Спенсер и сам толком не понимал зачем. Хотя нет, неправда. Понимал, отлично понимал. Ему хотелось еще одного видения. Более того, он просто нуждался в нем, желал узнать, что еще может показать камень.

В этот раз страха не было. Он зажмурил глаза в ожидании разряда силы.

Сейчас он стоял внутри дома Арнольдов, в коридоре. Отсюда ему было видно, как за кухонным столом сидит Франк, погруженный в газету. Максин готовила кофе. Лестер Амиль намазывал масло на тосты. «А где Касси?» — спросил Франк. «Только что встала», — ответила Максин. Франк взглянул на настенные часы. «Нам лучше поторопиться, — заметил он. — Пока запустим горелку, пока прогреем воздух...» Максин взялась за турку, желая налить себе кофе, но ручка оказалась слишком горячей. Женщина отдернула руку, и турка опрокинулась, ошпарив ей палец. «Черт! Черт! — выругалась она. — За каким чертом Терезу понесло на эти чертовы похороны?!»

Не отрываясь от газеты, Франк посоветовал: «Пользуйся микроволновкой. Тогда не обожжешься».

Лестер встал из-за стола: «Пойду потороплю Касси...»

Спенсер вслед за Лестером поднялся на второй этаж. Юноша постучал, но ответа не последовало. Он осторожно толкнул дверь, просунул голову внутрь, осмотрелся и зашел в спальню девочки.

— Касси?..

Дверь в ванную приоткрыта. Из щели валит пар, гремела музыка. Слышался плеск воды. Амиль на цыпочках подкрался к ванной и открыл дверь пошире. На глазах у Спенсера он сунул руку под резинку мешковатых спортивных брюк и ловким движением вытащил уже эрегированный пенис. У Спенсера отвалилась челюсть. Он хотел зажмуриться, но почему-то не смог. Через пару минут из-под руки Амиля уже брызнула струйка спермы. Прямо на пижаму, небрежно брошенную на кафельный пол.

Спенсер поднял веки и вернул камень обратно в ящик. Так вот как семя Амиля оказалось на пижаме... Он не стоял над девочкой в подвале, как утверждал гособвинитель. И Максин Арнольд не выдавливала никакой спермы из презерватива и не размазывала ее, как утверждала защита. Лестер Амиль сам себя ублажил, подглядывая за купающейся Касси. Чисто случайно брызги попали на скомканную пижаму. Опять-таки чисто случайно пижама попала под руку Максина Арнольда, когда девочке нужно было переодеться после конфуза с мокрой постелью. Ну-ну...

Следующим делом Спенсер вспомнил про Патти. Деваться некуда, надо сообщить правду.

Судья принялся за очередную анонимку.

Ближе к полуночи Спенсер решил, что пора ехать домой. Спускаясь на выход, он услышал смех и, осторожно заглянув за угол лестницы, увидел двух мужчин. Возле двери в прокуратуру стояли Колдуэлл и Уолтер Корн. Спенсер быстро ретировался к себе и переждал еще с полчаса, прежде чем совсем покинуть здание. Ему никак не улыбалось нарваться на генпрокурора и судебного репортера от «Шарлоттсвилльских курантов».

Поздним пятничным вечером Делани с Макдоналдом на пятой скорости мчались в тюрьму. Они получили новое электронное письмо и к моменту появления Лестера в переговорной комнате уже были вне себя от ярости.

— Зачем же врать?! — с перекошенным лицом набросилась на него Делани.

— Я тоже хорош, дурак старый! Взял да и поверил вашей истории про «галошу»! — не отставал от нее Макдоналд.

— Да вы... Да что случилось-то?! — опешил юноша, судя по всему, вполне искренне.

Макдоналда так и подмывало прыгнуть через стол и раздавить Лестеру кадык. Воспитание не позволило.

— Ну вот что, дорогой. Наплели нам с три короба: мол, кто-то взял вашу сперму и намазал ее на пижаму Касси. И вот, дескать, почему там ваша ДНК. А мы поверили, да еще и присяжным передали, — выпалила Делани. — Все сжевали, идиоты! Приманку, крючок, грузило, леску — все проглотили!

— Но я не врал! — воскликнул Лестер.

— Черта с два! — рявкнул Макдоналд. — Не врал он!.. Утром в субботу кто онанировал в ванной, а? Пока Касси стояла под душем? Кто, я спрашиваю?!

— Ч-что?.. Как... Откуда вы...

— Ага! — крикнула Делани. — Ага! Значит, правда?! Боже мой, как же это я так оплошала...

— Нет-нет, погодите, я все объяс...

— Новые басни? — прервал его Макдоналд. — Не напрягайся, не то грудку сведет.

— Какая Касси, в каком душе, вы что?! Что я, извращенец какой, за малолетками подглядывать? Ну да... признаюсь... было дело... сбросил пар у нее в комнате. Но это же не Касси была! А Эстер Варгас!

— ?!

— Сестра Терезы Монтоя, я же говорю. Тереза служит у Арнольдов приходящей домработницей и поварихой... А тем утром в душе стояла ее сестра, а не Касси. Ей уже двадцать, между прочим.

— Вы о чем тут нам лепечете? — зловеще поиграл желваками Макдоналд.

— Эстер живет в Эль-Пасо, приехала повидаться с сестрой. В ночь на субботу позвонили и сказали, что их мать умерла в Аризоне. Тереза сразу собралась и улетела организовывать похороны, а у Эстер был куплен билет до Техаса, только на воскресный рейс. Вот Арнольды и решили, что в такое время ей нехорошо будет сидеть одной в квартире сестры, и пригласили Эстер к нам.

— Чтобы вы могли за ней подглядывать? — Делани уперла руки в бока.

— Я просто поднялся за Касси. Мистер Арнольд уже начинал нервничать, что мы опоздаем на воздушный шар. Зашел к ней в спальню, Касси там не было, зато в ванной шумела вода. Дверь была приоткрыта, я заглянул в щелку, смотрю — Эстер стоит. Понимаете, у спальни Касси и гостевой комнаты одна общая ванная. Да, я понимал, что нехорошо, но когда ее увидел... Возбуждился, короче, и... это... Я же не знал, что потом все всплывет...

— А она заметила, что вы подглядывали?

— Вроде нет, она смывала шампунь с волос. Глаза-то закрыты.

— А что с Касси?

— Она успела одеться и сидела у родителей в спальне, смотрела мультфильмы... Я вам ничего не рассказал, потому что какое же это отношение имеет к убийству? Никакого...

— Это вы так решили? — горько спросила Делани. — Когда вы сочли нужным самоудовлетвориться, пижама Касси лежала прямо перед вами, на полу. Вот поверх нее вы и... Не то что пижамку, самого себя успели заляпать. Интересно, кого еще?

Амиль переменялся в лице.

— Что это вы так смотрите? — вздернул бровь Макдоналд. — Неужто и впрямь не заметили пижамку?

— Да нет... Я же на Эстер глядел... Я правда думал, что Максин... или Франк.. решили меня подставить. Думал, они из презерватива взяли... А больше ничего мне и в голову не пришло...

Покидая тюрьму, Делани с Макдоналдом никак не могли успокоиться и всю дорогу плевались в адрес Амиля. Пересекая парковку, Макдоналд вдруг задумчиво произнес:

— Что-то я не припомню никакой Эстер Варгас в полицейских протоколах. Придется звонить домработнице Арнольдов и выяснять, действительно ли ее сестра заезжала на те выходные.

— Может, об этом лучше и не спрашивать? — мрачно заметила Делани. — Что, если наш стервец опять врет? Вы знаете, мне ведь до сих пор хочется верить в его невиновность.

— Да тут сомнений нет, — ответил Макдоналд. — Он не убийца, не из того теста слеплен. Просто оказался не в том месте и не в то время.

— Не очень элегантная формулировка, — хмыкнула Делани. — Ладно, что теперь мы скажем присяжным?

— Ничего. По-прежнему сосредоточим внимание на настоящих убийцах — Арнольдах. Я, правда, пока не знаю, почему они умертвили собственную дочь, но это их рук дело.

— Откуда такая уверенность?

Макдоналд остановился и повернулся к ней лицом.

— Чувствую, всем нутром чувствую, — сказал он, хитро прищурясь. — А потом, уже слишком поздно менять коней, вы не находите?

Утром в субботу Спенсер встал рано, оставив Мелиссу дремать в их супружеской постели. Он до сих пор не завел разговор про ее неверность. К тому же миновало трое суток, и теперь ему не хотелось торопить события. Хотя боль и гнев не улеглись, он с каким-то странным, чуть ли не извращенным удовольствием лелеял в себе этот секрет. Она наставила ему рога и тем самым подарила моральное преимущество. Надо прикинуть, как бы лучше этим воспользоваться...

Спенсер планировал весь день провести в Виргинском университете, занимаясь кое-каким исследованием. На территории студгородка имелось четырнадцать библиотек, в том числе специализированных согласно тематике того или иного факультета или кафедры: астрономия, биология, психология, химия, педагогика, изящные искусства, медицина, юриспруденция, математика, музыка, физика, инженерное дело... Нет сомнений, что где-то среди этих залежей удастся отыскать книгу, которая объяснит тайну камня и алых порезов, продолжавших разрастаться у него на ладони. Начать, наверное, лучше с главной справочной системы в библиотеке Олдермана, расположенной чуть к северо-западу от центра

студгородка. Спенсер припарковал «ягуар» на гостевой стоянке на углу Эммет-стрит, рядом с университетским книжным магазином, а затем по Ньюкомб-роуд добрался до массивного параллелепипеда библиотеки. Один из студентов, подрабатывавший дежурным за информационным столом, направил его в секцию оккультизма и религии.

Спенсер побродил между стеллажами, бегло считывая наименования книг. Сам того не зная, он шел по стопам предыдущего владельца камня. Патрик Макферсон искал разгадку в текстах, посвященных толкованию Библии.

В «Абингдонском комментарии» нашлось двадцать девять ссылок на различные библейские стихи, где упоминалось слово «камень». В большинстве случаев речь шла о «побивании камнями», когда свирепая толпа казнила человека, преступившего тот или иной религиозный закон. Однако в Библии ничего не говорилось о магическом камне, владельцу которого являлись бы видения. К полудню Спенсер почувствовал сильный голод и не менее сильное разочарование. Он прошел в студенческий центр, купил там сэндвич и съел его в одиночестве, сидя на лавочке у входа в здание. С десятков студентов забавлялись игрой в мяч, и, следя за их резвыми фигурками и бойкими физиономиями, он вдруг почувствовал себя совсем стариком.

Вернувшись к библиотечным стеллажам, Спенсер принялся штудировать тексты, описывавшие религиозные воззрения, лежащие вне традиционных рамок христианства. Одна из книг, называвшаяся «Священные писания», особо привлекла его внимание. Выглядела она как обычная Библия, однако содержала кое-какие незнакомые главы. Из выходных данных он выяснил, что ее опубликовала церковь Иисуса Христа Святых Последних Дней. Получается, у него в руках — мормонская версия Библии. Согласно предисловию, это плод трехлетних усилий основателя мормонской церкви Джозефа Смита, который утверждал, что сам Господь приказал ему перевести — а точнее, переписать — каноническую Библию, потому как, дескать, она содержит некоторые ошибки. Кроме того, Смит перевел и «Книгу Мормона», которая являлась угловым камнем всего их учения.

Спенсер немного разбирался в мормонизме, так как два его старых приятеля принадлежали к церкви Святых Последних Дней. Они-то и рассказали ему, что в 20-х годах XIX века Смигу явился ангел по имени Морони и показал ларец с золотыми скрижалями, не редкость удачно спрятанный под самым носом семейной фермы Смитов, неподалеку от Пальмиры, штат Нью-Йорк. На этих скрижалях — другими словами, табличках — была изложена история некой группы древних иудеев, которых Всевышний привел в Америку за несколько столетий до Рождества Христова.

Спенсер с увлечением принялся листать прекрасно иллюстрированную книгу, но затормозил, добравшись до страницы с изображением двух гладких камешков, называемых «Урим и Туммим». Подпись под рисунком именовала их «провидческими кристаллами». Книга утверждала, будто Смит получил Урим и Туммим от Морони, чтобы видеть прошлое и будущее, а также чтобы без затруднений читать золотые скрижали. Что-то вроде волшебных очков.

Уж не это ли?

Торопливо заполнив формуляр и получив на руки книгу, Спенсер чуть ли не бегом вернулся к столу. Он обнаружил, что «Книга Мормона» — в отличие от канонической Библии — содержит в себе свыше четырех сотен ссылок на разные камни с магическими свойствами.

Вот! Наверняка один из них!

К семи вечера Спенсер просмотрел все, что можно. Его камень и близко не подходил под встреченные описания. Пустая трата времени.

Досадуя на самого себя, он решил попробовать другой подход. Вместо того чтобы искать исторические ссылки на мистический камень, не лучше ли попытаться его идентифицировать, подвергнув логическому разбору все вызванные им видения? Может, удастся отыскать некий общий стержень? Он выписал на страничке блокнота:

Видение № 1. Лодка, страх, бредущая по воде фигурка, мольба о помощи.

Видение № 2. Мелисса в конюшне, увлечена сексом.

Видение № 3. Касси, мокрая постель. Максин избивает дочь, позднее лжет в суде.

Видение № 4. Урок бокса с отцом.

Видение № 5. Лестер онанирует, подглядывая в ванную комнату.

Затем он добавил:

№ 6. Визит старого профессора, меня подловили на плагиате.

№ 7. Патрик Макферсон присылает камень, затем кончает с собой.

№ 8. На ладони появляется кровавый крест.

Спенсер внимательно перечитал список, выискивая хоть какие-то связи. Что общего между видениями и тремя реальными событиями? Хм-м, в глаза ничего не бросается...

Потратив еще несколько минут, он решил поменять направление анализа. Попробуем-ка читать снизу вверх. Итак:

№ 8. На ладони появляется кровавый крест.

Стоп! Что вообще символизирует крест? Распятие? Верно, распятого Христа. А почему его распяли? Чтобы очистить мир от людских грехов. Грехи... Уж не в них ли дело?

№ 7. Самоубийство.

Да, это грех!

№ 6. Плагиат. Воровство.

Опять грех!

Видение № 5. Похоть, грязные помыслы.

Видение № 4. «Чти отца своего!»

Видение № 3. Максин избивает ребенка, сыплет проклятиями, лжесвидетельствует.

Видение № 2. Мелисса прелюбодействует.

Так! Подставляем в формулу — все сходится. Везде, кроме первого видения, встречается тот или иной грех.

И вновь, сам того не подозревая, Спенсер самостоятельно пришел к тому же выводу, что

и Патрик Макферсон. Связующее звено — грех.

Он опять взглянул на список и тут заметил еще одну общую идею. Камень показывал ему не только чужие грехи — Мелиссы, Максина, Лестера, — но и его собственные.

Спенсер вернул книги библиотекарю и покинул читальный зал. В голове вертелась неприятная мысль. Если он правильно понял последовательность, сейчас его ждет грех из личного прошлого. Нынче его очередь. Отсюда вопрос: *что еще я такого натворил?*

Патти Делани редко позволяла себе спать подолгу, но этим воскресным утром она раз за разом включала получасовую отсрочку на будильнике. К тому моменту, когда она выбралась из-под одеяла, стрелки показывали одиннадцать. Патти приготовила кофе и пошла на крыльцо за газетой. С того самого дня, когда ее назначили адвокатом Лестера Амиля, она со страхом раскрывала очередной выпуск «Шарлоттсвилльских курантов», хотя понимала, что просто обязана получать ежедневную дозу вонючей мокроты, брызжущей из-под пера Уолтера Корна. Сегодня эта мерзость заляпала всю первую полосу и на поверку оказалась еще гаже, чем обычно. Кто-то подучил Корна, где копать, и скандальная новость напрямую касалась ее имени.

АДВОКАТ ЗАЩИТЫ НА ПРОЦЕССЕ АРНОЛЬДОВ ОСВОБОДИЛА НАСИЛЬНИКА, КОТОРЫЙ УБИЛ СНОВА

Уолтер Корн, наш собственный корреспондент

Патти Делани, защитник Лестера Амиля, обвиненного в удушении ребенка, оказывается, не в первый раз за свою карьеру имеет дело с омерзительными убийствами и не менее омерзительными подопечными. В 1986 году на процессе над кошмарным маньяком-душегубом ее действия до глубины души возмутили добрых граждан Балтимора, где Делани ранее подвизалась частным адвокатом.

В 1983 году жителей Балтимора терроризировал насильник, охотившийся за молодыми женоцнами — сотрудницами агентств недвижимости. Под видом потенциального покупателя он заманивал их в дома, выставленные на продажу. После жуткой гибели двенадцати несчастных полиция города организовала следственную группу и поставила ей задачу поймать «риелторного маньяка». Они пошли даже на то, чтобы ловить его «на живца».

Новых нападений не отмечалось в течение ряда месяцев, затем полиция обнаружила тело очередной жертвы, зарезанной в новом доме; над женоцной жестоко надругались. Затем последовали два новых убийства с изнасилованиями. Однако полиция оказалась на высоте и вскоре арестовала некоего Альфреда Ллойда, тридцатидвухлетнего страхового агента, семьянина и отца трех маленьких детей.

Обвинение против Ллойда было целиком построено на показаниях ранее задержанного ночного грабителя, который утверждал, что в ряде случаев был его сообщником, в основном выступая в роли «дозорного». Суд присяжных признал Ллойда виновным и вынес смертный приговор. Однако в 1986 году Ллойд нанял Делани, чтобы та занималась апелляцией по его делу, и вскоре та заявила, что обнаружила доказательства нарушения законности со стороны

правоохранительных органов.

На процессе сотрудники полиции утверждали, что главный свидетель обвинения всегда придерживался одной и той же версии событий и не получал никаких денег за свои показания против Ллойда. Делани же упорно настаивала, что свидетель с самого начала путался и лишь после многочасового собеседования смог рассказать более или менее связную историю. Кроме того, опять-таки по ее словам, он получил вознаграждение в размере \$25 000.

В результате апелляционный суд отменил приговор в отношении Ллойда и назначил дату нового процесса. Между тем Делани ухитрилась добиться освобождения своего клиента под залог. Не прошло и месяца, как было найдено тело двадцативосьмилетней сотрудницы агентства недвижимости, которую изнасиловали, а затем хладнокровно зарезали. На трупе обнаружили отпечатки пальцев Ллойда. Когда полиция ворвалась к нему в дом, то увидела в гостиной страшную картину: в лужах крови лежали супруга Ллойда, его пожилые родители и трое маленьких детей. Все были расстреляны в упор. Ллойд расположил их тела в ряд, строго придерживаясь возраста. Что касается самого душегуба, то его труп нашли в спальне на втором этаже. Он застрелился, написав перед этим предсмертную записку. В ней он выражал личную благодарность адвокату Делани за свое освобождение из-под стражи. Далее он пояснил, что прежде чем покончить с собой, ему требовалось убить десять человек. Почему — остается загадкой и по сей день.

Далее шло несколько параграфов, в которых Корн вкратце обрисовал «безответственное» отношение Делани к защите ее очередного подопечного, Лестера Амиля. Самый ядовитый пассаж он приберег напоследок: в заключительных строчках статьи поместил «высказывание, полученное вашим покорным слугой от источника, хорошо знакомого с материалами обвинения». Понятное дело, «источник» этот, как и раньше, пожелал остаться неизвестным.

Есть смысл задаться вопросом: уж не обвел ли простушку Делани вокруг пальца ее нынешний клиент? Уж не повторяется ли история с Ллойдом? Смотрите сами — эта женщина несет всю ответственность за освобождение убийцы-маньяка. Он вернулся домой и всю свою семью предал мученической смерти. А сейчас наш выдающийся адвокат лезет из кожи вон, чтобы выпустить на волю зверя — губителя детей. Как вообще она может спать по ночам?

Делани скомкала газету и швырнула поганую писанину в мусорное ведро. Здесь, кажется, все ясно: застенчивый «источник» Корна не кто иной, как генпрокурор Тейлор Колдуэлл. Да только пойдя это докажи...

Зазвонил телефон. Макдоналд.

— Читали уже? — спросил он.

— М-м, — угрюмо промычала она, чтобы не выдать эмоции голосом.

— Насколько я вижу, вы не сделали никаких ошибок, — заметил Макдоналд. — Это как раз балтиморская полиция работать не умеет.

— Я, наверное, уже миллион раз об этом думала, — пожаловалась Делани. — Но пусть

даже так, что с того? Ведь семь человек, из них трое маленьких детей — все они мертвы, потому что мне удалось выпустить Ллойда. Из-за него-то я и решила на время оставить практику...

С минуту оба хранили молчание.

— Может быть, мне следует оставить и дело Амиля... Конечно, мы оба знаем, что присяжным не разрешается читать публикации о процессе, но ведь им про Ллойда как минимум вслух перескажут. Я не хочу, чтобы мое прошлое погубило нашего злосчастного дурачка.

— Вот и не надо самой быть дурочкой. Хватит сопли распускать.

Резкость Макдоналда неприятно задела Делани.

— Да-а, вам-то что... — сердито фыркнула она. — У вас же нет чужой крови на руках.

— Когда я был копом в Вашингтоне, — помолчав, сказал он, — я застрелил подозреваемого, который пытался скрыться с места преступления.

— Застрелили? В смысле насмерть?

Она с трудом представляла себе, как Макдоналд, в ее глазах походивший на дедушку-добряка, мог убить человека.

— Пуля снесла ему полчерепа. Но я и секунды сна не потерял после этого случая. Потому что выполнял свою работу.

— Да, но я-то должна была видеть, что Ллойд опять возьмется за свое!

— Как? Вы что, думаете, маньяков можно распознать на глаз? Что они отличаются от нас с вами? Самые жуткие убийцы, которых мне довелось встретить в жизни, ничем не выделялись из толпы. Ведь есть же старая теория: зло — банально. Не могли вы знать, чем собирался заняться Ллойд... Да вы на Арнольдов взгляните! На Франка с Максина! Птиць высокого полета... Деньги, влияние, престиж — все у них есть. Наверное, думают, что стоят выше закона, неприкосновенны. А только на этот раз все по-другому. На этот раз им не отвертеться.

Делани молчала.

— Ну как? Мы еще в одной команде? — спросил он. — Будем обговаривать завтрашнюю тактику?

— Будем, — ответила она. — Хватит мне бегать от своего прошлого.

— Именно! Между прочим, скелет в чулане есть у каждого...

— Нет ли у вас хоть малейшей идеи, кто шлет эти подметные письма? — спросил Макдоналд.

— Нет у меня идей, — ответила Делани. — Автор цепляет их к газетным заметкам из «Шарлоттсвилльских курантов», а потому его обратный адрес не указан.

— Н-да... Хотел бы я знать, откуда ему известно, что творилось в спальне Касси...

Макдоналд задумчиво разглядывал распечатку последнего электронного послания.

— Эй, смотрите-ка! Наш писатель допустил одну ошибочку. Он говорит, что Амиль подглядывал за Касси, хотя парнишка утверждает, что в ванной стоял кое-кто другой.

— Если он не врет.

— Но предположим, он говорит правду. Отсюда получается, что автор письма мог видеть только Амиля, но не человека под душем.

— Ладно, пусть так. И что?

— Франк Арнольд обожает высокотехнологичные игрушки, верно? У него весь дом забит компьютерами и следящими штучками. Держу пари, что в спальне Касси тоже стоит какая-нибудь видеокамера! Вот откуда наш информатор знает про ночное недержание, избиевание девочки и утреннюю шалость Амиля в воскресенье!

— Но если там есть видеокамера, то почему Франк с Максин не рассказали об этом полиции?

— Например, Максин вообще об этом не знает, а Франку не хочется, чтобы копы увидели на пленке какое-нибудь иное непотребство... Послушайте! Да у него весь дом может быть уставлен видеокамерами!

Делани задумалась над предположениями Макдоналда.

— Звучит логично, но зачем Франку посылать электронные письма? С какой стати он решил нам помогать?

— Может, он и не помогает, — возразил Макдоналд. — Может, он пытается нас использовать, манипулирует ходом процесса. Я лично твердо знаю одно: мне надо выяснить, есть ли камера в спальне Касси.

— А я после заседания в понедельник свяжусь с «Шарлоттсвилльскими курантами» и попробую выяснить, откуда берутся эти письма, — подхватила Делани.

По графику Франк Арнольд должен был выступать первым, но когда утром в понедельник суд собрался, Тейлор Колдуэлл объявил, что для дачи показаний вызывает нового свидетеля, некоего Трумана Муди. Не стовариваясь, Макдоналд и Делани с обеих сторон пихнули своего клиента в бок: «Кто это?» Амиль неопределенно дернул плечом.

Два конвоира ввели в зал темнокожего крепыша-коротышку лет двадцати трех. Запястья его были скованы наручниками, а цивильную одежду заменял тюремный комбинезон. Муди обмяк в свидетельском кресле, причем съехал так низко, что зрителям была видна лишь бритая макушка.

— Сообщите суду адрес вашего нынешнего местопребывания, — потребовал Колдуэлл.

— Централ Лос-Анджелеса.

— Почему вы сидите в тюрьме?

— Не знаю. Говорят, дурь спихивал.

— И все?

— Ну-у... и вроде как в банде состоял.

— И?..

— И это... замочил, говорят, кого-то...

— Являетесь ли вы членом одной из организованных преступных групп Лос-Анджелеса?

— Извиняюсь, шеф, но я бы взял здесь Пятую.

Спенсер взорвался:

— Я не знаю, какого рода поведение считается нормальным в судах Калифорнии, но у нас в Виргинии советника юстиции не именуют «шефом», не используют уличный жаргон и не жуют резинку при даче показаний! И не валяются в свидетельском кресле, как на пляже! Немедленно уберите жвачку и встаньте, когда к вам обращается суд! А не то вас ждет и наша, местная тюрьма! И Пятая поправка тут не поможет!

Муди вылетел из кресла и одернул комбинезон. Мисс Алиса протянула ему салфетку, куда он выплюнул комок жевательной резинки.

Колдуэлл продолжал:

— Вы знакомы с Лестером Тидвеллом Амилем?

— Не думаю. Вроде не слышал про такого.

— Ваша честь, — озадаченно сказала Делани, — если данный свидетель не знаком с мистером Амилем, то в чем смысл брать с него показания?

— На это ответит мой следующий вопрос, — пообещал Колдуэлл.

Выставив палец в сторону Амиля, генпрокурор спросил:

— Вам знаком подсудимый?

— Ясное дело, — ухмыльнулся Муди, кивнул Лестеру и сказал: — Здорово, сукин сын!

— Сообщите суду, кто этот человек, — распорядился Колдуэлл.

— Его зовут Делберт, Делберт Амиль.

Спенсер забарабанил молотком, чтобы утихомирить зал, в то время как Делани с Макдоналдом синхронно повернулись к Лестеру, желая задать парочку простых вопросов. На этот раз, однако, их подопечный уронил голову, пряча глаза.

— Во избежание недоразумений, — сказал Колдуэлл, подчеркивая слова интонацией, — я хотел бы еще раз удостовериться. Итак, вы заявляете, что сидящий вон там человек — то есть подсудимый на нашем процессе — вовсе не Лестер Амиль, а его брат Делберт?

— Да не знаю я никакого Лестера Амиля! Я и понятия не имею, есть у Делберта брат или нет. Я просто говорю, что на скамейке сидит Делберт, вот и все.

— Почему вы так уверены?

— Срок вместе коротали.

Делани тут же кинулась выражать протест, но явно раздосадованный Спенсер остановил и ее, и прокурора:

— Все советники — ко мне в кабинет!

Едва Колдуэлл, Уиллер, Делани и Макдоналд вошли, Спенсер дал себе волю:

— Какого черта! Что вы тут устроили?!

— За выходные нам удалось выяснить, что подсудимый отнюдь не Лестер Амиль, — невозмутимо объяснил гособвинитель. — Его зовут Делберт, один из троих братьев-близнецов. Их мать, Даниэла Амиль, родила тройню: Лестера, Делберта и еще одного, по

имени Джакоби. Мы не знали, что он выдает себя за другого, пока Труман Муди не позвонил мне в офис из тюрьмы. Это случилось поздним вечером в прошлую пятницу. Он увидел подсудимого в теленовостях.

— При аресте Амиля проверяли отпечатки пальцев?

— Судя по всему, был допущен ряд ошибок...

— Давайте, давайте, не стесняйтесь! — подстегнул Колдуэлла судья.

— Заместитель шерифа, который брал отпечатки, случайно их смазал. Дело в том, что компьютер изолятора временного содержания в тот день был испорчен, и вместо того чтобы приложить пальцы к сканеру, воспользовались старым способом, тушью. Когда лаборатория ФБР в Вашингтоне получила эти дактилотаблицы, там не смогли успешно сличить их с базой данных. Видимо, из-за того мазка. Вот и прислали заключение, что Лестера Амиля никогда никто не арестовывал. А после звонка Муди мы сосканировали пальцы, как полагается, и на этот раз Бюро сообщило, что подсудимого в действительности зовут Делберт Амиль.

Колдуэлл извлек несколько листков из папки с логотипом ФБР и вручил их Спенсеру с Делани.

— Господин судья, — продолжал он, — похоже, что пятничные показания Максина Арнольд вполне подтверждаются. Лестер Амиль был героем весьма доброжелательного телерепортажа. По чистой случайности он вышел в эфир в тот день, когда брат Лестера, Делберт, сам вышел по условно-досрочному освобождению. Следующей ночью дом Амилей подожгли, и в огне погибли два человека. В частности, мать семейства — Даниэла Амиль. Все решили, что второй жертвой оказался Делберт.

— Кто поджег дом?

— Видимо, кто-то из местных. Квартальная банда. Все подумали, что из-за репортажа... Телеканал особо напирал на эту версию: дескать, они хотели избавиться от Лестера, раз он был таким пай-мальчиком, а в результате просто ошиблись. Кстати, рейтинг канала после этого подскочил под потолок.

— Так что же случилось на самом деле?

— Местный отдел по борьбе с организованной преступностью утверждает, что Делберт входил в группировку «Черные скалы». Они орудуют в районе Вест-Адамс и уже много лет воюют с конкурентами, какой-то бандой с Восемнадцатой улицы. «Скалы» — негры, а их враги — латиноамериканцы.

— Советник, перестаньте бродить вокруг да около, — нахмурился Спенсер.

— Делберта арестовали шесть лет назад и отправили во Фред-Неллис, колонию для несовершеннолетних в Уиттьере. Там он и познакомился с нашим свидетелем, Труманом Муди. А затем полицейский департамент написал на него представление к досрочному освобождению. Он что-то им сообщил про убийство на Восемнадцатой улице.

— Советник, вы меня не поняли? Я сказал — покороче!

— В бандах за такие «подвиги» одна награда. Как только Делберта выпустили, он превратился в мишень. А мать с братом просто попали под руку.

— Лестер Амиль — хороший мальчик — мертв, — задумчиво произнес Спенсер. — А Делберт — бандит и к тому же доносчик — сидит у меня в зале и прикидывается своим братом... Так получается?

— В общем, да, — кивнул Колдуэлл. — Судя по всему, за несколько минут до нападения Делберт вышел из дома за сигаретами. Когда прибыли копы, огонь уже потушили, и он знал,

что мать с братом мертвы. Когда его допрашивали, он представился Лестером.

— И никто не удосужился перепроверить? — удивилась Делани.

— Вскрытый, идентификаций по зубной формуле не делали, — сказал Колдуэлл, — потому что полиция приняла поджог просто за очередную криминальную «разборку». К тому же Делберт уже успел «опознать» трупы.

— А соседи? Они-то почему молчали?

— Так ведь тройня, все близнецы, — объяснил прокурор. — И в их районе не принято совать нос в чужие дела. Кроме того, Делберт оказался неплохим актером и сумел провести тележурналиста.

— А Франк и Максин Арнольды?

— Они и не подозревали о подмене. Думали, что берут к себе в дом славного парнишку.

— Прямо «мыльная опера» какая-то, — поморщился Спенсер. — Нет ли еще сюрпризов, о которых мне следует знать? Как насчет третьего близнеца? Может, и он вот-вот объявится? Прямо среди моих присяжных?

Джейкоб Уиллер было хохотнул, но тут же осекся под мрачными взглядами коллег.

— Последний близнец Амилей был убит несколько лет назад, — ответил Колдуэлл. — По крайней мере так заверяют копы из Лос-Анджелеса.

— Господин судья, — вмешалась Делани, — откуда мы знаем, что все это правда?

Прокурор извлек еще один листок.

— Вот копия факса, который мы получили из отдела по борьбе с организованной преступностью вместе с материалами на вашего клиента.

— Если Делберт так ловко всех обманывает, — сказала Делани, — каким образом ваш свидетель оказался столь догадливым? В конце концов, речь идет о близнецах.

— В тюрьме Муди наловчился колоть татуировки. Он и Делберту сделал одну — сзади, на шее, — когда они сидели вместе. Рисунок ножа, с которого свисает капля крови. Муди и сам верил, что Делберт сгорел, пока в телерепортаже не заметил свою работу.

Тут Делани поняла, что ее обвели, как слепого котенка.

— Господин судья, я вижу, что обвинение знало об этом еще до начала сегодняшнего заседания. Но вместо того чтобы рассказать об этом суду и нам, мистер Колдуэлл намеренно выдвинул Трумана Муди своим свидетелем. Почему? Да потому, что ему хотелось таким театральным жестом вбить в голову присяжным только одну мысль: мой подопечный сидел в тюрьме на пару с членом уличной банды, которого сейчас к тому же подозревают в убийстве.

Гневно повысив голос, она заявила:

— Вы отлично знаете, что закон не позволяет упоминать на процессе криминальное прошлое подсудимого! Вот и решили протащить его грязь через заднюю дверь!

— Почитайте протокол заседания, — холодно отозвался Колдуэлл, — и вы увидите, что я ни разу не задал свидетелю вопрос о прошлом Амиля!

— Ага, за вас все сделал Муди, — кивнула она. — Ваша честь, я немедленно сажусь за жалобу о вопиющем нарушении процессуальных норм!

— Ну-ну, давайте не будем горячиться, а разберемся по порядку. Для начала я хотел бы посмотреть дактилоскопический отчет ФБР, а потом поработать с архивами.

— Как мой клиент может рассчитывать на непредвзятое разбирательство, если теперь присяжные знают, что он — это не он, а его брат-близнец, да еще и отсидевший?! — мрачно отозвалась Делани. — Нет, это классический случай нарушения! Вы должны распустить

присяжных!

— Я никому ничего не должен. А потом, вы всерьез считаете, что новый состав присяжных для вашего клиента будет более благоприятным, нежели нынешняя дюжина? Осмотритесь: в зале сидят представители общенациональных изданий. Вы предлагаете, чтобы все жители страны услышали о нашем фиаско? Нет, я не планирую прекращать процесс и заново тратить время, усилия и средства. Он по-прежнему ваш клиент, и не важно, как его зовут — Лестер или Делберт. Именно он жил в доме Арнольдов, именно его обвиняют в убийстве их дочери. Даже если соберут новый состав присяжных, все равно Арнольдов вызовут свидетельствовать в суде, и их показания вновь вскроют тот факт, что он выдавал себя за ныне покойного брата. Этого от присяжных не утаить, вы понимаете?

— Господин судья, разве...

Спенсер нетерпеливо отмахнулся.

— Ваш клиент сам вырыл себе яму... Хотите совет опытного человека? У вас есть время до завтра, вот и отведите своего подопечного куда-нибудь в темный уголок и вытряхните из него всю правду.

Как только Амиля доставили в переговорную комнату, Делани взорвалась:

— А ну, живо признавайтесь!

— Меня зовут Делберт, — ответил скрытный юноша. И застенчиво добавил: — Лестер был мне братом...

— Боже мой! — воскликнул Макдоналд. — Все, доигрались! Ни один присяжный не поверит теперь ни единому нашему слову!

— Если бы я не выдал себя за брата, то был бы уже трупом. Я видел, как горит наш дом... я знал, что мамы с братом больше нет. Все по моей вине. Поймите, я собирался просто исчезнуть. Но потом приехали телевизионщики и... знаете... в общем, люди стали по-другому относиться ко мне. То есть не ко мне лично — они ошибались, принимали меня за брата... Они уважали его. И я решил им стать, чтобы... чтобы его имя не пропало зря. Как дань уважения.

— Вот поросенок! — восхитился Макдоналд. — Даже базу подвел!

— Превратившись в брата, я словно получил билет в новую жизнь, — упрямо настаивал Амиль. — А потом все сам и испортил, когда связался с Максин. Хотя остальное... Я не врал, там чистая правда!

— Сейчас уже не важно. Никто вам не поверит, — покачала головой Делани.

— Особенно насчет секса с Максин Арнольд, — присовокупил Макдоналд.

— Я могу это доказать! Она рассказала мне кучу всего про мужа, очень личное. Например, у него без виагры ничего не получалось.

— И вы считаете, это доказательство? — пренебрежительно отмахнулся Макдоналд.

— Но я не убивал Касси! Вы должны мне верить!

Делани через весь стол швырнула ему копию полицейского факса.

— Вот полюбуйтесь на свой послужной список. Воровство в магазинах, кражи со взломом, даже вооруженное ограбление. Славную помощь вы нам оказали, что и говорить...

Спенсер категорически решил продолжать процесс, невзирая ни на что. Почти час он потратил, сочиняя разъяснение, которое предстоит зачитать присяжным. Он отнюдь не был уверен, что апелляционный суд согласится с его решением, особенно если Амиля признают

виновным и приговорят к высшей мере. В Виргинии такие приговоры автоматически поступают на апелляцию, и адвокаты станут землю рыть, отыскивая хоть малейшие промахи. Но процесс он доведет до конца, здесь альтернативы нет.

Прежде чем приказать мисс Алисе, чтобы та открыла зал, Спенсер предупредил Колдуэлла, что не позволит прокурору обсуждать криминальное прошлое Амиля. Тот факт, что Делберт Амиль прикидывался собственным братом, вовсе не дает гособвинению карт-бланш на организацию монументального шествия преступлений подсудимого на глазах присяжных.

На зачитывание разъяснения ушло минут пятнадцать. В частности, судья объявил, что имя Делберт Амиль было добавлено к тексту официального обвинения в качестве одного из псевдонимов подсудимого: Лестер Амиль, он же Делберт Амиль, далее по тексту...

Когда Спенсер закончил, в свидетельское кресло опять усадили Трумана Муди. Колдуэлл еще минут пять его допрашивал, в основном напирая на татуировку на шее Амиля и на то, как она помогла опознать Лестера-Делберта. Вполне довольный собой, Колдуэлл затем сел на место.

Делани понимала, насколько серьезными являются показания Муди, и решила не задавать ему ни единого вопроса, чтобы он как можно быстрее покинул зал. Однако, привстав со стула, чтобы объявить судье, что защита не будет вести перекрестный допрос, она передумала. Ей внезапно пришло в голову, что неплохо бы выяснить, как именно уличная банда собиралась уничтожить Амиля. А вдруг это поможет? Вдруг присяжные поймут, что у Амиля просто не было иного выхода?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Уличные банды очень опасны?

— Полиция думает, что да.

— Вы бы испугались, если бы узнали, что такая банда решила вас убить?

— Естественно, — ответил свидетель, разглядывая ее так, будто она только что продемонстрировала редкостную тупость. — Спрашиваете...

— А выдать себя за другого? Вы бы пошли на это, чтобы спастись?

— Да я бы на все пошел, нет вопросов. Была бы только возможность.

И вот тут Делани задала парочку вопросов, о которых потом горько пожалела.

— Вы подтверждаете, что в Лос-Анджелесе имеется банда, которая хотела расправиться с моим подзащитным? Из-за того, что он рассказал полиции об одном из убийств? То есть поступил как честный, законопослушный гражданин, стремящийся всеми силами помочь работе полиции?

— Ну да, подтверждаю. Они хотели ему голову оторвать, — кивнул Муди. — Коли стал одним из своих, так и не ходи, не вынюхивай, не стучи.

У Делани перехватило дыхание, словно кто-то на вздохе врезал ей под ложечку. Она обмякла на стуле, наивно надеясь, что до присяжных не полностью дошел смысл сказанного. Однако Колдуэлл не дремал. Он уже выскочил из-за стола:

— То есть вы утверждаете, что подсудимый был членом преступной группировки?

— Протестую, — уныло промямлила Делани. — Не имеет отношения к делу...

— Ваша честь! — воззвал Колдуэлл к высшему авторитету. — Ваша честь! Она первая начала!

— А я последним заканчиваю, — ответил Спенсер. — Протест принят. Задавайте следующий вопрос или возвращайтесь на место.

Колдуэлл присел и гордо вздернул подбородок: показания Муди обернулись для защиты подлинной катастрофой.

Пока Спенсер объявлял перерыв на обед и давал прочие распоряжения, Патти Делани следила за лицами присяжных. Она была уверена, что каждый из них успел сделать выводы насчет Амиля. Да и неудивительно: они уже знали, что он выдавал себя за другого человека, сидел в тюрьме, а теперь вот выяснилось, что он состоял в уличной банде.

Шаря глазами по их лицам, она вдруг поняла еще кое-что. Судя по встречным взглядам, присяжные успели сделать выводы и в ее адрес.

Спенсер уже знал, что вот-вот встретится с очередным грехом из собственного прошлого. И действительно, по окончании дневного заседания его поджидал юрист, прибывший из Вашингтона.

Мисс Алиса сообщила, что Кевин Майклс уже несколько часов мается под дверями судейского кабинета. Майклс, импозантный мужчина лет шестидесяти, был одет в шерстяной костюм от Генри Пуля и вошел в кабинет, держа незажженную кубинскую сигару в одной руке и потертый кожаный портфель — в другой. Небрежно уронив портфель на пол, он молча протянул Спенсеру визитную карточку с золотым обрезом и выпуклым шрифтом:

КЕВИН МАЙКЛС

Совладелец, член Совета директоров

Юридическая фирма

«Бойд, Стакхаус и Браун»

2143 Коннектикут-авеню,

Вашингтон, округ Колумбия

Спенсер знал эту фирму. Одна из самых престижных в столице. Майклс, наверное, берет долларов по шестьсот за час работы с клиентом. Что за невероятной важности дело заставило его потратить два часа на поездку в Шарлоттсвилль, а затем потерять весь день в ожидании Спенсера?

Майклс сразу перешел к цели своего визита:

— Наша компания представляет интересы наследников Амброза и Этель Вортингтонов. Вы, вероятно, знаете, что Амброз был близким другом вашего тестя, Августа Ван-ден-Вендера Шестого. Более того, лет двадцать назад, когда умер Амброз, юридическая фирма «Ван-ден-Вендер и Уайт» вела в суде дело о его наследстве.

— Да, помню, — кивнул Спенсер, — хотя на ту пору я только-только начал работать у тестя.

— Совершенно верно. И если я не ошибаюсь, незадолго до этого вы получили диплом юриста. Года не прошло... Так вот, наши данные показывают, что именно вы занимались этим вопросом. Весьма впечатляющее обстоятельство, тем более что дело было чрезвычайно запутанным.

— Вообще говоря, я на фирму пришел только месяцем раньше. Тесть решил, что разбор наследства Вортингтонов будет для меня неплохой школой. Крещение огнем, так сказать. Хотя... прошло столько лет, я уже не помню подробности. Что-то случилось? Какая-то проблема?

Майклс открыл портфель, достал толстую пачку документов и положил их себе на колени.

— К сожалению, да. Думаю, вы все-таки помните, что все свое наследство Амброз отписал жене, Этель Вортингтон. Однако, чтобы не платить слишком много налогов, практически все его деньги были размещены в различных трастовых фондах. Именно поэтому судебное разбирательство длилось чуть ли не два года.

— Да, помнится, времени ушло много.

— Его вдова оказалась крепенькой старушкой. Она скончалась два месяца назад в

возрасте ста трех лет. Последние годы жизни провела в частном доме престарелых в Вашингтоне, и вот почему, как мне представляется, ее дети обратились в нашу фирму, коль скоро мы расположены в столице.

Он обвел глазами комнату.

— Нет ли у вас пепельницы? Признаться, я так пристрастился к проклятым кубинским сигарам... Ручная скрутка, лучший табак в мире. Кстати, не желаете ли?

— Это общественное здание. Здесь курить запрещено.

Майклс насупился.

— Размер наследства Этель Вортингтон, — помолчав, сказал он, — составляет порядка полмиллиарда долларов. Судя по всему, Амброз умел вкладывать деньги...

— Извините, — прервал его Спенсер. — Поскольку Вортингтоны уже очень давно не являются моими клиентами, я не думаю, что у меня есть право знакомиться с такими подробностями.

— Господин судья, — напористо возразил Майклс, — поверьте, то, что вы сейчас услышите, будет вам очень, очень интересно. Видите ли, ее наследники решили реализовать практически все холдинговые активы, и поэтому наша фирма провела аудит. Выяснилось, что в свое время Амброз купил значительное количество акций компании «Цирк-Цирк», когда она только-только организовалась. Вам знакомо это название?

Нет, Спенсер никогда не слышал про эту фирму.

— Ее создали в 60-х годах, она представляла собой крошечное казино в Лас-Вегасе, — пояснил Майклс. — Такое название ей дали потому, что она действительно помещалась в цирковом тенте-шапите. Розовый низ, белый верх. Так вот, ее основателем был тот самый человек, который затем построил знаменитый «Цезарь-Палас», причем и «Цирк-Цирк» он тоже поначалу собирался оформить в духе древнеримской оргии. Даже вывеску придумал подходящую: «Романус Циркус Максимус». Но потом все-таки остановился на уже знакомом вам названии. В его казино во время игры выступали настоящие цирковые труппы. Слона — и того приспособили: тот ходил по залу и хоботом дергал за ручки игровых автоматов. Впрочем, от толстокожего пришлось-таки избавиться, слишком уж большие лепешки оставлял. Только представьте: идешь себе к столу, чтобы выиграть миллион, и вдруг — раз! — по самую щиколотку в дерьме. Забавно, да?

Спенсер уже начинал потихоньку барабанить пальцами по столу, однако его нетерпение никак не передавалось Майклсу. Адвоката явно увлекли живописные воспоминания молодости.

— Да-а, были времена... А потом вышло так, что казино стало прогорать, и его выкупила парочка весьма ярких персонажей. Два брата, которые каким-то чудесным образом сделали «Цирк-Цирк» прибыльным. Более того, именно они послужили той искрой, из которой возгорелось пламя революции игровой индустрии Лас-Вегаса. Они помогли превратить оплот мафии в фешенебельный город-курорт.

— Извините, мистер Майклс, — приподнял ладонь Спенсер, — сегодня выдался очень длинный день, и к тому же я до сих пор не понимаю, при чем здесь моя скромная персона.

Майклс взял с колен пухлую пачку документов и толкнул ее к Спенсеру через весь стол.

— Сегодня «Цирк-Цирк» входит в гигантский конгломерат, — произнес он, глядя в упор. — Они владеют шестнадцатью мега-курортами, а по числу гостевых номеров в отелях на главной улице Лас-Вегаса с ними не сравнится ни одно казино мира. В прошлом году их выручка составила два миллиарда. Амброз Вортингтон купил миллион акций «Цирк-Цирка»

практически за бесценок. Сейчас этот пакет стоит более ста миллионов. Причина моего визита в том, что аудиторская проверка обнаружила некий «вывих». Все задокументировано, можете ознакомиться сами.

— И вы считаете, я могу что-то знать об этом?

От вальяжных манер Майклса не осталось и следа.

— В ваших же интересах. — В его голосе звякнул ледок. — Пока вы два года ковырялись в суде, оформляя наследство Амброза, «Цирк-Цирк» объявил о сплите, то есть о дроблении своих акций. Пакет мистера Вортингтона должен был увеличиться с одного миллиона акций до полутора. Однако кто-то то ли недосмотрел, то ли забыл, то ли еще что — и это так и не отразилось на балансе. Другими словами, в активы Вортингтонов не были зачислены полмиллиона акций. Они исчезли! Миссис Этель знала, что у мужа имелся миллионный пакет, хотя не разбиралась в инвестиционных тонкостях и даже понятия не имела, что такое акционный сплит. Когда наследство наконец было ею получено, она проверила книги, удостоверилась, что пакет целехонек и по-прежнему на месте, — и успокоилась, даже не подозревая, что у нее украли дополнительные полмиллиона акций!

— Украли? — недоверчиво переспросил Спенсер.

— Из уважения к вам и фирме «Ван-ден-Вендер и Уайт», — церемонно произнес Майклс, — мы решили, что я лично сообщу вам об этой оплошности. Мы хотели бы знать, что случилось с исчезнувшим полумиллионом.

Спенсер и понятия не имел, что с ним могло случиться.

— Хорошо, — сказал он, недоумевая, — я посмотрю ваши бумаги. Но я совершенно точно уверен, что кто-то просто ошибся... Если, конечно, в ваших словах содержится истина.

— Ах, истина? Не извольте сомневаться, — насмешливо отозвался Майклс. — Поясню исключительно для справки: пропавший пакет сейчас стоит пятьдесят миллионов. Плюс моя фирма берет двадцать процентов за услуги. Итого шестьдесят.

Он достал спички и нахально разжег сигару.

Спенсер поднял глаза, все еще склоняясь над бумагами:

— Я уже сказал вам — здесь не курят.

Майклс закинул ногу на ногу и с наслаждением затянулся. Сейчас он походил не на адвоката из уважаемой фирмы, а скорее на мафиозного «инкассатора», присланного выбить должок.

— Прекратите немедленно!

Майклс постучал сигарой о ботинок, рассыпав пепел и искры по полу. Затем нежно придавил тлеющий кончик к каблуку, чтобы осторожно погасить, но не испортить сигару.

— Судья, у вас на руках проблема куда серьезнее, чем борьба с курением. Мы хотим получить свои деньги в течение недели, а если не получим, то наследники подадут иск против вас лично и против фирмы вашего тестя. Кроме того, мы передадим результаты аудита в ряд компетентных федеральных органов. Мой нюх подсказывает, что здесь попахивает фелонией, да еще по нескольким статьям.

Он звонко щелкнул пряжкой портфеля и встал.

— Насколько я понимаю, вы вот-вот попадете в «обойму» на выдвижение вашей кандидатуры в коллегию Верховного суда Виргинии. Если, конечно, Тейлора Колдуэлла изберут губернатором. Очевидно, вашу оплошность лучше не выставлять напоказ и решить дело полюбовно. Желаю здравствовать, судья.

С этими словами Майклс вышел, не протянув руки на прощание.

Сразу после ухода адвоката Спенсер кинулся на улицу и через три квартала добежал до штаб-квартиры «Ван-ден-Вендера и Уайта» на углу Седьмой улицы и Ист-Маркет-роуд. Хотя, став судьей, он практически оборвал все связи с компанией, его бывшая секретарша еще трудилась там и отвечала за работу по старым клиентским делам. Трейси Шугарман уже собиралась домой, когда он вихрем ворвался на второй этаж, где располагались кабинеты старших партнеров фирмы. В этот день из всех сотрудников она задержалась последней.

— О, ваша честь! Какими судьбами! — тепло улыбаясь, приветствовала Трейси бывшего начальника. — Давненько я вас не видела!

— Все, мне надо все про Амброза Вортингтона и его наследство! — тяжело отдуваясь, сказал он. — Сейчас же, немедленно!

Трейси сделала большие глаза, но повиновалась. Пока она ходила в архив, Спенсер нервно мерил шагами конференц-зал, украшенный картинами, где лошади гонялись за лисицами. Минут через пятнадцать появилась Трейси, толкая перед собой тележку с десятком картонных коробок.

— Не сердитесь... Я был слишком резок, — извинился Спенсер. — Облаял, как солдафон...

— Ничего, ваша честь, — махнула она рукой. — У нас у всех бывают «веселые» деньки. Часа через два Шугарман осторожно постучала в дверь.

— Господин судья, восемь часов. Дети без ужина сидят. Если вы успели запомнить — я одинокая мать семейства.

— Ох, простите! Совсем заработался. Конечно, пожалуйста, идите домой!

Он углубился в бумаги. К десяти часам вскрывшиеся факты довели его до белого каления. Спенсер оставил тележку с документами возле стола Трейси и вернулся в суд, на этот раз медленно переставляя ноги, чтобы не расплескать ярость и не потерять голову. Попав в свой кабинет, он внимательно прочитал аудиторский отчет, оставленный Кевином Майклсом, и к приезду в семейный особняк уже точно знал, что произошло.

Мелиссу он нашел в библиотеке. Она сидела перед зажженным камином, изучала книжку про рысака по имени Сибиски и запивала прочитанное бокалом французского вина.

— Твой вонючий отец меня обделал! С головы до ног! — сообщил Спенсер, едва войдя в дверь.

Мелисса неторопливо закрыла томик, деликатно, одним мизинцем сдвинула оправу на нос и взглянула на мужа поверх очков.

— Что случилось, дорогой?

— Твой папаша меня подставил. Я только-только пришел к нему на фирму, а он меня сразу подставил. На кривой козе объехал. Так что теперь я сам козел отпущения... Вызвал к себе в офис, сказал, что хочет мне добра, болеет за меня душой — и показал во-от такую стопку документов. Наследство его дружка Амброза. Хотел, чтобы я стал адвокатом по делу с фидуциарной ответственностью. Ты хоть понимаешь, что это значит?! Вел себя так, будто меня осчастливил. Дескать, это будет хорошо смотреться в моем личном деле. Новоиспеченный зять в самый первый месяц работы берет на себя ответственность представлять многомиллионное состояние в суде! Да только — Боже мой! Боже мой! — твой папочка и не думал дарить мне подарки. О нет! Он украл полмиллиона акций — а дырку заткнул мной! И притопнул сверху. На, мол, зятек!

На лице Мелиссы не отразилось никаких эмоций. Она отложила книгу на соседний

столик и грациозно поднялась с кресла.

— Как смеешь ты врываться сюда, — произнесла она мелодичным голосом, — и называть моего отца вором? Я не собираюсь продолжать этот разговор, пока ты не научишься вести себя достойно.

Она двинулась к выходу, но Спенсер одним прыжком преградил ей дорогу.

— Твой отец выполнял всю работу. Он лично надзирал за бухгалтерскими счетами. Мне оставалось только визировать те бумаги, что он приносил. Он предложил мне всю славу приписать себе — из любви к родственнику! ха! — и я согласился. А ведь я даже не читал, что подписывал. Я верил ему и к тому же хотел, чтобы все думали, будто в моих силах в одиночку справиться с оформлением такого наследства... Идиот!

— Дорогой, — сухо сказала Мелисса, — это твои проблемы. И я вообще не понимаю, чего ради так заводиться из-за каких-то дурацких акций.

— Дурацких?! — подскочил он как ужаленный. — Эти дурацкие акции стоят пятьдесят миллионов! Под этими дурацкими акциями стоит моя подпись! А стало быть, именно я их украл! Дурацкие!.. Сама ты дура!

Без предупреждения она вlepила ему крепкую пощечину. Такого не случалось за все двадцать три года их брака. На мгновение Спенсера страшно потянуло врезать кулаком по этой гладкой, шелковистой скуле. Однако он лишь перехватил ее руки за запястья и сильно сжал.

— Твой отец украл пятьдесят миллионов, и сейчас наследники Вортингтонов хотят их вернуть. Плюс еще десять. И если я не найду денег за неделю, мне конец!

— Отпусти, — потребовала она, по-прежнему контролируя свою злость. — Меня возмущает, как ты пытаешься все свалить на отца! Он в сотню раз лучше тебя как адвокат и в тысячу — как мужчина!

Здесь в голове Спенсера что-то тренькнуло, и весь гнев, негодование, обиды и горечь, что скапливались из года в год, хлынули изо рта, как из разбитого шлюза:

— И ты защищаешь?.. Ты его защищаешь?! Ты — моя треклятая жена! — и ты на его стороне? Ты что, оглохла? Твой отец меня подставил! Он украл пятьдесят миллионов — а мне теперь отдувайся?! И ты еще смеешь бить меня по лицу и при этом орать, какой он мужчина?!

— Отпусти!

— А-а-а! Похотливая сучка! Я знаю, как ты трахалась с этим сопляком в конюшне! — не помня себя, выпалил Спенсер. — Я ви-идел, я все-е видел!

Мелисса дернулась в сторону, стараясь вырвать запястья, но он не дал ей волю. Сейчас она уже потеряла свое прежнее хладнокровие. Сейчас он держал за руки фурию.

— Мне больно! — взвизгнула она. — Пусти же! Пусти! Подлец!

Он сжал запястья еще крепче.

— Я тебя видел в соломе! Я видел, как ты ему подарила свои идиотские трусы!

Мелисса замерла, а спустя мгновение резко дернула обе руки вниз. Спенсер разжал пальцы.

— Вот именно. Ты дала ему свои трусы и стала хихикать. В чем соль шутки, не поделишься?

— Соль в том, — холодно сказала она, — что весь наш брак — одна большая шутка.

Сказала — и бочком прошмыгнула вон из комнаты.

— Да! — крикнул он ей в спину. — Правильно! Только притворяемся, будто все

нормально! У тебя вся жизнь — сплошное притворство! Давай теперь притворяйся, что я не видел тебя в конюшне! Притворяйся, что твой отец не сделал из меня мальчика для битья!

Здесь им овладел сарказм.

— А знаешь, действительно, и впрямь смешно. Вон тебя трахнул какой-то студент. А твой папаша проделал это с мной. И даже не поцеловал. Я смотрю, вы, Ван-ден-Вендеры, большие комики... Только и знаете, как издеваться над людьми.

Она уже поднималась по лестнице, но при этих словах остановилась и повернулась кругом. Пришла ее очередь изливать злость.

— Ты мне омерзителен! Тюфяк! Тупица! Жалкий, слезливый человечиска, который сам себя убедил в собственном ничтожестве! Да если бы не я, в твою сторону никто бы и не взглянул! Потому что ты — ноль, пустое место! У тебя ни денег, ни друзей, ни жизни — ничего нет! Мы с отцом дали тебе будущее, а ты скулишь из-за какой-то ерунды! Подумаешь, не поделили сколько-то там акций!

— А ты-то сама кто? Королева? Хозяйка волшебного замка? Великая наследница могучей династии Ван-ден-Вендеров? Принцесса-недотрога? Только не забудь, прекрасноликая дрянь, что я видел, как ты прогибалась в стойле... Раскорячилась под прыщавым юнцом, аж бревна трещали! Дорвалась, мразь панельная! Ты мне лучше скажи, сколько у меня веток на рогах, а? Сколько еще мужиков тебя оприходовало?

— Вон! — У Мелиссы вздулись шейные вены. — Вон из моего дома!!!

Спенсер пошел вверх взять кое-что из вещей и одежды. Вернувшись, он обнаружил Мелиссу опять в библиотеке, возле камина. Тыкая кованой кочергой, она ворошила горящие поленья. Взглянув на мужа, она ничего не сказала. Только глаза сверкнули.

Он тоже промолчал и, гулко захлопнув за собой входную дверь, забрался в «ягуар». Выжал педаль газа до пола. Машина рванулась, выбросив фонтан гравия из-под колес. Добравшись до главной автострады, Спенсер набрал на мобильнике номер телефонного оператора и попросил соединить с «Приютом Клифтона», курортным пансионатом в пригороде Шарлоттсвилля, излюбленным местом горожан побогаче.

— Номер «Рандольф» свободен? — спросил он дежурную регистраторшу.

Здание пансионата была построено в 1799 году Томасом Манном Рандольфом, зятем Томаса Джефферсона. В свое время этот номер-люкс служил адвокату Рандольфу офисом и особенно нравился Спенсеру.

— К сожалению, сэр, сейчас можем предложить только «Медовый месяц».

От столь идиотского совпадения Спенсер даже хрюкнул.

— Почему бы и нет... Оформите, пожалуйста, на имя судьи Эвана Спенсера. Я подъеду через несколько минут.

— Миссис Ван-ден-Вендер тоже будет с вами, сэр?

— Нет, — ответил он ледяным тоном. — В чем, собственно, дело?

— А-а... кхм... простите, сэр. Видите ли, миссис Ван-ден-Вендер предпочитает, чтобы к ее приезду в комнатах стояли свежие розы. Извините... На какой срок желаете снять номер, сэр?

— Пока не надоест, — буркнул он и нажал кнопку отбоя.

По дороге в «Приют» Спенсер успел сотню раз прокрутить в голове стычку с Мелиссой и придумал десятки изящных, точно выверенных, зазубренных остроумий, которыми мог бы нашипиговать свою благоверную. Жаль, не успел... Он зарегистрировался и пошел в «Медовый месяц», который представлял собой белый каменный коттедж, расположенный

чуть позади главного корпуса. Входная дверь открылась во вместительную комнату, где под балдахинном стояла старомодная кровать королевских размеров. Вместо ножек у нее были приделаны дугообразные полозья, как у игрушечных лошадок. Также в комнате имелись не менее древний гардероб и камин. Туалет с ванной были спрятаны за двустворчатой дверью до потолка, с узорчатым стеклом вместо филенок.

Не глядя, Спенсер швырнул свою сумку куда-то в сторону гардероба, прыжком упал на кровать и утонул в перине. Все мысли, что вертелись у него в голове, могли быть выражены одной фразой: «Как мог я поверить Августу Шестому?» В конце концов, они никогда не нравились друг другу. Август всегда считал, что дочь вышла за плебея...

На одеяло упала тяжелая капля. Спенсер соскочил с перины и побежал в ванную, сунул ладонь под воду. Салфеткой промокнул кровь, но та продолжала сочиться. Тогда он перетянул ладонь полотенцем, стараясь прижать рану как можно крепче, однако кровь отказывалась сворачиваться, и вскоре по махровому полотнищу расплылось бурое пятно.

Им начала овладевать паника. Закружилась голова. Спенсер упал на колени, откинул крышку унитаза и вытошнил желчью. Спустя пару секунд — еще один позыв рвоты. И еще. И еще...

По лицу струился пот. Он осел на кафельный пол и завалился на бок, уткнувшись лбом в белый пьедестал. Фаянс приятно охлаждал кожу, и вроде бы стало полегче. Спенсер рискнул проверить руку.

Кровь уже не собиралась лужицей в ладони, и он смог разглядеть крест. Точнее, распятие. Контуры фигурки видны вполне отчетливо.

Вновь накатила тошнота.

Что со мной? Что я наделал, чтобы заслужить такое? Сейчас-то за мной какой грех?

Он еще раз подавился рвотой.

Это нечестно! За что меня наказывают?! Я же не воровал акции!!!

Ранним утром во вторник, когда Патти Делани вошла к себе в кабинет, ее поджидало новое электронное сообщение:

Франк Арнольд убил свою дочь. Из-за денег. Вашего клиента сделали крайним.

Она еще разглядывала эту строчку, когда за спиной раздался шорох.

— Ай! — вскрикнула Делани, прикрывая голову. — Уф-ф! Зачем же так пугать?

— Пардон, — сказал Макдоналд. — Я не хотел. Просто рано приехал и решил пока забежать в комнату для маленьких мальчиков. Доброе утро. Очередное письмо?

— Да. Но здесь что-то странное.

Он прищурился на экран:

— Отчего же? Я и сам всегда подозревал, что это Франк.

— Смотрите: в прежних письмах наш источник всегда оставлял какие-то подробности. Ночное недержание, рукоблудие Лестера и так далее. А здесь он без обвиняков заявляет, виновен-де папаша. Из-за денег. А где доказательства?

Она вновь перечитала послание.

— И потом, я-то думала, что письма отсылает нам Франк. Зачем же ему на себя указывать?

Припомнив обсуждение предыдущего письма, она добавила:

— Вы уже выяснили насчет видеокамеры в комнате Касси?

— Копы утверждают, что ее там не было.

— Кто же тогда нам пишет?

— Какая разница? Главное, теперь мы точно знаем, кто убийца.

Она еще раз прочитала сообщение.

— Нет, не понимаю. Почему «из-за денег»? Франк Арнольд и так богат.

— Может, он убил Касси не ради обогащения, — предположил Макдоналд. — Может, он не хотел становиться беднее.

— Повторите, пожалуйста, и помедленней.

— Допустим, — начал Макдоналд, — что Франк Арнольд действительно видел, как его жена занимается сексом с нашим подопечным. Он впадает в бешенство и хочет развестись. Однако по законам Калифорнии она получает половину его состояния, а то и больше. А ведь это минимум двести пятьдесят миллионов! Франк не из тех, кто улыбаясь расстанется с такими деньгами, да еще и в пользу неверной супруги. И вот он лежит в кровати и думает, нет ли выхода подешевле. У Касси мокрая постель, она плачет и зовет маму. Затем он слышит детские крики и понимает, что Максин снова избил дочь. Это шанс. После возвращения в спальню Максин оглушает себя парой снотворных пилюль. Франк вылезает из-под одеяла, убивает дочь и делает так, чтобы все выглядело как подражание делу Джонбенет Рэмзи.

— И как убийство поможет ему отделаться от жены?

— А вы вспомните: Франк Арнольд стал богачом, планируя и опережая всех на два шага. Он подстраивает сцену преступления, потому что хочет, чтобы копы арестовали Амиля. Почему? Потому что знает, что Амиль рано или поздно проговорится насчет секса с его женой. Франк знает, какое у нее прошлое. Он знает, что ее первый ребенок умер

странной смертью. Он знает, что у нее вспыльчивый характер. И он знает, что она избилась Касси в ночь убийства. Очевидно, думает он, либо полиция, либо мало-мальски грамотный адвокат сумеет раскопать такие факты. Бабах! Максин под подозрением. Если повезет, он их обоих — Лестера и Максина — спустит в канализацию одним движением руки.

— Но зачем такие сложности? — недоумевала Делани. — Нельзя разве нанять кого-нибудь киллера?

— Слишком рискованно. Да и есть опасность нарваться на вымогателя. Кроме того, у Франка невыносимое самомнение, и он чувствует себя настоящим мачо. На его взгляд, такие вещи надо делать самому.

— Убивать родную дочь?!

— Заметьте, если Максина посадят, то — по закону Калифорнии — он может развестись, не отдав ей ни цента. К тому же Касси ему неродная.

— Что?!

— Смотрите: почему копов так беспокоил «синдром внезапной младенческой смерти» ее первой дочери? Дело в том, что Максина снова забеременела, и полиция опасалась, как бы она не погубила и второго ребенка. Да-да. В момент развода с первым мужем она была уже на четвертом месяце. Касси родилась за месяц до ее встречи с Франком. Он официально удочерил малышку в день свадьбы, но сам не был ее... этим... генетическим отцом? Черт, с этой вашей политкорректностью уже не знаешь, как что называется.

— Биологическим, — рассеянно отозвалась Делани. — Так, значит, Максина встретила Франка через месяц после родов?

— Ну да? А что?

— Да так, ничего. Просто впечатляет.

— То есть?

— Большинству знакомых мне женщин понадобилось куда больше четырех недель, чтобы после родов прийти в форму! Эх вы, мужчины!

— Ой, Делани, — скривился Макдоналд, — вы не туда смотрите. Я говорю, что он убивал не свою плоть и кровь, вот что главное!

Делани все еще была полна скептицизма.

— По-моему, вернее считать, что это Максина убила дочь. Потеряла самоконтроль в минуту ярости и так далее. Но я вот что хочу сказать. Будь я среди присяжных, то виновным признала бы Амию.

— Так-то оно так, — отозвался Макдоналд. — Именно этого Франк и добивается. Парень дергает за ниточки, а все пляшут. За исключением, кажется, вашего анонима и меня. Разве ваш источник хоть раз ошибся? Да-да, он допустил неточность насчет души, однако по сути всегда был прав. Он говорит, что убийца — Франк, и я того же мнения!

— Что с вашей рукой? — поинтересовалась мисс Алиса, когда утром во вторник Спенсер появился в суде. Действительно, ладонь у него была перевязана.

— Порезался. Ничего страшного.

Он прятался у себя в кабинете, пока не пришло время идти на заседание.

Тейлор Колдуэлл вызвал Франка Арнольда и более часа скармливал свидетелю вопросы со сладким кремом. Естественно, показания Франка во всем совпадали со словами его жены.

Спенсер пытался слушать, но сосредоточиться никак не удавалось. Левая ладонь все время пульсировала. Его начинал прошибать пот. Это заметила Делани.

— Ваша честь, — сказала она, прерывая гособвинителя. — Как вы себя чувствуете?

Весь зал уставился на судью.

— Кхм... Да. Мне нужен небольшой перерыв, — буркнул он.

Спенсер встал, и кто-то из зрителей ахнул. Повязка набухла кровью. Он поспешил к себе в кабинет и щелкнул замком. Теперь — срочно в ванную комнату.

— Позвать врача? — поцарапалась в дверь мисс Алиса.

— Нет! — крикнул он. — Пять минут — и все.

Спенсер оторвал бумажную салфетку от рулона и обмотал ею ладонь. Выйдя из ванной, доковылял до письменного стола и рухнул в кресло. Похоже, он инстинктивно знал, что делать дальше. Правой рукой отомкнул ящик, левую ладонь положил на камень. Как только рана коснулась гладкой поверхности, раздался звук рвущейся материи, и в комнате поплыл запах горелого мяса.

Спенсер в супружеской спальне Арнольдов. Франк с Максин спят. На цифровом табло будильника — 3 часа ночи.

Кричит Касси. Франк пихает жену локтем:

— Пойди посмотри. Похоже, она опять развела сырость.

— Достала уже! — ворчит женщина и слезает с постели, еще пошатываясь в полудреме. Франк поворачивается на другой бок.

Минуту спустя до Спенсера доносятся проклятия Максин и визг Касси. Франк тоже это слышит. Он садится в кровати, спускает одну ногу на пол, затем передумывает, хотя, Касси вопит еще громче, и с головой накрывается одеялом.

Молча заходит Максин и сразу направляется в ванную. Спенсер идет за ней. Она открывает баночку со снотворными пилюлями, высыпает парочку на ладонь, закидывает их в рот, шлепает в спальню и забирается в кровать к мужу.

Вжик!

Сейчас Спенсер в подвале. Касси лежит на газетах, разостланных по бетонному полу. Щиколотки и запястья стянуты изолентой. Рот заклеен. Кто-то надел ей на шею гарроту и затянул веревку так, что она врезалась в кожу. Над девочкой стоит мужчина. Спенсер выходит из тени, чтобы получше разглядеть его лицо. Франк Арнольд. Он плачет. «Касси, прости меня! Пожалуйста, пожалуйста, прости меня! Прости!» Девочка не шевелится. Арнольд покидает кладовую. Спенсер за ним. Арнольд идет наверх, в свой кабинет, открывает ящик стола, берет серебряную с голубым ручку и начинает писать в блокноте.

Спенсер придвигается ближе. Арнольд пишет письмо о выкупе левой рукой. Закончив, он спускается в холл и аккуратно раскладывает листки на полу. Вспоминает, что до сих пор держит авторучку, открывает ближайший шкаф и засовывает ее в карман черной кожаной куртки.

Боль в руке прекратилась столь же внезапно, как и началась.

Убийца — Франк Арнольд! Делберт Амиль невиновен! Касси убил ее родной отец!

Спенсер убрал ладонь с камня и запер ящик стола. Затем заглянул в ванную комнату и охладил лицо водой.

Надо сообщить Делани!

Вернувшись к столу, он подключился к Интернету и загрузил веб-страницу «Шарлоттсвилльских курантов». Защелкали клавиши.

Франк Арнольд убил Касси. Письмо о выкупе написал левой рукой. Авторучка — серебряная с голубым, находится в кармане черной кожаной куртки, которая висит в шкафу рядом с тем местом, где нашли письмо. Он забыл стереть свои отпечатки. Ищите авторучку.

— Господин судья! — заговорила замочная скважина голосом мисс Алисы. — Вам плохо? Или хорошо? Мне распускать присяжных?

Спенсер щелкнул кнопку ОТОСЛАТЬ.

— Да, да! Все нормально! Мне уже лучше! — прокричал он в ответ. — Сейчас иду! Пусть все сидят на месте!

Придя в зал, он объявил:

— Я хотел бы извиниться. Прошлым вечером я порезал руку и к тому же сражаюсь с простудой. Прошу прощения, если кого-то испугал или беспокоил... А поскольку уже почти полдень, полагаю, нам следует прерваться на обед. Дневное заседание откроется в час.

Спенсер выскользнул из судейской мантии и поспешил вниз. Делани он нашел в коридоре. Она направлялась к буфету.

— Мисс Делани.

Она обернулась.

— Вам правда лучше, господин судья?

— Да-да. Вы сейчас идете в офис?

— Нет. Я собиралась перекусить. Сегодня утром не успела позавтракать и...

— Да-да. Знаете, вам целесообразно и обед пропустить. И зайти к себе в офис, — выпалил Спенсер не задумываясь. — Э-э... В смысле у вас ведь сейчас перекрестный допрос Франка Арнольда, а его показания, несомненно, очень важны. Очень. Я думаю, вам следует подготовиться лучше, чем в прошлый раз.

С этими словами он повернулся и зашагал назад.

Делани ошеломленно смотрела ему вслед. Какое он имеет право ей указывать, что и когда делать? Да еще заменить обед копанием в бумагах?

Она опять пошла к буфету, однако, не дойдя нескольких шагов, остановилась. А что, если он прав?

Делани редко выключала компьютер и предпочитала оставлять его подсоединенным к Интернету, даже когда отсутствовала. Сев за стол, она увидела, что ей пришло сообщение. То самое, что Спенсер отправил несколько минут назад. Прочитав его, она схватилась за телефон и набрала номер управления шерифа при графстве Альбемарль.

— Мне нужен следователь Дейл Стюарт... Да, срочно. Крайняя необходимость.

Через несколько секунд трубку взял Стюарт.

— Господин следователь? Это Делани. Вам удалось найти ту ручку, которой было написано требование о выкупе?

— Нет еще. А что?

— Эта авторучка, серебряная с голубым, находится в кармане черной кожаной куртки, которая висит в шкафу дома Арнольдов! В холле!

— Ваш клиент наконец-то раскололся?

— Да нет же! — рявкнула она. — Касси убил Франк Арнольд! Ручку спрятал он!

— Почерк Франка не совпадает с характером надписей. Мы уже проверяли.

— Конечно, не совпадает! — Ее охватило раздражение. — Потому что писал левой рукой! А он правша!

— Мисс Делани, вы со мной в игры играете? Что-то уж больно удачно вы подобрали время. В обеденный перерыв между заседаниями вы мне звоните и сообщаете, что Франк Арнольд убил собственную дочь, плюс вы каким-то образом узнаете, где он спрятал авторучку, которой якобы написал требование о выкупе. А не ваш ли клиент ее туда подкинул?

— Делберт Амиль ничего не знает про ручку! Он вообще о ней не упоминал!

— А кто тогда? Кто это может знать, кроме убийцы или человека, специально подбросившего такую улику?

— Послушайте! Просто езжайте в дом Арнольдов и достаньте ее! Все, что я пытаюсь сделать, — это помочь вам поймать настоящего убийцу!

— А мы уже поймали, — съехидничал он. — Это ваш клиент.

И повесил трубку.

Делани в бешенстве набрала еще один номер.

— «Шарлоттсвилльские куранты», — раздался женский голос.

— Мне надо срочно поговорить с человеком, который занимается вашей веб-страницей в Интернете! Срочно! Пожалуйста!

Секретарь соединила ее с заведующей газетного архива, которая дала Делани телефонный номер и адрес компании, называемой «Эс-энд-Кей дизайн». Делани тут же позвонила туда, однако линия оказалась занятой. Через несколько секунд она попыталась вновь. Затем еще раз. Все безуспешно.

Ах черт, время! Время уходит!

Она вбежала в зал за несколько секунд до начала слушаний.

— Вы нашли тело дочери в кладовой, правильно? — спросил Тейлор Колдуэлл.

— Да, — ответил Франк Арнольд. В его глазах стояли слезы.

— Я понимаю, сейчас вам очень тяжело, но не могли бы вы еще раз рассказать присяжным, что увидели в тот момент, когда зашли в кладовую?

— Ка... Касси лежала на газетах. Ее пижамные штанишки были стянуты до щиколоток, а... а руки и ноги связаны клейкой лентой и я... я... — Арнольд запнулся. Эмоции, видимо, захлестывали через край. — Извините, господин судья. Мне нужно немного собраться...

Делани оглядела лица присяжных. Арнольд, можно сказать, их с ладони кормил. Примерно через полчаса Колдуэлл прекратил допрос.

— Ранее вы показали, что в ночь убийства ни разу не покинули спальню, — начала Делани. Не дожидаясь ответа, она добавила: — Вы по-прежнему придерживаетесь своих слов?

— Да. Это чистая правда. У меня нет причин менять показания.

— Нет причин? То есть вы не вставали, чтобы проверить, как дела у Касси после того, как ее избил мать?

— Протестую! — воскликнул Колдуэлл. — Не предъявлено никаких доказательств, что Максин Арнольд хоть раз избил своего ребенка!

— Хорошо, я переформулирую, — кивнула Делани. — Спускались ли вы в подвал той ночью?

— Я уже сказал, что нет...

— И Касси в действительности не ваша дочь, не так ли? — вдруг атаковала она.

Арнольд озлился:

— Вы имеете в виду, что я ее удочерил? Да. И что с того? Она стала мне дочерью, когда ей и годика не было.

— Но полиции вы об этом не рассказывали, верно?

— Это никого не касается! Я вижу, вы пытаетесь найти грязь в нашем прошлом. И это все, что вы раскопали? Что, довольны теперь?

Делани понимала, что ее вопросы могут враждебно настроить присяжных против защиты. Теперь ей припишут полную бессердечность. Однако выхода нет. Только вперед.

— Что вы испытали, узнав о сексуальных отношениях своей супруги и моего подзащитного? Гнев? Ярость?

— Протестую!

— Господин судья, — поднял руку Франк, останавливая генпрокурора. — Если вы не против, я хотел бы ответить на данный вопрос.

— Пожалуйста.

Арнольд повернулся в кресле, чтобы смотреть в лицо присяжным.

— Мисс Делани упорно намекает, что моя жена состояла в интимной связи с подзащитным. Да, был один момент, когда я неожиданно забежал в комнату и напугал их обоих. Но не спугнул! Ни о каком сексе и речи не идет! Максин просто... по-дружески... обнимала этого вашего подзащитного и хлопала его по спине. Она уже давно стремилась подготовить его к вступительным экзаменам, а он устал и был сильно расстроен. Конечно, теперь-то мы знаем почему... Он вовсе не Лестер Амиль, а фальшивка.

— Мистер Арнольд, — посетовала Делани, — зачем так много слов? Вполне достаточно ответить «да» или «нет». Так вы были в гневе из-за их сексуальных связей?

— У моей жены не было с ним секса! — заявил Арнольд. — Он угрожал ей клеветой! Это часть его плана шантажа! А своей жене я верю, как себе. Если бы рядом не был Максин, ее поддержки и помощи, я бы не захотел жить дальше. Она — мое сердце!

— Бо-оже, какая замечательная рекомендация... — ядовито отозвалась Делани. — Сколько недель ее шлифовал ваш рекламный отдел?

— Ваша честь! — взвился Колдуэлл.

— Ладно-ладно, вопрос снимаю. — Она помолчала. — Мистер Арнольд, вы пользуетесь виагрой?

Один из присяжных застонал.

— Ваша честь! — Колдуэлл потемнел лицом. — Какое это имеет отношение?

— Защита имеет полное право расспросить свидетеля о его половой жизни, — заявила Делани. — Тем более что вопрос об интимных связях его супруги и моего подзащитного остается открытым!

— Я разрешу вам продолжить, но не углубляйтесь слишком далеко, — принял решение Спенсер.

— Так вы пользуетесь виагрой?

— Да. Я очень занятой человек, у меня колоссальные стрессы на работе, порой мне бывает сложно сосредоточиться. Тем не менее у нас с женой прекрасные, взаимно

удовлетворяющие отношения.

Делани подмывало спросить насчет письма о выкупе, но она побоялась привлечь внимание к авторучке. Если следователь Стюарт пропустил мимо ушей ее совет, то Франк Арнольд как раз запросто уничтожит улику, когда вернется в дом после заседания. Она посмотрела в сторону входной двери зала.

— Вы кого-то ждете? — вскинул бровь Спенсер.

— Нет, ваша честь...

Лукавила, конечно. В душе она молилась, чтобы произошло телечудо в духе Перри Мейсона: в коридоре шум, гам, потом — бац! — в обе стороны распахиваются двери, в зал врывается взъерошенный Стюарт, язык и галстук набок, во вскинутой руке торчит олимпийский факел. В смысле авторучка. Серебро на голубом. Э-эх... Жаль, что такое бывает только в сериалах.

— Задавайте свой следующий вопрос или присаживайтесь, — напомнил Спенсер.

— Мистер Арнольд, вы правша или левша?

— Правша.

— Вы умеете писать левой рукой?

— С детства не пробовал. Уверен, что никто ничего не разберет.

За спиной Делани послышалось шушуканье. Она обернулась. По центральному проходу крадся следователь Стюарт. Он передал Колдуэллу какую-то записку и скромно отступил на шаг.

— Ваша честь, я... хотел бы попросить о небольшом перерыве, — медленно вставая, сказал гособвинитель, — чтобы обе стороны могли встретиться в вашем кабинете. Я только что получил сведения, которые на данный момент не могут обсуждаться в присутствии присяжных, однако представляют определенный интерес.

— Что происходит? Что в той записке? — зашептал Макдоналд, пока они с Делани шли к кабинету судьи. Она так и не успела рассказать ему про новое электронное письмо и авторучку. Зато знала ответ.

— Привет от Перри Мейсона!

— Примерно час назад, — объяснил Колдуэлл, — следователь Стюарт нашел некую авторучку в доме Арнольдов. Очевидно, именно этой ручкой пользовался убийца, когда писал требование о выкупе.

— Откуда известно, что это та самая ручка? — спросил Спенсер.

— Дело в том, что на ней стоит эмблема компании «Давид Оскарсон». Наши криминалисты установили, что чернила на письме о выкупе также выпущены этой компанией. Других таких в мире нет. Они используются только в их собственной продукции.

— То есть вы уверены на сто процентов?

— Нам еще требуется взять образец чернил из этой авторучки и сравнить их с письмом. Однако я бы сказал, что процентов на девяносто мы уверены.

— Откуда следователь Стюарт узнал, где искать?

— Ему подсказали. Мисс Делани.

— Отпечатки пальцев?

— Имеются. Франка Арнольда.

В груди женщины-адвоката разгорелось маленькое солнышко.

— Мистер Колдуэлл, вы утверждаете, что Франк Арнольд убил свою дочь?

— Нет, судья. Мы и сейчас полагаем, что убийца — Делберт Амиль.

— Что?! — Делани покачнулась. Словно обухом по затылку.

— Откуда вы узнали, где спрятана авторучка? — спросил Колдуэлл.

— На что конкретно вы намекаете? — нахмурился Спенсер.

— Мисс Делани с самого начала пытается превратить процесс в театральную постановку. Во-первых, обвинила Максин Арнольд, что та якобы до смерти забила родную дочь. Теперь она заявляет, что убийца — Франк Арнольд. Я требую, чтобы она призналась, откуда у нее сведения про авторучку!

— Какая разница, я не понимаю? — уперлась Делани.

— Разница в том, что ее подкинул ваш клиент.

— Чушь! — выкрикнула Делани.

— Судья, — сказал Колдуэлл, — смотрите. Делберт Амиль берет ручку, пишет письмо, затем прячет ее, чтобы в нужный момент сбить нас с толку и подставить Франка Арнольда.

— Но отпечатки! Она вся заляпана отпечатками Арнольда!

— На отпечатки есть перчатки, мисс Делани. Амиль их надел и держал авторучку за самый кончик, возле пера. Вот и все.

— Сумасшедший дом, честное слово! — взорвалась Делани. — Ну что, что вам надо сунуть под нос, чтобы вы убедились в невинности моего клиента?!

— Не надо мне ничего совать. Хватит уже. Лучше признайтесь, откуда вам известно про ручку, — потребовал Колдуэлл. — Если не Амиль, то кто?

Делани оглянулась на Спенсера.

— Боюсь, я не вправе этого говорить, — тихо сказала она. — Информация конфиденциальная.

— Мисс Делани не священник и не психиатр. — Теперь Колдуэлл тоже обращался к Спенсеру. — Я не припомню, чтобы суд предоставлял ей какие-либо конфиденциальные привилегии.

Взгляды Спенсера и Делани встретились.

(Не может быть! Она знает, что это я посылая письма? Пытается меня защитить? Хм-м...)

Здесь ему в голову пришла еще одна мысль: «А вдруг она про них упомянет? И полиция выйдет на меня? Что тогда делать? Как объяснить?»

Спенсер спросил Колдуэлла:

— Сколько времени уйдет на экспертизу чернил?

— Ко второй половине дня мы уже будем уверены, та ли это ручка, — ответил прокурор.

— Хорошо. В таком случае на сегодня перерыв, — сказал Спенсер. — И на завтра тоже. В четверг вы передадите суду и защите результаты экспертизы. Слушания возобновятся утром в пятницу. Настойчиво рекомендую, чтобы за это время следователь Стюарт добросовестно выполнил свою работу и выяснил, что мистер Арнольд может сказать о своей авторучке.

— Нет! — Колдуэлл вздернул подбородок. — Я требую, чтобы она сейчас, немедленно сообщила, откуда ей все известно!

— Мистер Колдуэлл, вам напомнить, кто здесь судья?

— Ваша честь, мы имеем право знать!

— Возможно, вы наш будущий губернатор, однако я пока что ваш

председательствующий судья. И я вам только что объяснил, как мы будем работать! Если это козни защиты, я с ней разберусь в пятницу!

— Да, ваша честь, — угрюмо поджал губы Колдуэлл.

— И еще, — продолжил Спенсер. — Хочу напомнить вам обоим, — а вам, мистер Колдуэлл, вдвойне, — что мое распоряжение об отсутствии контактов с прессой никто не отменял. Я не желаю в завтрашнем выпуске «Шарлоттсвилльских курантов» увидеть хоть полслова насчет обнаружения новых улик. Думаю, Уолтер Корн достаточно порезвился в последнее время. Как вы полагаете, мисс Делани?

Они вновь встретились глазами.

— О да, ваша честь, — ответила женщина. — Печатают бог весть что. Хоть от подписки отказывайся.

Следователь Стюарт поудобнее перехватил штатив с видеокамерой и еще раз постучал в дом Арнольдов. Он всегда испытывал странное чувство, вновь попадая на место преступления. Какие бы изменения ни сделали хозяева, перед внутренним взором все оставалось таким, как в первый раз. Домработница ввела Стюарта и еще одного полицейского в гостиную, где их поджидали Франк и Максин.

— В чем дело? — сразу спросил Арнольд. — Опять вопросы?

— Да, опять. Кстати, советую позвонить вашему адвокату.

Максин завелась:

— Черт возьми, Франк! Это наверняка из-за той чертовой защитницы! Почему эта стерва не может оставить нас в покое?!

Стюарт представил своего коллегу и еще раз напомнил, что Арнольдам следует вызвать своего адвоката. Пока Франк ходил в кабинет звонить, Максин предложила сделать всем по коктейлю.

— Нет, спасибо, — покачал головой Стюарт. — И я бы предпочел, чтобы вы с мужем тоже не пили, пока мы здесь.

Минут через двадцать прибыл личный адвокат семейства Арнольдов и сочувственно обнял хозяев дома.

— Франку и Максин я посоветовал не отвечать ни на один ваш вопрос, — затем сказал он. — Однако Франк решил не обращать внимания на мои рекомендации.

Дознание Стюарт начал с того, что назвал время, дату и имена всех присутствующих. Затем попросил Максин выйти, объяснив, что ее, возможно, потребуется допросить отдельно.

— Бред! — взвизгнула она. — Нашу дочь убили, а вы с нами — как с преступниками!

Вне себя от злости, женщина выбежала из комнаты.

— Мистер Арнольд, — сказал Стюарт, — мы полагаем, что убийца написал требование о выкупе, пользуясь авторучкой марки «Давид Оскарсон». Есть ли у вас такая авторучка?

— Да, есть. Я получил ее от жены на свой прошлый день рождения. Великолепный подарок! Серебряная с голубым. Кстати, раз уж вы о ней заговорили, то я припоминаю, что Делберт Амиль несколько раз видел ее у меня в руках и даже расспрашивал о ней. Он знал, где я ее держу. В ящике письменного стола, в моем кабинете.

— Ручка на месте или пропала?

Арнольд помолчал, явно прикидывая, как ответить.

— До сих пор я не вспоминал о ней, но... да, думаю, ручка пропала. Во всяком случае, я

не видел ее с того дня, когда была убита наша дочь. Держу пари, что ее украл Амиль! Все-таки эксклюзивная вещь, серия «Генрих Вингстром», их всего-то выпущено несколько штук. Полагаю, она стоит порядка четырех тысяч долларов.

— Я хотел бы расставить все точки, — кивнул Стюарт. — Итак, вы заявляете, что не видели эту авторучку и как минимум не пользовались ею с момента преступления. Я правильно понял?

— Если я ее не видел, то как мог ею пользоваться?

— Получается, что в последний раз она была в руках убийцы?

— Да, пожалуй, — ответил Арнольд. — Но, позвольте, к чему вы клоните?

— Я клоню к тому, что мы нашли эту ручку и на ней имеются только ваши отпечатки.

Адвокат Арнольда что-то зашептал ему на ухо, видимо, рекомендуя не отвечать на следующие вопросы, однако Франк напрочь отказался прислушиваться к советам.

— Значит, вы нашли ее, — повторил он вслед за Стюартом, — и раз на ней мои отпечатки, теперь вы меня подозреваете? — Он раздраженно покрутил шейю. — А вашим гениям никак не приходит в голову, что убийца мог быть в перчатках? Разумеется, на авторучке мои следы! А как иначе?! Это моя авторучка!

Следователя поразило хладнокровие Арнольда. Слишком уж большое самообладание. Плюс к тому он отказался следовать советам адвоката, что может свидетельствовать прямо-таки о безрассудстве. С другой стороны, Арнольд, похоже, чуть ли не получает удовольствие от допроса. Еще в тот первый день, когда Стюарт только-только увидел Франка, его поразила некая отстраненность, читавшаяся в этом мужчине, чья дочь внезапно исчезла. Максин, напротив, была вне себя от ужаса. Далее, после обнаружения тела Касси ее отец не выказал признаков сильного психического потрясения. В тот момент Стюарт предположил, что Франк пытается подавить чувства, чтобы справиться с той суматохой и паникой, которые царили вокруг. Но сейчас, наблюдая за хозяином дома, следователь задавался вопросом: уж не оттого ли Франк был спокоен, что уже знал о смерти дочери? И еще одна мысль: поначалу Стюарт не увидел ничего зловещего в том, что именно Арнольд нашел тело девочки. Однако в свете последних событий есть смысл призадуматься. А вдруг Франк ринулся прямиком в кладовую именно потому, что хотел нарушить сцену преступления? Он поднял труп с пола и отнес его наверх, тем самым лишив криминалистов возможности обследовать вероятные улики в неприкосновенности. И если так, то эти действия не что иное, как отличное алиби на случай обнаружения отпечатков пальцев или прочих свидетельств, могущих связать его с убийством.

— Вашу авторучку мы нашли в весьма странном месте, — заметил следователь.

Сейчас он пристально следил за выражением глаз Арнольда. У Стюарта имелась своя теория: он верил, что ложь лучше всего распознается по изменению размера зрачков. Он решил проверить это на Арнольде, специально заставив того солгать.

— Мы нашли ее под кроватью в вашей спальне, между изголовьем и матрасом. С той стороны, где вы спите. Как вы можете это объяснить?

— Никак, — невозмутимо ответил Франк. — Потому что вы врете.

Стюарт несколько секунд помолчал, затем кивнул:

— Вы правы. Я солгал. В действительности мы нашли ее в кармане черной кожаной куртки, в шкафу рядом с прихожей. Вот и ответьте: вам не кажется странным, что убийца засунул такую важную улику куда-то в куртку?

— А я-то откуда знаю? Вам бы у Амиля поинтересоваться.

— Видите ли, такой поступок вполне объясним, если, скажем, эта авторучка обладает некой сентиментальной ценностью для человека. К примеру, он получил ее в подарок от жены.

У Арнольда сверкнули глаза.

— Ну? Признайтесь, — посоветовал Стюарт. — Той ночью, желая написать письмо о выкупе, вы машинально схватили ручку со стола. И только потом осознали свою ошибку. Однако расстаться с авторучкой вы были не в состоянии. Поэтому сунули ее к себе в куртку, полагая, что туда никто не станет заглядывать. Да пусть даже и заглянут, подумаешь! Вы считали, что всегда сможете сблефовать. Ведь так все было?

Арнольд переменялся в лице. Лоб пробило крупными каплями пота. Его взгляд метался между адвокатом и Стюартом. Адвокат что-то быстро шептал ему на ухо, тем не менее Арнольд решил высказаться. Его словно тянуло на откровенность.

— Вы думаете, что очень умны, да, господин детектив? Но правда в том, что вы и понятия не имеете, как все случилось в ту ночь. Так что я сделаю вам одолжение и расскажу правду.

— Хорошо, я слушаю.

— В ночь убийства я проснулся от плача Касси. Она обмочила свою постель. Жена пошла вниз. Я услышал крики и понял, что Макси опять устроила выволочку. Она вообще очень несдержанна. Вернувшись в спальню, Макси приняла какие-то пилюли и легла в кровать. Я тоже заснул... точнее, задремал, потому что беспокоился насчет Касси. Где-то через час я решил все-таки спуститься к дочери и проверить, как у нее дела.

— То есть около четырех утра? — уточнил Стюарт.

— Да... Но только когда я вошел к ней в спальню, Касси не было. Тогда я пошел на кухню. Ее не было и там. Я решил посмотреть внизу, в подвале. В комнате Амиля тоже никого не оказалось. Он еще не вернулся... По крайней мере я так думал. Потом я услышал какой-то шум. Я стал проверять остальные комнаты, а открыв дверь в кладовую, увидел, что Касси лежит на старых газетах. Я кинулся к ней, начал искать пульс, но... Она была мертва.

— Убита, другими словами?

— Да, убита! — яростно выкрикнул Арнольд. — Я был в шоке! В голове кружилось, что мне нельзя терять самообладания. Касси мертва, ничего не поделаешь! И тут я подумал: «Ее убила Макси!» Несчастный случай. Она скорее всего слишком сильно ударила Касси, или дочь упала... прямо головой обо что-то...

Франк замолчал. По его щекам катились слезы.

— Стюарт, я люблю свою жену. Я потерял дочь, но не хочу терять и жену... И тогда я решился на инсценировку. Пусть все выглядит, как убийство Джонбенет.

— Почему?

— Да, я понимаю, сейчас это звучит дико, хотя в ту минуту все казалось совершенно логичным. За несколько дней до трагедии я застал жену и Амиля в гостиной. Прямо здесь, на этом диване. За ней такое водится... неверность... у нее какая-то своя злость на мужчин, она так пытается подчинять их себе... Я всегда знал, всегда прощал... Но уже сил не осталось. И я решил подставить Амиля! Отличный случай! Я спасаю Макси от тюрьмы и одновременно избавляюсь от Амиля. Плюс к тому теперь она будет мне обязана навеки... потому что только я знаю правду... что это она убила нашу дочь. А если она попытается со мной развестись, то теперь у меня есть чем пригрозить.

Стюарт посмотрел на камеру, фиксирует ли та признания Арнольда. Возле объектива

ровно горел красный огонек.

— Из комнаты Амиля я взял журнальную статью с описанием дела Рэмзи и стал копировать сцену преступления. Да, это я положил на пол электрошокер Амиля и его персональный идентификатор.

— И связали дочь изолентой?

— Да, — ответил Франк. — Мне было страшно... я был не в себе... — Он закрыл лицо руками и всхлипнул. — На следующее утро первой встала Максин. Я услышал, как она пошла вниз. Через минуту она ворвалась в спальню с моей запиской и крикнула: «Касси украли! Я звонила в полицию!» Она была перепугана до смерти. И тут я понял, что она и понятия не имеет, что Касси уже убита. И я подумал: *«Если не она, то это сделал Амиль!»* Тем же вечером вы мне сказали, что Амиль арестован и его семя найдено на пижаме. Да, я понимал, что нарушил кое-какие улики, но ведь это уже не играло роли! Ведь я помог поймать настоящего убийцу!

— Знает ли ваша супруга, что вы ее подозревали и инсценировали убийство Джонбенет Рэмзи?

— Нет, не знает. Да и как я мог сказать ей?! — Франк умоляюще посмотрел на Стюарта. — Я хочу, чтобы вы точно поняли мои слова: я не убивал Касси! Да, я признаюсь, что скопировал сцену преступления, но я не убивал! Мою дочь убил Делберт Амиль!

Часть третья

ВОСКРЕСЕНИЕ

«...Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю...»

Первое Послание к Коринфянам, 13, 12

Сейчас перед Патти Делани стояла задача выяснить, кто же он — анонимный автор подметных электронных писем. Как только Спенсер распустил суд, она на машине отправилась в «Эс-энд-Кей дизайн». Фирма по разработке и оформлению веб-страниц размещалась на втором этаже обветшавшего здания в одном из далеко не лучших кварталов Шарлоттсвилля. Весь первый этаж занимала прачечная-автомат. Никто не ответил, когда Делани нажала кнопку звонка у изгвазданной дощатой двери с приколоченной табличкой из дешевого пластика с надписью «Веб-дизайн». С другой стороны, свет этажом выше горел, поэтому Делани пробралась по узенькому проходу между зданиями и попала в вонючий переулок. К окну второго этажа вела ржавая пожарная лестница. Единственный путь наверх.

Она взобралась по лестнице и заглянула в окно. Симпатичная, лет двадцати девушка в бейсболке и синем бесформенном комбинезоне поверх желтой маечки дремала возле компьютерного экрана, задрав босые ноги на подставленный стул. Делани постучала в стекло, и девушка подскочила.

— Здравствуйте! — прокричала Делани через стекло. Девушка осторожно приблизилась.

— Вамчетипанадоче? — подозрительно спросила она, не делая пауз между словами.

— Это вы «Эс-энд-Кей дизайн»? У меня важное дело.

Девушка подумала пару секунд, затем открыла створку и помогла Делани перелезть через подоконник.

Не комната, а настоящая катастрофа. Праздник мусора: упаковки из-под электронных компонентов, пустые банки от газировки, старые коробки из-под пиццы и стопки, кипы, груды компьютерных распечаток.

Делани объяснила, что работает юристом и сейчас занята процессом, где грозит высшая мера.

— А, слыхала я про вас, — кивнула девушка. — Вы типа адвокат, да? Там парнишку обвиняют, а папаша убитой тот самый Арнольд, что изобрел интеллектуальный оптокоммутатор FNZ3600.

Она и между предложениями не делала пауз, иногда вставляя словечко-паразит, когда хотела что-то выделить.

— Зовут меня Келли, но все говорят Кэт, потому что брат придумал прозвище, когда мы были еще маленькие, потому что он типа не любил кошек и меня не любил, с детей какой спрос, но как открыли это место, у нас со Стивом все на пару, так что мы типа теперь друзья-не-разлей-вода, интересно, правда?

Девушка перевела дыхание.

— Я тут не всегда, потому как типа студентка, однако у нас на юрфаке сейчас типа криминология, и я все время слежу за вашим делом, вообще улет, никогда бы не подумала вас тут увидеть, а вы зачем сюда?

— Мне нужна ваша помощь... — ответила ошарашенная Делани и поторопилась объяснить, что уже несколько раз получала анонимные сообщения, пришилленные к газетным статьям из архива «Шарлоттсвилльских курантов».

Кэт одобритительно покивала:

— А, ну да, не слабо, мы с братом даже об этом не думали, когда писали скрипт, а

интересно, сколько их было и что он пишет? И кстати, зачем? Или вы не можете сказать, потому как типа секретные вещи?

Делани вздохнула и достала копию последнего письма.

— Прежде чем показать, — предупредила она, — вы должны обещать мне, что никогда и никому об этом не расскажете. Пусть это будет наша с вами маленькая тайна.

— Обалдеть! Типа ну прям как по ящику, да нет проблем, уж мне-то можете доверять, потому что у нас с подружкой, ее тоже зовут Кэтти, как меня, только длиннее и буквы не те, так у нас тоже вроде свои секреты, и я никогда никому, только Стиву, потому как он мой брат, но это ничего, он вообще молчун, ни с кем не разговаривает, вообще достал, только знает, что серфит, он у меня хакер, все время лезет в чужие системы, но это ерунда, он вообще клевый по жизни, так я даже ему не скажу, если только вы не разрешите, потому как он умный и может помочь, у нас даже в школе раз в неделю давали головоломки, и тот, кто решал, получал приз, а Стив все время выигрывал, каждую неделю, весь учебный год, так они знаете что? сказали, что он типа не имеет права, и мы все чуть не взбесились!

Делани пришло в голову, что она сама от этого недалеко, и поэтому просто протянула распечатку.

— Вот посмотрите. Как вы думаете, можно узнать, кто это прислал?

Кэт прочитала текст и села за клавиатуру, по ходу дела не забывая комментировать:

— А вы думаете, меня вызовут? И я буду вроде как свидетель? Потому что я еще ни разу не была в суде, а знаете, я даже не против, потому как это, наверное, как в телешоу про адвокатов, знаете, да? По воскресеньям, вообще обожаю, только там есть главный такой, забыла, как его, а Кэтти говорит, он чумовой мужик, вот ведь черт, забыла имя, но я лично не думаю, он типа лицемер и вообще индюк.

Делани сдалась и вскинула руку.

— Кэт, подождите, я вас прошу, сосредоточьтесь, хорошо? Мне очень надо знать, кто посылал письма. Очень важно, понимаете? У нас мало времени.

Тут ей пришло в голову, что поговорку «с кем поведешься» придумали не на пустом месте.

— Извиняюсь, извиняюсь, Кэтти вон тоже постоянно нудит, дескать, у меня недержание, болтаю много, дурная привычка, меня все время сносит на оффтопик, так Стив говорит.

Девушка что-то вбивала не переставая.

— А хотите, расскажу, что сейчас делаю? Это вообще несложно, типа сначала надо войти на сервер, потом в газетный архив и там найти ту статью, которую тот парень приклеил, чтобы спрятать свой адрес. — Здесь она захватила побольше воздуха. — Брандмауэр неплохой, но монтировали мы с братом, прорвемся, как нечего делать, там на портах бэкдор поставили на всякий случай, а вдруг пригодится, это очень легко, сейчас шелл зальем, вот смотрите, закрутились, и я уже в архиве, да, а вот и ваша статья, и если прописать эту команду, видите, то вот и клиентский лог, список доступа, и вот учетные записи рассылки: кто, когда, что и кому, понимаете?

— Умгум, — уныло промычала Делани. Какая, впрочем, разница? Главное, чтобы Кэт не решила повторить все по новой.

Кэт театральным жестом ткнула в клавишу ввода, и на экран вывалился список электронных адресов. В глазах у Делани зарябило, зато Кэт подпрыгнула и выставила раскрытую ладонь за плечо.

— Дай пять, подруга!

Делани шлепнула ее по руке.

— О'кей, а теперь поглядим, от кого вам пришла та статья... Ага, так-так, вот ты где! Кэт еще немного похрустела клавишами и откинулась на спинку стула.

— Милости просим.

Делани прочитала на экране:

CJES@CO.ALBEMARLE.VA.US./Circuit_Court

— Хорошо, я лично думаю, это просто догадка, здесь инициалы того типа и его почтовый ящик приписан к судейскому серверу, это странно, потому как он и есть ваш анонимный источник, кстати о птичках, а вы видели ту серию? там адвокату на мыло валяются сообщения прямо от злодея, и он его мучает, типа ужасы всякие пишет и...

— Вы уверены, что это он — CJES? — нетерпеливо прервала ее Делани.

— Ну да, а как еще? Говорю же, мы с братом типа весь тракинг-скрипт написали, но это ерунда, детские игры, если б вы только знали, чего мы умеем, ох, сил нет, скорей бы Стив пришел, из меня так и прет про вас расска...

— Стойте! — ужаснулась Делани. — Мы же договаривались, это наш секрет! Помните? «Не дав слово, крепись, а давши — держись».

— Ах да, — согласилась Кэт. — Но мне же надо рассказать брату, верно? Я с него тоже типа слово возьму, да вы не волнуйтесь, ему вообще разговаривать не с кем.

— Я вам заплачу, — махнула рукой Делани. На клочке бумаги она написала свое имя, адрес и телефонные номера. — Вы можете прислать мне счет. Спасибо за помощь. Только, пожалуйста, не забудьте: секрет!

Она осмотрелась по сторонам:

— А нельзя ли выйти через дверь?

— Нет, замок поломался, Стив все обещает починить, да руки не доходят, а я и не страдаю, вы, наверное, заметили, у нас тут типа не самое лучшее соседство, так однажды какие-то дураки пытались вломиться, а мы с братом прямо в окно, и еще у меня там спрей стоит на подоконнике, с газом, а потом, к нам все равно никто не ходит, кроме того парня с пиццей, но он типа сам не прочь, вроде вас, все нормально, короче.

Делани вздохнула и полезла обратно в окно, пока Кэт болтала ей в спину:

— А после суда, вы думаете, мы можем типа послать письмо на телецентр, пусть продюсер почитает, я думаю, отличная история выйдет, целый сериал сбацают, вы как думаете? Особенно про меня, как я нашла этого субчика, вы же знаете, про хакинг сейчас много по телику, а у нас типа здесь все в реале, да?

— Я вам потом позвоню, потом! — крикнула Делани, спрыгнув на асфальт.

И вернулась к себе в офис. Ей не терпелось проверить сверкнувшую догадку про CJES. Взяв с полки справочник «Должностные лица графства Альбемарль», она посмотрела на букву «S». Первым шел некий Клиффорд Сандерс, инженер при землеустроительном комитете. Она продолжала листать страницы, пока не добралась до Спенсера. Так и есть, CJES, другими словами, «окружной судья Эван Спенсер».

Делани заподозрила это еще раньше. Все началось с его откровенного намека, дескать, вам неплохо бы пойти в офис, а не на обед. И в офисе ее ждало письмо про Франка

Арнольда.

Тот факт, что теперь ей известно имя источника, все-таки не давал ответов на самые важные вопросы. Откуда судья Спенсер узнал, где спрятана авторучка Франка Арнольда? Откуда он узнал, что Максин избил дочь? А как насчет рукоблудия Делберта Амиля? Вот это загадка!

Возможные объяснения не находились, в голову ничего путного не лезло. Тогда она задумалась: с какой стати он ей помогает?

В телефонной книге Делани поискала домашний номер судьи. Оказалось, что он действительно указан, только под именем его супруги. Она набрала номер усадьбы Ван-ден-Вендеров.

Женский голос:

— Алло?

— Здравствуйте, это Патти Делани. Я работаю адво...

— Мне известно, кто вы такая, — раздалось в ответ. — Я — Мелисса Ван-ден-Вендер. Что вы хотите?

— Извините, что тревожу вас в доме, но мне надо переговорить с судьей. Очень срочно! Вы не могли бы позва...

— Нет!

Короткие гудки.

Ого! Делани вовсе не ожидала такого приема. Она еще раз набрала номер; после третьего звонка кто-то поднял трубку и тут же бросил обратно.

Ну и стерва! — подумала Делани.

Тогда она отыскивала домашний номер мисс Алисы и позвонила ей. После необходимых извинений и расшаркиваний Делани спросила:

— Нет ли у судьи пейджера или сотового телефона? Или, может быть, какой-то другой номер, кроме Ван-ден-Вендеров? Его жена все время швыряет трубку!

— Позвоните в «Приют Клифтона», — посоветовала мисс Алиса, — и попросите соединить с «Медовым месяцем». Судья теперь там.

— В «Приюте»?

— Только ему не пересказывайте, — добавила мисс Алиса. — Скажем так, они с Мелиссой слегка поцапались.

— Подождите... извините... вы сказали, «Медовый месяц»?

Мисс Алиса расхохоталась. Видимо, ей очень нравилась эта ситуация.

— Вот именно!

Делани позвонила в «Приют», однако ее отказались соединять с коттеджем:

— Судья категорически запретил. Говорит, ни под каким видом.

Делани вышла на улицу, села в «сааб» и направилась к пансионату.

Вы уж не обессудьте, господин всезнайка, но пора бы и объясниться!

Мелисса только-только успела подать кофе двум своим гостям, когда позвонила Делани. Как, право, некстати! Впрочем, преподобный доктор Дино Грассо и его хорошенький спутник Кайл Данем, кажется, не обиделись.

— Да, как я уже сказала, — продолжила Мелисса, отделившись от Делани, — мой супруг сейчас рассматривает дело об очень, ну очень кошмарном убийстве. Представляете, прямо у нас в городе! Да вы, наверное, читали о нем в газетах?

— Дело Арнольдов? — спросил Грассо.

— Да-да. Очень часто, когда муж занимается такими делами, он подолгу задерживается на работе. Из уважения к моему спокойствию остается ночевать где-то в Шарлоттсвиле. У меня, знаете ли, очень загруженное расписание, и требуется хороший ночной отдых!

Между тем Данем сидел как на иголках. От голода. Ну ладно, не перекусили в рейсе, пока летели из Лас-Вегаса. Но ведь и потом, прибыв в аэропорт Даллас и сев в машину пожилой ментор наотрез отказался остановиться в каком-нибудь фастфудном ресторанчике. Священник не хотел, чтобы остыл свежий след «судного камня». Впрочем, пока машина заправлялась, а Грассо расспрашивал, как проехать до поместья Ван-ден-Вендеров, молодой человек успел купить себе три шоколадных батончика в автомате. Мелисса предложила им кофе, однако ничего не упомянула про бутерброды, и вот теперь Данем поглядывал на вазу с мятными карамельками, что стояла возле его чашки. Наконец, уступив голосу живота, он протянул руку. Обертки так и замелькали.

Мелисса принимала гостей в библиотеке. Высокий потолок, солидные балки. На полу — широкие, гладко тесанные доски из темной лиственничной породы. Стены покрыты светло-бежевой краской и украшены старинными портретами.

Женщина заметила интерес священника.

— Это мои предки, — пояснила она. — Семья Ван-ден-Вендеров может проследить свою генеалогию вплоть до тех времен, когда эту страну именовали Новым Светом.

— Ах да! — просветлел Грассо. — Несколько лет тому назад я читал автобиографическую повесть, которую Август Ван-ден-Вендер написал про свою роль в Войне за независимость. Поразительная книга!

— А вот и он сам. — Мелисса вытянула руку по направлению к огромному холсту, висевшему над камином. На портрете был изображен аристократ в белом парике и мундире двадцать второго кавалерийского полка Виргинии: синее сукно с алыми отворотами и галунами. — Он служил в том же подразделении, что и Джордж Вашингтон! А его портрет принадлежит кисти Чарлза Уилсона Пилля! Позднее Пиль написал практически идентичный портрет президента, который сейчас висит в Университете Вашингтона и Ли. Это в Лексингтоне, часа полтора отсюда. Как гласит семейная легенда, Август пришел в ярость, узнав, что его собственный портрет Пиль использовал в качестве пробной работы перед тем, как писать президента. Август сначала пригрозил сжечь свою картину, потом потребовал, чтобы Пиль вернул заплаченные деньги.

— И тот вернул? — спросил Данем.

— Конечно! Все до последнего цента! А знаете, самое смешное, что Августу очень нравился этот портрет, особенно потому, что он был написал раньше Вашингтона!

— А это вы, не так ли? — спросил Грассо, кивая в сторону изображения сидящей женщины, за креслом которой стоял какой-то представительный мужчина. В отличие от старых работ, для которых характерен традиционный реализм, этот портрет был выполнен в более современной, мягкой, импрессионистской манере.

— Совершенно верно. Его написал один русский художник, лет пять назад. Очень известен в Европе, но, увы, не у нас. Я вообще питаю слабость к русским... А скажите, святой отец, каковы ваши взгляды на реинкарнацию?

— Я в нее не верю.

— Ах, какая жалость! Напрасно!.. Знаете, я спросила потому, что у нас с Александрой Федоровной один и тот же день рождения! Супруга русского императора Николая, да? Я

много-много читала про нее. По-моему, у нас с ней много-много общего... склад ума, характер. И меня очень занимает вопрос, кем я была в прошлой жизни... А знаете, когда я выписала сюда русского художника, он прожил здесь два месяца, пока рисовал портрет. У нас с ним были очень интересные разговоры о моем сходстве с императрицей! Очень интересные!

— Вам, наверное, картина обошлась недешево, — заметил Данем. — Это ваш муж там стоит?

— Я должен извиниться за своего спутника, — немедленно вмешался Грассо. — Он еще молод и не вращался в высшем свете. Я полагаю, этот достопочтимый джентльмен — ваш отец?

— Да, вы правы, — важно подтвердила Мелисса. — Мой отец не любит позировать. Ни для фотографий, ни для портретов. Пришлось уговаривать позировать вместе.

— Вы восхитительны! — сказал Данем, пытаясь обелить себя в ее глазах и нивелировать предыдущую неуклюжую ремарку.

— А не могли бы вы сказать, где можно найти вашего супруга? — спросил Грассо.

Мелиса написала на своей визитной карточке нужные телефоны и указания, как проехать.

— Знаете, я просто сгораю от любопытства. Вы, наверное, приехали по какой-то тяжбе?

— Нет-нет, — помотал головой Грассо. — У нас несколько богословских вопросов.

— Богословских? Удивительно. Спенсер никогда не проявлял особого интереса к религии или Библии.

— Миссис Ван-ден-Вендер, позвольте задать один вопрос: у вашего супруга не появлялось каких-либо необычных следов на руке?

Она задумалась.

— Да-да, у мужа на левой ладони появилось небольшое красное пятнышко. Он все время пытался его спрятать от меня, но вы же понимаете... И еще обмороки. А знаете, мы даже решили как-то, что его ударила молния! Да, но... при чем здесь религия?

— Мы пытаемся отыскать один камень... — вмешался было Данем и тут же получил по щиколотке.

— Агкхм! Кхм! Извините, небольшая простуда, — откашливаясь, сказал Грассо. — По правде говоря, мы и сами не вполне уверены, что ищем. После беседы с вашим супругом я узнаю больше и тогда, вероятно, смогу ответить на ваш вопрос подробнее.

С этими словами Грассо встал и церемонно попрощался. Очутившись во взятом напрокат автомобиле, он попенял Данему за излишнюю инициативность.

— Прощу прощения, святой отец, — опустил голову молодой человек. — Хотел помочь... Они ведь женаты, вот я и подумал, какая разница...

— Как вы полагаете, сколько комнат в их особняке?

— Двадцать. Или тридцать. А может, и все пятьдесят.

— Вот и ответьте мне, с какой стати судья, живущий в таком громадном доме, да еще совсем близко от работы, предпочитает снимать гостиницу? А?

После съезда с главной магистрали до «Приюта Клифтона» было рукой подать, но поскольку засыпанная щебенкой дорога вела по лесу, пансионат казался прибежищем отшельников. Ночь стояла ясная, светила полная луна, и, несмотря на одиннадцатый час, Делани вполне могла бы ехать даже с выключенными фарами. Она припарковала «сааб» у

главного входа двухэтажного особняка в традиционном колониальном стиле. Не успела женщина войти в холл, как ее тут же поприветствовала дежурная регистраторша.

— А нет ли у вас какой-нибудь брошюры о пансионате? — спросила Делани. — Я так много слышала о вашем замечательном сервисе.

Дежурная немедленно достала нужный буклет из древнего секретера.

— Мы с мужем строим планы на вторую годовщину свадьбы, — продолжала врать Делани. — У вас ведь есть номер для новобрачных?

— Да, «Медовый месяц». Только это не номер, а целый коттедж. Расположен отдельно, чтобы гостям никто не мешал.

Делани вышла на веранду, под яркие фонари. Внутри брошюры была вклеена крошечная карта-схема. Судя по ней, «Медовый месяц» располагался на дальнем конце дорожки из белого камня, рядом с полем для крикета и розовым садом.

Делани едва успела ступить на дорожку, как зазвонил ее сотовый телефон. Она чертыхнулась и полезла за трубкой. Ей не хотелось привлекать к себе внимание и потом отвечать на вопросы, зачем она ночью разгуливает по территории пансионата.

— Мисс Делани? Адвокат на процессе Арнольдов? — спросил женский голос. Делани сразу узнала: Кэт из веб-фирмы «Эс-энд-Кей дизайн».

— Привет, Кэт. А я уже спать укладываюсь.

— Конечно, извините, в общем, здесь типа кое-что новое, и я подумала, вам будет интересно узнать, да, то есть как можно скорее, и я типа решила, думаю, надо позвонить, вот!

— Что там у вас?

— Вы же мне типа сказали, дескать, несколько мейлов пришло, так вы знаете, мы же с вами проверили один, и я сказала, мол, чувака зовут CJES и он послал его из суда...

— Да-да, ну? — нетерпеливо подстегнула Делани.

— Ну вот, короче, вы потом ушли, а я думаю, дай, дескать, вытащу остальные и проверю, что там этот CJES рассылал, потому что, знаете, вы только не сердитесь, мне же любопытно, что он там такое пишет, вот я и залезла на сервер, в лог рассылки, так у вас все мейлы от этого CJES, хотя есть еще один, другой.

— Что?! — Делани замерла на полушаге. Вплоть до этой секунды она почти не обращала внимания на сбивчивые объяснения. — Кэт, я вас прошу: прекратите болтать и внимательно слушайте. Я задам несколько вопро...

— Улет! Типа я свидетель? Ну вообще! А знаете...

— Кэт! Да помолчите же!.. Итак, вы хотите сказать, что одно из писем пришло мне не из анонимного источника CJES, а от кого-то другого? Только «да» или «нет»!

Тут ей пришла в голову идея, и она прибавила:

— Потому что так принято в суде!

— Вот это да! Вот клево! То есть... это... да, таковы мои показания, госпожа адвокат защиты, ваша честь!

— Прекрасно, — отозвалась Делани. — Кэт, слушайте. Теперь я хочу, чтобы вы мне сказали, какое именно письмо пришло не от CJES. Помните, у нас правило отвечать только «да» или «нет». Итак: это было первое сообщение — о том, что Касси обмочила постель и мать ее избила?

— Нет!

— Второе сообщение — о рукоблудии Амиля?

— Тьфу! В смысле нет! Это тоже от CJES!

— Третье сообщение — о том, что убийца — Франк Арнольд?

— Да! Да! Оно пришло от кого-то другого! Вот оно, я читаю! Текст таков... То есть я хочу сказать, ваша честь, здесь так написано. Итак. Вот оно. Читаю: «Франк Арнольд убил свою дочь. Из-за денег. Вашего клиента сделали крайним». Его не ваш CJES посылал!

— А кто тогда?

— В общем, тут, конечно, упасть и не встать, потому как я проверяла-проверяла, но все равно выходит, что вы его сами себе отправили!

— Что?!

— Ага! Вот и я тоже думаю, дескать, надо же, сама себе отправила и не знает! Так я, короче, опять проверила, и все так и есть: или вы сами себе пишете, или кто-то трогал вашу машину.

— То есть... как-как?

— Я думаю, в смысле, потому что я сама так делаю, машину не выключаю, и она все время сидит в Интернете, а Стив, ну, вы помните, мой брат, так Стив любит приходить, когда меня нет, пишет idiotские мейлы и мне же, то есть, я хочу сказать, от меня самой — мне же и отсылает, типа «дура, сколько раз повторять, не оставляй комп в Сети»!

Делани мучительно пыталась сообразить, кто же, кроме Макдоналда, был у нее в офисе без присмотра.

— Ах да, — добавила Кэт, — я про вас рассказала брату, так он типа говорит, что нам бы надо снять с вас вдвойне, а то и втройне, потому как вы адвокат, а адвокаты кучу денег огребают, сейчас вот сидит, пишет, а мне кажется, это неправильно, и я даже сказала ему, что неправильно и что буду вам звонить, потому что с него станется, он ведь и две сотни может запросить, так что я подумала, что вас лучше предупредить, потому что вы мне понравились.

— Ничего, Кэт, ничего, — ответила Делани. — Вы их заработали.

— Здорово! — восхитилась девушка и тут же принялась щебетать, как собирается потратить свою долю на пару новых туфель.

Делани это уже порядком надоело, и она просто сказала:

— Еще раз спасибо, извините, надо бежать.

Дойдя до коттеджа «Медовый месяц», она поднялась по трем деревянным ступенькам и постучала.

Дверь открыл судья.

— Мисс Делани, — вздернул бровь Спенсер, — вы мой второй сюрприз за вечер!

Он распахнул дверь пошире, чтобы Патти смогла увидеть комнату. Внутри находились еще два человека. Один совсем молоденький, а второй... Довольно странно выглядящий католический священник.

— Пожалуйста, присоединяйтесь, — сказал Спенсер.

Патти Делани начала тихо, не желая, чтобы ее услышали два других гостя Спенсера:

— Господин судья, я пришла поговорить с вами насчет нескольких анонимных писем, которые я получила в связи с убийством.

— Вы так и не узнали, кто их послал?

— Узнала, — ответила она. — Вы!

Сам не зная почему, он почувствовал облегчение.

— Да заходите, заходите.

Она переступила порог, Спенсер закрыл дверь и представил женщину-адвоката отцу Грассо и Кайлу Данему. Ранее прибывшие гости занимали оба стула, и поэтому он предложил Делани присесть на кровать. Она устроилась на краешке, рядом с судьей, напротив двух мужчин.

— Мисс Делани ведет защиту на процессе по делу Арнольдов, — сказал Спенсер. — Я признаться, хотел бы, чтобы вы вкратце повторили ей свои недавние слова.

Грассо неодобрительно повел плечом, и Спенсер поспешил добавить:

— Святой отец, заверяю вас, ей обязательно надо об этом услышать. В противном случае она никогда не поверит моим словам и не поймет, чем я занимался последнее время.

Грассо обратился к Делани:

— Скажите, пожалуйста, вы религиозный человек?

— Меня воспитали в духе Объединенной методистской церкви, — пожалала плечом она. — Не могу сказать, что хожу к службе каждое воскресенье, но в Бога я верую и довольно неплохо знаю Библию.

— Верите ли вы в чудеса?

— Я верю, что случаются вещи, которые мы не можем объяснить. А вызваны ли они Божьей волей или просто представляют собой естественные феномены, понять которые нам не хватает знаний, — этот вопрос остается открытым.

— Ответ истинного адвоката, — пошутил Спенсер и принялся разматывать повязку. Сняв ее, он повернул ладонь к свету, чтобы Делани хорошо могла видеть алые порезы.

— Боже мой! — воскликнула она. — Это же распятие!

— Патти, — тихо сказал Спенсер, — то, что сейчас вам расскажет отец Грассо, может показаться... м-м... весьма неправдоподобным. Я лично поверил с огромным трудом, хотя все это происходит со мной лично. Я лишь прошу вас не отметить все с ходу и, во всяком случае, сохранить сказанное в тайне.

— Мои обязательства в первую очередь касаются моего подопечного, — нахмурилась женщина. — Впрочем, если ваш секрет не скажется на правах Амиля, то... да, хорошо, я обещаю никому не передавать.

Грассо повернулся к Данему.

— Кайл, раскройте, пожалуйста, Новый Завет и зачитайте нам стихи с двадцатого по двадцать третий из главы девятой Евангелия от Матфея.

Полистав страницы, Данем начал:

— «И вот, женщина, двенадцать лет страдавшая кровотечением, подошедши сзади, прикоснулась к краю одежды Его; ибо она говорила сама себе: если только прикоснусь к одежде Его, выздоровею. Иисус же, обратившись и увидев ее, сказал: дерзай, дочь! вера

твоя спасла тебя».

— Что мы узнали из этих строк? — задал риторический вопрос Грассо. — Мы узнали, что женщина излечилась простым прикосновением к одеянию Иисуса!

Затем он попросил Данема зачитать еще один отрывок, из главы четырнадцатой Евангелия от Матфея, стихи тридцать пятый и тридцать шестой:

— «Жители того места, узнавши Его, послали во всю окрестность ту и принесли к Нему всех больных, и просили Его, чтобы только прикоснуться к краю одежды Его; и которые прикасались, исцелялись».

— Опять-таки, — продолжал Грассо, — смысл Писания ясен: Иисус был столь чист, столь божественен, что люди исцелялись простым касанием кромки его платья. Я хочу, чтобы вы это запомнили: хватало простого контакта с предметом, которого касался Иисус, чтобы произошло чудо.

Далее священник велел Данему найти восьмую главу, стихи с третьего по одиннадцатый Евангелия от Иоанна, но перед началом чтения предупредил:

— Мисс Делани, пусть вы далеко не первый раз это слышите, я прошу вас следить очень внимательно.

— «Тут книжники и фарисеи привели к Нему женщину, взятую в прелюбодеевании, и, поставивши ее посреди, Сказали Ему: Учитель! эта женщина взята в прелюбодеевании; А Моисей в законе заповедал нам побивать таких камнями: Ты что скажешь? Говорили же это, искушая Его, чтобы найти *что-нибудь* к обвинению Его. Но Иисус, наклонившись низко, писал перстом на земле, не обращая *на них* внимания. Когда же продолжали спрашивать Его, Он, восклонившись, сказал им: кто из вас без греха, первый брось на нее камень. И опять, наклонившись низко, писал на земле. Они же, услышавши *то* и будучи обличаемы совестью, стали уходить один за другим, начиная от старших до последних; и остался один Иисус и женщина, стоящая посреди. Иисус, восклонившись и не видя никого, кроме женщины, сказал ей: женщина! где твои обвинители? никто не осудил тебя? Она отвечала: никто, Господи! Иисус сказал ей: и Я не осуждаю тебя; иди и впредь не греши».

— Да, эта история мне хорошо знакома, — кивнула Делани. — Когда я была ребенком, у нас в воскресной школе горячо обсуждали, насколько это страшно, когда в тебя кидают камнями, пока не убьют. Я до сих помню то самое высказывание: «Пусть первый бросит камень, кто сам без греха».

— Замечательно! — одобрил Грассо ее познания. — А теперь я хочу поведать вам некую тайну. Тайну, которую — как я подозреваю — церковь никогда не решится признать открыто, хотя это чистая правда. Я только что вернулся из Ватикана, а пока там был, меня провели в бронированный подвал, запрятанный где-то глубоко в Тайных архивах. Мне показали кусок древнего свитка, который хранится подальше от глаз широкой публики. Свиток этот во время Второй мировой был найден в одной из пещер Иордании, неподалеку от Мертвого моря. Надписи сделаны на греческом. Далее, в той же самой пещере имелись и другие глиняные горшки, с другими свитками, но только один из них был на греческом. И отсюда родилось предположение, что кто-то занимался переводом исходного, оригинального греческого текста на арамейский.

— Значит, греческий документ был самым старым, — гордо прокомментировал Данем.

— Благодарю вас, — терпеливо кивнул Грассо в его сторону. — Итак, мисс Делани, я не знаю, доводилось ли вам слышать об этом, но среди библеистов уже несколько столетий не стихают горячие споры по поводу достоверности рассказа о побивании распутницы

камнями. В основном потому, что это событие не упоминается в наиболее древних рукописях, имеющих у церкви. Не упоминается никак и нигде, понимаете? Ни в арамейском Куретоне, ни в Синаитике, ни в готическом переводе, ни в самых древних манускриптах Италии, ни в коптских или армянских переводах — словом, нигде.

По остекленевшим глазам Спенсера и Делани священник понял, что никто из них и не слыхивал о каких-то древних переводах.

— Извините, похоже, я начинаю впадать в свою обычную профессорскую манеру. Годы, знаете ли... Да, так вот. Я просто имел в виду те старинные рукописи, которые дошли до нас и сейчас считаются наиболее точными повествованиями о жизни и деяниях Христа. Они написаны задолго до того, как Библия была окончательно скомпилирована, организована и официально утверждена церковью.

— Что конкретно вы имеете в виду? — прервала его Делани. — Что этот отрывок из Иоанна про побивание камнями — на самом деле выдумка?

— Нет, — твердо заявил Грассо. — Все, что я имею в виду, я уже изложил: этот эпизод не упоминается ни в одном из наиболее ранних текстов про Иисуса. Однако — внимание! — это вовсе не означает, что такое событие не имело места. Видите ли, многие библеисты полагают, что ранние авторы сознательно исключили этот рассказ, потому что находили его неуместным, даже оскорбительным. Как-никак речь идет о прелюбодеянии. Отсюда и появилась версия, что позднее этот пассаж был добавлен теми, кто самой важной задачей считал как можно полнее изложить Христовы деяния.

— О чем и говорилось в свитке из горшка, — кивнула Делани.

— А! Вы быстро схватываете, — одобрительно заметил Грассо. — Вы поняли, к чему я веду. Однако прежде чем ответить на ваш вопрос, я должен еще чуть-чуть углубиться в историю. Пользуясь методом датировки по углероду, церкви удалось установить, что свиток из иорданской пещеры был создан ранее практически всех известных жизнеописаний Иисуса Христа. Вы понимаете всю важность такого вывода? Значит, свиток более чем уникален! Только представьте, перед нами старейший текст, написанный чуть ли не в те дни, когда жил Спаситель! Разумеется, мы и понятия не имеем, кем был автор. Здесь остается только гадать. Что же касается самого свитка, то он, по существу, пересказывает нам многие события, которые упоминаются и в других документах, таким образом подтверждая их достоверность. Но! Оригинальность этого свитка заключается в том, что там имеются кое-какие подробности об эпизоде с прелюбодейкой, изъятые из позднего, канонического текста благовествования.

— Что за подробности? — заинтересовалась Делани.

— Свиток говорит, что Иисус нагнулся и подобрал с земли камень. Затем вскинул руку и показал камень собравшейся толпе. После чего присел на корточки и принялся водить пальцем по песку. То есть как и сказано в Евангелии от Иоанна.

— И все? — разочарованно заморгала Делани. — Он поднял камень? Единственная разница между свитком и нашей Библией?

— Ах, какая мелочь, не правда ли? — усмехнулся Грассо. — Пустячок, казалось бы. Впрочем, вы сами можете теперь видеть: такую незначительную подробность легко и не заметить, даже забыть. Ведь Евангелие от Иоанна было написано через много лет после смерти Христа. И все же, все же это открытие — что Иисус поднял с земли камень — на деле совершенно поразительно!

— С какой стати? — нахмурилась Делани. — Он поднял камень, что здесь такого?

Знаете, святой отец, я не хотела бы, чтоб мои слова прозвучали как-то неуважительно, но вы... на мой взгляд, делаете из мухи слона. И еще. По правде говоря, я вот ни на столечко не понимаю, при чем здесь дело Арнольдов!

— Патти, — мягко сказал Спенсер, — камень у меня.

— А?

— У меня тот камень, которого касался Иисус.

Она посмотрела на судью, потом на Грассо, потом опять перевела взгляд на Спенсера.

— Шутить изволите? То есть вы меня уверяете, что у вас есть камень, который держал в руке сам Христос? Две тысячи лет назад, если не ошибаюсь?

— Он заперт в ящике моего стола, в кабинете. У нас в суде. Мне его прислали за несколько дней до убийства Касси Арнольд. Один бостонский адвокат прислал. А через пару часов он покончил с собой.

— Один адвокат? Из Бостона? Выслал вам этот камень, а потом... с собой... — ошеломленно повторила она, еще не зная, верить или нет.

— Незадолго до вашего прихода, — добавил Спенсер, — отец Грассо рассказал мне, что в Ватикане этот камень известен. У него даже есть собственное имя: *pietra giudiziaria*. «Судный камень». Я знал, что с ним что-то не так, однако вплоть до последнего времени не мог понять, что именно. Когда я впервые коснулся его, то потерял сознание от удара током. Пришел в себя только в больнице. Словом, камень этот — за неимением лучшего определения — сверхъестественен. Именно от него у меня те видения, что касаются убийства Касси. Именно от него у меня те сведения, что я посылал вам в электронных письмах.

По выражению лица Делани он видел, что женщина еще не вполне понимает. Или не верит.

— Патти, смотрите. Откуда мог я узнать, что Касси Арнольд обмочила свою постель в ночь убийства? Откуда мог я узнать, что Максин ворвалась к ней в комнату и избивала? А что вы скажете насчет вашего подопечного, чьи ветхозаветные склонности заставили испачкать пижаму? Авторучка в куртке — как о ней я узнал? Ну? Подумайте!

— А я уже думала. Думала, что в доме везде видеокамеры, — резко ответила она. — Думала, остались какие-то кассеты с записями тех событий... А полиция от нас их прячет! Да мне и в голову не могло прийти, что вы заявите: ах, дескать, у меня видения! ах, обмороки! ах, это все камень виноват!

— Понимаю, поверить трудно, но видения были. Причем после того, как я касался камня... Да-да! Того самого камня, который поднял Иисус, когда взбешенная толпа собиралась умертвить уличенную грешницу! Это камень показал мне правду, это камень хотел, чтобы я знал, как все происходило с убийством Касси!

На некоторое время Спенсер замолк, давая ей осмыслить сказанное. Затем продолжал:

— Камень переносил меня в дом Арнольдов. Я видел, как Франк стоит над телом Касси. Я видел, как он пишет требование о выкупе и потом прячет свою авторучку. Я видел, как Делберт Амиль «излился» поверх детской пижамы! Я был там, когда Касси проснулась в мокрой постели и позвала маму! Я видел, как Максин Арнольд заходила в ванную комнату за пилюлями! Я видел, как она избивает собственную дочь! Я знаю, что это невозможно! Совершенно невозможно! Но я там был!!!

Делани уперлась:

— Все равно не понимаю. Почему после касания камня у вас вдруг появились видения?

— Мисс Делани, — вмешался Грассо, — вы ведь не забыли два первых отрывка, что мы читали вслух? В обоих случаях люди исцелились простым прикосновением к кромке одежды Иисуса Христа. И если вы согласны с правдивостью Святого Писания, то разве столь уж притянутой за уши покажется мысль, что камень, побывавший в руке Спасителя, тоже обладает определенной силой?

— Святой отец, — возразила Делани, — в Писании говорится об исцелении и ничего не сказано про видения. Тут, знаете ли, неувязочка у вас. Вы не сердитесь, но я вообще не верю в мощи, святыни и так далее... Вроде гвоздей, якобы с Креста Господня, святой воды, плачущих кровью статуй... Вам лучше знать.

— Так ведь и я в них не верю, — улыбнулся Грассо. — Однако заверяю вас: камень подлинный. Иоанн утверждает, что Иисус дважды писал пальцем на песке, когда разговаривал с толпой. Помните?

— Помню, — прищурилась она, — только не помню, чтобы в Библии объяснялось, что он там написал. Хотите сказать, в вашем древнем свитке еще какие-то подробности обнаружались?

— Да, — простодушно ответил Грассо. — К сожалению, пока что нам удалось перевести только первую надпись. Согласно свитку, Иисус написал на земле две строки.

— Ну хорошо, и что он там написал? В смысле, что вы уже перевели?

— Сказано так: *«Имже бо камением судите, да судят вам»*. Говоря современным языком, «ибо каким камнем судите, таким будете судимы». Позвольте мне реконструировать сцену. Представьте: толпа требует, чтобы Иисус совершил суд над женщиной. Он нагибается и пишет в грязи: «Ибо каким камнем судите, таким будете судимы». Затем поднимает камень и показывает его людям. Он говорит, что первым его должен бросить тот, кто никогда не грешил. Иисус предлагает камень толпе: берите, вот он — ваш первый камень, так берите же его! Никто не решается. Толпа расходится, а Христос говорит женщине: иди и впредь не греши.

— А в свитке объясняется, что случилось с камнем дальше? — спросила Делани.

— Нет, мы не знаем, что Он с ним сделал, — покачал головой Грассо. — Вместе с тем нам известно, что после того события стали периодически поступать сообщения о некоем «судном камне». В первый раз это случилось в двести двадцатом году и повторялось примерно через каждую пару сотен лет. Возникает впечатление, что камень на какое-то время появляется, затем исчезает.

— Но если это такой чудотворный артефакт, то почему я раньше о нем не слышала? Зачем Ватикану устраивать вокруг него завесу секретности? И почему ни один из прикоснувшихся не заявил об этом громогласно, для всех?

— Не уверен, что могу ответить на ваши вопросы, — признался Грассо. — Церковь уже столетиями отчаянно пытается найти камень, однако вплоть до сегодняшнего дня мы узнавали о нем лишь после того, как он попадал в руки очередного неизвестного. Дело в том, что практически все наши сведения поступали только после смерти предшествующего владельца.

— После смерти? — переспросила она. — Если эти люди умирали, то откуда вам известно, что они касались камня?

— В каждом таком случае на левой руке появлялась стигматa в форме распятия, — объяснил Грассо. — Точно такая, как и на ладони судьи Спенсера.

— Получается, при прикосновении к камню он оставляет после себя отпечаток?

Распятие?

— О, он способен на куда большее. Судя по всему, «судный камень» — одновременно и великий дар, и страшное проклятие. Своему владельцу он дает способность видеть ложь — то есть выявлять правду. Далее, камень, по-видимому, способен посылать людей в прошлое, к моменту того или иного события, чтобы они сами увидели, как все происходило. Думаю, в этом-то и заключается причина, почему церковь пытается сохранить камень в секрете и ищет его, не поднимая шума. Она опасается, как бы кто не воспользовался камнем в несправедных целях.

Грассо вдруг закашлялся и никак не мог остановиться. Данем принес ему стакан воды. Отпив глоток, священник извинился. Голос у него охрип, из глаз катились вызванные кашлем слезы. Придя в себя, он продолжил:

— Боюсь также, что у камня есть еще одна, трагическая, сторона. Чтобы понять ее, надо вспомнить слова Иисуса, начертанные на земле: «Ибо каким камнем судите, таким будете судимы». Понимаете, сам Иисус предупреждает, что у любого суда имеются две стороны. Во-первых, «каменем судите». То есть у владельца камня есть власть судить! Затем Он добавляет: «будете судимы». Возникает впечатление, что Иисус говорит так: «Если станете судить кого-то, то и вас будет судить Господь»!

— Позвольте, но ведь в Библии так и написано: дескать, «не судите, да не судимы будете»! — заметила Делани.

— Да, — закивал Грассо. — Более того, там есть продолжение: «И что ты смотришь на сучек в глазе брата твоего, а бревно в твоём глазе не чувствуешь? ...вынь прежде бревно из твоего глаза, и тогда увидишь, как вынуть сучек из глаза брата твоего». Концепция абсолютно та же: никто не смеет судить другого человека, пока сам не разберется с собственными грехами. Здесь-то и кроется проклятие камня: он заставляет владельца столкнуться с его личными грехами и подвергнуться суду.

Делани перевела взгляд на Спенсера.

— Вы хотите сказать, что камень сейчас судит нашего судью?

— Нет, это не совсем так. — Грассо помолчал, собираясь с мыслями. — Думаю, сейчас лучше отступить на шаг и посмотреть, как все было. Итак, судья Спенсер получил камень в посылке, которую отправил адвокат по имени Патрик Макферсон. Когда мы с Кайлом были в Бостоне и беседовали с его вдовой, она рассказала нам, что покойный супруг был одержим идеей испросить прощения. Он разыскал множество людей — большинство из которых не видел со времен глубокого детства — и по очереди попросил у них прощения. Камень демонстрировал ему грехи из прошлого, а чувство вины заставляло просить прощения.

Здесь Грассо обратился к Спенсеру:

— Ведь с вами это сейчас происходит? Камень вынудил взглянуть на ваши грехи?

Спенсер опустил голову и посмотрел на распятие на ладони.

— Да, именно это он и делает.

И здесь судья рассказал историю с плагиатом.

— Профессор, оказывается, еще много лет назад все обнаружил, однако не испытывал необходимости поставить меня в известность. Пока я не коснулся камня. Когда же он наконец пришел ко мне, то прямо так и сказал, открытым текстом: дескать, воровство чужого труда — это грех. Вскоре у меня было видение. Как-то раз, еще маленьким мальчиком, я заявил отцу, что ненавижу его. Здесь уже моя собственная мать сказала мне, что это грех — не чтить родителей.

— Судя по всему, вы идете по тому же пути, что и Патрик Макферсон, — нахмурившись, прокомментировал Грассо. — С другой стороны, я должен отметить, что ни один из этих грехов не выглядит слишком зловещим. Больше ничего не было?

Спенсеру не хотелось говорить о пропаже полумиллиона акций «Цирк-Цирка», поэтому он помотал головой:

— Нет. Еще нет.

Как только он соврал, ладонь обожгло и распятие набухло кровью. Спенсер побежал в ванную делать перевязку.

— Что у него с рукой творится? — забеспокоилась Делани.

— Полагаю, нашего судью пометил Христос, — пожал плечами Грассо. — Стоит только прикоснуться к камню, как человек получает стигмату. Трудно сказать почему. В ходе наших исследований, впрочем, мы обнаружили, что такие люди в конечном итоге начинают страдать, как и Спаситель. За грехи. Они в буквальном смысле принимают на себя чужие грехи, подобно тому как Он принял на себя грехи мира.

— По-вашему, судью Спенсера наказывают за грехи других людей?

— Вряд ли слово «наказывать» здесь уместно, — покачал головой священник. — Опять-таки я не уверен, как именно работает «судный камень». Однако я полагаю, что всякий раз, когда у судьи Спенсера возникает видение, или он сталкивается с одним из собственных грехов, стигмата на руке увеличивается, боль становится сильнее. Должен предупредить вас: не могу отделаться от мысли, что со временем судью подомнет происходящее и он разделит ту же участь и боль, что и сам Христос, когда грехи мира были взвалены на Его плечи. Если грехи оказались непосильны для Христа, на что уповать простому смертному?

— Камень... собирается убить его. Вы к этому клоните?

Грассо не ответил, потому что из ванной вернулся Спенсер. Впрочем, судье хватило последних слов Делани, чтобы понять тему обсуждения.

— И каков же ответ? Камень убьет меня?

— Мы слишком мало знаем, дабы делать окончательные выводы...

Спенсер отлично понял, что Грассо пытается подсластить пилюлю.

— Святой отец, давайте уж начистоту, а? Убьет меня камень?

— Ответ, боюсь, утвердительный. Или он доведет вас до сумасшествия, или в конечном счете умертвит. Во всяком случае, мы никогда не слышали о выживших.

— Сколько мне осталось?

— Судя по метке, не так много. Стигмата близка к завершению, она почти совпадает с изображением на ладони Патрика Макферсона. Не хватает только лика Христова.

— А не мог бы я как-то отделаться от камня? Скажем, выкинуть или отдать кому-то?

— Я свяжусь с одним моим коллегой в Ватикане и попробую узнать, нет ли на такой случай экзорсизма или иного ритуала, — пообещал Грассо. — Между тем вам категорически нельзя касаться камня. При каждом контакте вы на один шаг приближаетесь к смерти... Да, и пожалуйста, не пробуйте от него избавиться. Если нам все-таки удастся обнаружить очистительный ритуал, камень потребуется... Чуть не забыл! Ни в коем случае не совершайте новых грехов!

Спенсер тут же выругался.

— Как же я теперь без оргий и пьянок?

Никто даже не улыбнулся.

— Да пошутил я, пошутил...

Затем Спенсер обратился к Грассо:

— Святой отец, как вы думаете, смогу ли я увидеть, кто и как убивал Касси Арнольд, если в последний раз коснусь камня?

— Секундочку! — вмешалась Делани. — Помнится, вы мне писали, что Франк Арнольд убил свою дочь...

— Мне пару часов назад звонил Тейлор Колдуэлл. Как я понимаю, ни он, ни следователь Стюарт вам еще ничего не сообщали. Дело в том, что Франк сознался насчет письма о выкупе. Он действительно хотел сделать так, чтобы преступление выглядело подражанием делу Рэмзи. Однако он категорически стоит на том, что Касси уже была мертва к моменту его появления в подвале.

— И вы ему верите?

— Патти, я не знаю, кто убил Касси. Это мог быть ваш клиент, или Франк, или Максин.

Спенсер еще раз обратился к Грассо:

— Так смогу я увидеть лицо убийцы, если коснусь камня?

— Полагаю, да, особенно если преступник дает показания под присягой или просто находится в одной комнате с вами. Но не забывайте: вы рискуете жизнью...

За разговорами о камне прошло еще несколько часов, пока священник не почувствовал такую усталость, что его глаза закрылись сами собой. Спенсер с Данемом проводили Грассо к щебеночной парковке «Приюта» и помогли сесть в машину.

— Обещаю, что буду искать способ, как освободить вас от этого камня, — сказал он Спенсеру. — Буду молиться за вас.

Спенсер вернулся в коттедж и сел напротив Патти.

— Мне очень жаль, — сказала она.

— Что вам жаль?

— Вас... За то, что вам сейчас приходится испытывать. И еще мне жаль, что в начале процесса я вам не доверяла. Мне казалось, вы помогали Тейлору Колдуэллу.

— Что ж, так оно и было, — без обиняков признался он. — Уверен, это тоже один из моих грехов. Колдуэлл пришел ко мне еще до начала процесса. Напрямую он ничего не говорил, но дал понять, что меня ждет кресло в Коллегии Верховного суда штата, если я позволю ему стать гособвинителем против вашего подопечного. Типичный случай *qui pro quo*^[4]: я его впускаю в мой судебный зал, а он, став губернатором, в кулуарах будет дергать за ниточки ради меня. Думаю, сейчас пришла расплата.

Спенсер посмотрел на ладонь. Кровь не текла.

— Но если вы были на стороне Колдуэлла, — сказала Делани, — то почему посылали те письма?

— Так ведь я никогда и не был на его стороне. Я просто согласился пустить его ко мне в зал в качестве прокурора. На этом вся моя помощь закончилась. И теперь меня гложет совесть. Кстати, вот почему я распорядился о запрете контакта с прессой. Чтобы заглушить чувство вины.

— И все-таки насчет писем. Зачем рисковать собственной карьерой, посылая их мне?

— Возможно, вы не поверите, но я всегда старался быть справедливым судьей. Поиск правды — куда более сложное дело, чем представляют себе люди. Если не считать судей-коллег... Каждый день тебе приходится принимать решения, которые изменяют чью-то жизнь. Не было еще случая, чтобы я сознательно позволил наказать невиновного или допустил, чтобы убийца избежал возмездия. Никакая политика не стоит таких жертв.

— Я верю вам.

Решив переменить тему, он спросил:

— А как вы узнали, что письма исходят от меня?

— Я связалась с людьми, которые ведут газетный веб-сайт, и они помогли проследить всю дорожку до источника. Кстати, сколько всего вы отправили писем?

— Три. А что?

— Потому что я получила четыре.

— Как такое возможно?

— На сто процентов я не уверена, хотя кое-какие подозрения имеются. — Делани посмотрела на часы. Почти пять утра. — Мне лучше уехать, пока еще темно. Ни к чему давать повод сплетням, если меня увидят выходящей из вашего коттеджа на заре!

— Ах да! — улыбнулся он впервые за всю ночь. — Верно, зачем бросать лишние кости мисс Алисе?

— Не говоря уже про вашу супругу.

Спенсер вдруг переменялся в лице, и в глазах появились такая печаль и обида, что Делани показалось, будто она видит перед собой маленького мальчика, которому сделали больно. Она безотчетно протянула руку и коснулась его щеки. Спенсер зажмурился.

— Спасибо, — прошептал он. — Спасибо, что поняли меня... что пришли сюда. Я бы не хотел, чтоб вы считали меня бесчестным судьей. Не хотел бы, чтоб вы меня презирали.

— Я все сделаю, чтобы помочь отцу Грассо найти способ избавить вас от этого камня, — твердо сказала она. — Даю слово.

Делани поднялась, подошла к двери и скользнула в предрассветную мглу.

От пронзительного телефонного звонка Спенсер чуть не упал с кровати. Бешено заколотилось сердце. Удалось проспать пару часов, не больше.

Мелисса.

— Мы с отцом ждем тебя к одиннадцати на веранде моего дома, — заявила она. И тут же повесила трубку.

Мелисса и Август Ван-ден-Верден. Эта парочка стояла в самом конце списка людей, с которыми Спенсеру хотелось бы встретиться при нынешних обстоятельствах. Он, однако, нашел в себе силы подняться и, как было приказано, к нужному часу доехал до особняка. Парадная дверь оказалась заперта. Попробовав свой ключ, он обнаружил, что замок поменяли. Тогда Спенсер пошел в обход дома и, повернув за дальний угол, увидел Мелиссу с отцом. Они сидели на веранде за вторым завтраком. Ван-ден-Верден едва начал намазывать апельсиновый джем на тост, когда у столика появился зять. Только два прибора, отметил про себя Спенсер и решил даже не присаживаться. Впрочем, ему и не предложили.

Ван-ден-Верден сразу взял быка за рога:

— Сколько мне будет стоять, чтобы вы напоролись брюхом на собственный меч?

— Так вы за этим меня позвали? Хотите, чтобы я оспорил брачный контракт, подписанный мной двадцать лет назад?

Ван-ден-Верден вскинул глаза.

— Что за бред вы несете?!

Спенсер посмотрел на Мелиссу. Женщина не спеша поднесла кофейную чашку к губам и деликатно отпила глоточек. Затем промолвила:

— Папочка, Спенсер ушел из моего дома. Мы собираемся подавать на развод.

Ван-ден-Верден неторопливо взял крахмальную салфетку с колен и смахнул ею хлебные крошки из уголков рта. Когда он отнял салфетку от физиономии, Спенсер увидел широкую ухмылку.

— Давненько не получал я столь славных известий! — объявил Август. — Ну ты подумай! Развод! Слава тебе, Господи! Молодец, дочурка!

Спенсер знал, что тесть никогда его не жаловал, однако легкость, с какой он принял новость, неприятно уязвила. Он уже хотел было вставить шпильку, но не успел.

— Развод? Это проблема Мелиссы, — опередил его Ван-ден-Верден. — Она умеет постоять за себя. Нет, вас вызвали потому, что надо поговорить насчет адвоката из «Бойда». Того самого, что занимается пропавшими акциями.

Спенсер сверлил глазами лицо тестя. В возрасте семидесяти двух лет Август Шестой отличался благородной сединой и совершенно белыми усами, за которыми тщательно ухаживал. Лицо у него было загорелое, что неудивительно при такой любви к свежему воздуху. Небесно-голубые, пронзительные глаза. Рослый, подтянутый и опасный человек; человек, вскормленный на убеждении, что падавшие на него блага он получает совершенно заслуженно. Август не верил в удачу. Да и зачем? Как и всякий избалованный, наглый отпрыск привилегированного семейства, он с младых ногтей мнил себя великой личностью, которой суждено возвыситься над всеми прочими. О, как ненавидел его Спенсер!

— Ах вот оно что? Стало быть, Мелисса все-таки сказала вам, что я знаю про кражу акций и как вы пытались меня подставить? — Он помолчал секунду и саркастически

добавил: — Добрый, милый папа.

— Вам, как человеку, которого вот-вот расплющит жизнь, пора бы поумнеть, — заметил Август. — Впрочем, не важно. Специально для вас я буду излагать попроще. Итак, я не «пытался» вас подставить, а просто взял и сделал. Теперь вся ответственность за пропавшие полмиллиона акций лежит на вас, что б вы там ни говорили. Ваше имя — не мое! — стоит на всех завещательных документах. Впрочем, к счастью для вас, я в состоянии вам помочь.

— В той же манере? Опять меня подставив?

Ван-ден-Верден откусил от тоста.

— Вините меня, если хотите, но ведь это вы были тем самым юнцом, который спал и видел, как станет важной птицей, доказав, что в состоянии справиться с многомиллионным наследственным делом, едва окончив юридический колледж. А что сделал я? Всего-то потряс перед носом наживкой. Сопливый дурачок взял — и проглотил.

Спенсер изо всех сил пытался сохранить голову.

— Да, в этом моя ошибка. Я вам поверил.

— Ну вот, наконец-то вы хоть с чем-то согласны. И знаете что? Вы совершенно правы! — кивнул Ван-ден-Верден, не выказывая ни малейших признаков раскаяния. — Когда речь идет о бизнесе, всегда следует быть начеку. Особенно с родственниками. Уж эти-то первыми придут ставить вас в позу и всаживать дозу.

Спенсер невольно бросил взгляд на Мелиссу. Та совершенно невозмутимо ела серебряной ложечкой яйцо в мешочек под соусом «Оландез» и, казалось, не слушала разговор мужчин.

— Вы сказали, что есть выход. Какой? — спросил Спенсер.

— Я заплачу вам пять миллионов. До цента.

— Откупаетесь, значит?

— Называйте как хотите. Все равно вам таких денег никогда не сделать.

— И что взамен?

— Вы уберетесь прочь. Исчезнете. Прочь из штата, прочь из страны. Но! Перед этим напишете полное признание: это вы украли акции, причем в одиночку.

— А если я откажусь и пойду к журналистам?

Ван-ден-Верден отложил свой тост и посмотрел на зятя.

— В таком случае вы еще глупее, чем я думал. Чем вы докажете, что акции украл я? Ничем. На свете есть только три человека, которым известна правда: вы, я и Мелисса. А на случай если вы еще до этого не дотумкались, то мы с дочерью под присягой покажем, что вор — вы!

— Но раз уж я так и так попаду под топор, что мне мешает захватить и вас с собой? Или по крайней мере хотя бы попытаться?

— Этого не произойдет по двум причинам. Во-первых, вы потеряете пять миллионов, а во-вторых, наживете во мне врага. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы вас уничтожить.

— Я вас не боюсь.

— В самом деле? Напрасно. Впрочем, прежде чем затрагивать негатив, предлагаю сначала обсудить позитив. Если вы согласитесь принять мяч на свою сторону, как вам советуют, то не только положите в карман пять миллионов долларов, но и заручитесь моей поддержкой. Так и быть, я готов подергать за кое-какие ниточки.

— Ниточки?

— За счет своих политических связей я придержусь прокуратуру и лично Тейлора Колдуэлла. Приму меры, чтобы против вас не открыли уголовное дело по пропавшим акциям. Из вас не сделают уголовного преступника. Да, черт возьми, вас даже не назовут вором! Максимум, что вас ждет, — это гражданская тяжба с подачи «Бойда, Стакхауса и Брауна». А ведь даже такой второсортный юрист, как вы, должен знать, что на гражданские иски экстрадиция не распространяется. До тех пор пока будете тихо сидеть за границей, Бойд и компания вас тронуть не смогут.

— Что конкретно вы имеете в виду: дескать, придержите Колдуэлла?

— А вот это вас не касается. С ним я разберусь, будьте покойны. Но если решите объявить мне войну, я лично прослежу, чтобы на вас повесили все, что можно. Завалю уголовными статьями. Гарантирую, что вас признают виновным. Гарантирую, что получите долгий-предолгий срок. Не забывайте, я близко знаком с кое-какими судьями в этом штате и точно знаю, как их взбесит факт, что коллега из их круга обокрал старушку вдову. Думаю даже, что за решеткой вы проведете остаток своих дней. А кстати, если и этого вам мало, то не забудьте прибавить сюда мои знакомства с тюремным начальством.

Ван-ден-Вендера явно увлекла эта идея.

— Да-да, бьюсь об заклад, что вас посадят в камеру на пару с во-от таким громилой цвета ваксы, у которого стоит занозистый рашпиль на мягких, сочных зайчиков вроде моего бывшего зятя.

Он снова ухмыльнулся:

— Вот кого вам придется звать «добрым, милым папой»!

Мелисса хихикнула и влюбленно посмотрела на отца.

— Так что выбор за вами, — вальяжно подвел итоги Ван-ден-Верден. — Можете подписать признание, положить в карман пять миллионов и комфортно жить за границей. Или можете остаться здесь, чтобы потом отправиться в местную тюрьму, где до самой смерти вас будут натирать хозяйственным мылом в санузлах и пускать по кругу. Слышали про такую забаву: «спрячь горячую сардельку»?

— Неужели вы думаете, что у каждого человека найдется свой ценник?! — возмутился Спенсер.

— Что значит «думаю»? — отозвался Август. — Да я каждый день их оплачиваю!

Спенсер поразмыслил пару секунд над предложением Ван-ден-Вендера. Затем сказал:

— Нет, не в ваших правилах сулить пять миллионов. Вас что-то беспокоит. Я понимаю, тюрьмы вы не боитесь. Слишком много у вас связей, друзья не допустят. Кроме того, вам достаточно вернуть украденные деньги — и все. Нет-нет, должна быть еще какая-то причина откупиться от меня...

И тут его осенило.

— Боже милосердный, — прошептал он немеющими губами. — Неужели страховка? То есть... если я вину возьму на себя, то... «Бойд, Стакхаус и Браун» не смогут тронуть ни вас лично, ни эту вашу фирму... Конечно, они подадут в суд против «Ван-ден-Вендера и Уайта», но ведь тогда должен будет вступить ваш страхователь и заплатить все убытки, поскольку я оказался бесчестным сотрудником...

Он задумался.

— Да-да, все сходится. Гениально. «Бойд, Стакхаус и Браун» считают, что деньги украд я, и поэтому тратят время и ресурсы на мои поиски... Ага... Между тем страховая компания, с которой у вас контракт, вынуждена возместить все потери вашей фирмы. А вы просто

откидываетесь в кресле и пересчитываете купюры. Плюс к тому все акции остаются у вас. И репутация сохранена... Но что будет, если я потяну за собой лично вас? Страхователь — вне игры, а у «Ван-ден-Вендер и Уайта» открыт зад. Под рашпиль, как вы говорите... Так-так... И что тогда скажут все ваши родственнички-паразиты? С какой кормушки им после этого сосать? О, им это вряд ли понравится! Правда-то, получается, вовсе не в том, чтобы помочь мне? Правда в том, чтобы вам самому прикрыться. Вы платите мне пять миллионов: на, мол, и беги, кролик, беги... И при этом у вас в кармане остаются акции и никакой потенциальной ответственности.

— Мои поздравления! Наконец-то! — пару раз хлопнул в ладоши Ван-ден-Вендер. — Доперло-таки! Ну и что? Слова, ничего больше. Что меняется? Вас все равно ждет тюрьма если не согласитесь на мое предложение. И кстати, мы уже не обсуждаем акции. Их нет. Они ушли еще двадцать лет назад. Вы думаете, их кто-то под матрасом держит?

— Так сколько же теперь стоят эти деньги, что вы украли? Пятьдесят, сто миллионов? Больше?

— Скажем так: они были удачно вложены.

Как ни противился Спенсер, все равно был вынужден признать, что Ван-ден-Вендер, похоже, загнал его в угол.

— Интересно, а бывает ли так, что вы забываете продумать хоть один аспект дела? — мрачно поинтересовался Спенсер.

— О нет. У меня все тузы. Между прочим, сегодня среда. Заходите к нам в офис в пятницу вечером, часиков в семь. Там и подмахнем бумажки.

— Какие гарантии, что вы заплатите пять миллионов?

— Что-что? Вы мне не доверяете? Ах-ах! — осклабился Август. — Короче, сделаем так. Появитесь в пятницу — получите сотню тысяч и билет в зубы. Мой личный шофер доставит вас в аэропорт, а там сядете на рейс до Франкфурта. В понедельник я объявлю, что за выходные вы исчезли. И раздам прессе копии вашей писульки с автографом.

— А остальные деньги?

— В Лондоне получите ключ от банковской ячейки. Наличные уже там. Да вы не переживайте, в пятницу я покажу вам заверенный нотариусом аффидевит от тамошнего менеджера. Он подтверждает, что видел, как деньги положили в ячейку. Разумеется, вы получите доверенность на изъятие всей суммы. Словом, за своими деньгами летите сначала во Франкфурт, потом в Лондон. Дальше — ваши проблемы. Могу только искренне пожелать, чтобы вы не попадались мне на глаза!

Ван-ден-Вендер вытер пальцы о салфетку.

— На сегодня все, свободны.

Но Спенсер не отправился восвояси. Он повернулся к жене.

— Наверное, после двадцати трех лет брака полагается говорить, дескать, да, бывали и хорошие моменты... Не буду. Только один вопрос: ты хоть когда-нибудь любила меня? Хоть в самом начале, когда мы только встретились? Еще студентами?

Точеные черты не дрогнули. Мелисса прямо взглянула Спенсеру в глаза.

— Не больше, чем ты меня.

Ладонь пустила кровь, как только Спенсер отъехал от особняка Ван-ден-Вендеров. Он остановил «ягуар» и прямо поверх бандажа наложил полотенце, которое захватил с собой из «Приюта Клифтона». Ему было горько. Ведь он не крал акции «Цирк-Цирка». Почему же

камень его наказывает?

И здесь наступило прозрение.

С той самой минуты, когда он узнал, из какой семьи происходит Мелисса, он упорно настаивал, что в его глазах ванденвендерские деньги и власть ничего не значат. Спенсера купить невозможно. Спенсер не продается. Ему плевать на их богатства. Сейчас, сидя в «ягуаре» за восемьдесят тысяч долларов, он наконец-то узрел очевидное. Ему всегда — тайно и отчаянно! — хотелось стать одним из них. Хотелось, чтобы его принимали за своего в гольф-клубе «Фокс ран». Он упивался роскошью, которую подарили ему деньги Мелиссы. Благодаря ее семье наслаждался доступом к политической власти, «купался» в сливках высшего общества. После воспитания в бедной семье он оказался одновременно возмущен и заморожен пышным и изобильным миром Мелиссы, внешне ненавидя, однако внутренне мечтая стать его частью.

Десятую заповедь — вот что он нарушил. *«Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего»*... То, что на словах он якобы презирал, в сердце своем он желал страстно. Сам себя одурачил. Обидно признавать, но Август Шестой прав: у Эвана Спенсера и впрямь имелся ценник. За ныне происходящее винить некого, кроме самого себя.

В тот же самый день, только позднее, Патти Делани получила копию видеозаписи, которую детектив Стюарт сделал во время допроса Франка Арнольда. Поначалу она не совсем поняла, с какой стати Тейлор Колдуэлл вдруг так расщедрился и решил поделиться информацией. Потом все встало на свои места. Пусть даже Франк признался, что подстроил сцену преступления, прокуратура по-прежнему держалась своего: именно Делберт Амилль убил Касси. Ничто в признаниях Арнольда не повлияло на планы Колдуэлла, как вести заседание в пятницу.

Делани совсем запуталась и не могла понять, кто лжет, а кто говорит правду. Каждый из этой троицы — Делберт и Франк с Максин — в свое время пытался утаить истинный характер своих действий. Видения судьи Спенсера вскрыли обман, однако до сих пор не показали лицо подлинного убийцы. Сидя в офисе, Делани вновь и вновь анализировала каждого из подозреваемых. Грамотный прокурор вполне сумел бы подготовить дело против любого из них. Скажем, Амилль разозлился на Арнольдов, когда те решили выкинуть его из дома. Бывший заключенный, член уличной банды и доносчик, заодно выдававший себя за собственного брата. Плюс к тому сексуальный партнер Максин Арнольд. Кстати, о Максин. Эта женщина отличалась вспыльчивым характером, избивала Касси за мокрую постель, после чего солгала и об этом, и о своих отношениях с Амилем. Что же касается Франка, то он знал об интимной связи жены и Амилля, ревновал, хотел от Амилля избавиться и, наконец, признался, что сознательно нарушил место преступления. Прямо глаза разбегаются. «Каравай, каравай, кого хочешь выбирай!» Действительно, годится любой. Если б не одна деталька, которая упорно не желала вписываться в общую картину.

Спенсер отправил три электронных письма. Кто-то другой написал еще одно, где обвинил Франка. Почему? И кто?

Делани разложила на столе полицейские фото, сделанные на месте преступления. *(Итак, чего у меня не хватает?)* Взяла в руки снимок с изображением гарроты, затянутой вокруг шеи Касси *(должна, должна оставаться хоть еще одна улика. Идеальных преступлений не бывает. Думай же, думай!)*, стала перекладывать, перетасовывать

фотографии... И тут в груди екнуло. Как с детской головоломкой. Над такой сидишь часами, а когда найдешь ответ, то невольно хлопнешь себя по лбу: ведь вот она — подсказка, на виду!

Полицейские фото не были сделаны на месте реального преступления! Ведь что сказал Франк Арнольд? Он сказал, что скопировал обстоятельства чужого убийства! Если не врет, то и гаррота, и электрошокер, и даже изоленга — всего лишь театральные реквизиты. Декорации. Нет-нет, надо воссоздать реальную сцену преступления. Надо понять, что было еще до того, как Франк нашел свою дочь на газетах. Да, только девочка и старые газеты. Хорошо. И откуда эти газеты взялись?

Делани покопалась в стопке криминалистических отчетов и наконец нашла нужный. Приложение к протоколу осмотра. Описание предметов на месте преступления. Итак, пункт 876, «Газеты. Шесть страниц из «Лос-Анджелес таймс», датированные 1-1-84. Страницы с 25 по 31 включительно. Городские новости. Место обнаружения: кладовая, под трупом». Криминалисты просто предположили, что убийца взял газеты откуда-то из подвальных помещений, например, из той же мастерской. В конце концов, именно в мастерской злодей нашел изоленгу и веревку для гарроты. Впрочем, надо отдать должное экспертам. Они все-таки старались. Даже пометка имеется. Автотранспортная компания, занимавшаяся переездом семейства Арнольдов из Калифорнии, действительно заворачивала инструменты в старые газеты, когда упаковывала вещи. Мастерская до сих пор засыпана мятыми обрывками.

Увы, эксперты допустили ошибку. Точнее, на тот момент они просто не знали, что Франк Арнольд нашел Касси уже лежавшей на газетах. Делани еще раз взглянула на описание. «Лос-Анджелес таймс»... 1-1-84... Стр. 25-31...

Стоп! Она перечитала дату. Под трупом Касси лежала газета семнадцатилетней давности!

Спрашивается, почему транспортная компания использовала столь старые газеты?

«А ведь ничего подобного», — сказала она самой себе. Убийца, должно быть, сам принес этот конкретный выпуск. И положил тело Касси поверх него по какой-то своей, столь же конкретной причине.

И что это за причина?

Делани набрала номер телефонной справочной и попросила редакцию «Лос-Анджелес таймс». Увы, информационная служба газеты отказалась ей помочь. «Видите ли, — объяснил бестелесный голос, — наши архивы не открыты для доступа широкой публики. Если хотите, можете загрузить нужные статьи с нашего веб-сайта — услуга, кстати, платная, — но мешать библиотекарям не разрешается. Они работают только на наших репортеров».

— Я вас очень прошу! — взмолилась Делани. — Пожалуйста! Дело не терпит отлагательства, к тому же я ищу статью от тысяча девятьсот восемьдесят четвертого года! А на вашем вебсайте все начинается только с восемьдесят пятого!

— В таком случае надо написать официальный запрос в архив, — сказал оператор. — Адрес дать?

Делани бросила трубку, минут десять посидела, потом решительно ткнула в кнопку последнего набранного номера.

— Алло? Городские новости? — сказала она, заговорщицки понизив голос, чтобы ее не узнали. — У нас тут такое творится...

Оператор тут же соединил ее с ответственным редактором.

— Рубрика «Город», — просипел усталый мужской голос. — Джек Смит.

— Ах, надо же, извините! — подпустила Делани нотку разочарования. — Это Дорис, из отдела рекламы. Телефонисты опять напортачили. Я ведь их просила соединить с архивом.

— Опять? Руки им пообломать пора. Ладно, погодите-ка, сам переключу...

Делани сделала страшные глаза и скрестила пальцы.

— Архив, — через секунду раздалось на том конце. — Эдвин Топпс, добрый день.

— Только не кладите трубку, выслушайте! Дело крайней важности! Я — адвокат в Виргинии, ищу статью, которую ваша газета опубликовала в восемьдесят четвертом году, потому что...

— Извините, — решительно прервал ее Топпс, — никаких справок публике мы не даем. Меня даже удивляет, как вас соединили.

— Человеку грозит смерть! — взорвалась Делани и тут же испугалась, что сейчас раздадутся короткие гудки. — Понимаете, — зачастила она, — я веду процесс об убийстве, и мой клиент борется за жизнь. Умоляю вас, это займет только пять минут!

Молчание. *Неужели рассоединили?!*

Затем вздох:

— Если узнают, меня уволят.

— Нет! Бог не допустит! Вы спасаете невинного человека! Прошу вас, я в отчаянии!

— И что вы хотите найти...

— Статью на первой полосе городских новостей от первого января восемьдесят четвертого года. Но я не знаю заголовка, простите!

— Не страшно. У нас на микрофишах по целой странице на кадр... Эх вы, пять минут... Ладно, дайте мне полчаса, ваш номер, и я по факсу пришлю всю страницу. Потом перезвоните и назовете нужную статью.

— Благослови вас Бог! О Господи! Спасибо, спасибо!

Когда раздался мелодичный звонок и сработал факс, она бросилась читать еще выползавший лист. Страница оказалась настолько уменьшенной, что пришлось взять лупу. Впрочем, поиск не занял много времени. Делани перезвонила Топпсу, на этот раз на прямой номер, который дал ей библиотекарь.

— Великолепно! То, что надо! Прошу вас, пришлите полную копию статьи из нижнего правого угла. Там, где про ДТП!

Вновь ожидание. Она нервно мерила шагами комнату.

И наконец:

НОВОБРАЧНЫЕ РАЗБИЛИСЬ ПО ВИНЕ ПЬЯНОГО ВОДИТЕЛЯ

Адриан и Эрин Комер пробыли мужем и женой только пять часов, когда ранним новогодним утром их машина столкнулась лоб в лоб с автомобилем, выехавшим на встречную полосу, сообщает городская полиция.

Юная чета двигалась в северном направлении по 110-й автомагистрали, когда в районе Южной Пасадены в них врезался водитель, перепутавший съезд на развязке.

Молодожены, студенты Калифорнийского университета, только что

завершили церемонию бракосочетания в квартале Монтесито-Хайтс и ехали в свадебное путешествие. Адриан, 24, погиб на месте. Его молодая супруга Эрин, 22, в критическом состоянии доставлена в местную больницу. Врачи констатировали тяжелейшую черепно-мозговую травму.

По словам полиции, седан Комеров был практически смят при лобовом столкновении со спортивной моделью, за рулем которой находился житель Лос-Анджелеса Франк Арнольд. За пять минут до трагедии он покинул дом своих друзей, где отмечал Новый год. Полиция утверждает, что Арнольд, совершенно не пострадавший при ударе, отказался дать дыхательную пробу на алкоголь непосредственно на месте и был задержан. В полицейском участке он согласился пройти проверку, после чего ему было предъявлено обвинение в нарушении ПДД так как выявленный уровень алкоголя превышал принятый в нашем штате допустимый предел в размере 0,8 процента.

Далее в статье приводились дополнительные подробности этого происшествия и статистические данные о прочих новогодних авариях. Делани залпом проглотила весь текст и тут же перезвонила в архив, Эдвину Топпсу.

— Мне нужно узнать, что случилось с Комерами, с той юной парой из аварии. Давайте начнем с некролога Адриана Комера!

— Я занят, — буркнул Топпс. — Скоро номер подписывать, репортеры каждую секунду дергают. Так что ждите...

Через час после встречи с Мелиссой и Августом Шестым Спенсеру позвонил Колдуэлл.

— Я только что беседовал с твоим тестем. Кстати, я говорю по защищенной линии, из столицы. Срочно найди телефон-автомат и перезвони. Записывай...

Спенсер доехал до ближайшей автозаправки и набрал полученный от Колдуэлла номер.

— Это ты? — спросил Тейлор.

— Я. Что за шпионские штучки?

— Звонил твой тесть: пропали акции каких-то цирков, и ты, дескать, виноват. Он говорит, «Бойд, Стакхаус и Браун» уже дышат тебе в шею. Ты чего там натворил?

— Прямо так и заявляет? Я виноват?

— Слушай, — сказал Колдуэлл, — мы знаем друг друга с университетской скамьи, так что давай не будем. Мне известно только одно: старик Ван-ден-Вендер утверждает, что скандал разразится с минуты на минуту. Он звонил предупредить. Дружеская услуга. Советует отойти от тебя подальше — и немедленно. Говорит, репутация близкого друга Спенсера мне на выборах не поможет. Скорее наоборот.

— Надо же, как он за тебя болеет.

— Завтра здесь, в Ричмонде, у меня назначено собеседование. Я должен примерно обозначить список судей, которых хотел бы видеть в Верховном суде после того, как стану губернатором. Мне очень жаль, но должен поставить тебя в известность, что на ближайшую вакансию я буду рекомендовать Джорджа Миноффа. Если, конечно, меня выберут. В общем, по старой дружбе, я хотел, чтобы ты услышал это от меня. А не с экрана телевизора.

— Ты же обещал выставить мою кандидатуру!

— Господи Боже, Спенсер! Да ведь твой собственный тесть заявил, что ты украл пятьдесят миллионов акций! Аж у двух цирков! Ты обалдел?!

— Тебе не приходит в голову, что на меня клеветают?

— Как ты понимаешь, это не играет роли, — возразил Колдуэлл. — Мой соперник вцепится в скандал клыками и когтями. А потом, ты ведь совсем не помогаешь мне. Я-то думал, мы договорились, а ты взял и наложил запрет на контакты с прессой! Так что не тебе учить меня лояльности!

Спенсер точно знал, чем занят Август Ван-ден-Верден. Он затягивает петлю на шею зятю, трезвоня повсюду о назревающей для Спенсера катастрофе. Выдавливает Спенсера из страны и на всякий случай трамбует фундамент под эшафот. Тейлор Колдуэлл — лишь первый из так называемых друзей, которые один за другим начнут открещиваться и отмахиваться.

Процесс пошел.

Стрелки уже перевалили за одиннадцать вечера, когда в офисе Патти Делани раздался звонок и сработал факс. На первом листе размашистым почерком Эдвин Топпс написал следующее:

Вам серьезно повезло. Я случайно нашел две подколотые вырезки про ту аварию на Новый год. Если бы не чьи-то заботливые руки, я бы их неделю искал. Что ж, бегите, спасайте своего клиента. Удачи!

На двух следующих листах шли копии некрологов. Об Адриане Комере — ничего из ряда вон выходящего. Родился и вырос в Лос-Анджелесе, учился в Калифорнийском университете на бухгалтера и уже писал дипломную работу. В тексте отмечалось, что его новобрачная, Эрин, все еще лежит в коме из-за тяжелой травмы головы. Ее некролог поместили через неделю. Она умерла, так и не придя в сознание.

Лишь прочитав самые последние строки, Делани поняла всю важность тех плодов, что принесла ее детективная работа.

Она немедленно набрала номер «Приюта Клифтона» и попросила соединить с «Медовым месяцем». Увы, Спенсер так и не ответил на звонок. Когда в трубке вновь раздался голос регистраторши, Делани спросила, не знает ли она, куда мог уехать судья.

— Его «ягуар» до сих пор на парковке. Может быть, он просто не желает, чтобы его беспокоили поздним вечером? — ехидно ответила женщина.

Делани покинула офис и доехала до своей квартиры, где переоделась в черный спортивный костюм и обула темные кроссовки. Спустя полчаса она свернула с главной автомагистрали и спрятала машину за каким-то кустом. До «Приюта Клифтона» полмили, не больше. Лунного света вполне хватало, дабы разглядеть дорожку, и она перешла на легкий бег. Уже далеко за полночь, и ей совсем не хотелось, чтобы кто-то увидел, как она навещает Спенсера в такое время. В коттедже горел свет, однако на стук никто не откликнулся. Делани подергала ручку. Не заперто. Она осторожно толкнула дверь.

Спенсер. На полу. Навзничь. Вокруг левой ладони — лужа крови.

Делани упала на колени.

— Спенсер! Судья! Вы меня слышите?!

Мужчина с трудом открыл глаза.

— Делани... — пробормотал он. — Извините... я не одет...

Действительно, на нем были только серые плавки и майка. И то и другое перепачкано кровью.

— Сколько вы тут лежите?!

— Не знаю... — едва слышно ответил он.

— Я звоню!

— Нет! Нет... Нельзя... «скорую»... Только Грассо. Там... у телефона...

На блокноте возле телефона Делани нашла номер. Кайл Данем поднял трубку после первого звонка.

Через двадцать минут они с Грассо уже подкатывали к коттеджу. К этому времени Делани успела перетащить Спенсера на кровать, остановила кровотечение и теперь полотенцем затирала пятно на полу.

— Он потерял очень много крови, — выпалила она. — И у него страшный жар. Нужен врач! Мы должны немедленно отвезти его в больницу!

Она сбегала в ванную, вернулась с мокрым полотенцем и положила его на лоб Спенсеру.

— Боюсь, вся современная медицина ему не поможет, — покачал головой Грассо, рассматривая левую ладонь Эвана. — У большинства стигматиков не течет кровь из ран, а у нашего судьи так и хлещет...

Он пригнулся к уху больного и крикнул:

— Спенсер? Это я — Грассо!

Спенсер, до сих пор мирно лежавший с закрытыми глазами, дернулся и ошалело уставился на священника.

— А-а... святой отец. Извините... не могу встать...

— Сегодня камень трогали?

— Нет.

— Опять на грех нарвались?

— Нет, — соврал он.

Тут же ладонь пронзило болью, и полилась кровь. Но все равно Спенсер упорно не желал рассказывать про встречу с Августом Шестым и Мелиссой.

Тут выяснилось, что чистых полотенец уже не осталось. В сумке судьи Делани отыскала еще одну белую майку и сделала с ее помощью перевязку.

— Думаю, что нашел способ избавить вас от проклятия! — объявил Грассо.

— Готов на все. Надо послать за камнем, давайте начинать...

— Не так все просто. Вы знаете, какой завтра день?

— Четверг?..

— Да, четверг, но не простой. Завтра — иудейский праздник, Йом Кипур. Знаете с таким?

Спенсер молча помотал головой.

— Тогда слушайте. Есть один древний ритуал, который проводили еще до Христова рождения. О нем, к примеру, говорится в Ветхом Завете. В третьей книге Моисеевой, «Левит». Глава шестнадцатая, стих седьмой. Там Господь объясняет, как мужчина по имени Аарон должен приносить жертву.

Грассо зачитал по памяти:

— «И возьмет двух козлов, и поставит их пред лицом Господним у входа скинии собрания; И бросит Аарон о обоих козлах жребии: один жребий для Господа, а другой жребий для отпущения. И приведет Аарон козла, на которого вышел жребий для Господа, и принесет его в жертву за грех; А козла, на которого вышел жребий для отпущения, поставит живого пред Господом, чтобы совершить над ним очищение и отослать его в пустыню для отпущения».

— Козла? — горько переспросил Спенсер. — Тонко подмечено...

— Ежегодно первосвященник отпускал такого козла в пустыню, символически возложив на него все грехи земли Израилевой. Отсюда и пошло выражение «козел отпущения». Происходило это в день Йом Кипур, на иврите — День искупления. В этом году Йом Кипур состоится завтра, на закате. Я лично думаю, что мы сможем освободить вас от власти камня, когда переложим ваши грехи на козла отпущения.

— То есть... прямо взять козла и...

— Увы, дело несколько сложнее. К тому же — я смотрел в отрывном календаре — завтрашний закат будет в семь двадцать пять вечера. Именно в это время и надо совершить ритуал. Ни минутой раньше, ни минутой позже. Понимаете?

— А что будет, если не сработает? — спросила Делани.

Священник молча отвернулся.

— Я должен знать... — прошептал Спенсер.

— Вы должны знать только одно: если ничего не делать, вы умрете. Как умер Иисус Христос.

— Сколько мне осталось?

— Не могу сказать. Не знаю. В молодости мне довелось видеть, как умирала одна девочка. Совершенно больная, прямо как вы сейчас. Стоило пройти несколькими часам, как она вдруг набиралась сил, свежела... А потом вдруг опять — кровотечение и жар. С каждым разом все чаще и сильнее.

— Вы спасли ее? — Делани закусила губу.

— Нет, — тихо ответил Грассо.

— Как она умерла? — спросил Спенсер. — Я хочу знать... подробности...

— С Христом!

— Что это... что это значит? Вы уже второй раз намекаете! В смысле по-христиански?

— Ее распяли. То есть я хочу сказать, распяли прямо в голове этой девочки, у нее в мыслях... М-м... В общем, ей чудилось, будто ее казнят рядом с Христом. Она испытывала те же самые муки, издевательства, боль...

Грассо отошел от кровати, чтобы пошептаться с Делани:

— Нам с Кайлом нужно подготовиться к завтрашнему ритуалу, но судью нельзя оставлять одного. Вы не посидите с ним до утра?

— Конечно. Что мне сделать? Как лучше помочь?

— Молитвой! А заодно повнимательней следите за кровотечением.

После отъезда Грассо и Данема больной спросил:

— Вы не уйдете, госпожа советник?

— Вот еще! Уйти с такой вечеринки? Да ни за что!

Она помолчала.

— А знаете, я ведь узнала, кто убил Касси. Кстати, давайте поправляйтесь, мне понадобится ваша помощь.

— А-а... — разочарованно протянул он.

— И еще одно я открыла, — тихо промолвила она. — Я открыла, что вы совершенно замечательный человек.

Спенсер слабо улыбнулся:

— На редкость тупой, вы хотите сказать?

Он попытался присесть в постели. Делани поспешила сунуть подушку ему за спину.

— Мне ведь тоже кое-что вам надо сказать. На случай если я ночью помру.

— Ш-ш! — приложила она палец к губам. — Вам нужен отдых. Надо беречь силы.

— Нет-нет, это очень важно. И я должен это сказать, пока у меня ясная голова.

За пару минут Спенсер изложил историю про украденные акции и тестя.

— Сегодня утром Ван-ден-Вендер посулил мне пять миллионов долларов в обмен на признание. Я пишу признание, а потом сбегую в Европу. О своем решении я должен сообщить у них в офисе, в семь вечера в пятницу.

— Надо звонить в ФБР, — заявила Делани.

— Нет, Патти, вы не понимаете! На всех документах стоит мое имя. Он все подстроил так, чтобы вором выглядел я. Если мериться, у кого весомее слово, я проиграю. Вы даже не представляете, какой властью — и злобой! — обладает Ван-ден-Вендер.

Делани, между тем обтиравшая ему лоб влажным полотенцем, спросила:

— И о чем же вы сейчас думаете? Брать ли наличные и бежать?

— А как бы вы поступили? Мне, к примеру, в тюрьму не хочется. Если удастся выжить, если план насчет козла отпущения завтра сработает, то выбор придется сделать: или я убегаю миллионером, или меня сажают на всю жизнь... Хочу задать вам один вопрос. Если я возьму деньги... вы со мной уедете?

— Я? С вами?

— Мы могли бы начать все сначала. Начать новую жизнь, вы и я. Пять миллионов — довольно приличное состояньице, на двоих более чем достаточно. Франция, Карибы, маленькая вилла в Италии. Что нас тут держит? Грустные воспоминания?

— Спенсер, вы серьезно?

— Да, Патти. Вы никогда не мечтали о богатстве? Я видел силу денег. Можешь быть самым тупым человеком на свете, но если ты богат, люди считают тебя гениальным. Они восхищаются тобой, завидуют тебе, хотят стать таким, как ты... Деньги способны все изменить!

— Им не купить счастья.

— Вы уверены? Мне всегда казалось, что люди так говорят ради самоутешения, когда знают, что у них таких денег нет и не будет.

— А как насчет вашей жены? Вашего тестя? Всяких прочих Арнольдов? Разве вы ничего не поняли, наблюдая за ними?

— Да, но ведь мы не такие! У нас с вами все будет иначе, — горячо запротестовал Спенсер. — У нас все будет по-другому!

— В самом деле? Мой отец любил рассказывать одну старую шутку, вы ее наверняка знаете... Одному человеку очень хотелось провести ночь с некой красавицей. И вот он предложил ей две тысячи долларов. Женщина подумала, сколько всего она сможет купить на эти деньги, — и согласилась. Мужчина немедленно сбросил сумму до десяти долларов. Женщина, конечно, оскорбилась: «Вы что, за потаскушку меня принимаете?» А он ответил: «Этот вопрос мы уже с вами выяснили. Осталось только в цене сойтись».

— Моя ситуация совсем иная! Разве вы не слушали, что я говорил? Если не убежать, меня посадят! Что толку в правде, когда ты не можешь ее доказать, а она в итоге тебе жизнь разрушит?

Делани поднялась и прошла в ванную, чтобы сполоснуть тряпочку, которой обтирала ему лоб. Вернувшись, она ответила:

— Ваш камень, Библия, ладонь... Помните, что сказал отец Грассо? Что ваша жизнь начала напоминать судьбу Христа...

— Помню, — кивнул он. — Попробуй забыть, когда тебя обещали распять...

— Иисуса тоже искушали. Сам дьявол. Богатство в обмен на союз.

— Это намек? Мол, взяв деньги, я продам свою душу?

— Я не имею права осуждать вас, — ответила Делани. — Мне-то легко говорить, какой выбор следует делать, так как за последствия отвечать вам.

Голос у нее дрогнул.

— Я бы искренне хотела верить, что добро всегда торжествует над злом. Но я слишком много видела, слишком много пережила. И я не наивная дурочка. Я знаю, что с хорошими людьми приключаются страшные вещи, а людям злым часто выпадает везение. И все-таки я верю, что каждый из нас должен поступать по совести. Нам надо делать правильный моральный выбор, независимо от того, что нас ждет — счастье или страдание. Думаю, моральный выбор человек делает каждый день. Чаще всего мы этого даже не замечаем, потому что такие решения вовсе не грандиозны, в них нет драматизма. Или угрозы для жизни, как в вашем случае. Простые, приземленные решения. Скажем, напомнить или не напомнить официантке, что она забыла что-то включить в ваш ресторанный чек... Или немножечко соврать. Чуть-чуть невинной лжи, во спасение... Казалось бы, безобидные мелочи... Но когда сложишь вместе все эти миллионы ежедневных выборов, выходит, что именно они определяют, кто ты такой.

Делани остудила себе лоб влажной тряпочкой.

— Да, велик шанс, что вас посадят, если вы откажетесь от предложения Ван-ден-Вендера. Понимаю. Отлично понимаю. Но еще я знаю, что если убегу вместе с вами в Европу, то мы совершим сделку с совестью. Я, к примеру, променяю ее на человека, которого не буду уважать. Ведь получится, что я убегу с тем, кому уже никогда не рискну верить полностью... Нет, я не могу! Простите меня, но я не могу!

Майка, которую она намотала поверх его ладони, уже насквозь пропиталась кровью. Делани сменила повязку.

— Я знаю, что сейчас все против вас. Я знаю, насколько могуч Август Шестой. Так вот: я готова помочь в борьбе с ним. При условии, что вы останетесь.

— Мне зябко, — вдруг пробормотал он, хотя за минуту до этого у него был несомненный жар. — Кажется, трудно понять... я...

У Спенсера начинался бред. Делани закутала его в несколько одеял, однако тело больного все равно била дрожь. Женщина прилегла рядом и постаралась прижать его к себе, чтобы согреть.

— Ничего, Эван, ничего, — шептала она ему на ухо. — Я здесь, рядом. Держись! Даже и не вздумай умирать! Борись, борись за нас и за наше будущее...

Темно и холодно. Море раскачивает крошечную лодку и распростертого в ней Эвана. Страшно холодно. Вдруг безо всякого перехода ему становится очень жарко. Над головой распаивается безоблачное сапфирное небо. Солнце обжигает щеки и лоб. Он переваливается на бок и, больно защемив костяшку локтя, тянет руку, чтобы зачерпнуть воды и остудить лицо. Но как только пальцы касаются волн, море становится мутно-зеленым, и он видит омерзительных тварей, скользящих под днищем лодки. Призрачно-белые, осклизлые гады замечают его руку и бросаются к ней, словно желая оторвать и устроить пиршество. Он едва успевает отдернуть пальцы и торопливо откидывается на спину, моля, чтобы суденышко не опрокинулось. Проходит несколько минут, Спенсер слегка приподнимается и бросает опасливый взгляд за борт. Вдалеке видна какая-то фигурка в белых одеждах, бредущая по поверхности воды в его сторону. Двигается она неторопливо, даже грациозно, не боясь ни утонуть, ни стать добычей подводных чудищ. Спенсер вскрикивает: «Спаси! Спаси меня!» Фигурка приближается, и Спенсер видит ее лицо. «Ничего, я

рядом, — шепчет она. — Я о тебе позабочусь. Держись! Не умирай! Борись за нас, за наше будущее!» Патти Делани. Она пришла спасти Эвана, и он тихо заснул в ее руках.

Делани еще лежала рядом, когда Спенсер проснулся. Четверг. Утро. Кровь уже не идет. С учетом событий прошлой ночи самочувствие на удивление приличное. Он попытался было откинуть одеяло, не потревожив Делани, однако та открыла глаза при первом же его движении.

— Ничего, ничего, спите... — прошептал он.

— Вы как? Кровь еще идет? Жар? Вы зачем из кровати вылезли?

— Да мне в ванную... Слушайте, напугал я вас вчера, да? Но вы знаете, я себя прекрасно чувствую! Правда! Кстати, умираю с голоду. Как насчет во-от такой стопки оладий с брусничным вареньем?

Она с удивлением проследила за ним взглядом. Можно подумать, человек встал после отличного ночного отдыха.

Спенсер открыл дверь — и ошеломленно замер. В ванне отмокал ворох окровавленных полотенец и маек.

— Боже мой! — прошептал он. — Неужели... так плохо? Простите, я не знал... Намучились вы со мной, поди...

— Вы сами-то что-нибудь помните? Как, например, разговаривали с Грассо? Насчет козла отпущения?

— Да. Сегодня на закате. Ритуал.

— А про украденные акции? И пятимиллионные откупные?

— И да, и нет. Помню, что предлагал бежать вместе... Вы вроде бы отказались... Вообще странно как-то все. Точно помню, что я вечером был один, а потом потерял сознание. Открыл глаза — а вы уже здесь. И еще я помню, как вы всю ночь меня держали на руках. Еще когда мы в лодке были.

— В лодке?

— Не знаю, может, сон такой... Или видение? Знаете, у меня как-то раз одно видение было, но чтобы вы там... — Он резко сменил тему. — А откуда вы узнали, что мне срочно нужна помощь?

— Я не знала. Приехала просто потому, что хотела рассказать, кто убил Касси.

Делани вкратце объяснила, как связалась с редакцией «Лос-Анджелес таймс», как узнала про погибших молодоженов, про Франка Арнольда за рулем...

— Мы все ошибались! Касси убили совсем по другой причине. Месть, вот в чем дело! Убийца карал Франка Арнольда!

— Как вы собираетесь это доказать?

— Есть одна идея, только сначала надо посоветоваться с отцом Грассо, возможно ли это в принципе. Если он скажет, что да, то мне понадобится ваша помощь. Но должна сразу предупредить: играть придется не по правилам.

— Что ж, — улыбнулся Спенсер, — вот мы и нашли, о чем поболтать за завтраком!

Ровно в четыре вечера мисс Алиса позвонила Арнольдам.

— Судья Спенсер хочет видеть вас обоих в своем кабинете ровно через час, — объявила она.

В четыре тридцать она позвонила в Управление шерифа и попросила следователя Дейла Стюарта.

— Судья просит зайти к нему ровно в пять. Да, и захватите с собой Делберта Амиля.

Без десяти пять она набрала номер Джейкоба Уиллера.

— Судья Спенсер ждет вас через десять минут!

Уиллер, уже собиравшийся уходить домой, поинтересовался, в чем дело.

— Это насчет процесса Арнольдов, так что потрудитесь быть вовремя!

— Разве Спенсер не знает, что мистер Колдуэлл еще в Ричмонде? Без него никак нельзя! Ведь он — гособвинитель!

— А вы — окружной прокурор нашего графства! — резко ответила мисс Алиса. Она знала, где нахальство могло сойти с рук, и не упускала возможности потешить душу. Кроме того, она понимала, что Спенсер специально подобрал время для звонка, чтобы Колдуэлл не успел на встречу. — Вы принимали участие в каждом заседании, так что, я полагаю, вы вполне можете представлять сторону обвинения, не отрывая генпрокурора от важных дел!

— Это ни в какие ворота не лезет! — запротестовал Уиллер. — Колдуэлл в бешенство придет! Я немедленно ему звоню!

— Делайте что хотите, однако имейте в виду, что вы уже и так потратили пять минут, а судья Спенсер категорически требует, чтобы все были вовремя! Все без исключения!

Уиллер решил отложить звонок Колдуэллу и поспешил на лестницу. После торопливого подъема на третий этаж у него сбилось дыхание, и мисс Алисе пришлось подождать с минуту, прежде чем впустить его к судье.

Кресла и стулья в кабинете Спенсера были расставлены так, что обстановка напоминала миниатюрный зал судебных слушаний. По одну руку сидели Арнольды со Стюартом. По другую — Патти Делани, Чарлз Макдоналд и Делберт Амиль. Отец Грассо с Кайлом Данемом занимали места у задней стены кабинета.

Уиллер скользнул в пустое кресло рядом со Стюартом.

— Все в наличии, господин судья, — объявила мисс Алиса, вышла и прикрыла за собой дверь.

— Мисс Делани обратилась с просьбой созвать закрытое заседание у меня в кабинете, — приступил к делу Спенсер. — Почему и зачем — скоро станет ясно.

Он на секунду умолк, затем нагнулся вперед и сказал в интерком:

— Мисс Алиса, никаких звонков. Проследите, чтобы нам не мешали.

Уиллер робко, будто школьник, поднял руку.

— Извините, господин судья, я не хотел бы мешать, но генеральный прокурор Колдуэлл будет очень недоволен...

— С генеральным прокурором я разберусь. Всю ответственность за это чрезвычайное заседание я беру на себя.

Уиллер просветлел лицом и поудобнее устроился в кресле.

Спенсер поднял со стола три листка бумаги и показал их всем присутствующим.

— Вот распечатки электронных писем, которые мисс Делани получила по ходу данного процесса. Она только что меня с ними ознакомила. Возникает впечатление, что сообщенные в них подробности полностью подтвердились. Далее, поскольку информатор получает свои сведения на редкость необычным путем, я согласился, чтобы мисс Делани провела его допрос без участия присяжных. Мне еще предстоит решить, есть ли основания для его повторного допроса завтра, когда мы возобновим открытую работу. Итак, мисс Делани, прошу вас.

Делани объявила:

— Прошу преподобного отца Грассо занять место в свидетельском кресле!

Чарлз Макдоналд подергал Делани за рукав.

— Откуда вы его выкопали? — прошептал он. — Почему без меня?

— Объясню позднее.

Грассо дохромал до стула и уселся, оказавшись неподалеку от стола Спенсера.

— Отец Грассо, — обратилась к нему Делани, — вы верите в чудеса?

— Большинство чудес, о которых порой трезвонит пресса, на деле являются обманом или природными явлениями, хотя существуют и подлинные чудеса, проявления Божественной воли, которые не поддаются объяснению.

— Не является ли одним из таких чудес некий камень, которого когда-то касался Иисус? Камень настолько необычный, что, к примеру, вы, как священнослужитель, могли бы им воспользоваться, чтобы заглянуть в прошлое?

— Да. Такой камень действительно существует.

Спенсер обвел взглядом комнату. Глаза всех присутствующих были прикованы к лицу Грассо.

— Одно из полученных мной посланий гласит, что Касси страдала ночным недержанием и что ее мать разозлилась и побила девочку, — сказала Делани. — Второе письмо рассказало, как ДНК моего подзащитного очутилась на пижаме Касси, а третье — чем Франк Арнольд написал требование о выкупе. Все эти события произошли именно так, как изложено в этих электронных письмах, хотя сам автор не присутствовал на месте. Свои сведения он получил в видениях, вызванных упомянутым камнем.

Делани старательно избегала любых намеков, способных навести на Спенсера. Пусть все непосвященные автоматически решат, что письма исходили от Грассо.

Со стола Спенсера она взяла в руки картонную коробочку, в какие часто упаковывают подарки, и подошла к Грассо.

— Святой отец, возможно ли, что все перечисленные мной откровения вызваны камнем, который находится в этой коробке?

— Да.

Народ заинтересованно вытянул шеи, и Делани опустила коробочку пониже, чтобы все могли увидеть простой белый кругляш.

— Во время нашей беседы, святой отец, вы сказали, что сегодня могли бы с помощью данного камня заглянуть в прошлое и, вполне вероятно, увидеть, что же случилось с Касси Арнольд в ту ночь. Вы и сейчас верите, что это возможно?

— С Божьей помощью — да.

Делани вручила священнику коробочку, и он поставил ее себе на колени. Затем закрыл глаза и, перебирая четки, зашептал молитву. Закончив, он своей здоровой, правой рукой сделал над камнем три пасса против часовой стрелки, удерживая ладонь на расстоянии

дьюма. Как только рука священника остановилась, раздался громкий хлопок, словно кто-то щелкнул кнутом. Тончайшая голубая линия ударила из камня в правую ладонь Грассо. Максин Арнольд истошно взвизгнула. Делани отпрыгнула на шаг. Что же касается самого Грассо, рука его затряслась, и священник уронил голову на грудь, как если бы только что потерял сознание.

— Отец Грассо, — мягко сказала Делани, — что вы видите?

— В дом проникает какой-то мужчина... Дом новый. Весь белый... Мужчина разбивает подвальное окно и забирается внутрь.

Максин с Франком дико переглянулись.

— Вы видите его лицо?

— Нет. Сейчас он поднимается по лестнице, очень тихо. Заходит в детскую спальню. Девочка спит. Он стоит возле ее постели.

Грассо задрожал всем телом.

— Что случилось, святой отец?!

— Он душит ребенка. Подушкой. Она пытается отбиться, но он слишком силен. Ужас, ужас!

Максин Арнольд открыла рот, готовая вот-вот разрыдаться.

— Девочка умерла?

— Да. Он несет ее в подвал.

— Святой отец, а сейчас? Вы видите его лицо?

— Нет, зато я вижу, как он что-то вынимает из кармана.

— Что?

— Сложенную газету. Он расстилат газету по бетонному полу, как одеяло, на котором будет спать ребенок.

Здесь Грассо вновь затрясся.

— Что происходит?

— Мы уже не в подвале. Мы с мужчиной находимся в больнице. Он стоит возле койки, где лежит молодая женщина. Она в коме. Мужчина страшно возбужден. Он очень, очень сильно любит эту женщину.

— Это его жена?

— Нет, его дочь... Постойте. За одну секунду прошло несколько дней. Мужчина до сих пор сидит возле койки. Но что-то случилось... Да, она мертва. Мужчина плачет. Страшная боль, страшное горе...

— А сейчас вы видите его лицо?

— Да, да! — воскликнул Грассо. — Я вижу, сейчас я вижу!

Делани опасливо взяла коробку с колен священника и поставила ее обратно судье на стол. Затем бережно, обеими ладонями, приподняла изрытое оспой лицо Грассо:

— Святой отец, вы слышите меня? Отец Грассо? Пожалуйста, откройте глаза!

— Воды! Воды! — еле выдохнул священник, приходя в себя.

Кайл Данем бросился в ванную при кабинете Спенсера и принес оттуда стакан воды из-под крана.

Делани подождала несколько секунд, затем спросила:

— Святой отец! Скажите, тот человек, что задушил Касси Арнольд и положил ее тело на газету... этот человек с нами? В этой комнате?

Грассо посмотрел на Франка Арнольда, затем медленно перевел глаза на Делберта

Амилия и, наконец, на Чарлза Макдоналда.

— Что это вы так уставились? — ощетинился Макдоналд.

Делани развернула копию газетного некролога и зачитала вслух:

Эрин Комер, впаившая в кому через несколько часов после своей свадьбы, скончалась сегодня утром в местной больнице. Комер, двадцати одного года, была пассажиркой в автомобиле, за рулем которого сидел ее супруг, когда в новогоднюю ночь в них врезалась машина Франка Арнольда. Арнольду предъявлено обвинение в вождении в нетрезвом состоянии.

Ошеломленная Максин воскликнула:

— Ты никогда не говорил мне про аварию! Ты убил ту девушку, потому что напился?!

— Это было давно! Еще до нашей встречи! — отодвинулся от жены Франк.

Между тем Спенсер наблюдал за Макдоналдом. Пожилой сыщик пожирал глазами лицо Арнольда.

Делани продолжала читать. В нескольких параграфах некролог описал жизнь Эрин Комер. Добравшись до концовки, Патти повысила голос: «После себя Эрин оставила родителей, Чарлза и Джейн Макдоналд, город Вашингтон, округ Колумбия. Она была их единственным ребенком».

— Так вы ее отец?! — вскрикнула Максин, тыча пальцем в Макдоналда, сидевшего в нескольких шагах напротив.

Мужчина не ответил. Делани взяла в руки распечатку еще одного анонимного электронного письма.

— Мне следовало сразу догадаться, что это от вас, — грустно сказала она. — Все, что здесь написано, уместается в трех коротеньких фразах: «Франк Арнольд убил свою дочь. Из-за денег. Вашего клиента сделали крайним». Ведь это вы написали, прямо с моего компьютера! В то самое утро, когда напугали меня, появившись из-за спины. Пораньше приехали ко мне в офис — и сели за клавиатуру. А потом вышли в холл, будто вам приспичило «в комнату для маленьких мальчиков». Только вы один знали про остальные письма. И еще вы знали, что я всегда оставляю компьютер подключенным к Интернету!

Макдоналд по-прежнему бичевал ненавидящим взглядом Франка Арнольда.

— Сволочь! — наконец рявкнул он. — Убил мою девочку! Самого славного ребенка, которого только может пожелать себе любой родитель! Сердце моей вселенной! А ты... Ты напился под Новый год, рванул по встречной полосе! Как же ты не сдох, тварь поганая!!! Моя Эрин и ее муж погибли из-за тебя!

Франк сидел ни жив ни мертв.

— Мы только-только вернулись к себе в номер, когда приехала полиция, — неумолимо продолжал Макдоналд. — Я молился... и молился... и молился! Целыми днями в той проклятой больнице! Вместе с женой! Ты в состоянии понять, что это такое — сидеть и смотреть, как медленно умирает твоя единственная дочь?! Как она привязана трубками к аппаратам? Как синее у нее лицо? А ты смотришь на нее и знаешь, что ничем на свете не способен ей помочь! Ничем на свете!

Его глаза прыгнули на Грассо, который до сих пор сидел в свидетельском кресле.

— Эх, святой отец... всю свою жизнь я был примерным католиком. Каждую неделю ходил к службе, на исповеди... жертвовал на церковь сколько мог... Верил, что «Господь»

значит «любовь»... но когда умирала моя малышка, где он был, этот ваш Господь? Спиной ко мне повернулся? Ответьте, какой был смысл во всех моих молитвах? Ответьте же, святой отец!

Впрочем, он не стал дожидаться, что может сказать Грассо. Вместо этого он повернулся к Франку.

— По тебе тюрьма плакала. Но ведь ты же такой богатый. Такой умный. У тебя такие связи... Ты признал в суде, что, дескать, виноват, сидел пьяненьким за рулем. Готов оплатить штраф. И оплатил! Два человека погибли — а он только подписал чек!

Молниеносным движением, наработанным за долгие годы полицейской службы, Макдоналд сунул левую руку под полу пиджака и выхватил вороненый короткоствольный револьвер 38-го калибра. Дуло смотрело в нагрудную пуговицу следователя Стюарта.

— Доставай! — скомандовал он.

Стюарт вынул свой пистолет из кобуры и бережно положил на пол между ног.

— Теперь с ноги!

Стюарт повиновался и из-под задранной штанины достал еще один пистолет.

— В жизни не видел копа без двух машинок, — пояснил Макдоналд. — Еще есть?

— Нет, — помотал головой Стюарт. — Помолчав секунду, он добавил: — Зря вы это затеяли... Все равно уже не помочь.

— Помочь нельзя, зато хотя бы... А что бы вы сделали, если бы кто-то убил вашего ребенка и преспокойненько стал жить дальше?

С этими словами Макдоналд направил револьвер на Арнольда.

— Эй, Франк, — сказал он, — как тебе понравилось? Насчет собственной дочки?

Арнольд сидел, выпучив глаза.

Макдоналд продолжал:

— После смерти Эрин моя жена сдалась. Все наши мечты... разрушены! Из-за тебя! Ни внуков, ничего. Ты украл наше будущее! Часто слышишь, какой-де сильной может быть любовь. Но я узнал, что ненависть ничуть не слабее. Моя жена должна была бороться, когда у нее нашли рак, однако после смерти дочери ей уже было все равно. Ты и ее убил!

— Послушайте! Может, вы уберете наконец эту штуку? — вмешался Спенсер.

— Совсем за идиота меня принимают, — презрительно отозвался Макдоналд. — Судья! Неужели вы не поняли? Я столько лет ждал этой минуты! В ту ночь... Я планировал убить их всех. До единого. А потом — себя. Вот почему я принес с собой ту газету. Чтобы все узнали, зачем и почему. Но когда душил Касси, я решил сделать иначе. Мне захотелось, чтобы ты, Франк, понял, что я чувствовал, когда ты убил мою дочь. Полиция все равно бы на тебя глаз положила. Так всегда бывает. Родителей подозревают первыми...

Все молча слушали.

— Однако следующим утром в теленовостях сообщили, что арестовали какого-то Лестера Амиля. А ведь я даже не знал, что он с ними живет! И тогда я понял, что пострадает еще один невинный человек. Опять из-за тебя!.. Пришлось вызваться в помощники.

— Чарлз, — мягко обратилась к нему Делани, — вы и так всю жизнь помогали людям. Сначала как полицейский, потом как адвокат. Остановитесь же, больше не надо смертей!

— Какая теперь разница? Касси я уже убил. Сейчас очередь Максина. Хочется, чтобы Франк посмотрел! Увидел, как его жена умирает!

Он перевел дуло револьвера.

Максин завизжала на мужа:

— Сделай хоть что-нибудь!

Франк будто окаменел.

Женщина бросила затравленный взгляд на Стюарта, потом на Спенсера.

— А вы что расселись?! Вам деньги платят, так работайте!

— На колени! — скомандовал Чарлз.

Максин от ужаса не могла шевельнуться.

— Стойте! — воскликнул вдруг Франк. — Мы дадим вам все, что хотите! Мы учредим стипендию имени вашей дочери! Мы построим новый учебный корпус в ее университете! Он тоже будет назван ее именем! Только не стреляйте! Все можно решить!

Макдоналд направил дуло револьвера Максин в лоб.

— А я уже решил. Без денег. Тебе не удастся отделаться простым чеком.

— Но ведь меня не было в машине с Франком! — затряслась Максин. — Я о нем даже не знала! И я не пила! Пожалуйста, умоляю, не убивайте! Это он убил вашу дочь, а не я!

— Я сказал, на колени!

Стюарт было дернулся вперед, но Макдоналд оказался слишком быстр для него. Дуло развернулось.

— Не надо геройства, — предупредил Макдоналд. — Их жизнь не стоит вашей.

Следователь обмяк.

Тут отец Грассо встал со стула и оказался между Максин и Макдоналдом.

— Хватит смертей, — сказал священник.

— В сторону, святой отец, не то... К тому же ваш Бог мне уже безразличен.

— Но вы не безразличны Ему!

— Ага! Вот почему он дал умереть Эрин!

Грассо даже не двинулся, и тогда Макдоналд сказал:

— Буду считать до трех. Как в кино. Времени отойти вам хватит. Если решите иначе, пусть ваша смерть будет на вашей же совести!

Грассо коснулся четок здоровой рукой и закрыл глаза.

— Раз! Два! Тр...

От выстрела внутри помещения все оглохли. В глазах Спенсера плясали вспышки, дергались какие-то тени. Он увидел, как Грассо валится на пол и — одновременно с этим — как Макдоналд летит спиной вперед и врезается в стену. Женский визг. Запах горелого пороха.

Потребовалось несколько секунд, чтобы разобраться в произошедшем.

Максин еще царапала пол, пытаясь укрыться за Франком. Оба вроде не пострадали. Следователь Стюарт, Патти Делани, Кайл Данем, Делберт Амиль и Джейкоб Уиллер изображали из себя восковые фигуры. Грассо... Грассо лежал на полу, но на нем не видно ни крови, ни зияющей раны.

Совсем иначе выглядел Чарлз Макдоналд. Из его груди толчками била кровь. Лишь в этот миг Спенсер понял, что на ковре лежит еще одно, лишнее, тело. Мисс Алиса, обеими руками сжимающая выставленный перед собой револьвер непривычной формы.

Стюарт кинулся к Макдоналду.

— Звоните «девять-один-один»! — крикнул он, с силой прижимая обе ладони к громадному кровавому пятну.

— Я попала? — робко подала голос мисс Алиса. От сильной отдачи и падения на пол ее очки съехали куда-то за ухо.

— Да уж, попали будь здоров! — pokrutil головой следователь.

Джейкоб Уиллер протянул мисс Алисе руку и помог встать на ноги.

— Как вы узнали, что здесь происходит? — восхитился он.

— Судья Спенсер включил интерком, и я услышала, как вон тот мужчина приказал следователю Стюарту положить оружие. Вызывать шерифа времени не было, вот я и подумала: «Где бы мне достать пистолет?» Представляете? А он все время был перед глазами!

Мисс Алиса показала рукой на «Лич и Ригдон», когда-то принадлежавший ее прапрапрадеду.

— Я и взяла его из-под стекла! Но не была уверена, правильно ли зарядила. Да и патроны такие старые, могли не сработать...

— Ничего, сработало как полагается! — заметил Стюарт. — Вы ему грудь чуть ли не насквозь продырявили. Он сейчас без сознания. Думаю, он себе и череп разбил, когда врезался затылком в стену... Да, а как наш священник?

Все обернулись. Данем помогал отцу Грассо усесться в свидетельское кресло.

— Вам тоже вызвать «скорую»? — спросил Спенсер.

— Нет, — покачал головой Грассо. — Немножко сбилось дыхание, и все. Наверное, я упал, когда эта штука грохнула.

К появлению фельдшеров и полицейских чета Арнольдов успела взять себя в руки. Что касается следователя Стюарта, он решил действовать по горячим следам.

— Я должен проследить, как Макдоналда поместят в реанимацию и под охрану, но попутно мне нужны протоколы показаний от каждого.

Он остро взглянул на Джейкоба Уиллера.

— Почему бы вам этим не заняться? По очереди отведите людей в офис шерифа и оформляйте бумаги.

— О'кей, слушать всем! — повисил голос Уиллер, явно наслаждаясь новообретенной властью. — Идем вниз! Вперед марш!

— Минуточку, — поморщился Спенсер. Он подошел к мисс Алисе и обнял ее. — Спасибо вам! Вы спасли столько жизней!..

Женщина зарделась.

Затем Спенсер сказал:

— Мне надо завершить одно небольшое дело. Мисс Делани, отец Грассо, мистер Данем — останьтесь, пожалуйста. Все остальные могут спускаться к шерифу. Мы сейчас подойдем.

Уиллер надул щеки и, взмахивая руками, погнал людей на выход. Минут через пять суматоха и перебранка улеглись. Грассо поднял глаза: настенные часы показывали семь пятнадцать вечера.

— Надо торопиться! До заката всего лишь с десятков минут! Быстрее, давайте камень, начнем ритуал!

Спенсер потянулся к коробке, однако Грассо крикнул:

— Нет! Пусть мисс Делани возьмет! Даже не подходите к нему, не то погибнете! Скорее!

Делани поспешила к столу и осторожно вынула камень. Грассо попытался встать на ноги, но оказался слишком слаб, чтобы выбраться из кресла. Данем со Спенсером с обеих сторон наклонились к нему, чтобы помочь, и тут судья увидел кровь на левом боку

священника.

— Вас ранило!

Оказывается, Макдоналд успел-таки нажать на спусковой крючок, но грохот антикварного револьвера заглушил выстрел. Пуля попала в брюшную полость.

— Вызывайте врачей!

— Нет! — отчаянно запротестовал Грассо. — Нет времени!

— Почему же вы не сказали?! — чуть не расплакалась Делани.

— Если не успеем с ритуалом, судья умрет! — предупредил Грассо.

— К черту ритуал! — крикнул Спенсер. — Моя машина внизу, мы едем в больницу! Ведь вы кровью истечете!

— А вы? — спросил священник.

— Если надо выбирать, то я выбираю вас. И хватит спорить! Едем!

— То есть ваша жизнь в обмен на мою?

— Сколько можно болтать?! Едем, едем! Потом поговорим!

— Ну нет, — уперся Грассо. — Сначала ритуал, пока есть время.

— А козел? — крикнула Делани. — Козла-то мы где возьмем?!

— Мисс Делани, — кротко сказал Грассо. — Козел — это я.

— Что? Как? Почему?!

— А вы посмотрите на меня, — спокойно ответил старик. — Именно для этого Бог меня и создал. Как вы думаете, зачем Он привел меня к «судному камню» через две тысячи лет? Нет-нет, в жизни не бывает совпадений. Меня родили для этого момента, и я не допущу, чтобы чаша сия миновала меня.

Спенсер с Данемом уже подняли священника с кресла, но судья до сих пор держал его левую, сухую руку.

— Я не могу этого позволить, — твердо сказал Спенсер. — Умереть вам ради спасения меня?! Ни за что!

Он потянул Грассо к выходу.

Делани бросила взгляд за окно.

— Смотрите! Солнце садится! Мы опоздали! Опоздали!

Мужчины отвлеклись, и Грассо тут же схватил камень, который Делани по-прежнему держала на раскрытой ладони.

— Вы с ума сошли! — крикнул Спенсер. — Нет!

Но Грассо уже замахнулся. Камень описал дугу и ударил Спенсера по левой ладони, которую тот вытянул вперед, пытаясь удержать священника. Судью пронзил электрический разряд, и он болезненно вскрикнул.

Слепящий мертвенно-белый свет, исходивший от камня, залил комнату. Спенсер застонал, попытался разжать пальцы и оттолкнуть Грассо, однако руку парализовало. Священник тоже не мог шевельнуться.

— Теперь воду... — чуть слышно простонал он.

Данем кинулся к своему рюкзаку, вытащил оттуда склянку со святой водой и плеснул из нее на ладони мужчин, словно спекшиеся воедино с камнем. Как только вода попала на камень, порыв жгучего воздуха сбил Данема и Делани на пол, прижав спинами к стене кабинета. Не в состоянии шевельнуться, они могли только наблюдать.

Тела Спенсера и Грассо синхронно оторвались от пола и медленно двинулись вверх наперекор силе тяготения. Их ладони — у Грассо правая, у Спенсера левая — оставались

припаяны к камню, который теперь уже светился, как в горниле. Раскаленный пар святой воды конусом вращался у них над головами, образуя воронку смерча, куда медленно затягивало мужчин. Возле потолка какая-то сила развернула их ничком, так что теперь ноги оказались на одном уровне с плечами. Они словно плашмя парили в воздухе. Здесь их начало кружить по часовой стрелке, будто спицы в колесе, чьей ступицей служил камень. Все быстрее и быстрее, пока очертания двух тел не слились в один размытый круг. Теперь перед глазами Делани и Данема вертелась одна гигантская, безликая фигура, державшаяся за ослепительный шар золотого огня. Тонкий, чуть ли не на пороге ультразвука, визг заставил обоих зрителей вскрикнуть от боли.

В центре вихря рявкнул взрыв, и раскаленные зерна белого песка принялись жалить Данема и Делани, как тысячи разъяренных ос. Смерч замедлился, и из воронки вывалился Спенсер, тяжело грохнувшись на пол. Грассо же оставался подвешен, хотя больше не вращался. Он все еще сжимал в руке камень, который теперь напоминал кусок каменного угля. Священник не мог ни говорить, ни контролировать свои движения. Если на то пошло, он был словно заморожен. Его тело не спеша повернулось вертикально, затем чьи-то невидимые пальцы ухватили его правую руку и с силой вздернули вверх. Камень упал на пол возле ног Спенсера и вновь обрел прежнюю белизну. Священник вскрикнул от боли, когда дернули его больную, левую руку. Затем ноги: их вытянули вниз и скрестили ступни. Растянутое тело повлекло вверх, пока между макушкой и потолком не осталось примерно с дюйм. Вдруг раздался звонкий гул, словно металлом ударили о металл, и из правой ладони Грассо плеснула кровь. Еще удар — и кровавое отверстие пробито в левой ладони. Третий удар — в ступни. На лбу священника выступили крошечные алые капельки, словно ему на голову надели терновый венец.

— Его распинают! — вскрикнул Данем.

Грассо смотрел вниз, на Патти и Кайла, до сих пор прижатых к стене, и по его глазам было ясно, что священнику предстало видение, которое только он мог видеть. Грассо тщетно пытался что-то сказать. Он заплакал, лицо исказилось гримасой боли. Слезы, однако, были вызваны не физической мукой, которой теперь подвергалось его тело; это были слезы отчаяния, внутреннего напряжения, чувства предельного стыда и осознания собственной ничтожности в присутствии чистоты и совершенства, которых — как он теперь понял — ему так не хватало.

— Кончено... — прохрипел Грассо.

Все успокоилось столь же внезапно, как и началось. Тело Грассо медленно скользнуло на пол, будто сам он ассистировал какому-то фокуснику в номере с левитацией, и вот теперь его возвращают на землю. Сумев наконец оторваться от стены, Делани бросилась к Спенсеру, в то время как Данем на коленях пополз к своему профессору.

— Спенсер! — чуть не плача, дергала его Делани. — Ты меня слышишь?!

Эван открыл глаза. Патти потянулась к нему, и он крепко сжал ее в объятиях. К его недоумению и огорчению, она тут же высвободилась и вместо дальнейших нежностей схватила его за левую руку, заставляя разжать ладонь.

— Исчезла! Нет больше!..

Кожа выглядела гладкой, без каких-либо пятен или знаков.

— Грассо! — позвал Спенсер.

Данем по-прежнему стоял на коленях возле распростертого тела и шмыгал носом. Ему показалось, что священник умер. Но стоило только Делани подбежать и коснуться лица

Грассо, как тот всхлипнул и закашлялся, пытаясь восстановить дыхание и что-то сказать. Патти подставила ухо.

— Я там был! — прошептал священник. — Я был с Ним!

И потерял сознание.

Четырьмя часами позже, когда Грассо вновь открыл глаза, он обнаружил себя на больничной койке центральной горбольницы Шарлоттсвиля в компании с Делани, Спенсером и Данемом, терпеливо сидевшими рядом. Как ни удивительно, физически он чувствовал себя великолепно. Более того, тело болело куда меньше обычного. Не говоря уже про рану в боку от выстрела Макдоналда. Она пропала! Так же как и раны у него на руках, ступнях, порезы на лбу — все исчезло бесследно.

— Ритуал сработал! — объявил Спенсер. — У меня на ладони больше нет распятия! Святой отец, вы спасли мне жизнь!

Грассо, впрочем, выглядел обескураженно.

— Я должен был умереть. Ведь из меня сделали козла отпущения...

— А я знаю, почему вы оба выжили! — просияла Делани. — И между прочим, это не имеет никакого отношения к ритуалу!

Мужчины прилипли к ней взглядом, требуя объяснений.

— Я, конечно, не эксперт по Библии, — начала Делани, — но одно из моих любимых высказываний Христа звучит так: *«Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих»*. Грехи Спенсера были смыты прочь, так как он был готов умереть ради спасения вашей жизни, святой отец.

— А я? Почему же я выжил? — спросил Грассо.

— Потому что вы были готовы умереть ради Спенсера! Разве вся идея распятия не в том, чтобы погибнуть, спасая ближнего своего?

Грассо пробормотал себе под нос:

— Устами младенца...

— Очевидно, «судный камень» вы заберете в Ватикан, под охрану? — полувопросительно сказал Спенсер.

— Первоначально план был именно таким, но...

— Что значит «но»?! — опешил Данем. — Это же колоссальная находка! Камень доказывает подлинность чудес! Он доказывает существование Бога! Да вы хоть понимаете, как мы прославимся?!

— О, я уже думал об этом, — ответил Грассо, — однако в ту ночь, когда мы оставили судьбу Спенсера в бреду, я посидел над Святым Писанием и сделал удивительное открытие. Знаете, поначалу я искал упоминания про козла отпущения в Ветхом Завете, но из головы почему-то не выходила последняя книга Библии, «Откровение Иоанна Богослова».

— Там, где предсказывается Апокалипсис, конец света? — спросил Спенсер.

— Да, та самая. На протяжении веков пророки-самозванцы выдергивали из нее те или иные высказывания, чтобы оправдать насилие, и, как бы иронично это ни звучало, мне на ум постоянно приходил пассаж о Страшном Суде.

Тут Грассо попросил Данема достать из рюкзака Библию и зачитать вслух с одиннадцатого по тринадцатый стихи двадцатой главы.

— «И увидел я великий белый престол и Сидящего на нем, от лица Которого бежало небо и земля, и не нашлось им места. И увидел я мертвых, малых и великих, стоящих пред

Богом, и книги раскрыты были, и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни; и судимы были мертвые по написанному в книгах, сообразно с делами своими. Тогда отдало море мертвых, бывших в нем, и смерть и ад отдали мертвых, которые были в них; и судим был каждый по делам своим».

Грассо продолжал:

— После этих строк говорится о том, что тех, кто не записан в книге жизни, бросят в огненное озеро. В общем и целом впечатление возникает жуткое, поскольку нам обещают Апокалипсис, уничтожение Земли и последний, Страшный суд. Именно на нем люди благие получают свою награду, а злых проклянут на веки веков.

— Очень мило, — заметила Делани.

— Так вот как раз первая строка и не давала мне покоя, — сказал Грассо. Он попросил Данема еще раз зачитать ее вслух.

— «И увидел я великий белый престол и Сидящего на нем...»

— Столетиями многие теологи полагали, что Сидящий — есть не кто иной, как наш Господь Иисус Христос. Другими словами, в их толковании получалось, что Христос будет сидеть на белом троне и судить человечество. Сейчас же я считаю, что такая интерпретация полностью неверна. Если вы внимательно посмотрите на древние тексты, то обнаружите, что «Сидящий» нигде не упоминается по имени. Далее, в самом раннем переводе Откровения Иоанна «Сидящий» расшифрован просто как «Высший Судия». Более того, в Тайных архивах имеется один свиток, который идет еще дальше. Он утверждает, что Высший Судия — которого еще кто-то назначит — будет сидеть на троне в одиночестве, без компании мучеников. Возникает впечатление, что этим человеком станет кто-то из простых смертных...

— Прошу прощения, святой отец, — прервал его Спенсер, — но при чем тут мы или камень, который лежит сейчас в запертом ящике стола у меня в кабинете?

— Вам придется еще чуть-чуть потерпеть, пока я не свяжу воедино все нити. И тогда вы все поймете.

Священник попросил Кайла прочитать еще один пассаж из Откровения, на этот раз стих семнадцатый из главы второй.

— «...и дам ему белый камень и на камне написанное новое имя, которого никто не знает, кроме того, кто получает».

— Раньше я никогда не обращал особого внимания на эту строчку, — признался Грассо. — Дело в том, что когда Иоанн писал свое Откровение, среди ранних христиан бытовало мнение, что Господь создал некий секретный амулет, дававший его владельцу власть над мистическими печатями и способность открывать какие-то сверхъестественные врата. Потусторонние порталы в иную реальность, если угодно. До сих пор я отмахивался от этой идеи, как от предрассудка чистой воды. Однако теперь... Теперь я понимаю, почему эта строка принципиально важна.

— Почему? — спросил Данем. — Такой амулет существует?

— Да, — кивнул Грассо. — Наш «судный камень» и есть тот самый амулет. Именно его пытались отыскать ранние христиане.

— Все равно не понимаю, что тут общего, — пожаловался Спенсер. — При чем тут камень — или амулет — и тот неизвестный «Сидящий»? Высший Судия, которого посадят на трон судить все человечество?

— Камень ищет, он сам пребывает в поисках, — объяснил Грассо. — Его передают от

одного человека к другому. Камень обследует людей, пытается найти того, кто достоин стать Высшим Судией, кто в конечном итоге и будет сидеть на «великом белом престоле» в день Страшного суда.

Священник умолк, чтобы все смогли оценить сказанное.

— Святой отец, — наконец спросил Данем, — вы хотите сказать, что камень рыщет по миру в поисках идеального, абсолютно безгрешного человека?

— Да, именно это я и хочу сказать. А как только он найдет это идеальное существо, наступит Апокалипсис!

— Какой же это «судный камень»? — нахмурился Данем. — Это скорее камень Апокалипсиса... Ничего себе — уничтожит Землю!

— Камень Апокалипсиса... — повторил Грассо вслед за учеником. — А что? Годится.

Тут их беседу прервала медсестра, пришедшая проверить показания прикроватного монитора Грассо и уровень раствора в капельнице.

— Завтра вас выпишут, — удовлетворившись результатами осмотра, пообещала она.

— Великолечно! — обрадовался Грассо. — Меня ждут студенты и лекции, а мистеру Данему надо писать просроченную курсовую работу.

Едва медсестра удалилась, Данем сказал:

— Если камень ищет человека, кто чист сердцем и не запятнан грехом, почему же Апокалипсис не настал после того, как камень попал вам в руки, святой отец? — Судя по выражению его лица, молодой человек ничуть не иронизировал, а говорил искренне. — Уж кто-кто, а вы-то ведь безгрешны, правильно?

Грассо ответил не сразу. Он вспоминал свою юность и то утро, когда сидел в римском кафе возле фонтана Треви. Тот самый день, когда он увидел ослепительно красивую девушку-итальянку с ее женихом. Утро его первого плотского желания.

— Нет, — наконец промолвил он. — Я далеко не совершенен, Бог тому свидетель. Тот камень, которого коснулся Иисус — камень Апокалипсиса, — ходит по миру уже две тысячи лет и никак не может найти человека, достойного занять место на великом белом престоле. Подозреваю, пройдет еще тысяча лет... а может, и десять тысяч, прежде чем появится Высший Судия. Человечеству предстоит еще многому научиться...

Здесь он обратился непосредственно к Спенсеру:

— Камень Апокалипсиса ваш. Решайте сами, кому его послать. Он должен продолжить свой поиск.

— А если он убьет этого человека?

— Возможно, и убьет, но тут вы безвластны. Никто не в силах предсказать будущее. Нам известно лишь, что камень научит этого человека смирению. А если он действительно начнет искать себе прощения, испытает раскаяние, станет готов пожертвовать собственной жизнью ради спасения другого человека... Кто знает? В конце концов, мы с вами выжили, верно?

Оглядывая лица собеседников, Грассо добавил:

— Каждый ли из вас понял важность того, чему стал свидетелем? Мы все либо видели, либо непосредственно касались камня, который держал в руке наш Господь Иисус Христос. Мы узнали, каков он — тот камень, что рано или поздно окажется в ладони Высшего Судии всего человечества. Мы узнали, каков он — тот камень, из которого будет высечена искра последнего пожара, искра Апокалипсиса, конца нашего мира и окончательного приговора человеку.

Он вновь сделал паузу.

— Подумать только, в наш просвещенный век мы практически коснулись лица Бога через чудо...

Уолтер Корн, корреспондент «Шарлоттсвилльских курантов», выплеснул очередную сенсацию на первую полосу пятничного выпуска. Под жирным заголовком «ТАЙНА ДЕЛА АРНОЛЬДОВ РАЗГАДАНА, УБИЙЦА СМЕРТЕЛЬНО РАНЕН» Корн сообщил, подлинным злодеем оказался не кто иной, как Чарлз Макдоналд, а затем дух захватывающим слогом поведал читателям, как Макдоналд собирался казнить Франка и Максина Арнольд, но его остановила недогнувшая рука и точный глазомер Алисы Джексон. Макдоналд скончался по пути в больницу. Лавровый веночек славы за спасение всех и каждого в кабинете судьбы он возложил на голову мисс Алисы.

Высосанное из пальца утверждение, зато очень занимательное. Газета поместила также снимок, где сияющая мисс Алиса была запечатлена между Джейкобом Уиллером и следователем Стюартом. В руках она держала револьвер эпохи Гражданской войны, а под фотографией шло ее высказывание, полученное репортером на месте событий: «Мой прапрапрадедушка застрелил из этого револьвера снайпера-янки. Я знаю, он гордился бы тем, что сейчас его оружие предотвратило массовое смертоубийство!»

Что касается Патти Делани, то она упоминалась лишь дважды. Во-первых, она проходила под именем «местного адвоката защиты», а во-вторых, как «бывшая помощница Чарлза Макдоналда». Корн не счел нужным хоть что-то сказать про ее роль в разгадке убийства. Напротив, слова восхищения брызнули из него в адрес следователя Стюарта и прокурора Уиллера, которые — кто бы мог подумать? — оказались главными источниками материала для его статьи. Отец Грассо встретился в последнем абзаце. Корн написал, что священник помог вывести Макдоналда на чистую воду, поделившись с властями кое-какими догадками, основанными на психологических опытах с некой религиозной святыней. Дальнейшими пояснениями Корн утруждаться не стал.

Делани прочла сенсационное повествование за утренним кофе. Закончив оба дела, она позвонила в «Приют Клифтона».

— К сожалению, судья Спенсер уже рассчитался и отбыл, — ответили ей.

— Он не оставлял для меня сообщений? — спросила Делани и поспешила назвать свое имя.

— Нет, он оплатил счет, а потом взял и предложил боссу купить «ягуар». Сказал, что сделает большую скидку. Они еще поговорили минут десять про спортивные модели, а потом судья уехал.

Делани позвонила в суд, но мисс Алиса ответила, что Спенсера нет и здесь.

— Он оставил постановление, которое снимает все обвинения с вашего клиента, — попутно сообщила мисс Алиса. — И еще он распорядился обзвонить всех присяжных, дескать, в их услугах более не нуждаются. Я решила было, что на сегодняшнем слушании он подведет итог делу Арнольдов, однако судья и заседание отменил. Вообще все это очень странно, доложу я вам.

Делани могла найти только одно объяснение, почему Спенсер отменил слушание и попытался продать свой любимый «ягуар». Пятимиллионные отступные из лап Августа Шестого и затем — побег!

Как же он смог на это решиться? После всего, что с ним приключилось?!

Ответ на этот вопрос она нашла сама: камень больше не угрожал Спенсеру. Его уже не

ждала верная смерть. С какой стати рисковать теперь свободой, если можно обогатиться и жить вдали от тюремной решетки!

Делани серьезно разозлилась.

Ну уж нет, Эван Спенсер! Так просто я тебе удрать не дам! Как минимум сегодня вечером я заставлю тебя посмотреть мне в глаза и признать, что ты жалкий трус!

Остаток дня Делани пыталась найти себе дело, но все валилось из рук.

Итак, что мы имеем? Спенсер говорил, будто встреча с Августом у них запланирована на семь. До штаб-квартиры «Ван-ден-Вендера и Уайта» минут двадцать на машине. Хорошо же...

И тут в дверь постучали.

Делберт Амилль.

— Я хотел вас поблагодарить. — Юноша выставил вперед букет желтых роз. — Спасибо, что поверили мне.

— Да уж, были моменты, когда... Гм.

— Мне очень жаль, что порой я вас запутывал, но... Знаете, вся эта история меня совершенно изменила. Больше никаких банд, никаких преступлений. Хватит. Я хочу, чтобы меня уважали. И не потому, что будут принимать за брата. Хочу, чтобы уважали таким, какой я есть.

— Решили уехать?

— Ну да, в Калифорнию... Прямо сегодня вечером, с ребятами. На машине... А вы передадите судье от меня «спасибо»?

— Почему бы вам самому это не сделать? — посоветовала она. — Я уже собиралась к нему на встречу. Хотите, езжайте за мной.

— У меня в машине еще трое друзей... Впрочем, думаю, они не будут возражать, — кивнул молодой человек. — Да, мне бы очень хотелось сказать судье, как я его уважаю.

С утра покончив с делами в «Приюте Клифтона», Спенсер заехал в банк и снял все свои наличные, опустошив и чековый, и сберегательный, и паевой инвестиционный счета. Кроме того, он погасил все имевшиеся у него гособлигации, тысяч на тридцать. Итого шестьдесят пять. Есть, впрочем, и другие деньги, но они маринуются в акциях и пенсионных фондах. На их реализацию нет времени.

Из банка он направился на север по двадцать девятому автошоссе, затем повернул на восток, попав на одну из главных транспортных артерий, ведущих в столицу страны. Пришлось сделать остановку в трех конторах, пока один из дилеров не согласился взять его «ягуар» в обмен на «форд-эскорт» 84-го года с пробегом 184 тысячи миль. Зеленого цвета, с облупившимся лаком. Да плюс еще 25 000 наличными.

«Форд-эскорт» насквозь пропах табачным дымом, но вполне исправно доставил Спенсера обратно в Шарлоттсвилль к шести часам вечера.

Он заехал на работу и взял из кабинета кое-какие вещи. Самым главным среди них был, конечно, камень Апокалипсиса. Хотя отец Грассо клятвенно заверял, что теперь сверхъестественные силы Спенсеру не страшны, он осторожно, кончиками пальцев, приподнял камень и тут же бросил его в подставленный бандерольный пакет от «Федерал экспресс». Все, теперь он готов встретиться с «Ван-ден-Вендером и Уайтом».

Спенсер спустился по отлогому холму и зашагал в юридическую фирму. Прибыл он с пятиминутным запасом.

Неожиданное появление Делберта и чья-то зловредная идея понаставить светофоры на дорогах заставили Делани подъехать ко входу минут через десять после того, как Спенсер уже зашел внутрь. Она верно оценила обстановку, сообразила, что упустила судью, а потому припарковала «сааб» напротив через улицу и решила дожидаться его во что бы то ни стало. Амилю с друзьями спешить было некуда, и они тоже решили подождать на соседней стоянке. Впрочем, это им скоро наскучило, и они отправились в ближайший круглосуточный магазинчик — закупить кое-что из продуктов и побаловаться видеоиграми.

Между тем Спенсер уже поднимался в офис. Холл был совершенно пуст. Когда двери лифта распахнулись этажом выше, судья очутился нос к носу с Рамоном Солеано по кличке Рыжий, который охранял дверь в кабинет Ван-ден-Вендера. Этот тип, лет сорока с небольшим, с шевелюрой цвета ржавчины, числился внештатным консультантом по безопасности. Спенсер, конечно, знал, что дело вовсе не в названии должности. Рыжий Солеано был личным головорезом Ван-ден-Вендера. Свой жизненный путь он начал боксером где-то в Калифорнии и в молодости умудрился даже показать впечатляющие результаты: двадцать две победы, причем девятнадцать из них полным нокаутом — и только одно поражение. Однако боксерской карьере пришел конец, когда Солеано до смерти избил какого-то мужчину в пьяной драке. А началась она с того, что Рыжий сделал похабное предложение жене этого человека. Прямо на его глазах. После условно-досрочного освобождения Солеано на жизнь зарабатывал опять-таки кулаками. Сначала вышибалой в одном из непотребных ночных клубов, затем в роли «инкассатора» для целого ряда торговцев подержанными машинами и, наконец, в качестве охранника казино где-то в Неваде, где в свое время активно практиковался метод выбивания долгов с помощью молотка по пальцам, ну и, разумеется, народ не брезговал экскурсиями в один конец куда-то в пустыню.

Ван-ден-Вендер нашел Солеано во время отпуска, который проводил за игровым столом, и привез его с собой в Виргинию. Сегодня на Рыжем были ковбойские сапоги из акульей кожи, с серебряными набойками на мысках, и голубые брюки в обтяжку, стянутые поясным ремнем с серебряной же пряжкой, где сиял американский флаг, набранный из красно-бело-синих кусочков какого-то полудрагоценного камня. Над нагрудным карманом белоснежной рубахи-ковбойки вышиты четыре туза. Две верхние пуговицы небрежно расстегнуты, открывая восхищенным взорам несколько золотых цепочек поверх мохнатого треугольника из когда-то рыжих, а теперь уже блекло-серых волос. На плечах у него была черная кожаная куртка, а на носу — солнечные очки, хотя уже давно стемнело, а сам он дежурил вовсе не на улице. Спенсеру пару раз довелось перекинуться с ним словами, и этого хватило, чтобы поставить диагноз: Солеано принадлежал к тем психопатам, которых кое-кто из толстосумов любит держать у колена — на случай если вдруг понадобится показать клыки.

Стоило Спенсеру шагнуть из лифта, как Солеано оскалился.

— Судья, секунду! Мне велено вас проверить насчет оружия или микрофона!

Он бесцеремонно обшарил Спенсера, ничего не нашел, аккуратно постучал к Ван-ден-Вендеру и объявил, что клиент прибыл.

Неудивительно, что кабинет Августа Шестого был самым просторным из всех на втором этаже и впечатлял своим консервативным и мужественным интерьером из ореховых панелей и кожи. Над письменным столом висел портрет самого хозяина — суровой личности, писанной маслом по гигантскому холсту. Пронзительные голубые глаза, казалось,

неотступно следили за жалкими, суетливыми посетителями, в какой бы угол комнаты те ни забивались. Прием вполне сознательный, более того — Август только потому и согласился позировать, что художник гарантировал создать этот спецэффект.

Спенсер сел в одно из кресел (черная кожа, высокая спинка, массивные ножки) напротив стола, за которым в данную минуту помещался собственно Ван-ден-Вендер.

— Ваше признание, — сказал Август, пуская вдоль стола один-единственный машинописный листок. — Полубопытствуйте, если хотите.

Спенсер не то чтобы прочел, он тщательно изучил весь текст. Разумеется, за свои пять миллионов Ван-ден-Вендер требовал полной отдачи. Формулировки были подобраны таким образом, чтобы он смог впоследствии доказать в суде, что Спенсер якобы обманул и его самого, и фирму.

— Я решил не подписывать, — помотал головой Спенсер, столь же ловко пуская листок обратно по полированной столешнице.

К его удивлению и даже некоторому разочарованию, старик проявил абсолютную невозмутимость.

— Я богаче вас по многим причинам, — начал он. — Глядя на вас, на ум сразу приходят две из них. Во-первых, вы — идеалист и дурак. Вам кажется, будто это признание напрямую касается этики и чести. Должен вас огорчить. Речь идет о чисто практической стороне жизни.

Спенсер был не в том настроении, чтобы выслушивать поучения.

— Вы сказали, две причины. Давайте не будем тянуть. Итак, вторая?

— В отличие от вас у меня всегда наготове аварийный план. Вы что же, в самом деле верите, будто я позволю вам публично обвинить меня в краже акций «Цирк-Цирка»?

За креслом Спенсера раздался едва слышный шорох. Солеано?!

— А-а, собираетесь мне ноги переломать, если я не подпишу? *В этом* ваш пресловутый аварийный план?

Ван-ден-Вендер даже оскорбился:

— Да мне вовсе ни к чему ваша идиотская закорючка!

И здесь Спенсер наконец понял, что затеял Август. Ясное дело, Солеано все обставит как самоубийство. Останется только подкинуть листочек с «признанием» бывшего судьи — и его отпечатками пальцев! — куда-нибудь на глаза полиции. Конец Эвану Спенсеру, конец делу о пропавших акциях.

— Знаете, мне хочется задать вам один вопрос, — сказал он, оттягивая время. — В Лондоне действительно есть банковская ячейка с пятью миллионами долларов?

Зубастая ванденвендерская ухмылка.

— А как вам кажется?

— Пару секунд назад я в это еще верил.

Ван-ден-Вендер потянулся вниз, достал из-под стола дипломат, открыл и показал содержимое Спенсеру. Десять толстеньких пачек из стодолларовых купюр.

— Если бы вы подписали признание, то получили бы вот это, а Рыжий отвез бы вас в аэропорт Даллас, где ждет рейс во Франкфурт, как я и обещал, — сказал он. — С одним небольшим «но». В Германии вас бы встретили кое-какие коллеги Рыжего. Согласно плану, вам предстояло исчезнуть в Европе. Навсегда. Изящность идеи в том, что эти сто тысяч пошли бы в уплату за ваше перманентное устранение.

— Мелисса знает, что вы собрались меня убить?

Ван-ден-Вендер на секунду задумался.

— Очень хотелось бы сказать «да, знает, и ей все равно». На самом деле она ни о чем не подозревает. Если б вы исчезли за границей, она бы просто решила, что вы умело спрятались. Самостоятельно купили себе новое имя, паспорт... прочие наивные фантазии. Увы, сейчас она уже не сможет верить в эту сказку.

Спенсер решил блефовать.

— Вас не беспокоит тот шанс, что я мог кому-то рассказать о нашей сегодняшней встрече?

— И что? — Ван-ден-Верден дернул плечом. — Если спросят, так я отвечу, мол, да, заходил, рыдал от стыда. Скажу, что вы признались мне в краже акций и просили денег, якобы на исправление дела, выплату долга по наследству Вортингтонов. Я, разумеется, всеми силами пытался убедить вас пойти в полицию и сознаться, но вы просто выбежали из моего кабинета! Я даже не успел вас остановить!

Солеано, из-за спинки кресла:

— Ну хватит, судья. Время.

Впрочем, сам Ван-ден-Вендер был еще не вполне готов.

— Должен признаться, — добавил он, — что сейчас меня мучают сомнения. Конечно, не насчет собственно убийства, как вы понимаете. Нет, я все никак не могу решить, должен ли Рыжий сначала вас хорошенько обработать. Ах, как бы я хотел поглядеть, но... Пожалуй, ваше «самоубийство» лучше обставить попроще. К примеру, горсть снотворного... А то ведь Рыжему придется вас с крыши сбрасывать, чтобы закамуфлировать синяки и раздробленные кости!

Он захлопнул крышку дипломата.

— Рыжий, тебя поджидают сто тысяч. Когда вернешься, они твои.

Спенсер медленно встал, но Ван-ден-Верден, как оказалось, напоследок приберег еще один выстрел в сердце.

— Когда ты, жалкий сопливый щенок, женился на моей дочери, все мои друзья по клубу только и делали, что кололи мне глаза: Мелисса-де много потеряла, выйдя за ничтожного плебея. Да только они понятия не имели, что тебя взяли с аппетитным приданым: симпатичный пакетик акций «Цирк-Цирка»!

Он протянул машинописный листок Солеано.

— Не забудь сунуть ему в карман.

Но и теперь сцена не закончилась! На этот раз слово взял Спенсер. Ему тоже хотелось выступить с маленькой речью.

— Ты такой довольный, такой наглый, — сказал он, — что меня так и тянет открыть, какая страшная вещь для тебя припасена!

— Попробуем догадаться. Ты собрался заявить, будто всю историю написал на бумажке и запечатал в конвертик с инструкциями. Ах, уважаемая полиция, вскройте сей пакет в случае моей безвременной кончины! Ты знаешь, такие наивные приемы уже и по телевизору перестали показывать.

— Нет-нет, тут совсем другое. Если ты меня убьешь, Бог тебя накажет!

— И это твоя угроза?! — Ван-ден-Вендер округлил глаза. — Ты что, действительно надеешься испугать меня болтовней про адскую смолу и вечное проклятие?! О-о! Нет, Рыжий, ты слышал? Может, нам его отпустить? А то ведь я сейчас обделаюсь со страху!

— А я уже успел! — подхватил Рыжий. — Вот-вот по второму разу пойду.

Ван-ден-Вендер поднялся и обогнул письменный стол.

— А ну, придержи-ка его!

Солеано обхватил Спенсера сзади, прижав руки к бокам. Ван-ден-Вендер ударил Эвана в солнечное сплетение, перебив дыхание. Выждал секунду и ударил снова. И еще в третий раз. Солеано разжал хватку, и Спенсер упал.

— Встать! — скомандовал Солеано.

Спенсер медленно приподнялся на одно колено. Взглянул вверх, на Ван-ден-Вендера, и тот немедленно ударил его по лицу, вновь сбив на пол.

— Уф! Теперь можешь забирать!

Солеано вздернул Спенсера на ноги и толкнул в коридор. Пока спускались на лифте, Солеано спросил:

— «Ягуар» на парковке?

— Нет, я от суда пешком шел.

— Умно, очень умно, — прокомментировал Солеано. — Ладно, судейская тварь, слушай сюда. Выходим вместе, садимся в мою машину. Ты за рулем. А теперь на сладкое. У меня в кармане лежит верный друг двадцать второго калибра. Пульки небольшие, заходят неглубоко, так что их запросто можно выковырять из тыквы. Даю сто процентов, что после падения с крыши вверх ногами следов от выстрела не останется. Я понятно излагаю?

Как только парочка вышла из парадной двери, Делани заметила Спенсера и бросилась к нему через улицу.

— Эй! Стойте! — крикнула она. — Разговор есть!

Солеано выхватил пистолет.

— Это что за диво?

Делани, увидев оружие, опешила.

— Что происходит?

— Не надо сцен, или пристрелю обоих, — пригрозил Солеано. Его автомобиль стоял не более чем в десяти футах. — Так, оба вон в ту зеленую машину, да поживее.

Спенсер не двинулся с места.

— Нет, — сказал он, — если готов стрелять, то делай это прямо сейчас, здесь!

Солеано понизил голос:

— Я сказал, пошли, ты не понял? А ну, быстро! Не то ей первая пуля!

В эту секунду Делберт Амиль выкрикнул имя Спенсера и помахал рукой. Он с друзьями только что вышел из магазинчика и уже направлялся к судье.

— Ах, какая досадная неожиданность, — сочувственно цокнул языком Спенсер. — Придется, видно, застрелить всех шестерых. Прямо у парадного входа. Думаю, впрочем, что даже «Ван-ден-Вендеру и Уайту» не удастся объяснить такое массовое самоубийство.

У Солеано забегали глаза. Он явно растерялся и не знал, что делать.

— Наверное, тебе лучше поджать хвост и вернуться скулить к хозяину, — посоветовал Спенсер.

Солеано поиграл желваками, сунул пистолет обратно в куртку и побежал в здание, щелкнув за собой дверным замком.

— Господин судья! — сказал Амиль. — Я хотел бы поблагодарить вас за все, что вы для меня сделали... И за вчерашний вечер тоже, когда на том заседании... — Он неловко махнул рукой, не зная, как продолжить.

— Не стоит благодарности, молодой человек. Однако нам надо бежать! Срочное дело,

знаете ли!

Он обменялся рукопожатием с недоумевающим Амилем, схватил Делани за рукав и подтолкнул к ее «сабу».

— Позвоните мне из Калифорнии, и я все объясню! — крикнула Делани через плечо. — Удачи!

Спенсер скользнул на пассажирское сиденье.

— За руль! Вперед! Скорей! За нами бросится в погоню Солеано! Он видел вашу машину!

— Да, но куда?! В полицию?

— Нет-нет, едем к суду, скорее!

Она выжала педаль газа, и «сааб» прыгнул вперед.

— Кто это — Солеано?

— Карманный головорез моего тестя. Собирался помочь мне «покончить с собой»!

— Они собрались вас убить?!

— А как же, все по плану.

Делани задохнулась от неожиданного прозрения.

— А я-то думала, вы хотели подписать признание и бежать из страны!

— Я отказался.

— Да, но если не хотели бежать... Зачем же вы пытались продать свой «ягуар»?

— Деньги! Мне нужны деньги, чтобы сражаться с ними в суде!

Когда показалось здание суда, Спенсер сказал:

— Надо сменить машину. Видите вон тот зеленый «форд-эскорт»? Остановитесь рядом!

Делани повиновалась, Спенсер выскочил наружу и открыл дверцу «форда».

— Это чья машина? — нахмурилась она.

— Моя! Моя машина! Скорей же!

Делани села в «форд» и тут же сморщила носик.

— Ничего себе! Так вы курите? Слушайте, давайте все-таки в полицию, а?

— И что мы им скажем? Да нам никто не поверит! Нет, надо подыскать безопасное местечко, затаиться и разработать план!

— А мне-то зачем прятаться? — запротестовала она. — Я ничего не сделала!

— Хватает того, что вам известна правда. Этого они не простят.

Пока Спенсер вел машину, Делани прикинула, где можно укрыться.

— У моих друзей, владельцев итальянского ресторанчика — помните? — есть домик на Голубом хребте, неподалеку от заповедника Шенандоа. И я знаю, куда они кладут ключ!

К тому времени когда машина достигла гор, Спенсер несколько успокоился, окончательно поняв, что от преследования удалось оторваться. Он остановился у бензоколонки с магазинчиком, и, пока заправлял бак, Делани зашла внутрь купить кое-что из провизии. До домика оставалось минут тридцать по узенькой грунтовой дороге со множеством выбоин и неожиданных поворотов.

Как и обещала Делани, ключ был спрятан между бревнами возле крыльца. Она заранее предупредила, что их поджидает деревенская, если не сказать спартанская, обстановка. Действительно, домик состоял из одной-единственной комнаты со скрипучим деревянным полом. Весь центр занимала пузатая антикварная печка. Плита для приготовления пищи, топившаяся дровами, стояла у стены напротив входа. Рядом — раковина и ручной насос (ярко-алый, снятый, видимо, с какой-то древней пожарной машины), которым полагалось

накачивать воду из колодца, сделанного непосредственно под домиком. Никакого электричества. Удобства — во дворе. Из мебели только двуспальная кровать на металлической раме, столик для пикника с облупившейся хромировкой, три стула и обшарпанный комод с зеркальцем. На веранде Спенсер нашел кипу газет, мешок с пряжей для вязания, небольшую поленницу и топор. Вряд ли это место можно даже сравнить с «Приютом Клифтона», но за последние часы они настолько измучились — физически и психологически, — что жаловаться не оставалось сил. Делани разыскала спички и зажгла настольную керосиновую лампу. Спенсер тем временем разводил огонь в печке.

— Я купила спагетти.

Тут Спенсер сообразил, что за целый день у него крошки во рту не было. Делани вытащила кастрюлю из-под раковины, накачала в нее воды и поставила на плиту.

— Тут тоже надо разжечь огонь, — попросила она. — А интересно, сколько уходит времени, чтобы вода закипела над таким костром?

— Над костром? Здесь, в плите?! Гм... А вы, оказывается, и не состояли в герлскаутах...

— Ах-ах! Зато вы, наверное, опытный знаток жизни на природе! — съязвила она в ответ.

— Десять минут, — твердо заявил Спенсер, хотя, по правде говоря, понятия не имел, сколько надо времени.

— Ну нет, я бы сказала полчаса, — возразила Делани. — Спорим? Проигравший мою посуду.

Пока женщина разбирала пакеты с продуктами, Спенсер разжигал плиту.

— Я не была в герлскаутах, но отлично помню их девиз: «Будь готов!» — С этими словами Делани извлекла из пакета три бутылки вина и хихикнула.

— Что тут смешного?

— Про штопор забыла!

— Ничего удивительного. Кстати, девиз «Будь готов!» относится только к бойскаутам.

Подозреваю, девчонок учат скандировать что-то насчет домашнего печенья.

— Половая дискриминация! — Делани сделала строгое лицо. — Нахал какой!.. А девиз у них у всех одинаковый, вот так-то!

Тут она наконец нашла коробку, полную кухонной утвари.

— Ага! Однозубая вилка! Запасливый народ эти итальянцы!

И принялась выковыривать пробку.

— А ведь из-за вас меня сегодня чуть не убили, — заметила Делани чуть позднее, разливая «Каберне» по синим одноразовым стаканчикам.

— Сердечное спасибо, что спасли мне жизнь! Кстати, вы заметили, что в нас тычут пистолетами два вечера подряд? Вот уж завтра развлечемся! Вы как думаете?

— Давайте за отца Грассо, — неожиданно предложила она.

Они чокнулись пластиковыми стаканчиками.

Делани спросила:

— А что вы видели, когда крутились под потолком?

— Видел только свет. Яркий-яркий. Избитая фраза, такое часто слышишь от людей после клинической смерти. Мол, видели свет. Я тоже ничего добавить не могу. Хотя... такое ощущение, будто свет этот меня... чистил? мыл? — Он сделал еще глоток. — Никогда я не верил в потустороннее. Вплоть до той ночи я даже не был уверен, что Бог существует. Зато теперь, когда я знаю, что Он абсолютно реален, меня такой гнев разбирает...

— Гнев?

— Да. Не знаю, смогу ли толком объяснить... Ладно, попробую. Вот смотрите: до того как я впервые коснулся камня Апокалипсиса, у меня был выбор. Я мог в Него верить, а мог и не верить. Сейчас выбора не осталось.

— Вот и хорошо. Больше не надо мучиться этим вопросом.

— Хм-м... А позвольте спросить: можно ли кого-то заставить любить? Скажем, я заявлю, что застрелю вас, если вы меня не полюбите. Что тогда? Станете вы меня любить?

— Никогда! Хотя, вероятно, ответила бы, что люблю. Чтобы просто остаться в живых!

— Вот именно. А если бы я предложил сто миллионов долларов в обмен за вашу любовь?

— Нет, наверное, не полюбила бы. Но сказала бы «да», чтобы получить денежки.

— Так, так. В обоих случаях настоящей любви не было бы. Только на словах. Либо от страха, либо ради вознаграждения. Разве не то же самое представляют собой рай и ад? Если бы Бог действительно хотел, чтобы я любил Его, я должен был бы любить добровольно. Он ведь не может подкупить меня, или припугнуть адом, или убедить чудесами. А если Он именно этим и занимается, то, значит, нарочно перекладывает гири на весах.

Спенсер подлил ей вина, затем наполнил свой стаканчик.

— Теперь понимаете, Патти? Причины вашей веры — вот что главное! Вы должны верить в Него за то, кем Он является, что Он собой олицетворяет. Думаю, отец Грассо это понял, когда коснулся камня. Не нужно никакого белого бульжника и конца света, чтобы убедить людей в Его существовании!

— Вряд ли я могу с вами согласиться, — ответила она. — Думаю, вы путаете логические связи между наказанием и вознаграждением...

Они еще час спорили, пили вино, опять спорили и, наконец, настолько увлеклись, что забыли засечь время, ушедшее на кипячение, да и про саму воду позабыли, пока она не напомнила о себе звяканьем кастрюльной крышки.

— Мой отец всегда добавлял в кипяток немного оливкового масла, чтобы спагетти не слипались, — поделилась Делани воспоминаниями. — Масла в том магазинчике я не нашла, но, будем надеяться, эффект получится тот же самый.

С этими словами она налила в воду немного вина.

Когда паста сварилась, Спенсер попробовал и объявил, что в жизни не ел ничего вкуснее. Остатки вина исчезли за ужином.

— Что вы сейчас собираетесь делать с камнем Апокалипсиса? — спросила Делани.

— Пока не знаю.

— Вы могли бы послать его тестю... Или даже Тейлору Колдуэллу! — хихикнула она. — Вот у кого грехов невпроворот! Или нет, постойте! Да, да! Мисс Алисе, вот кому он подойдет!

— Вы напились, — попенял ей Спенсер.

— Ха-ха! Как вы смеете! Несколько жалких стаканов вина не разбавят ирландскую кровь!

Делани взглянула на часы. Глубоко за полночь.

— Я по дороге заметила мотель, милях в четырех отсюда. Хотя вряд ли хозяева обрадуются моему визиту в такое время.

— Не говоря уже про поездку по горной дороге в пьяном виде. Даже не просите, машину не дам! Это же «форд-эскорт», живая классика! Вот еще! — Спенсер помолчал. —

Сделаем по-другому. Раз вы приготовили ужин, вам достается кровать. Я отлично устроюсь на полу, поближе к огню.

К этому времени в комнате сделалось более чем тепло. Пузатая печка бросала на лица ярко-красные блики. Керосиновая лампа играла тенями на грубо обтесанных бревнах. В воздухе стоял аромат сосны и дымка от лесного костра.

Спенсер вздохнул и начал собирать посуду.

— Пойдите, — остановила она его. — На досках, наверное, очень неудобно спать.

Делани встала, взяла Спенсера за руку и подвела к постели.

Они раздели друг друга, переминаясь босыми ногами на дощатом полу. Осторожно поцеловались. Любовью занялись не спеша, со вкусом, под потрескивание медленно угасавшего огня. Потом обнялись, чуть ли не с головой накрывшись тяжелыми ворсистыми одеялами, и так лежали долго-долго, молча, тесно прижавшись. Он думал, что даже затрудняется вспомнить последний раз, когда во время секса не представлял себе другую женщину. Что касается Делани, то свои мысли она высказала вслух:

— А я боялась, что ты сбежал.

— Почти. Знаешь, как страшно идти в тюрьму? А что со мной сотворят Август Ван-ден-Вендер и Тейлор Колдуэлл, даже думать не хочется. Была такая минутка, когда побег с пятью миллионами долларов действительно казался выходом.

— А что теперь?

— Теперь я хочу отмыться свое имя. Хочу быть рядом с человеком, которого смогу полюбить. И быть любимым в ответ... Я ведь уже полжизни отмахал. Хочу получить шанс сделать ее наконец нормальной!

— А у меня было только двое мужчин. До тебя. Когда мне было четырнадцать, я влюбилась в одного мальчика; он жил на ферме, сразу за городом. Встречалась с ним все старшие классы, а в последний год решили, что пора это попробовать. Обоим по семнадцать, боимся... что и как делать, не знаем... Но я тогда собиралась за него выйти, и мы заехали в один мотель. Вот. А после выпуска поступили в разные колледжи. Я ему писала каждый день. Еле-еле смогла дождаться каникул, так мне не терпелось его увидеть... Приехала к нему в город. Он сказал, что договорился в женском общежитии, чтобы меня приютили до утра. Как стемнело, пробрался внутрь, и мы провели всю ночь в постели. Едва я вернулась, он прислал письмо. Сказал, что встретил одну девушку. Ту самую, в чьей комнате я ночевала... Оказывается, у них секс начался с первого дня колледжа. Такое унижение... Ведь я-то верила, что у нас настоящая любовь! Скажем, моя мать бросила лондонскую жизнь ради отца. Мне тоже хотелось такой безоглядной любви... А через несколько лет я встретила Мерлина, и он попросил моей руки.

— Его звали... Мерлин?!

— Да, но он предпочитал имя Макс. Мы познакомились на юрфаке. Я не была уверена, что люблю его, по крайней мере не так, как моего школьного сердцеда. Но на предложение ответила «да», мы поженились, я была вполне довольна — и тут я застаю Макса в постели с маляром. Это же надо! Да, умею я выбирать...

До сих пор Делани лежала головой у Спенсера на плече; тут она приподнялась, чтобы увидеть его глаза.

— Скажи честно, что ты за мужчина? Ты тоже разобьешь мне сердце?

Он не знал, что сказать, да и не думал, что ей на самом деле нужен ответ. Ее вопрос прозвучал скорее как предупреждение, печальное признание готовности к последствиям.

Она вновь положила голову ему на плечо и вскоре заснула.

Спенсер смотрел в потолок и слушал темноту за стенами горной хижины. Свист ветра в ветвях, загадочные ночные звуки лесных обитателей. Новая и незнакомая сторона человеческого бытия... А теперь вот и Делани. Уж не влюбился ли? Ведь он едва знает ее... Никогда еще будущее не выглядело таким загадочным. Лежа в объятиях этой женщины, он также понял, что никогда еще не испытывал столько интереса к жизни.

Делани разбудил свист пара из закопченного чайника, и одну-две секунды она не могла понять, где находится. Затем все стало на свои места, она завела руку назад и пощупала простыню рядом с собой. Пусто. Спенсер уже давно был на ногах и готовил кофе на двоих. Сквозь опущенные ресницы она понаблюдала за тем, как он, совершенно голый, приплясывал на холодных половицах, нагнувшись над печкой и подкидывая в нее поленья.

— Кипяток готов!

— Симпатичный задик! — прокомментировала Делани. — Только весь в гусиной коже. Да и мне холодно. Неси кофе сюда и залезай в кроватку.

Позднее, уже одевшись и позавтракав, они принялись разрабатывать план. Для начала Делани отправится в Вашингтон и сообщит Кевину Майклсу, адвокату при «Бойде, Стакхаусе и Брауне», что Спенсер не в состоянии выложить шестьдесят миллионов долларов. Здесь же она объяснит, что на деле жуликом является Август Ван-ден-Вендер Шестой. И хотя у Спенсера нет прямых доказательств, он готов оказать посильную помощь фирме, чтобы прищучить своего тестя. Как ни крути, а шансы добыть шестьдесят миллионов куда выше, если шарить в глубоких карманах Августа, нежели в пустых штанах Спенсера. Далее, Делани вернется в Шарлоттсвилль и в управлении шерифа узнает, вменяются ли Спенсеру обвинения в краже акций. Если да, то она договорится, как и где он сдаст себя полиции в понедельник. Кроме того, она заранее поставит в известность окружного поручителя, чтобы на условиях залога Спенсеру не пришлось ночевать за решеткой.

— Есть, кажется, один способ доказать мою невиновность, — задумчиво произнес Спенсер, — однако шансов... Вот смотри: когда «Цирк-Цирк» объявил об акционном сплите, дополнительные акции скорее всего были доставлены либо заказным письмом с обратным уведомлением, либо ценной бандеролью. Единственным человеком, имевшим право расписываться за такую почту, была личная секретарша Ван-ден-Вендера, Белль Паттерсон.

— Хорошо, я ее найду!

— Увы, уже не найдешь. Она умерла лет шесть назад. Рак. Белль отличалась удивительной педантичностью, вплоть до самых ничтожных мелочей. Вполне вероятно, что ее рабочий архив до сих пор хранится где-то в подвалах фирмы. Есть шанс, что мой тесть не догадался подчистить все ее бумаги или подчистил не во всех местах. Допустим, расписавшись за пакет, она пометила у себя в тетрадке, кому передала акции. Отсюда вопрос: как нам попасть в подвал, чтобы половить рыбку в ее архиве?

— А на фирме никого нет, к кому бы ты мог обратиться?

Спенсер задумался.

— Возможно, моя бывшая ассистентка, Трейси Шугарман, знает, где искать. Кстати, хотя сегодня и суббота, она будет сидеть в офисе до полудня.

— Можно позвонить по моему сотовому, — предложила Делани. — Я же попрошу ее к телефону, чтобы никто из посторонних не узнал твой голос.

Когда подошла Шугарман, Делани передала трубку Спенсеру.

— Трейси, здравствуйте, вам сейчас неудобно говорить?

— Да!

Спенсер продиктовал ей номер мобильного Делани.

— Я вас очень прошу, перезвоните мне, пожалуйста! Очень важное, срочное дело!

Минут через десять раздался звонок. Шугарман спряталась в дамской комнате, подальше от чужих ушей, и говорила вполголоса:

— К нам тут полиции понаехало, ужас! Все вас ищут! А этот рыжий урод, Солеано, вообще из офиса не выходит. Вынюхивает что-то... Говорят, вы украли деньги у клиента!

— Трейси, пропало акций на пятьдесят миллионов, а вину свалили на меня!

— Ай! Кто-то идет!

Через пару минут вновь раздался ее голос:

— Все спокойно! Одна девочка из соседнего отдела возилась с принтером и заходила помыть руки.

— Мне нужно, чтобы вы спустились в подвал и нашли рабочий архив Белль Паттерсон. Понимаете, наследственное дело Вортингтонов два года разбиралось в суде, и за это время компания «Цирк-Цирк» сделала акционный сплит. В общем, посмотрите там, а вдруг Белль где-то у себя пометила, что по почте приходило полмиллиона акций «Цирк-Цирка».

— Судья, — ответила Трейси дрожащим голосом, — у меня двое детей! Мне без этой работы никуда! Хоть в петлю! А если меня поймают? Я очень хочу вам помочь, но мне страшно!

— Трейси, послушайте меня, у вас все полу...

Короткие гудки. По спине Спенсера побежал холодок. К счастью, через несколько секунд телефон зазвонил вновь.

— Извините! Я его уронила!

— Патти Делани — знаете ее? — теперь она мой адвокат. Если найдете что-то интересное в бумагах Белль, передайте это владельцам итальянского ресторана «Ритчи». А они уже сообщат Делани. И никто ничего не узнает про вашу помощь! Очень прошу!

События следующих сорока восьми часов промелькнули одним сплошным вихрем. Как и предсказывал Спенсер, Август Ван-ден-Вендер Шестой принялся дергать за свои политические нити по всему штату и даже за его пределами. После обеда в субботу генеральный прокурор Тейлор Колдуэлл созвал пресс-конференцию, на которой объявил, что в адрес судьи Спенсера выдвинуты обвинения в связи с кражей акций у одного из клиентов. Генпрокурор специально подгадал время, чтобы гарантировать размещение сенсации в утренних воскресных выпусках теленовостей и газет.

— Мы с судьей Спенсером были близкими друзьями с университетской скамьи, — сообщил Колдуэлл репортерам, — и эти обвинения меня глубоко огорчили. Но никто не смеет поставить себя выше закона, тем более это относится к судьям, предавшим доверие народа. Именно поэтому я принял решение назначить специального независимого обвинителя, Уилларда Дилкса, чтобы не допустить в деле какого-либо фаворитизма.

Все финансовые счета Спенсера были тут же заморожены, и, естественно, его на неопределенный срок отстранили от должности старшего окружного судьи графства Альбемарль. В понедельник на него обрушился шестидесятимиллионный гражданский иск от имени «Бойда, Стакхауса и Брауна». Заодно в числе ответчиков проходил Август Шестой.

Спенсер вышел из своего убежища в тот же понедельник и около полудня сдался полиции. Несмотря на то что Делани договорилась с окружным поручителем и он был готов принять залог с подпиской о невыезде, ряд загадочных «осложняющих обстоятельств» не позволил оформить передачу на поруки, и Спенсеру пришлось-таки одну ночь провести в

изоляторе. Этот шаг дал Колдуэллу возможность связаться с прессой, и когда Делани во вторник утром приехала забирать Спенсера, у входа поджидала толпа репортеров и тележурналистов.

— Колдуэлл решил устроить рекламное шоу под свою предвыборную кампанию, — предупредила она Спенсера. — Не упускает ни малейшей возможности напомнить людям, что он баллотируется в губернаторы. Кандидат кристальной честности, готовый преследовать ближайших друзей, едва их заподозрят в коррупции!

Из-за галдящей толпы у главного входа они решили выбраться через боковую дверь.

— Ты где оставила мой «эскорт»?

— Нет у тебя никакого «эскорта». Его описали по приказу шерифа вчера вечером. Поедешь со мной в «саабе».

— А что с моими вещами? У меня в багажнике лежали два ценнейших предмета. Их тоже описали?

— Нет, не описали. Я что, полная дура? Камень Апокалипсиса и твой чемодан с деньгами лежат у меня в целостности и сохранности.

На полдороге к «саабу» их наконец заметили репортеры. Пришлось припуститься бегом. Делани едва не сбила телеоператора с камерой, вырывая с парковки.

— Это еще ничего. У меня есть новости похуже, — сказала Делани, вдавливая педаль газа. — Мелисса подала на развод! Ты опять на первой полосе газет!

Одной рукой она передала ему утренний выпуск «Шарлоттсвилльских курантов». Неутомимый Уолтер Корн взял у Мелиссы эксклюзивное интервью прямо в особняке Ван-ден-Вендеров. Под заголовком «СЕРДЦЕ РАЗБИТО ВОРОВСТВОМ СУПРУГА, ЖЕНЩИНА ОПАСАЕТСЯ НОВЫХ ОТКРОВЕНИЙ» поместили снимок мучительно страдающей женщины.

— Мне есть смысл это читать? — спросил он.

— Я тебе перескажу, чем поделилась Мелисса Ван-ден-Вендер.

Делани пару секунд помолчала, нагнетая побольше драматизма.

— В общем, она заявила, что таких мужей, как ты, надо еще поискать. Днем с огнем в выгребной яме!

— Просто блеск.

— Брось, Эван! Не бери в голову. К тому же есть и хорошие новости. Я нашла тебе съемную квартирку возле университета, а так как студенты принципиально не читают местных сплетен, тебя никто не заметит.

— Золотые слова! — саркастически усмехнулся Спенсер. — Действительно, с чего это я вздумал хандрить? Жаль только, на душе погано.

— Да знаю я, знаю, — отмахнулась она, думая, что он вот-вот ляпнет ей очевидное. — Из-за развода?

— Пф-ф! При чем тут развод?! Мне «форд-эскорт» жалко!

Делани закатила глаза.

В бытность судьей Спенсер всегда считал, что трех месяцев более чем достаточно для подготовки к любому процессу, однако сейчас, оказавшись в роли ответчика, он нашел этот срок слишком уж урезанным. Временами, особенно по утрам, ему до боли хотелось поскорее со всем покончить, хотя в другие дни накатывал страх перед тем, через что предстояло пройти. К тому же арендованная силами Делани мансарда возле университета напоминала

ту первую квартиру, которую они снимали с Мелиссой в свой первый год. Разве от таких воспоминаний настроение поднимется?

Месяца через два после ареста в колонке светских новостей «Шарлоттсвилльских курантов» опубликовали очередную фотографию Мелиссы; она с сияющим лицом танцевала с Тейлором Колдуэллом на вечеринке по случаю сбора средств на его политическую кампанию в окружении всей местной аристократии. И неудивительно: предвыборная гонка уже вовсю набирала обороты, причем пресса усиленно намекала на романтическую связь этой парочки. Кроме того, Делани стало известно, что Ван-ден-Вендеры наняли себе пиар-консультанта из Вашингтона, дабы тот убедил общественность, что Мелисса оказалась жертвой беспринципного, ничем не гнушавшегося мужа. Согласно законам штата, ей требовалось подождать шесть месяцев, прежде чем развод будет оформлен окончательно. В газетах активно муссировался вопрос, через сколько дней после окончания обязательного периода Мелисса выйдет замуж за Колдуэлла. Что касается Спенсера, то он не разговаривал с почти уже бывшей супругой с момента словесной перепалки на веранде. Его самого удивляло, сколь мало он скучал по ней, несмотря на два с лишним десятилетия совместной жизни.

Отметим также, что Спенсер отказался от своего права на суд присяжных. Он сильно сомневался, что жители графства могут питать симпатию к человеку, за которым числятся следующие грехи: (а) профессиональный юрист, (б) бывший судья, (в) ответчик по делу о краже пятидесяти миллионов, (г) супруг на редкость богатой женщины и, наконец, (д) скользкий тип, которого даже собственная жена считает виновным. Вместо этого он вручил свою судьбу в руки коллеги из другого округа. Чтобы избежать конфликта интересов, решили, что председательствовать будет судья из Данвилля, небольшого городка на границе между Виргинией и Северной Каролиной, хотя собственно процесс пройдет в судебном комплексе графства Альбемарль. С формальной точки зрения Тейлор Колдуэлл не имел никакого касательства к работе гособвинения, однако на первое же утреннее заседание он заявился с целой когортой ассистентов и заместителей, да еще нашел время устроить импровизированную пресс-конференцию на ступеньках парадного входа.

— Мы верим и хотим дальше верить в честность всех публичных должностных лиц и прежде всего работников нашей судебной системы, — заявил он. — Но что сделал бывший судья Эван Спенсер? Его поступки сродни изнасилованию! Да-да! Он надругался над доверием народа!

Тот факт, что акции «Цирк-Цирка» пропали за много лет до того, как Спенсер стал судьей, нисколько не волновал Колдуэлла, да и, похоже, никого из репортеров. Они чуяли запах крови.

Джером Пибоди из Данвилля являлся одним из крайне немногочисленных судей-негров во всей Виргинии и имел вполне заслуженную репутацию человека прямого, порой даже резкого. Процесс над Спенсером он начал с нравоучений.

— Поскольку у нас нет и не будет присяжных, которых советники обеих сторон должны впечатлять своим красноречием, — сухо сказал он, — в моем судебном зале я ожидаю видеть как можно меньше сценического мастерства. Заниматься будем только допросом свидетелей, представлять доказательства и выдвигать аргументы. Обвинение дало мне понять, что процесс — с его точки зрения — займет три-четыре дня, так что предлагаю приступить к делу.

Первым свидетелем обвинения шел Кевин Майклс, адвокат из «Бойда, Стакхауса и

Брауна», который рассказал, как его компания выявила пропажу дополнительных акций «Цирк-Цирка».

— Кто из сотрудников «Ван-ден-Вендера и Уайта» отвечал за регистрацию этого полумиллионного акционного пакета? — спросил прокурор Уиллард Дилкс.

— Ответчик Эван Спенсер, — ответил Майклс. — Все имеющиеся у нас документы и материалы однозначно указывают на то, что он лично надзирал за оформлением наследства в суде.

Когда наступило время для перекрестного допроса, Делани заявила, что к Майклсу вопросов не имеет. Стоило ей присесть, как распахнулась дверь и в зал ввалилась ватага студентов, человек двадцать пять. Все места, впрочем, были уже заняты, и молодые люди расположились вдоль стеночки в задней части зала.

— Так, что здесь происходит? — раздраженноотреагировал судья Пибоди.

— Приношу извинения, ваша честь, — раздался голос преподобного Грассо, который вошел последним. — Это мои студенты, первокурсники Католического университета, на практическом занятии по этике. Я их куратор, и мы организовали автобусную поездку в суд, однако возле города спустило колесо, так что мы немного опоздали. Еще раз прошу нас простить за непредвиденную помеху. Мы приехали издалека специально для ознакомления с судебным процессом.

Пибоди с головы до ног смерил пожилого священника взглядом и сразу понял, что действовать надо аккуратно, не то разразится скандал. В глазах общественности судья окажется жестоким и бесчувственным человеком, если прикажет выдворить всю эту гоп-компанию из зала.

— Я категорический противник любых нарушений, — вздохнул он, — но коль скоро ваши подопечные горят таким желанием познакомиться с судебной системой Виргинии, я позволяю вам остаться.

— Благодарю, ваша честь, — торжественно произнес Грассо. — Я совершенно уверен, что эти молодые люди высоко оценят ваши этические принципы в своих курсовых работах!

Среди зрителей раздалась смешки. Грассо осмотрелся вокруг, куда бы ему сесть, и кто-то из мужчин неохотно уступил место. Когда священник наконец устроился в кресле, он жизнерадостно помахал здоровой рукой Делани и Спенсеру.

— Если вам сейчас вполне удобно, — саркастически заметил Пибоди, — я мог бы продолжить с того места, где мы остановились.

Разумеется, он не ждал от Грассо никакого ответа, однако старый профессор то ли недопонял, то ли решил проигнорировать колкость.

— Благодарю вас, вы очень любезны. Да, полагаю, что мне и моим студентам вполне удобно. Прошу вас.

Пибоди скрипнул зубами и приказал Дилксу вызвать следующего свидетеля. Август Ван-ден-Вендер Шестой сел в кресло и немедленно принялся бичевать Спенсера.

В частности, он заявил:

— Если бы не постоянные просьбы дочери, я бы его и на пушечный выстрел не подпустил к нашей фирме!

— Почему же вы в таком случае решили поручить ему столь ответственную задачу? — спросил Дилкс.

— Спенсер буквально не давал мне вздохнуть своими требованиями выделить ему дело о том наследстве! Прошло лишь несколько часов после смерти Амброза Вортингтона, а он

уже тут как тут! И хотя я с самого начала смотрел на это крайне неодобрительно, в конечном итоге, получается, я свалил дурака, когда все-таки решил уступить его поползновениям. Я-то надеялся, что такой опыт работы пойдет ему на пользу, к тому же рассчитывал в случае необходимости присматривать за ним... Увы, вскоре пришлось заняться рядом других неотложных дел, а Спенсер, как выяснилось, обладал настоящим талантом заметать следы!

— Откуда вы знаете, что именно он похитил акции? — спросил Дилкс.

— Он не только единолично вел все наследственное дело, но и собственноручно расписался за присланный пакет акций, когда их доставили в наш офис.

Дилкс двумя пальцами поднял голубой бумажный листок.

— Вы об этой расписке говорите?

— Да, у нас так заведено; мы подшиваем такие расписки всякий раз, когда фирма обретает контроль над теми или иными финансовыми активами от имени клиента.

— И чье имя указано на данной расписке?

— Имя Эвана Спенсера.

Здесь Грассо вдруг закашлялся, да так громко и сильно, что минуты три не мог остановиться. Естественно, разбирательство пришлось приостановить.

— Из... вините, ваша честь, — еле выдавил он сквозь рвущиеся из глотки хрипы. — Кхе-е... Кха-а...

Прокурор Дилкс оказался слабо подготовлен к звуковым помехам.

— Эм-м... что ж... давайте обсудим этот... гм... эту расписку.

Отметим, что кашель ничуть не сбил с толку свидетеля. Ван-ден-Вендер без понуканий доложил:

— Хотя нам повезло разыскать этот документ, никаких свидетельств о том, что же подсудимый сделал с акциями, найти не удалось. Наши аудиторы не сумели выявить тот механизм, при помощи которого он их реализовал.

Спенсер прошептал Делани на ухо:

— Это фальшивка! В тот же вечер, как только ушел Майклс, я просмотрел все материалы по делу Вортингтонов. Не было там никакой голубой расписки!

Прокурор добился, чтобы бумажка была приобщена в качестве вещественного доказательства, задал еще пару-тройку вопросов и затем присел. Как и в прошлый раз, Делани заявила, что к данному свидетелю вопросов не имеет.

Дилкс же рассчитывал на то, что Делани весь остаток заседания потратит на перекрестный допрос Ван-ден-Вендера, и даже сказал своему следующему свидетелю, Мелиссе, что ее услуги не понадобятся до завтрашнего дня. В связи с этим он попросил небольшой перерыв, чтобы переговорить с Тейлором Колдуэллом.

— Мы планировали, что старик Август станет героем сегодняшних вечерних новостей, — пожаловался он Колдуэллу. — Завтрашние репортажи предполагалось заполнить показаниями миссис Ван-ден-Вендер. А как быть теперь?

— Попробуйте уговорить судью закрыть слушания до утра, — предложил Колдуэлл. — Скажите ему, что требуется больше времени на подготовку.

Дилкс последовал совету, однако Пибоди прекрасно разобрался в его мотивах.

— Мы не сделали даже обеденного перерыва, а вы уже хотите закончить. К тому же на подготовку вам дали три месяца. Хватит тянуть время, вызывайте следующего свидетеля.

Спенсеру начинал нравиться этот судья.

Мелисса далеко не с восторгом приняла известие, что ее так рано вызывают давать

показания. Гнев и раздражение объяснялись очень просто: ее сегодняшним нарядом. Процесс транслировался «вживую» по местному телеканалу и через кабельную сеть в программе «Прошу всех встать!», а посему ее личный пресс-консультант заказала для Мелиссы особый костюм для появления на голубых экранах, куда более консервативный и менее броский, чем нынешняя короткая юбка с весьма откровенной блузкой в полосочку. Вместо того чтобы в свидетельском кресле смотреться кроткой, печальной и чистосердечной, сейчас Мелисса пленяла взор обольстительными формами и голыми коленками.

— Главная причина, по которой Спенсер на мне женился, состоит в том, что он хотел получить работу на фирме моего отца, — заявила она суду. — Я, конечно, об этом и не подозревала. Любовь ослепила меня. Впрочем, скоро стало ясно, что все его желания связаны лишь с деньгами и социальным статусом нашей семьи. Он манипулировал мной.

— Ваш супруг когда-либо упоминал о конкретных делах, с которыми работал? — спросил Дилкс.

— Нет, никогда, но однажды вечером он вдруг заговорил о наследстве Вортингтонов. Сейчас я уже не помню, как именно он выразился. Что-то насчет его великого шанса.

— Стал ли он как-то по-другому вести себя, когда закончилось дело Вортингтонов?

— Да, действительно. Когда мы только собирались пожениться, Спенсер был совершенно нищим, поэтому наша семья настояла на заключении брачного контракта, согласно которому свои финансовые счета мы вели раздельно. Помню, это сильно разозлило Спенсера, он постоянно требовал денег, так что мне пришлось назначить ему своего рода еженедельное пособие. Однако после работы с наследством Вортингтонов он заявил, что более не нуждается в жалких подачках. Я понятия не имела, откуда он вдруг взял деньги, тем не менее возникало впечатление, что он разбогател. Порой у меня самой было меньше, чем у него в бумажнике!

Грассо вновь зашелся хрипами.

— Святой отец, вы как себя чувствуете? — сузил глаза Пибоди. — Если такое продолжится, боюсь, вам придется покинуть зал заседаний.

— Умоляю простить меня, — выдавил Грассо. Его лицо побагровело, он едва успевал вдыхать воздух.

Как и в прошлый раз, помеха сбила Дилкса. Что же касается Мелиссы, она оказалась достойной своего отца и не нуждалась в помощи прокурора, чтобы изобразить все в красках.

— Позвольте привести только один пример, — сказала она. — Спенсер купил себе спортивную машину «ягуар» за восемьдесят тысяч долларов, причем за наличные. А когда я сказала ему, что такое приобретение выглядит более чем экстравагантно, он отшутился: «Что ты мне пеняешь, я и так поскромничал. Взял черный вместо красного!»

Спенсер сидел как истукан. Он пытался сохранить каменное выражение лица, чтобы ни телезрители, ни репортеры в зале не прочитали что-либо из его мыслей или эмоций. Впрочем, про себя он чуть ли не восхищался мастерством Мелиссы упаковывать вранье в правдивую обертку. Она, судя по всему, отлично понимала, что ложь звучит всего убедительнее, когда перемешана с реальными фактами. Он действительно купил «ягуар». И заплатил наличными. И на самом деле пошел на компромисс, заказав цвет черный, а не красный. Но ведь эти деньги он сам заработал. Своим трудом, а не воровством. Добиться правды от Мелиссы — все равно что чистить репчатый лук: сперва надо содрать шелуху.

Когда подошло время для перекрестного допроса, Делани была уже готова вцепиться в

Мелиссу всеми клыками и когтями. Однако они договорились со Спенсером, что применят довольно своеобразную тактику, и Делани твердо решила придерживаться плана. Она вновь заявила судье, что у защиты нет ни единого вопроса, который хотелось бы задать Мелиссе.

Пибоди настолько удивился, что даже переспросил, уверена ли она в своих намерениях.

— Ваша честь, — ответила Делани, — я прекрасно помню вашу рекомендацию не тратить время понапрасну.

И, остро взглянув на Мелиссу, добавила:

— Вот почему я не буду утруждать уважаемый суд и себя лично, когда речь идет о данном свидетеле.

Судья поиграл бровями и посмотрел на часы. Двенадцать десять.

— Кто следующий свидетель? — обратился он к Дилксу.

— Знаете, ваша честь, — ответил тот, — обвинение закончилось!

После обеденного перерыва наступила очередь Делани. Она начала прямо со Спенсера.

— Я работал едва ли с месяц, когда тесть однажды вечером вызвал меня к себе в кабинет, — поделился он воспоминаниями. Затем в нескольких фразах изложил, как подписывал контракт по наследственному делу Вортингтонов, даже не удосужившись его просмотреть. — Мой тесть, опытный специалист, сам подготовил весь пакет. Я верил ему. Кроме того, он в тот вечер опаздывал на очередную игру в гольф-клубе и поторапливал меня. А я в ту пору искренне считал, что коль скоро хоть один из нас прочитал тот или иной документ, его можно подписывать.

— А позднее читали? После того как поставили подпись?

— Да, в тот же вечер... Если честно, у меня не возникло никаких опасений. Тот фидуциарный договор, в частности, давал нашей фирме право реализовывать акции и иные активы наследницы, однако это общепринятая практика, здесь ничего особенного нет.

Делани сказала:

— Вы уже слышали показания своего тестя, согласно которым вы подписали некий документ на бумаге голубого цвета. Конкретно я имею в виду расписку за получение акций компании «Цирк-Цирк». Вы это подтверждаете?

— Категорически нет! Никаких голубых расписок я не давал! Причем ни разу за весь период пребывания на фирме! Прокуратура продемонстрировала фальшивку!

— Вы признаете, что незаконно присвоили акции «Цирк-Цирка»?

— Нет!

— Вы знаете, кто мог это сделать?

— Да! Это сделал мой тесть, Август Ван-ден-Вендер Шестой!

На этом роль Делани завершилась.

Прокурор Дилкс до такой степени жаждал взяться за Спенсера, что, взбега на подиум, споткнулся и чуть не упал.

— Вы в самом деле подтверждаете, что у вас высшее юридическое образование?

— Да, у меня диплом Университета Виргинии.

— И на протяжении всех тех лет, что вы потратили на получение юридических знаний и навыков, вам никто ни разу не сообщил первую заповедь юриста? Что нельзя подписывать какой бы то ни было документ, не прочитав его?

— Разумеется, я знал... но ведь я верил...

Дилкс тут же наказал Спенсера:

— Соблаговолите все-таки ответить «да» или «нет»!

— Да, мне известно это правило, однако я был молод, неопытен и не хотел обижать тестя.

— Другими словами, ваша защита сводится лишь к утверждению, что вы не читали документы якобы потому, что с ними уже ознакомился ваш тесть, который входит в число наиболее уважаемых адвокатов не только в Шарлоттсвиле, но и во всем нашем штате?

— Да...

— До меня дошли сведения, что семейство Ван-ден-Вендер весьма богато.

Смешки и оживление в зале.

— Да.

— Обладает большим влиянием?

— Да, у них крепкие связи. Политические.

— Успешно ведет свои дела?

— Да.

— И вместе с тем вы хотите, чтобы мы поверили, будто Август Ван-ден-Вендер Шестой, который и без того чрезвычайно богат и влиятелен, и есть тот самый человек, кто придумал и реализовал план кражи акций? Тех самых акций, которые, смею заметить, входили в наследство одного из его наиболее близких друзей, Амброза Вортингтона. И не будем забывать, что — как следует из показаний свидетелей — Амброз Вортингтон никогда не доверял адвокатам, хотя во всем полагался только на вашего тестя.

Слушая подобные сентенции, Спенсер вдруг почувствовал страх, даже ужас. Работая судьей, он председательствовал на сотнях процессов, практически не испытывая эмоций, чуть ли не с полным безразличием. Сейчас, сам став ответчиком, он до мозга костей прочувствовал, какой жутью веет от чужих людей, взявших на себя право решать его судьбу. Наружу так и рвался вопль до рвоты, до поноса перепуганного человека: *Я невиновен! Я ничего не сделал! Умоляю, верьте мне!* Вместо этого приходилось крепиться и играть выпавшую ему роль.

— Я не крал акции!

— Вот как? — Дилкс состроил саркастическую мину. — Что ж, тогда обратимся к фактам. Давайте вспомним. Вы только что окончили вуз, денег практически не имели, зато были женаты на дочери начальника, которая на утреннем заседании подтвердила, что вас обурежала жажда денег, власти и высокого социального положения.

— Ложь!

— О-о! Получается, и она лгунья?

— Да!

— Все лгут, кроме вас. Вы это хотите сказать? Один из самых уважаемых людей штата — лжец. Его дочь тоже. Единственный человек, говорящий правду, — это вы. Так получается?

Спенсер промолчал.

— А не могли бы вы сообщить нам, — продолжил Дилкс, — сколько времени общим счетом вы были связаны с фирмой «Ван-ден-Вендер и Уайт»?

— Я работал там вплоть до назначения судьей.

— И за весь этот период были ли вы свидетелем того, чтобы фирма наняла себе сотрудника, только что окончившего колледж?

— Нет.

— Что вы можете рассказать нам о своей академической успеваемости в УВА?

— До встречи с Мелиссой мой средний балл был три целых четыре десятых по четырехбалльной шкале. После нашего знакомства оказалось очень сложно совмещать учебу, работу и личную жизнь. Оценки упали ниже трех.

— Слышали ли вы, чтобы на «Ван-ден-Вендер и Уайт» брали людей с такими низкими баллами?

— Никогда. Фирма гордилась тем, что нанимает только самые лучшие, светлые головы.

— И все же вас взяли, — усмехнулся Дилкс. — Почему? Думаю, ответ очевиден.

И вновь Спенсер ничего не сказал.

— Вы нашли легкий способ выдвинуться. Женились на дочери босса. И затем нашли легкий способ обогатиться. Украли акции!

— Протестую, — вмешалась Делани. — Обвинитель читает нам проповедь, а не ведет допрос!

Но было поздно возражать. Дилкс закончил.

Судья Пибоди отметил про себя, что уже около четырех часов пополудни. Он сказал:

— Мисс Делани, сколько свидетелей вы планируете вызвать?

— Только одного, ваша честь, — объявила она. — Это займет всего лишь несколько минут. После этого вы сможете вынести вердикт, и мы все отправимся по домам.

Такая ремарка явно удивила и даже оскорбила судью:

— Мисс Делани, я восторгаюсь вашей убежденностью, но все же должен напомнить, что ваш подопечный находится в далеко не выигрышном положении. Судя по тому, что мы до сих пор слышали, я убедительно прошу вас пересмотреть стратегию и не подгонять события. На данный момент скорость не в ваших интересах. Вы понимаете, что я хочу сказать?

— Да, ваша честь, — ответила Делани. — Однако мой клиент знает, что я делаю, и поддерживает такой метод защиты. Так что я готова приступить, если не возражаете.

Пибоди раздраженно дернул плечом.

— Прошу!

Дилкс оживился. Мелисса, Колдуэлл и Ван-ден-Вендер увлеченно вытянули шеи вперед. Спенсеру вот-вот конец.

— Защита, — объявила Делани, — вызывает Джорджа Андерсона, губернатора штата Виргиния!

— Губернатора?! — Судья Пибоди чуть не подскочил в кресле.

— Да, ваша честь!

Двое полицейских распахнули дверь, и по центральному проходу неторопливо зашагал губернатор Андерсон. Взволнованная мисс Алиса привела его к присяге. Возвращая Библию губернатор наклонился к ней поближе и прошептал, подмигивая: «Я слышал, вы отлично стреляете!» Женщина чуть не упала в обморок от счастья.

— Господин губернатор, — начала Делани, — благодарю вас, что сумели выкроить время!

— У меня всегда найдется время, если речь идет о восстановлении справедливости, — ответил Андерсон. Он взглянул в лицо Колдуэллу, который сидел сразу за государственным обвинителем, приветственно кивнул головой и улыбнулся. Колдуэлл и глазом не моргнул.

— Ваша честь, — встал Дилкс. — Я не знаю, что за фокус придумала мисс Делани, но губернатор Андерсон, по моему глубокому убеждению, не имеет никакого отношения к

рассматриваемому делу. Более того, данный свидетель и генеральный прокурор Колдуэлл являются соперниками на нынешних выборах, и, как мне кажется, мисс Делани замыслила всего лишь дешевый политический трюк, чтобы каким-то образом поддеть генпрокурора!

— Не думаю, чтобы губернатор решил зря потратить время, если у него не имеется неких важных сведений, — возразил судья Пибоди. — Мисс Делани, можете приступить к допросу свидетеля.

Делани спросила:

— Господин губернатор, вы помните то ходатайство, что несколько недель тому назад я направила к вам в канцелярию?

— Да, вы просили о встрече с председателем следственной комиссии штата. Вы утверждали, что имеете доказательство подлога, совершенного одним из наиболее влиятельных лиц в нашем штате. Признаюсь, я весьма скептически отнесся к вашему заявлению, пока не увидел представленные документы.

Делани открыла коричневый конверт и извлекла из него голубой листок, внешне идентичный той расписке, которую гособвинитель представил на обозрение суду чуть раньше.

— Вам знакома эта голубая квитанция? — спросила она.

— Да, вы показали ее на нашей встрече. Из нее следует, что полмиллиона акций «Цирк-Цирка» были доставлены в офис «Ван-ден-Вендера и Уайта».

— Известно ли вам, где был найден этот документ?

— Да, он хранился в подвале упомянутой фирмы, среди материалов рабочего архива Белль Паттерсон, которая в свое время служила личным секретарем Августа Ван-ден-Вендера Шестого.

— Если ли на нем какие-либо подписи?

— Да, по сути дела, он представляет собой расписку, которую Белль Паттерсон выдала за собственноручной подписью. Здесь подтверждается, что миссис Паттерсон под свою ответственность приняла доставленные в фирму акции «Цирк-Цирка».

— Имеется ли на документе подпись моего клиента?

— Нет, — ответил губернатор Андерсон. — На обороте Паттерсон указала номер брокерского счета, на который эти акции были позднее переведены.

— Что вы сделали после того, как я представила вашему вниманию данную расписку?

— Я вызвал начальника управления полиции штата и поручил ему проверку фактов и обстоятельств этого дела. По моему настоянию была сформирована следственная группа из лучших специалистов. Кроме того, я хотел, чтобы работа была выполнена безукоризненно, и потому решил устранить какое-либо воздействие на следователей как с моей стороны, так и со стороны генеральной прокуратуры. В связи с этим я запретил начальнику управления ставить в известность генпрокурора штата о проводимой проверке и ее результатах.

— Что произошло потом?

— Два старших следователя и аудиторы налоговой комиссии штата приступили к поиску пропавших акций «Цирк-Цирка». Выяснилось, что через четыре часа после доставки акций в офис «Ван-ден-Вендера и Уайта» они были реализованы через брокерский банк-посредник, зарегистрированный на Каймановых островах. Вырученные средства прошли затем «отмывку» через целую цепочку банков — сначала в Женеве, потом в Москве, затем в Риме и, наконец, в Боготе. В конечном итоге деньги «приземлились» прямо здесь, в Шарлоттсвиле, в объеме чуть меньше пятидесяти миллионов долларов.

— Господин губернатор, — сказала Делани, — могли бы вы сообщить суду имя владельца того банковского счета, на который попала «отмытая» сумма?

— Разумеется, — кивнул Андерсон, явно предвкушая следующую минуту. — Деньги были помещены на депозитный счет, принадлежавший одной из виргинских компаний под названием «АВД корпорейшн».

— И кто владел этой компанией?

— «АВД» — это инициалы Августа Ван-ден-Вендера Шестого. Кроме того, он — единственный, кто обладал правом доступа к счетам компании.

В ответ на гул в зале судья Пибоди застучал молотком. Ван-ден-Вендер сидел неподвижно, глядя прямо перед собой и не обращая внимания на соседей.

— Удалось ли вам установить, как именно Август Ван-ден-Вендер израсходовал украденные средства?

— О, приличная часть денег по-прежнему находится под его контролем, — сказал Андерсон. — Наши аудиторы выяснили, что он вложил их крайне удачно. Кое-что потратил на новые автомашины, зарубежные поездки, на покупку земельных участков и домов для себя и членов семьи. В частности, я хорошо помню, что он купил своей дочери Мелиссе несколько рысаков. С другой стороны, значительные суммы использованы в качестве политических вливаний.

— И сколько всего он передал политическим кандидатам?

— Свыше тридцати миллионов долларов за прошедшие два десятилетия. Мы еще не закончили разбор всех документов, но уже сейчас становится ясно, что средства пропускались через фиктивные компании и подставные лица.

— Встретились ли вам знакомые имена в списке тех, кто получал эти деньги?

Дилкс вскочил из-за стола.

— Господин губернатор не проводил расследование лично! Любые упоминания о деньгах должны быть вычеркнуты из протокола заседания, так как подобные сведения основаны только на слухах!

— Ценю ваши усилия, советник, но протест отклонен, — сказал Пибоди. — Дело принимает интересный оборот.

Генпрокурор Колдуэлл встал со своего места, хотя сам формально считался просто зрителем.

— Господин судья, Дилкс прав! — заявил он. — Это только слухи!

Пибоди дал себе волю и не пожалел молотка.

— Вам слова не давали! И если не хотите очутиться за решеткой, немедленно садитесь и помалкивайте! — Повернувшись к Андерсону, он добавил: — Итак, губернатор, чьи имена стоят в том списке?

— К примеру, мистера Колдуэлла, моего оппонента!

— Теперь давайте проверим, правильно ли я понял, — сказал Пибоди. — Вы утверждаете, что генеральный прокурор Виргинии под свои политические кампании принимал те средства, которые можно напрямую связать с пропавшими — точнее, украденными — акциями из наследства Вортингтонов?

— Да, ваша честь. Именно об этом я и говорю. Колдуэлл и еще несколько политиков нашего штата подкармливались из краденых денег.

Колдуэлл уже не мог выносить происходящее. Несмотря на предупреждение судьи, он вновь вскочил на ноги.

— Кто может запретить взносы от сочувствующих сторонников?!

Пибоди указал на Колдуэлла молотком.

— Я уже велел вам помалкивать. Если желаете выразить протест, можете сделать это перед репортерами после окончания слушаний. А сейчас сядьте! В последний раз говорю!

Колдуэлл осмотрелся кругом и задержал взгляд на Ван-ден-Вендере и Мелиссе. Оба тут же отвернулись. Генпрокурор медленно сел на место.

Пибоди вновь напрямую обратился к свидетелю:

— Господин губернатор, есть ли у вас доказательства, могущие подтвердить сделанные вами обвинения?

— Да, ваша честь! — Андерсон кивнул одному из сотрудников, стоявшему у задней стенки зала, тот прошел вперед и вручил мисс Алисе папку толщиной пальца в четыре. Секретарша, в свою очередь, передала ее судье. Пибоди принялся листать документы. — Господин судья, — от себя добавил губернатор, — у вас в руках закрытый отчет, составленный управлением полиции и налоговой комиссией штата. В нем находится подтверждение моих слов.

— Ваша честь! — поднялась Делани. — Позвольте несколько коротких вопросов свидетелю.

— Прошу, — отозвался Пибоди, не отрывая глаз от документов.

— Было ли обнаружено в ходе следствия, что хотя бы часть украденных денег попала к моему подзащитному?

— Судья Эван Спенсер не получил ни цента из похищенных средств, — твердо заявил Андерсон. — Более того, он не получил от них ни малейшей выгоды, ни прямым, ни косвенным путем.

— С какого дня семейство Ван-ден-Вендеров начало выделять деньги на кампании Тейлора Колдуэлла?

— Протестую!

— Протест отклонен! — рявкнул Пибоди.

— Свой первый значительный взнос генпрокурор Колдуэлл получил в тот же самый день, когда подписал обвинительное заключение в адрес вашего подзащитного! — ответил губернатор.

Этого оказалось достаточно. Пибоди объявил, что снимает со Спенсера все уголовные обвинения.

Эван потянулся к Делани и крепко ее обнял.

— Получилось! — воскликнул он. — Молодец! Ты опять спасла меня!

— Не забудь про Трейси Шугарман, — посоветовала та. — Без расписки нас бы утопили!

Заметив, что за ними наблюдает Мелисса, она еще раз обняла Спенсера и нежно расцеловала. Оглянувшись через минуту, Делани увидела, что Ван-ден-Вендеры пытаются улизнуть из судебного зала, но их не пускают репортеры.

Спенсер глазами поискал Грассо. Священник по-прежнему сидел на своем месте, не в состоянии даже подняться из-за бурлившей кругом толпы. Спенсер решил пробиться к нему сам.

— Спасибо, что пришли! — сказал он. — И спасибо за кашель! Всякий раз очень кстати!

— Аллергия, наверное, — пожал плечами Грассо. — Да, похоже, у меня появилась

аллергия на ложь.

Он помолчал секунду и спросил:

— А камень? Он по-прежнему у вас?

— Конечно, хотя уже ненадолго. Я наконец-то понял, кто в нем нуждается.

Две недели спустя Эван Спенсер сидел на бордюрном камне и, поджидая Делани, читал «Шарлоттсвилльские куранты». Первую полосу газета отвела под новости о Тейлоре Колдуэлле, который выпал из предвыборной гонки. Кое-кто из аналитиков предсказывал скорый конец всей его политической карьере. На одной из внутренних страниц Спенсер нашел заметку про Августа Шестого. Как выяснилось, его попросили из совета директоров «Ван-ден-Вендера и Уайта», причем специально созданное Большое жюри сейчас разбиралось с его прошлым. В последних строчках статьи отмечалось, что «Бойд и К°» заключили с Эваном Спенсером мировое соглашение по поводу шестидесятимиллионного иска. Хотя со Спенсера и сняли все обвинения в непосредственном хищении, он все равно когда-то являлся ответственным исполнителем по делу о наследстве Вортингтонов, а потому должен был принимать все меры для защиты активов. На заглаживание этой ошибки у него ушли почти все накопленные деньги.

Он закрыл газету. Все, слава Богу, кончилось. Тут в голову пришла мысль, насколько круто изменилась его жизнь. Едва ли с год назад он был женат, богат, числился одним из наиболее видных и преуспевающих жителей Шарлоттсвилля. Предвкушал кресло в Коллегии Верховного суда штата. А сейчас сидит на бордюрном камне возле дома, где снимал крошечную квартирку, и все его пожитки уместаются в одном-единственном чемодане, стоящем между ног. Он уже не работает судьей, почти не имеет денег, и все его клубные друзья отвернули нос. И тем не менее его это совсем не беспокоит. Если на то пошло, он чувствует себя свободным.

Любит ли он Патти Делани? Трудно сказать. К примеру, в свое время он горячо любил Мелиссу, или как минимум ему так казалось. Брак же обернулся подлинным кошмаром. Как теперь он может быть уверен, что личные чувства к Делани не приведут к очередной эмоциональной катастрофе? Да, она возбуждала его как женщина, отличалась изрядным умом и живым характером. С ней было интересно, весело. С другой стороны, когда-то похожие чувства он испытывал и в отношении Мелиссы... А может, нет? Он быстро составил сравнительные характеристики обеих женщин и обнаружил между ними целую пропасть. Делани не была поглощена лишь собственной персоной и не отличалась эгоистичностью. Да-да, она и есть та женщина, которая способна любить в ответ так же крепко. А самое главное, любить Спенсера сильнее самой себя.

С другой стороны, какие у него есть гарантии, что через месяц, год, два года или даже более долгий срок они по-прежнему будут счастливы вместе? Нет таких гарантий! И это совершенно понятно. В любви гарантий нет. Как и религия, она требует веры...

Тут наконец-то раздался скрип старенького «сааба», выехавшего из-за угла дома. К машине Делани прицепила крошечный арендованный трейлер, к крыше которого бечевкой привязала дамский велосипед и какие-то картонки. Спенсер открыл пассажирскую дверь и попытался просунуть свой чемоданчик на заднее сиденье. Увы, все свободное место занимали пожитки Делани.

— Извини, — сказала она. — Наверное, лампы можно бы и выбросить...

Он взял с заднего сиденья пару настольных ламп. Основания были отлиты, видимо, из

гипса и раскрашены под океанскую волну. Штанги под абажуры выполнены в форме игриво выпрыгивающих дельфинов, в чьи пасти ввинчены лампочки. Спенсер даже растерялся перед уродливостью этих вещей. Он выставил их прямо на тротуар, однако чемодан по-прежнему отказывался влезать. Пришлось извлечь раскрашенную фотографию белого пуделя в дешевой пластиковой рамке коричневого цвета. Пудель очутился рядом с лампами, чемодан получил пинок ногой и изъявил готовность наконец влезть на место. Спенсер устроился на пассажирском сиденье, потянулся поцеловать Делани и тут-то разглядел ее целиком. Сегодня на ней была надета... майка не майка, а какая-то оранжевая тряпочка, выставляющая напоказ бьющий по глазам неоново-оранжевый лифчик. В той же цветовой гамме были выполнены ее пляжные сандалии и штаны-«капри». В рыжих волосах — оранжевая ленточка, а вместо банта — пластиковый апельсин. В жизни Спенсер не видел столько оранжево-апельсиновых мотивов на одном человеке.

— Что такое? — подозрительно прищурилась она, заметив пристальный взгляд спутника.

— Да нет, ничего, — ответил он, помаргивая. — Идеально!

И это была чистая правда.

— Как тебе Санта-Фе? — спросила Делани. — Я слышала, у них неплохой оперный театр.

— Оперный? А я и не знал, что ты любишь оперу!

— Ненавижу всей душой, но если нам вдруг приспичит туда отправиться, неплохо бы заручиться качеством получше.

Спенсер рассмеялся, и машина тронулась вперед.

— Знаешь, надо по дороге сделать одну остановку, — сказал он, барабанив пальцами по пакету с логотипом «Федерал экспресс». — Возле университетской книжной лавки.

Звук двигателя «сааба» можно было слышать и внутри магазина. Спенсер положил пакет в бело-голубой почтовый ящик.

— Ну, все, — сказал он. — Лети, делай свое дело. А с меня хватит.

Через несколько минут «сааб» пересек границу города, и Спенсер про себя отметил, что никто из них не оглянулся назад.

На Тортоле, крупнейшем острове британской части Виргинских островов, вообще нет офиса «Федерал экспресс», поэтому раз в неделю один предприимчивый житель по имени Феликс Арчибальд на лодке добирался до соседнего Сент-Томаса и забирал срочную почту, доставленную в тамошний аэропорт. Вернувшись к себе, он звонил богатым европейцам и американцам, любившим отдыхать зимой на роскошных арендованных виллах, выходящих на великолепный Кейн-Гарден, «Залив тростникового сада». Арчибальд договаривался о комиссионных за услугу, огрызком пенькового троса привязывал посылки и пакеты к багажнику древнего итальянского мотороллера и развозил почту по узеньким тропинкам гористого острова.

Первая доставка нынешним вечером привела его к вилле «Ла Белла», спрятанной за глухим четырехметровым забором. Домработница, открывшая тяжелую кованую дверь, предложила забрать посылку на месте, однако Арчибальд давно уже усвоил, что шансы на щедрые чаевые возрастают многократно, если почту вручать лично адресату. Поэтому он пристроился сзади и вслед за ней вступил во внутренний садик, где цвели орхидеи, «рождественские звезды» и филодендроны. Откуда-то из глубины сада доносился

деликатный аромат ядовитого, но изумительно красивого олеандра и несколько более резкий и пряный запах жасмина. Пройдя по саду до противоположного крыла дома, домработница показала пальцем в сторону бассейна, где стоял один-единственный шезлонг. Лежавшая в нем женщина, завидев Арчибальда, даже не протянула руки за своим белоснежным халатом, перекинутым через спинку. Из всей одежды на ней был только крошечный лоскуток, низ черного бикини. Она взглянула на юношу поверх солнечных очков и грациозно поднялась, чтобы расписаться на квитанции. Арчибальд шестым чувством понимал, что ей вовсе не стыдно за свою наготу, и он даже знал почему. Нет, она не эксгибиционистка. Дело гораздо проще: ей просто все равно. В конце концов, он лишь какой-то местный житель, нищий негр на побегушках. По сути дела, она и не воспринимала его как мужчину.

— Скажите прислуге, чтобы она дала вам десять долларов, — процедила женщина и безразлично отвернулась, даже не взяв пакет из рук Арчибальда. Он положил почту на стеклометаллический столик, заставленный бутылочками с лосьонами, окружавшими запотевший графин с аква-де-коко, «кокосовой водой».

Примерно через час женщина немного поплескалась в мелкой части бассейна, освежая прохладной водой загорелую, лоснящуюся от масла кожу, затем вернулась в шезлонг и взяла в руки доставленный пакет. Еще раз перечитала имя и адрес отправителя: Эван Спенсер, Шарлоттсвилль, штат Виргиния. Какими далекими от местного карибского рая были эти слова... С другого конца света, из другой жизни.

Она дернула за пластиковую полоску, клеенную вдоль края, и, с хрустом разорвав бумагу, вскрыла пакет. Заглянула внутрь. Ни письма, ни открытки, лишь один только круглый предмет, завернутый в красный шелк и стянутый изящно завязанной ленточкой. Подарок. Женщина вытряхнула его на шезлонг, сорвала ленточку и нетерпеливо развернула шелковое полотнище.

Камень. Белый. Дурацкий, круглый, белый камень. И больше ничего. С какой стати он вздумал его прислать? Женщина решила взять кругляш в руки, чтобы получше рассмотреть. Поднося камень к глазам, Офелия Элизабет Виктория Ван-ден-Вендер, более известная под именем Мелисса, почувствовала электрический разряд, куснувший мякоть ее левой ладони.

— Ах ты, дрянь! — задохнулась она от боли. — Еще колоться вздумал?!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Благодарности

Я хотел бы поблагодарить Поля Питросса-младшего, председательствующего окружного судью графства Альбемарль, и Томаса Форткорта, окружного судью в отставке из Фэйрфакса, Виргиния, за их высококвалифицированную помощь в разъяснении судебных процедур. Я также признателен виргинским юристам Чарлзу Андерсону, Майклу Форткорту и Джею Майерсону, которые поделились со мной занимательным адвокатским фольклором. Рэнди Дейвис, заместитель директора коммуникационного отдела при канцелярии генерального прокурора Виргинии, помог мне при толковании законодательства этого штата. Мари Динс, учредитель общества психологической поддержки пострадавшим семьям, рассказала мне о процессах с высшей мерой в Виргинии. Что же касается криминалистических экспертиз, то я нашел поддержку в лице Кэти Рейнольдс из Американской академии криминалистики; Рональда Сингера, директора лаборатории при департаменте судмедэкспертизы графства Таррант, Форт-Ворт, штат Техас; Мелинды Картер, директора программы антропостеологии при государственном музее Иллинойса, и доктора Эда Утмана, патологоанатома из Хьюстона, штат Техас.

Монографии «*Стигмата: Средневековая тайна в современную эпоху*» Тэда Гаррисона, издательство «Пингвин букс», и «*Тайные архивы Ватикана*» Марии-Луизы Амбросини и Мэри Уиллис, издательство «Литтл Браун и К^о», доказали свою незаменимость при поиске сведений о Ватикане и религиозных святынях.

Я также благодарен литературному агенту Роберту Готтлибу из «Трайидент медиа групп» за то, что он побудил меня заняться художественной прозой в дополнение к моей публицистической работе. Роберт Глизон, мой редактор при издательстве «Тор/Фордж букс», помог своими замечательными советами, а Сара Шеффель выполнила всю работу по корректуре рукописи. Многие мои друзья прочли ранние варианты этой книги. Среди них Нельсон Демилль, Дайанн Френсис, Георгина Гавилл, Уолт и Керан Гаррингтоны, Барбара Майерсон и Геральд и Мириам Шур. Каждый из них своими ценными замечаниями помог улучшить текст.

Как и всегда, мои родители, Элмер и Джин Эрли, самыми первыми познакомились с начальным вариантом рукописи и своей поддержкой убедили меня двигаться дальше. Кроме того, я хотел бы отдельно отметить других членов семьи и друзей, которые приветствовали решение заняться новым для меня видом писательской работы. В их числе: Глория Браун, Джеймс Браун, Руи и Эллен Браун, Филипп и Джоан Корн, Донни и Дана Дэйвис, Джорджи Линда Эрли, Мари Геффельфингер, Мишель Голланд, Дон и Сью Инфельд, Рэйс Кэш Ричард и Джоан Майлс, Линн и Лу-Анн Смит, Элзи и Джей Страйн.

Хочу поблагодарить моих детей, которые служат для меня источником вдохновения и помогают видеть вещи такими, какие они есть: Стефана, Кевина, Тони, Кэтти, Кайла, Эвана и Трейси. Слова к рэп-композиции Лестера Амиля из 3-й главы были написаны Кевином, за что я крайне благодарен ему, потому как сам ничего не смыслю в рэп-музыке.

Эта книга посвящена моей замечательной жене Патти, которая помогает своими «редакторскими» советами, всегда служит для меня главным источником сил и мастерски справляется с любыми повседневными трудностями, чтобы дать мне возможность спокойно трудиться над рукописями. Она — мой лучший друг, и без нее эта повесть никогда не была бы написана.

От старофранцузского *voire dire* — «глаголить истину». Здесь: допрос кандидата в присяжные на предмет выяснения его беспристрастности и непредубежденности.

Тайный архив Ватикана (*ит.*).

Благословеннейший Отец (*ит.*).

«Одно вместо другого» (*лат.*), здесь: услуга за услугу.